

С Л А В Я Н И Н Ъ,
Военно-Литературный журналъ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Воейковымъ.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

1828.

№ XL.

Да помнитъ Славянинъ,
Что онъ наперсникъ славы,
Что онъ великихъ предковъ сынъ,
Которыхъ мечъ кровавый
И древле былъ прошивнымъ спрачь!
Друзья! ошцы предъ нами:
На шяхъ же мы цвѣшемъ поляхъ,
Подъ зѣмлемъ небесами,
Гдѣ чада славы разцвѣли!
Предъ нами шажъ дорога,
По коей дѣды прошекли
За Русь, Царя и Бога.

Жуковский.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Императорской Россійской
Академіи.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска
изъ Типографіи, представлено было въ Цен-
зурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. П. Б. Сентября 29-го дня 1828 года.

Цензоръ Иродіонъ Вѣтринскій.

С Л А В Я Н И Н Ъ.

Ч А С Т Ъ VII.

О Т Д Ъ Л Е Н І Е П Е Р В О Е,

В О Е Н Н О Е.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

В О Е Н Н О Е.

О СОСТОЯНІИ МОРСКИХЪ СИЛЪ СОЕДИНЕННЫХЪ
АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТОВЪ, ВЪ 1827 ГОДУ.

(Изъ Авглійскаго Журвала Quaterly Review.)

Въ прошломъ 1827 году, появились въ Лондонѣ два новыя сочиненія о Соединенныхъ Штатахъ. Одно изъ нихъ, именно то, изъ коего ниже сего слѣдуетъ извлеченіе, кажется, принадлежишь къ опытамъ молодого Автора, *Г. Руса* (Roos), Лейтенанта Великобританскаго флота. Книга, изданная имъ въ свѣтъ, есть только часть того, что у него хранился въ рукописи: ибо опасаясь грозы Критики, онъ не желаетъ подвергнуть ей вдругъ все свои произведенія. Какъ бы то ни было, но не большая сія книжка заслуживаетъ благосклонный пріемъ: ибо содержишь въ себѣ такіе предметы, кои до сего времени были еще неизвѣсны.

Военный флотъ Соединенныхъ Штатовъ состоишь нынѣ изъ двѣнадцати линейныхъ

кораблей, столькихъ же фрегатовъ, десяти шлюповъ и нѣсколькихъ мѣлкихъ судовъ. Семь кораблей, полагаемые каждый о 74-хъ пушкахъ, но на коихъ въ самомъ дѣлѣ могутъ быть помѣщены 98 орудій, только что спущены на воду. Величина ихъ опредѣлена Конгрессомъ, и хотя бы управление морскихъ силъ потребоваало большей, то всѣ сіи предшавленія остануся безъ успѣха. При постройкѣ военныхъ кораблей и судовъ въ Американскихъ Штатахъ, должны быть вмѣстѣ выполнены два условія: съ одной стороны строгая экономія, предписываемая Конгрессомъ, а съ другой величина ихъ не должна слишкомъ уступать размѣру Европейскихъ кораблей. Для достиженія сей цѣли, Американцы прибѣгаютъ къ патристическому обману, состоящему въ томъ, что корабли, называемые 74 пушечными, могутъ помѣщать до 100 орудій, а нѣкоторые, какъ на примѣръ Пенсильванія, опличаются даже своею огромностію. Равномѣрно и фрегаты построены такимъ образомъ, что могутъ быть вооружены сильнѣйшею артиллеріею, нежели можно заключать по ихъ размѣру, такъ что изъ нихъ, полагаемые въ 44 пушки, дѣйствительно имѣютъ оныхъ до 60.

Американцы считаютъ *Пенсильванію* величайшимъ кораблемъ въ мірѣ: онъ только одинъ въ цѣломъ Государствѣ Соединенныхъ Штатовъ имѣетъ при дека. Размѣръ его слѣдующій: длина верхняго дека 206 фуш. 5 дюймовъ, кила 187 фуш. 8 дюйм., средняго бимса 55 фуш. 4 дюйма; а грузъ 3.000 тонновъ.

Колоссъ сей равняется величиною съ Французскимъ кораблемъ *Commerce de Marseille*, взятымъ нами въ Тулонъ: хотя сей послѣдній былъ тогда совершенно новъ и проченъ; но при первомъ сильномъ встрѣ получилъ переломъ и потерялъ красивый свой видъ. Сомнительно, чтобы *Пенсильванія*, былъ въ состояннн пробыть въ морѣ при мѣсяца сряду: ибо подобныя спроенн, долженствующн служнть на водѣ, имѣющн, подобно тѣлу человеческому свои предѣлы, за которые переходнть не должно. Надобно умѣть соединять вмѣстѣ силу, движимость и прочность, а иначе, при излишней огромности корабля, цѣль его построения не будетъ достигнута.

Если положишь даже, что сила *Пенсильванн* соразмѣрна съ его огромностью: то не уже ли Англійскнй флотъ не заключаешъ въ себѣ нѣсколькнхъ кораблей такихъ, кои бы могли поравняться съ симъ колоссомъ? На сей вопросъ, конечно явятся со всѣхъ сторонъ самые удовлетворительные отвѣты, но мы ограничимся приведеннѣмъ въ примѣръ только одного изъ нашихъ лучшихъ линейныхъ кораблей, именно *Каледонн*. Онъ, безъ сомннн, менѣе *Пенсильванн*; согласимся даже и въ томъ, что ходъ его не очень быстръ, но со всѣмъ тѣмъ, мы смѣло можемъ утверждать, что ни одинъ Англійскнй Капитанъ, который будетъ онымъ командовать, не пропустишь случая подраться съ Американскимъ исполинѣмъ. Для сравненнн сихъ двухъ кораблей достаточнѣе будетъ показать, что *Каледонн*

короче 14 фузами і дюймоуб; уже 4 фузами, 8 дюймами и можешъ помѣститишь только 130 орудій. Подобныхъ сему кораблей, можно насчиташъ въ нашемъ флотѣ болѣе десяти и, если бы ихъ прошивопоставилиъ Американскимъ, то безъ сомнѣнія пройной рядѣ ихъ батарей, произведешъ большее дѣйствіе, нежели корабли о двухъ декахъ. Впрочемъ, другія выгоды высокихъ бортовъ, кои могутъ командовать низкими, уже извѣстны.

Нѣкоторые возражали, что Англійскіе корабли первыхъ двухъ ранговъ имѣютъ пушки не болѣе 36 фунтоваго калибра; на Американскихъ же находящя 44 фунтовыя. По сему, не излишнимъ будетъ, если мы разсмотримъ, сопряжена ли полза съ вѣсомъ снарядовъ. Конечно, удары ошъ ядеръ большаго калибра, производяшъ и большее дѣйствіе, но за то сія выгода покупается на счетъ вѣрности выстрѣловъ и числа оныхъ. Чѣмъ больше орудія, тѣмъ и управленіе оными спановится затруднительнѣе: ибо пребуя болѣе людей и мѣста, они принуждаютъ уменьшашъ и число пушекъ. Извѣстно изъ опытовъ, что въ то время какъ 24 фунтовоѣ орудіе сдѣлаешъ при выстрѣла, 32 фунтовоѣ произведешъ оныхъ только два. Что же касается до дѣйствія ядеръ въ корабль, то оное зависитъ не сполько ошъ вѣса снаряда, сколько ошъ его діаметра, или лучше сказашъ ошъ величины пробоины. Если примемъ въ разсмотрѣніе ядра двухъ разныхъ калибровъ, напримѣръ 32 и 42 фунтовыя, то увидимъ, что вѣсѣ ихъ не про-

порціоналенъ отверстіямъ, кои они могутъ произвести: послѣднія бывають почти равны и содержатся между собою какъ 32 и 35.

Поперечникъ 32 фунтоваго ядра превосходитъ діаметръ 24 фунтоваго только однимъ полудюймовъ; къ сему должно присовокупить, что дѣйствія того и другаго соопвѣствуютъ половинамъ ихъ радіусовъ. Вѣроятно, естъ калибръ такой мѣры, что одного боеваго выстрѣла достаточно для испребленія цѣлаго корабля, и, если не ошибаемся, по Французы сдѣлали нѣсколько опытовъ надъ дѣйствіемъ сихъ неупотребительныхъ снарядовъ. Говорятъ также, что и Американцы хотѣли ввести у себя огромныя орудія, названныя ими *Коломбіадами*, коихъ ядро должно вѣсить 100, а снарядъ съ пустою — отъ 30 до 40 фунтовъ. — Они полагаютъ, что направивъ изъ оныхъ выстрѣлы нѣсколько ниже вадеръ-линіи непріятельскихъ кораблей, можно подвергнуть сіи послѣдніе опасности взлетѣть на воздухъ или произвести въ нихъ сильнѣйшую печь. Введеніе подобныхъ орудій, равно какъ и *Тарледосовъ*, послужило бы къ стыду столь образованныхъ Государствъ, каковы: Англія и области Сѣверной Америки. Мы не безъ причины привели здѣсь сіи замѣчанія. Извѣстно, что *Г. Перкинсъ* старается, чтобы Американцы ввели у себя въ употребленіе его паровыя орудія, не принятыя въ Англіи, и о коихъ *Лордъ Экмочтъ* и *Сиръ Джоржъ Кокборнъ* опозвались не весьма выгодно. Для Соединенныхъ Штатовъ кажется не бесполезно будетъ, если *Г. Рошъ*

(Rush) представилъ своимъ соопечеснвенникамъ описаніе щеславнаго опыта , произведеннаго Г. *Перкинсомъ* въ присушствіи иноснранныхъ Миниспровъ и какимъ образомъ принятъ оный нашими опыннбйшими мореходцами. Но всего важнбе будетъ , если мы напомнимъ нашимъ прежнимъ соопчичамъ , что они прибгали къ хипроспямъ , вовсе ихъ недостойнымъ. Для примбра, приведемъ здбсь слбдующій случай, спонвшій жизни нбсколькимъ матросамъ корабля , коимъ командовалъ Капшанъ *Томась Гарди*, во время крейсертва около Нью Йорка. — Однажды у сего мбста показалось подъ берегамъ судно, коего палуба была совершенно покрыта зеленю. — *Гарди* отправилъ шлюпку для взятія сего судна. По приближеніи шлюпки, экипажъ онаго перебрался на лодку и такимъ образомъ спасся ; люди наши взошли на палубу и черезъ нбскольکو минутъ всб взлстбли на воздухъ. — Открылось , что весь декъ былъ усыпанъ порокомъ , а сверху покрытъ зеленю. Сей постыдннй поступокъ спонилъ жизни пяти или шести человекамъ.

Въ продолженіе послбдней войны, нбскольکو нашихъ фрегативъ были взяты Американцами. Неудачи сіи были столь необыкновенны для нашихъ моряковъ , что поколебали общее мнбніе: всб начали опасаться , что наша морская сила приходитъ въ упадокъ. Американцы сб своей стороны спарались поддерживать сіи опасенія, но наши думали иначе. Въ самомъ дблб , ни одно изъ произшествій послбдней войны не могло подасть повода ни къ

спраху для насъ, ни къ шоржеству для Американцевъ. Легковѣрные наши соотечественники, чиняя несправедливыя показанія виѣшнихъ и внушренныхъ враговъ Англїи,—ибо нѣшѣ сомнѣнїя, что множество находилсѣ и между нами, — не имѣли столько дальновидности, чтобы не вѣришь ложнымъ извѣстїямъ о силѣ непрїяшельскихъ фрегатовъ. Наши корабли и суда дѣйствительно соотвѣтствуютъ своему названїю; напрошивъ того, Американскїе имѣють болѣе пушекъ, почти вѣ половину длинѣе и заключають вѣ себѣ большее число экипажа, нежели Англїйскїе одного и того же размѣра. Далѣе, мѣжду нашими матросами находилось много неопытныхъ: ибо извѣстно, что во флотѣ также, какъ и вѣ сухопутныхъ войскахъ, послѣ продолжительной войны почти большая часть людей состоитъ изъ рекрутъ. Когда Американцы рѣшились объявить намъ войну, тогда ихъ шорговля была почти ничтожна, а морскїя силы оставались вѣ бездѣйствїи и могли бышь употреблены повсюду. Вѣ это время Англїйскїй флотъ заключалъ вѣ себѣ 145 т. человекъ, но изъ сего числа надлежало отдѣлишь часть для отправленїя шорговли, которая непрерывно возрастала отъ самой продажи военныхъ снарядовъ; число вооруженныхъ судовъ съ каждымъ днемъ увеличивалось; слѣдовательно, экипажи по необходимости должны были ограничиться числомъ людей, менѣе комплекснымъ; тогда какъ наши непрїатели помѣщали на свои корабли несравненно болѣе людей, нежели сколько потребно

было для управленія оными и для военныхъ дѣйствій. Послѣ сего, что должно подумашь о радостныхъ кликахъ Американцевъ и хваставшвѣ Г. Матиссона, по одержаніи надъ нами столь легкихъ побѣдъ: — Нѣтъ сомнѣнія, что два народа одного происхожденія, не уступаютъ другъ другу въ храбрости; но на войнѣ, много значитъ искусство и дисциплина. Разительнымъ доказательствомъ сего можетъ служить взятіе Американскаго фрегата *Shannon* нашимъ *Chesapeake*, послѣ боя, продолжавшагося только десять минутъ. Каждый выстрѣлъ, сдѣланный на первомъ, попадалъ въ неприятельскую корму и принудилъ Канонировъ ославить оную. Англійскій фрегатъ имѣлъ 330 человекъ экипажа, въ томъ числѣ 24 рекрута; а Американскій 391, изъ коихъ было только 7 рекрутъ. Грузъ перваго составлялъ 1.066, а послѣдняго 1.135 тоновъ. Если и случалось намъ быть побѣжденными; то превосходство силъ всегда было на сторонѣ неприятеля. Не должно удивляться, что фрегатъ *United-States* величиною въ 1.533 тона и съ 478 человекъ экипажа, овладѣлъ нашимъ *Macedonian* въ 1.081 тонѣ и только съ 292 чел. экипажа; въ числѣ ихъ было 22 рекрута. Фрегаты *Constitution* и *Java* имѣли также неравный бой; *Guerrière*, взятый Американскимъ *Constitution*, былъ еще слабѣе, нежели *Java*. Замѣчанія сіи относятся къ судамъ всякаго рода, даже къ шбмъ, кои находились на озерехъ. Это можно видѣть изъ свѣдѣній, собранныхъ покойнымъ Г. Джам-

солѣ (James), который ничего не щадилъ для собранія достовѣрныхъ свѣдѣній.

Необъятное пространство земли, занимаемой Сѣверо-Американскими Штатами, можетъ быть заселено только постепенно; по сему жилили сихъ спранъ, еще долго спанушъ упражняться въ земледѣліи; слѣдовательно, избытокъ ихъ естественныхъ произведеній, будетъ составлять важнѣйшій предметъ внѣшней торговли, нежели издѣлія фабрикъ. Республика не захочетъ заводить войну изъ честолюбія, и будетъ сохранять миръ съ сосѣдственными ей Государствами, до тѣхъ поръ, пока честь націи не принудитъ ее приняться за оружіе. По причинѣ дороговизны всѣхъ товаровъ, Правительство Соединенныхъ Штатовъ, принуждено наблюдать самую спрогую экономію. Для сравненія мы приведемъ здѣсь издержки, употребляемыя въ Америкѣ на поспроеніе судовъ. Тамъ линейный 74 пушечный корабль North-Carolina обошелся въ 343, 241 долларовъ или 1.851.000 франковъ, изъ коихъ около шреши употреблено на плату рабочникамъ, а оспальная сумма на покупку матеріаловъ. Въ Англіи же, 88 пушечный корабль Vengeance стоилъ только 61.000 фунш. сперлинговъ.

Расходы на содержаніе морскихъ силъ Соединенныхъ Штатовъ, почти равняющіяся издержкамъ, употребляемымъ на поспройку кораблей. Экипажъ корабля North-Caroline, при выходѣ онаго въ море, составлялъ болѣе 1.100

челов., полагая въ помѣ числѣ и Офицеровъ , въ Англии же на линейномъ кораблѣ перваго ранга, бываетъ не болѣе 900. Правительство Американское разорилось бы, еслибы оно принуждено было вооружить весь свой флотъ и содержать его долгое время на морѣ. Лейтенантъ Ручъ говорилъ о семъ слѣдующее :

„Ohio, 102 пушечный корабль о двухъ декахъ, принадлежишь къ числу лучшихъ спроеннй, когда либо мною видѣнныхъ. Все въ ономъ казалось мнѣ доведеннымъ до возможнаго совершенства, кромѣ одного управленія якорями, которое было нѣсколько запруднительно. Впрочемъ, судя по всему, можно заключать, что сей пышный корабль преданъ былъ въ жертву времени и воздушныхъ перемѣнъ ; никакихъ мѣръ, никакихъ предосторожностей не принято было для его сохраненія; не прошло семи лѣтъ со времени его постройки, какъ все уже предвѣщало близкое его разрушеніе. Сполнъ явное противорѣчіе между чуднымъ искусствомъ и невѣроятною безпечностью Правительства, сильно меня поразили. Я не зналъ, что о томъ подумаешь, и тогда только вышелъ изъ моего удивленія, когда открылось, что Ohio, принадлежишь къ числу тѣхъ образцовыхъ кораблей Американской работы, кои Правительство Соединенныхъ Штатовъ, строитъ съ особеннымъ стараніемъ для того только, чтобы возбудить въ иностранцахъ высокое о своемъ флотѣ мнѣніе. Корабли сіи бывають снабжены отборными мапрсами, начальство надъ оными ввѣряется

лучшимъ Офицерамъ, кои плавають по Средиземному морю съ шѣмъ полько, чшобы опличные ихъ маневры разнесли молву по всей Европѣ о совершенствѣ морской силы Американцевъ. Когда же корабли сіи возвращаются въ свои порты, то имѣютъ нужду въ значительныхъ починкахъ, кои весьма затрудняютъ Правительство: ибо оно еще не успроило у себя доковъ.“

Сколь ни правильны сіи замѣчанія; но намъ кажется, что они недостаточны для обнаруженія причинъ, кои побуждаютъ Правительство, не распочающее Государственныхъ доходовъ, посылать корабль перваго ранга съ 1.100 челов. отборныхъ людей, противъ небольшого числа Греческихъ миспикъ, вооруженныхъ не болѣе какъ двумя шести-фуншовыми пушками, и на коихъ находится полько до 20 чел. экипажа. Если прибавить къ сему, что въ 1826 году, наличное число морскаго войска Соединенныхъ Штатовъ состояло иполько изъ 4.268 челов., вмѣстѣ съ Офицерами; то мы увидимъ, что на одинъ корабль употреблена была четвертая часть сего числа. Издержки на содержание столь незначительнаго флота, ш. е. на его служиледей, корабли и морское управление составляли 4.222.952 доллара или 22.761.611 франковъ. Корабельный лѣсъ въ сѣверной Америкѣ весьма худой доброты и корабль, построенный изъ столь непрочнаго матеріала, скоро приходишь въ негодность. Для избѣжанія порчи, производимой сухою гнилью, — слѣдствія воздуха заключеннаго въ трюмъ, — Американ-

скіе мастера наполняютъ солью всѣ промежутки, оспающіеся между корабельными членами, и такимъ образомъ производятъ всегдашнюю сырость, сполько же вредную, какъ и то, что они отвращаютъ желаютъ. Способъ намъ извѣстный гораздо вѣрнѣе; это доказано на самомъ опытѣ и онъ не менѣе соли дѣйствителенъ противъ сухой гнили. Американцы приняли нашу круглую корму и систему *Сира-Роберта-Селлманса*, но членамъ своихъ кораблей даютъ большій размѣръ; слѣдовательно, самые корабли ихъ бывають онъ того нѣсколько ширѣ нашихъ.

Весьма многіе думаютъ, что дѣйствіе паровъ можетъ быть съ пользою употреблено въ морскихъ сраженіяхъ, но Правительство Англійское не прельстилось симъ новымъ изобрѣтеніемъ и не приняло онаго. Опыты, дѣланные до сего времени надъ парами, не предсказали еще ничего рѣшительнаго и не было случаевъ къ сравненію; какой изъ двухъ кораблей будетъ лучше дѣйствовать: управляемый парусами, или движимый силою паровъ? Неизвѣстно также, какую выгоду можешь доставить соединеніе сихъ двухъ родовъ мореплаванія. Если параходы въ самомъ дѣлѣ могутъ соотвѣтствовать пользѣ отъ нихъ ожидаемой: то кто выиграетъ болѣе Великобританіи, гдѣ желѣзо и каменный уголь добываются несравненно въ большемъ количествѣ, нежели въ другихъ Государствахъ, и гдѣ искусство устройствованія машины доведено до высочайшей степени совершенства.

Предъ окончаніемъ войны, объявленной Г. Матиссономъ Англии, общее вниманіе устремлено было на паровой фрегатъ Fulton, сію неодолимую крѣпость, которая не спрашась дѣйствія бомбъ и ядеръ, долженствовала бытъ достачочнымъ средствомъ для защиты Нью-Йоркскаго Порта и пошопляшь всѣ суда, кои бы покушались произвесити высадку на берегъ. На дѣлѣ вышло иначе и очарованіе исчезло.

Славный пароходъ сей служилъ теперь для самаго низкаго употребленія и со временемъ будещъ, можетъ бытъ, обращенъ въ шюрму для мапросовъ, набранныхъ силою; ибо, вѣроятно, дойдетъ до того, что Правительство Соединенныхъ Штатовъ прибѣгнетъ также къ сей мѣрѣ, если захочетъ употребить въ дѣло весь свой флотъ, даже не усиливая онаго.

До сихъ поръ говорили мы только о военныхъ пароходахъ, а не о простыхъ, отъ коихъ Американцы получили столько выгодъ. Впрочемъ, о сихъ послѣднихъ рассказываютъ чудеса, которымъ едва ли всякой повѣритъ.

Утверждаютъ, напримѣръ, что на Гудзоновой рѣкѣ, одинъ пароходъ, безъ помощи вѣтра, въ продолженіи пяти часовъ выдержалъ плаваніе на пространствѣ семнадцати миль (съ небольшимъ двадцать девять Россійскихъ верстъ) въ часъ. По нашему мнѣнію, сопровивленіе, поспавляемое водою, должно препятствовать такой скорости, по крайней мѣрѣ при плаваніи большихъ судовъ. Въ Англии пароходы, построенные самыми искусными

мастерами, коихъ машины работаны на Ватскомъ заводѣ, ходящъ въ часъ не болѣе девяти миль. Единственное судно сего рода, бывшее изъ Америки въ Европу, во время плаванія своего пакъ было повреждено, что уже не было въ состоянїи опважиться на второе путешествіе,

Ни одна изъ гаваней восточнаго берега Соединенныхъ Штатовъ неудобна для поспроенія корабельныхъ доковъ: ибо опливъ моря всегда бы осушалъ оныя, а какъ во время прилива вода поднимается не довольно высоко, то и надлежало придумать средство удобное къ выпаскиванію судовъ, пребующихъ починки, на берегъ, что весьма опасно для большихъ кораблей. Командоръ *Портеръ* (Porter) изобрѣлъ для сего родъ саней, названныхъ имъ *наклонною плоскостію*. *Г. Русъ* видѣлъ сей снарядъ въ Вашингтонѣ. Тамъ, шестидесяти пушечный фрегатъ *Роломак* былъ прикрѣпленъ къ симъ санямъ качашами и подпорами. По описанію сего Офицера, сія наклонная плоскость была недовольно тверда; она погнулась назадъ и сомнительно, чтобы въ другой разъ могла быть упошреблена въ дѣло, по крайней мѣрѣ, безъ большихъ починокъ. Необходимость въ докахъ была весьма очевидна. Президентъ предложилъ на Конгрессѣ, устроить оныя въ главныхъ мѣстахъ морскаго управленія Штатовъ. Изъ составленной для сего смѣшны видно, что всякаго рода поспройки въ Соединенныхъ Штатахъ, обходящяся гораздо дороже, нежели въ Англии. Доки сіи предполагаютъ устроить

въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1-й въ Портсмутѣ; 2-й въ Чарлестанѣ, что въ Машаммосетѣ, для Боспонскаго Порта; 3-й въ Бруклейнѣ близъ Нью-Йорка; 4-й въ Вашингтонѣ близъ Филадельфи; 5-й въ Госпортѣ и Норфолькѣ, (Норфолькскій докъ назначенъ для малыхъ судовъ) и наконецъ 6-й въ Пензаколѣ; но постройка послѣдняго едва ли состоится, по причинѣ нездороваго климата сего мѣста.

Кажется, что Соединенные Штаты рѣшились завести у себя такой флотъ, который бы не только заставилъ уважать свой флагъ, но былъ бы дѣйствительно силенъ и могъ повровительствовать народной торговлѣ, имѣющей нужду въ безопасности. Предпріятіе сіе можно назвать великимъ и похвальнымъ, но прежде, нежели цѣль сія будетъ достигнута, должно преодолѣть множество препятствій и рѣшиться на весьма значительныя денежныя пожертвованія. Настоящее положеніе морской силы Соединенныхъ Штатовъ усматривается изъ послѣдняго донесенія, представленнаго по сей часѣи ихъ Президенту. Донесеніе сіе конечно справедливо, но совсѣмъ неуѣшительно. Оно представляетъ весьма мрачную картину нынѣшняго состоянія вещественной части флота и, что всего замѣчательнѣе, содержишь въ себѣ жалобы на худое употребленіе суммъ, опредѣляемыхъ для морскаго вѣдомства; на непостоянство проектовъ и на перемѣны, сдѣланныя въ оныхъ совершенно напрасно. Матеріалы гибнуть, — говорится въ донесеніи, — ибо недостаетъ рукъ

для ихъ обработанія; претъ суммы, назначенной на построение доковъ, издержана безъ всякой пользы. Необходимость требуетъ сдѣлать по сему предмету нѣкоторыя перемѣны, разсмотрѣвъ снова морской Уставъ, ввести послѣдныя правила для руководства въ управленіи флотомъ, и учредить морскую школу. Только въ семъ случаѣ можно будетъ ожидать порядка и какой-либо пользы для Государства.

Въ самомъ дѣлѣ, непонятно, какъ Американцы не подумали до сихъ поръ о заведеніи у себя морскаго училища, тогда какъ съ такимъ успѣхомъ умѣли устроить военную школу. Не менѣе того удивительно, что искусные и ученые Офицеры Американскаго флота сомнѣваются въ пользѣ подобнаго заведенія. Человѣкъ, посвящающій себя морской службѣ, — говорятъ они, — долженъ вступать въ оную одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ отъ роду; если онъ проведетъ два или три года въ школѣ, то присвоитъ себѣ такія привычки, которыя несвойственны званію моряка, а если дѣйствительно достигнетъ степени Офицера: то забудетъ все, что преподавали ему въ училищѣ. Опытнѣйшіе изъ Офицеровъ нашего флота полагаютъ, что морская школа должна быть непременно на кораблѣ, а не на сухомъ пуши, подобно спранному Французскому училищу, устроенному въ Ангулемѣ, въ тридцати или сорока миляхъ отъ моря; но вмѣстѣ съ симъ они полагаютъ, что молодые люди, приготавлиющіеся къ морской службѣ, должны

учиться нужнымъ въ оной наукамъ у отличныхъ Профессоровъ и получать наилучшее воспитаніе.

Долго было разсуждаемо о приложеніи Машематики къ мореходству: старались посредствомъ вычисленія найти самую приличную фигуру для корабля, опредѣлишь условія его прочности и скорости хода. Но сохраняя все уваженіе къ геніямъ, каковы были: *Бусерь*, *Бернулли*, *Эйлеръ* и *Донъ-Жоржъ-Жуанъ*, и отдавая должную дань удивленія ихъ ученымъ теоріямъ, не лзя не упомянуть, что всѣ они, кромѣ послѣдняго, разсматривавшаго корабль, какъ тѣло подверженное колебанію воды, оставили вышеозначенные вопросы безъ разрѣшенія. Судя по опытамъ, мы не думаемъ, чтобы опытъ кораблестроителя преобладалъ знаніе всѣхъ тѣхъ вычисленій, кои преобладаютъ при опредѣленіи фигуры корабельнаго корпуса. Новѣйшія наблюденія еще болѣе оправдываютъ наше мнѣніе. У насъ были два Капитана вовсе не ученые, но строили самыя большіе корабли съ отличнымъ успѣхомъ; одинъ изъ нихъ не умѣлъ даже провести прямой линіи; *Сиръ-Робертъ-Серлингъ* не имѣлъ другихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, кои приобретаються наблюденіемъ и опытностію. Сіи неученые люди дѣйствовали по своему и строили корабли какъ не лзя лучше. Профессоръ *Илменъ* съ величайшею точностію дѣлаеть чертежи, основанные на самыхъ вѣрныхъ вычисленіяхъ; строеніе соотвѣтствуетъ вполне совершенству проэкта. Два корабля, сдѣланные по симъ чертежамъ,

подвергнушы были испытанію, и судьи не смѣли произнести приговора, не видя никакой разности между обоими соперниками. Адмиралъ, бывший свидѣтелемъ всѣхъ опытовъ, произведенныхъ надъ сими кораблями, удивлялся точности, съ какою исполненіе соопвѣтствовало начертанію, и не могъ рѣшить, кому изъ строителей отдашь преимущество. Изъ сего примѣра и многихъ ему подобныхъ, мы вѣрнѣе заключаемъ, что искусства могутъ быть доведены до совершенства прилѣжаніемъ и наблюдательностію тѣхъ, кои оными занимаются, опнудь не прибѣгая къ ученымъ теоріямъ. Если приведемъ на память, что покойный *Вилліамъ Рюль* (Rule), привыкшій *лѣзть все на свой аршинъ*, сдѣлалъ чершежъ и произвелъ постройку корабля *Каледоніи*, красивымъ своимъ видомъ и прочностію безъ сомнѣнія превосходящаго корабля всѣхъ націй, то едва ли не перестанемъ вѣрнѣе пользы отвлеченныхъ наукъ и важности, какую приписываютъ онымъ, люди имъ предающіеся. *Г. Русъ* также сего мнѣнія, хотя и не объявляетъ онаго: ибо превосходство кораблестроенія у Американцевъ, сколько его поразило, вѣроятно, не зависитъ отъ алгебраическихъ формулъ. По замѣчаніямъ сего Офицера, такое же совершенство въ отдѣлкѣ, замѣчено не только между военными, но и между купеческими судами. Въ строеніи сихъ послѣднихъ, Американцы, равно какъ и Европейцы, не употребляютъ никакихъ Математическихъ вычисленій, а всѣ работы свои производятъ по глазомѣру.

Всѣми признано, что Французы обладаютъ въ высшей степени искусствомъ кораблестроенія. Члены ихъ судовъ выдѣляются по самымъ отличнымъ лекаламъ; постановленіе мачтъ, равно какъ оснастка, оныхъ, доведены до такого же совершенства; но при всѣхъ сихъ качествахъ, они весьма рѣдко достигаютъ до того, чтобы корабли ихъ могли быть образцовыми. Впрочемъ, если два корабля и совершенно сходны въ своихъ частяхъ, то возможно ли, чтобы таковое же равенство существовало между ихъ нагрузкою, ихъ Командирами и служителями! Вопросы сего рода несравненно труднѣе и многосложнѣе, нежели каковыми кажутся они съ перваго взгляда.

Ч А С Т Ь VIII.

Опідвленіе вшорое,

С Л О В Е С Н О С Т Ь.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

На день коронаванія
Его Величества Государя Императора
НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА,
22-го Августа 1828-го (*).

Давно ль нашъ Царь пріялъ наследшвенный вѣнецъ
И съ нимъ тяжелое правленья бремя,
А сколько добраго Онъ сдѣлалъ въ это время!
Нѣтъ, право, Царь нашъ намъ Ошецъ!
Трепещущъ вышніе враги ошь грома,
Который Онъ бросаешь въ нихъ,
И смощришь между шѣмъ, что дѣлается дома:
И хитрыхъ обуздаль и злыхъ.
Заслуги истинно по Царски награждаешь,
А самовольничашь не допускаешь.
Идешь Онъ по слѣдамъ Великаго Петра.
Для насъ, для нашихъ чадъ и день и ночь трудится.
Ну какъ же за Царя шакого не молишься?
Дай Госноди Ему добра
И мвоѣи лѣша
Для блага Россіянъ, для блага полусвѣша!
Ура, Царь Николай, ура!

(*) Числаны въ Архангельскѣ, за обѣденнымъ столомъ
у Г. Генералъ - Губернатора.

ГРАФУ ЭРИВАНСКОМУ.

(По прочтении извѣстія объ одержанной имъ побѣдѣ при г. Карсѣ).

Проснись въ глуши пубынной, Лира,
 Скропленная пѣвца слезой!
 Но не для вялыхъ пѣсень мира...
 Звучи мнѣ рашною грозой!
 Живѣ персы подѣ спрунами!
 Я вижу Русскія поля;
 Моя родимая земля
 Чужими шопшана ногами.
 Горящъ, пущѣющъ города,
 И лѣсъ — бездомныхъ спалъ обипель;
 Идешь, — какъ спрашная бѣда,
 Порядковъ древнихъ разрушитель;
 Идешь — за нимъ, во слѣдѣ, Цари;
 Онъ сжалъ предѣловъ нашихъ рамы;
 Хулы колеблящъ алшары
 И кони ломящся во храмы!
 Враги, какъ движущійся лѣсъ!
 Нависъ надъ ними край небесъ,
 Какъ въ кровь обмоченныя шканы;
 Ихъ пушь — средѣ заревъ и пыланій:
 Ихъ длиннымъ рашямъ вѣшь числа...
 Но въ прахъ Россія не слегла:
 Кипѣли за боями бои:
 Росли и славились герои,
 И кто въ рѣшишельномъ бою,
 На Бородинской сѣчѣ спрашвой

Какъ вихорь, въ схваткѣ рукопашной?
 Тебя, нашъ Вишлязь узнаю:
 Ты, пылкій, юный, передъ нами
 Прошелъ, подъ *Вязьмой* сквозь пожаръ
 И смѣло, взвѣявъ знаменами, (1)
 Съ привычными къ шебѣ полками:
 Свершилъ рупительный ударъ
 На свѣжныхъ *Красенскихъ* долинахъ.
 Такъ! въ памяти души моей,
 Въ мечсахъ о славѣ прежнихъ дней,
 Въ незабываемыхъ картинахъ
 Войны, за право бышя,
 Тебя Героемъ вижу я!
 И се! ты *Персовъ* побѣдился!
 И *Араратъ* и *Аллагеэзъ*,
 Досступный нашимъ, вынѣ зршеля
 Твоихъ воинственныхъ чудесь.
 Съ побой край дальній Туркомановъ
 Спознаешь Русскій въ первый разъ.

-
- (1) Въ вечеру 6-го Ноября 1812 года, послѣ знаменишаго сраженія при городѣ *Красномъ*, когда собирались писать реллицію, Графъ М. А. *Милорадовичъ*, припоминающая главныя чершты боя, сказала: „Надобно помѣшпшь въ реллици, слѣдующее. Маршалъ *Ней*, посшавленный въ опшчаяное положеніе, опшважился было пробивашься сквозь нашу линію: колонны его храбро пошли въ шшыки. Тушъ надлежало рѣшпшь, предъ лицомъ Европы, чья пѣхоша превосходитѣ: Французская или наша? . . Я предоставилъ рѣшпшь сіе Гералу *Паскевичу*. Развернувъ знамена, съ барабаннымъ боемъ, рѣзвымъ шагомъ, повелъ окъ свою дивизию въ шшыки—и мы увидѣли совершенное пораженіе непріяшеля.“

Дрожатъ заслоны Опшомановъ:
 И вошь уже шрех-спѣвный *Карсъ* —
 Своею рашью обшочая,
 Придя, узрѣлъ—и половилъ;
 И въ зыбкой влагѣ *Арпата*
 Коней придонскихъ напоилъ! . . .
 Ахъ еслибъ, какъ въ былыя лѣша,
 Опять я въ полѣ былъ съ шобой:
 Во мнѣ зажегсябъ даръ Поэша
 Какъ зажигаешь жаркій бой
 Твоей десницы мановеньс. . .
 Былабъ опъ чувства пѣсня педла;
 И въ поздній родъ дошло бы пѣнье
 Преслѣдуя швои дѣла. . .
 Но я, пѣвецъ осирошѣлой,
 Въ пусшыняхъ Сѣвера грущу.
 И, въ памяти моей спемнѣлой,
 Минувшихъ дѣлъ я бившъ ищу. . .
 Такъ на водахъ лѣсной Карелы
 Пораненъ мѣшкою рукой,
 Сидишь, въ раздумьѣ, лебедь бѣлый
 Съ своей болѣзненной лоской:
 Уже на высахъ зашумѣли
 Знакомыхъ оклики дружинъ:
 Онѣ взвились и полешѣли,
 А онъ, въ дусшынѣ, все одинъ! . . .

Θ. Глинка.

Городъ П — къ, 1848, Юля 25.

КЪ ЭММѢ.

Ты вдали, шы скрышо мглою
 Счаспье милой спаривы,
 Неприсшупною звѣздою
 Ты сіяешь съ вышины!
 Ахъ! звѣзды не приманишь!
 Счаспью бывшему не бышь!

Еслибъ жадною рукою
 Смершь шебя ошь насъ взяла,
 Ты была бъ моею шоскою,
 Въ сердцѣ все бы шы жила!
 Ты живешь въ сіяньи дня,
 Ты живешь не для меня.

То, что насъ одушевляло
 Эмма, какъ шо пережишь?
 Эмма, шо, что миновало,
 Какъ шому любовью бышь?
 Небомъ въ сердцѣ зажжено
 Умираешъ ли оно?

Ж.

С М Ъ С Ь.

Ошповѣдь Г. *Вамлирову* о помѣ, что двѣспвишельно въ Но XV, на стр. 138 *Сѣвернаго Архива* 1823 года, было напечатано о взятіи въ прошедшую войну Шумлы.

„Поддѣли меня *Булгарина* Гг. Рецензенты: моя *описка* произвела опечатку, кошорой я досель не замѣшилъ. Винавашь въ опискѣ и въ опечаткѣ!“

Прибавленіе къ С. О. 1825 года, стр. 64.

Теперь наша очередь извиниться въ *опискѣ* и въ *опечаткѣ*! На страницѣ 371, 5-я строка сверху, въ 38-й книжкѣ *Славянина* выславленъ 1824, вмѣсто 1823 года. За то мы и поспрадали, за эту вину свою и наказаны жестоко: ибо должны были прочесть поллиста печатныхъ Г. *Вамлирова*. Издашель *Московского Телеграфа* давно сказаль (1825, Но XIII, стр. 45): „Надобно ли защищать Сѣверный Архивъ — какъ грибъ какой явишся посторонній защитникъ! Издашель онаго смиренно признаётся, что не лзя опказашь въ помѣщеніи спашьи, а эта спашья—хвалебная пѣснь Издашелю, гдѣ онъ превозносится выше всѣхъ, и гдѣ часно находяшся подробные реэстры спашьямъ Журнала, и проч.“—

И теперь повшореніе одного и того же, и теперь какой-то Г. *Вамлировъ* выбхаль въ поле переломить копые за честь Сѣвернаго Архива и Шумлы. Онъ ужасно разгнѣвался на Издаше-

ля *Славянина*, наговорилъ, накричалъ—и все это за описку, или за опечатку. Вотъ путь-то повѣришь пословицѣ: *отъ колѣтной свѣтлы Москва загорѣлась* и другой:

Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus.

Въ огромномъ полемическомъ прибавленіи къ No 115 Сѣверной Пчелы, *Г. Вамлирову* хотѣлось пощеголять спаринными шутками; но не въ попадѣ: шеперь уже онѣ не смѣшны. Все хорошо въ свое время, да къ тому же: *a beau rige, qui rira le dѣrnier.*

Пусть же онѣ заглянемъ въ No XV Сѣв. Архива 1823 года, на страницу 138, строку сверху 22, а снизу 9: онѣ удостовѣрится, что не ему послѣднему смѣяться судьба предоставила, что *Гадая Венедиктовита* поддѣли, и что вопреки *Г. Грегю*, который сказалъ (С. О. 1825, No 11): „*Ловкаго моего товарища трудно поймать*“—онѣ пойманъ!

Четвертое оспрое слово *Н. И. Грегя*.

Не смотря на продолжающуюся войну между *Сыномъ Отечества*, *Сѣвернымъ Архивомъ* и *Сѣв. Пчелою* съ одной, и *Славяниномъ* съ другой стороны; не смотря на *Г. Вамлирова*, мы любимъ отдавать справедливоснь храброси и уму нашихъ прошивниковъ.

Такъ въ XXX книжкѣ нашего Журнала мы подробно, обстоятельно, съ достодожною почностью и подобающею вѣрностью — исчи-

слили два острых слова, кои въ разные эпохи излились изъ устъ Н. И. Греча, присовокупивъ къ тому, что въ разныхъ книжкахъ его С. О. имѣется еще до четырехъ, въ продолженіе семнадцати лѣтъ имъ вымолвленныхъ.

Въ XXXII книжкѣ помѣстили мы третье слово Николая Ивановича.

Между тѣмъ, вспомнили мы его четвертое остроумное изрѣченіе и печатаемъ его здѣсь сломанно. Оно находится въ одной Библиографической статьѣ С. О.

„Igor, poëme héroïque, traduit du Russe, suivi de deux ballades, traduites de Joukowsky, avec le texte de ces trois poëmes, et des poësies diverses, corrigées et augmentées, par N. Blanchard. Игорь, поэма героическая, переводъ съ Русскаго, съ присовокупленіемъ двухъ балладъ, взятыхъ изъ Жуковскаго, съ Россійскимъ подлинникомъ и разныхъ стихотвореній, Н. Бланшардомъ.

„Г. Переводчикъ въ предисловіи написалъ : „Особы которыя будутъ читать подлинникъ; „увидятъ, сколь трудно было мнѣ переводить „его въ стихи и, надѣюсь, простятъ украшенности и перифразы, которыхъ причина была „шемный смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ, или чи- „сло собственныхъ именъ.“ — Охотно прощаемъ, говоритъ Н. И. Грекъ; но съ условіемъ, чтобъ это было въ первый и послѣдній разъ!—

Нѣсколько словъ о книгахъ, содержащихъ въ себѣ описаніе Молдавіи и Валахіи.

Въ Юльской книжкѣ *Московского Телеграфа*, полученной здѣсь въ С. Петербургѣ 27 Сентября, напечатано Историческо-Статистическое обзорѣніе Молдавіи и Валахіи, взятое Издашелемъ изъ *Blackwoods' Magazine*. На второй страницѣ онаго находимъ, что Кайнарджскій миръ подписанъ 10-го Юля 1775 года. Не уже ли до *Г. Полеваго* не дошло, что сей славный миръ подписаць Генераль-Фельдмаршаломъ Графомъ *Румянцовымъ* и Великимъ Визиремъ—10-го Юля 1774 года? Объ этомъ 53 года печатается въ Санктпетербургскомъ Академическомъ Календарѣ! Эша неосмотрительность, въ своемъ родѣ, можетъ спастъ на ряду съ нотой о Турецкихъ и Персидскихъ дѣлахъ, которая по мнѣнію *Г. Полеваго* подана Императрицѣ *Екатеринѣ* въ 1728, т. е. два года спустя послѣ ея кончины и въ Царствованіе Императора *Петра II*.

Но это не главное. Важная погрѣшность, замѣченная нами при самомъ началѣ сей спашьи, позволено думать, что это не единственная и не самая грубая. Стоило ли же труда переводить оную? Если пошло на похвальбу: то у насъ и своихъ ошибочныхъ сочиненій о сихъ Княжествахъ множество.

Приведу въ примѣръ: *Путешествіе по Молдавіи и Валахіи П. П. Свиньина*. У него: 1) рѣка *Сереть* впадаетъ въ *Пруть*, а въ самомъ дѣлѣ—въ *Дунай*; 2) селеніе *Рябая Могила* подвинуша

на сто верстѣ; 3) Императрица *Екатерина I* изъ лагеря на Прути отправила къ Великому Визирю съ письмомъ Барона Петра Ивановича *Шафирова*, а *Свиньинъ* послалъ *Шеллева*; 4) Государь *Петръ Великій* уполномочилъ *Шафирова* уступить Шведамъ *Исковъ*, а *Г. Свиньинъ* и *Новгородъ* (1).

О модныхъ картинкахъ Московскаго Телеграфа.

На картинкѣ модѣ, къ той же книжкѣ приложенной, написано: *Въ Парижѣ 31 Августа (новаго стила) 1828 года. Мы душевно радуемся, что искреннія наши замѣчанія Издашело Московскаго Телеграфа идушъ въ дѣло. Уже прежде сего онѣ, по нашимъ же замѣчаніямъ въ Славянинѣ напечатаннымъ, исправилъ съ полдюжины разныхъ погрѣшностей. Это ободряетъ насъ и впередъ служишь ему нашими совѣтами. О, еслибъ онѣ внялъ имъ и изгладилъ съ лица земли одну большую, жалкую ошибку свою, извѣстную подъ названіемъ: Рѣчь о невестественномъ капиталѣ!*

(1) Л. Л. 1825 года, изд. Г. Булгаринымъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

ВЗЯТІЕ ГАДЖИБЕЯ, ВЪ 1789 Г.

Турецкій походъ 1789 года былъ ознаменованъ многими блистательными успѣхами Россійскаго оружія. Побѣды при Фокшанахъ и Рымникѣ и покореніе Бендеръ, были конечно важнѣйшими изъ подвиговъ Россійскаго войска, но ни одинъ изъ оныхъ, если судить по послѣдствіямъ, не принесъ Россіи столько существенныхъ выгодъ, какъ покореніе Гаджибея.

Фельдмаршалъ *Потемкинъ*, начальствовавшій Екашеринославскою и Украинскою Арміями. Предвидя, что Турки не осмѣляшся сдѣлать важнаго покушенія на Очаковъ, поручилъ онъ въ исходъ Августа 1789 года Генералъ - Поручику *И. В. Гудовицу*, занимавшему сію новопокоренную крѣпость, съ частію своихъ войскъ учинить поискъ на Гаджибей, откуда Турецкія суда вывозили весьма значительное количество хлѣба для Константинополя.

Гаджибей былъ тогда небольшое и бѣдное мѣстечко на берегу Чернаго моря, между Ак-

керманомъ и Очаковымъ. Вся защита его состояла въ высокой стѣнѣ безъ рва, двѣнадцати пушкахъ и прехъ стахъ человѣкахъ гарнизона. Нѣсколько домовъ и землянокъ внутри, и еще меньшее число оныхъ, разбѣянныхъ по окрестности, составляли все его населеніе; оврагъ по Сѣверо-Западную сторону онаго и небольшой редутъ впереди сего послѣдняго, служили внѣшними оборонительными средствами, на кои надѣялись Турки въ случаѣ непріятельскаго нападенія. Если судить по сему простому описанію, то взятіе Гаджибея не представляется дѣломъ большой важности, но въ самой сущности, оно было важно: ибо должно было совершаться въ виду и подъ пушками непріятельскаго флота, стоявшаго въ недалекомъ разстояніи отъ берега.

Войска, назначенныя въ Гаджибейскую Экспедицію, состояли изъ Николаевскаго гренадерскаго баталіона, Таврическаго гренадерскаго полка, двухъ сводныхъ пѣхотныхъ, двухъ легкоконныхъ и шести Черноморскихъ Козачьихъ полковъ. Изъ сихъ послѣднихъ три были пѣшіе. Авангардомъ сего отряда командовалъ Генераль-Маіоръ *Рибасъ*, бывший въ послѣдствіи Адмираломъ.

Генераль *Гудовигъ* выступилъ изъ Очакова 3-го Сентября. Походъ его совершался въ величайшей тишинѣ и всегда ночью. Днемъ войско скрывалось въ кустарникахъ. Такая осторожность была необходима, ибо силы Турокъ въ Гаджибей и на морѣ не были извѣстны; еслибъ малочисленность первыхъ и позволяла

атаковать крепость: по нападеніе сіе должно-
ствовало совершиться внезапно и быстро,
иначе оно могло быть слишкомъ преждевре-
менно замѣчено съ флота.

Генералъ-Маіоръ *Рибасъ*, съ шестью Козачь-
ями полками при шести ихъ пушкахъ, при-
былъ въ ночь на 12-е Сентября къ перешейку,
лежащему между моремъ и долиною, называе-
мою Куяльниками. *Рибасъ* выслалъ впередъ для
высмотрѣнія непріятельскихъ силъ сотню
Козаковъ, кои возвращаясь донесли, что видѣли
въ морѣ до сорока Турецкихъ судовъ разной ве-
личины, въ помѣ числѣ двѣ большія шебеки, и
что сверхъ сего придесять при лансона
стоятъ близъ берега на якорѣ.

При началѣ Экспедиціи, между Генералами
Гудосителемъ и *Рибасомъ* и Кониръ - Адмираломъ
Графомъ *Войновителемъ*, командовавшимъ эскадрою
Черноморскаго флота, было положено, чтобы
первымъ двумъ атаковать Гаджибей съ сухаго
пути, а послѣднему съ моря, но когда *Рибасъ*
увидалъ, что нападеніе можетъ быть произ-
ведено съ успѣхомъ и безъ общихъ усилій:
то не захотѣлъ пропустить удобный случай
имѣть одному всю честь сего дѣла. Получивъ
вышеозначенныя извѣстія отъ передовой
партіи Козаковъ, *Рибасъ* двинулся впередъ, взявъ
себѣ въ подкрѣпленіе два баталіона пѣхоты
съ осмью орудіями, изъ коихъ четыре были
осадныя. По донесенію *Потемкина Императрицѣ*,
,,тишина, оспорожность и порядокъ, ко-
торые наблюдаемы были войсками при пере-
ходѣ сего опаснаго мѣста, подверженнаго вы-

спрѣламъ непріятельскаго флота на разстояніи осми верствъ; заслуживали особенное вниманіе.“ Генералъ *Гудовицъ* съ оспальной частію своего опряда слѣдовалъ за Авангардомъ, стараясь и на семь пуши не быть замѣчену непріятелемъ.

Остановясь верстахъ въ десяти отъ Гаджибея (13 го Сентября), Генералъ *Гудовицъ* осмотрѣлъ передовой опрядъ и, по возвращеніи къ главнымъ силамъ своего корпуса, опрядилъ отъ онаго на лѣвый флангъ авангарда десять орудій, подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты, а при наступленіи ночи подвинулся впередъ еще на три версты.

Рибасъ положилъ атаковать крѣпость съ береговой стороны и назначилъ для сего пѣхотный баталіонъ, подъ командою Полковника *Хвостова*, приказавъ въ то же время, для развлеченія гарнизона, пѣшимъ Козачьимъ полкамъ приставлять лѣсшницы съ другихъ сторонъ. Другой пѣхотный баталіонъ, подъ командою Секундъ-Маіора *Войкова*, и одинъ пѣшій же Козачій полкъ, должны были занять предмѣстіе и пренятствовать, какъ бѣгшву непріятеля изъ замка, такъ и подкрѣпленію его съ флота. Для дѣйствія же по Турецкимъ судамъ, назначена была береговая башаря изъ чепырехъ осадныхъ и двѣнадцати полевыхъ орудій. Въ семь порядкѣ, авангардъ выступилъ 13-го въ семь часовъ вечера, и остановился въ двухъ верстахъ отъ Гаджибея. Всѣ сіи распоряженія были однако же неизвѣстны *Гудовицу* и сдѣланы послѣ его отбѣзда къ главному корпусу.

Рибасъ сказалъ ему только свое мнѣніе, что крѣпость должно атаковать безъ замедленія; но самое время атаки не было назначено.

Въ половинѣ четвертаго часа по полуночи, данъ сигналъ, и *Рибасъ* повелъ войско на приступъ. Гарнизонъ, тогда только примѣтилъ нападеніе, когда Русскіе были въ верстѣ отъ крѣпости. Застигнутые въ располѣхъ, Турки кинулись къ пушкамъ и ручному оружію, но замѣшательство и неизвѣстность пункта, на который обращено главное нападеніе, — ибо Козаки разсыпались съ лѣспницами по всѣмъ сторонамъ крѣпости, — не дозволили имъ дѣйствовать съ успѣхомъ. — Полковникъ *Хвостовъ* благополучно перейдя врагъ съ гренадерскимъ своимъ баталіономъ, быстро приставилъ лѣспницы. Въ одно мгновеніе Русскіе были на валу, и черезъ четверть часа крѣпость осталась за ними. — Между тѣмъ, какъ штурмъ сей производился лѣвымъ крыломъ авангарда, *Маіоръ Восиковъ* успѣлъ вышѣснить Турокъ изъ предмѣстія и, оставя въ ономъ резервъ, прибылъ къ берегу для воспрепятствованія непріятелю произвести высадку съ моря.

На флотъ, тогда только примѣтили успѣхъ Россіянъ, когда уже не было средствъ остано-вить оный. Гаджибей былъ взятъ. Артиллерія Турецкихъ судовъ открыла самый жестокой огонь, но по дурному направленію своихъ выстрѣловъ, не причинила вреда побѣдителямъ.

Нѣсколько бомбъ попали сначала въ крѣпость; но батарея *Маіора Меркеля*, переведен-

ная по приказанію *Гудовица* съ лѣваго фланга на правый, дѣйствовала столь удачно, что принудила замолчать непріятельскіе лансоны, а два изъ нихъ получили столь сильныя поврежденія, что принуждены были спустивъ флаги, идти къ берегу и сдаться.

Гудовиць не предвидѣлъ честолюбиваго намѣренія *Рибаса* и догадался объ ономъ только тогда, какъ сильная канонада съ Турецкаго флота извѣстила его о завязавшемся дѣлѣ. *Гудовиць* не думалъ, что не будетъ увѣдомленъ о покушеніи на приспудъ и полагалъ взять крѣпость по прежнему плану.— Чуждый, однако же, всякой зависти и предпочитая личной выгодѣ общесвѣнную пользу, Генераль сей, желая предпріятію *Рибаса* полного успѣха, послѣшилъ къ нему на помощь съ своими силами и первымъ распоряженіемъ его, по прибытіи къ Гаджибею, было вышесказанное перемѣщеніе башарей Маіора *Меркеля*.

Штурмъ Гаджибея стоилъ Русскимъ только пяти человекъ убитыми и тридцати трехъ ранеными. — Въ числѣ послѣднихъ находился одинъ Офицеръ. Трофеи ихъ состояли въ двѣнадцати пушкахъ, семи знаменахъ и двухъ флагахъ. Кромѣ сего, найдены ими двадцать двѣ бочки съ порохомъ и восемь сотъ ядеръ. По официальнымъ донесеніямъ того времени, при овладѣніи крѣпостію, взяты были въ плѣнъ двухбунчужный Паша Ахметъ-Бей, одинъ Бимъ-Паша, одинъ Капитанъ судна, еще десять прочихъ чиновниковъ и шестъдесятъ шесть

человѣкъ нижнихъ чиновъ. Убитыми показано болѣе двухъ сотъ.

По занятіи Гаджибея, *Гудовиць* расположился въ ономъ съ своими войсками, и оставался шамъ до слѣдующаго мѣсяца, въ которомъ получилъ отъ *Потемкина* повелѣніе: срывъ сію крѣпость, ийти къ Бендерамъ. Подвигомъ своимъ *Рибасъ* приобрѣлъ себѣ новое благоволеніе Фельдмаршала и получилъ начальство надъ флошліею, коей успѣшныя дѣйствія на Дунаѣ, принесли столько пользы кампаніи, чести Русскому флагу и славы самому *Рибасу*. Императрица наградила его орденомъ Св. Георгія 3-го класса.

Черезъ нѣсколько дней послѣ паденія Гаджибея, явился передъ сею крѣпостью Турецкій флотъ, состоявшій изъ двадцати шести военныхъ кораблей и судовъ. Столь значительныя силы могли бы загладить стыдъ, нанесенный Ошпоманскому оружію, но къ счастью для малочисленнаго корпуса Генерала *Гудовица*, Турецкій Адмиралъ принадлежалъ къ числу людей, самыхъ несвѣдущихъ въ морскомъ искусствѣ. Корабли его подождя къ Гаджибею, сожгли безъ всякой пользы нѣсколько сотъ пудъ пороху, поворачивали нѣсколько разъ то на шотъ, то на другой галсъ и возвратились назадъ, принеся Русскимъ шу выгоду, что они имѣли новый случай убѣдиться въ неопытности своихъ непріятелей.

Рибасъ не ограничился тѣмъ, что покорилъ Гаджибей скиптру своей Монархини. Онъ предвидѣлъ, что мѣсто сіе, оставалось за Россіею,

по своему положенію можетъ содѣлаться средоточіемъ ея торговли на Черномъ морѣ и представилъ проэктъ учрежденію въ ономъ порта. Императрица ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ одобрила сіе предположеніе — и черезъ нѣсколько лѣтъ — на развалинахъ Гаджибея — возникъ богашый торговый городъ Одесса.

А. Висковатовъ.

Списокъ Кавалерамъ Военнаго Ордена Св. *Георгія* 4-го класса, пожалованнымъ въ Царствование Императрицы *Екатерины II*, съ означеніемъ въ какомъ сраженіи, за какой отличной подвигомъ и когда они оный получили.

Когда пожалованы.

Когда скончались.

1770.

Октября 14. Лейбъ - Гвардіи Поручикъ
*Сергій Александровичъ Хотини-
цовъ*

Скончался въ отставкѣ 1787 Юня
20.

— — — Артиллеріи Подпоручикъ
Алексій Ѳедоровичъ Тулѣевъ.

За отличную храбрость и мужественные подвиги, оказанные имъ въ случившемся 1770 года Сентября 21 противъ непріятеля жестокомъ боѣ на землѣ и на водѣ.

Ноября 1. Рязскаго пѣхотнаго полка Бригадиръ *Богданъ Ивановичъ Вассерманнъ*.

За мужественное предводительство при штурмованіи Бендерской крѣпости гранодерскою колонною съ правой стороны, и за отличную храбрость, кошкою поражая непріятеля вошли въ покрытой путь.

Скончался Генералъ-Маіоръ 1798 Ноя-
ромъ 3.

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

Ноября 1. Полковникъ *Отто*

Фелькерзамъ.

За храбрость и мужество, оказанныя имъ при Экспедиціи на Бендерскую крѣпость и въ кампаніи при осадѣ сей крѣпости, гдѣ онъ съ подчиненными своими почти ежедневно въ глазахъ всей арміи сражался съ непріятелемъ.

Скончался въ Шпешинѣ 1790 Ав-
вѣ отставкѣ Бригадиромъ. густа 20.

— — — Артиллеріи Подполков-
никъ *Иванъ*

Давровъ.
За отличную храбрость и мужественный подвигъ при Бендерской осадѣ, гдѣ онъ былъ главнымъ Командиромъ Артиллеріи, употребленной въ атаку по лѣвому берегу Днѣстра.

Скончался въ Польшѣ Ар- 1775 Ген-
тиллеріи Генералъ-Маіоромъ. варя 20.

— — — 2-го Гренадерскаго полка
Подполковникъ Князь *Петръ*
.

Релинъ.
За храбрость и мужество, оказанныя во время осады Бендерской крѣпости при разныхъ непріятельскихъ выызкахъ.

Скончался въ Варшавѣ Пол- 1773 Юня
ковникомъ. 21.

Воронежскаго пѣхотнаго
полка Подполковникъ *Давыдъ*
Михельсонъ.

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

За отличную храбрость, оказанную во время осады Бендерской крѣпости, при открытіи траншеи и за мужественное съ Полковникомъ *Вассерлинномъ* предводительство при штурмованіи оной крѣпости.

— — — Владимірскаго пѣхотнаго полка Подполковникъ
Фонъ Пфльцъ.

За отличную храбрость, съ которою поступилъ при осадѣ Бендерской крѣпости, въ пребываніе въ траншеяхъ и при вылазкахъ непріятельскихъ.

Убитъ подѣ Силистріею 1773 Июля
Полковникомъ 18.

— — — Подполковникъ *Эрнстъ Фридрихъ фонъ Дюрингъ.*

За отличную храбрость и мужественные подвиги, оказанные имъ во время Бендерской осады и при самомъ штурмованіи той крѣпости.

Дашской службы Генералъ-Лейтенантъ, скончался въ 1809 Ок-
сень чинъ въ городѣ Килѣ. сѣбря $\frac{20}{30}$.

— — — Артиллеріи Маіоръ Баронъ
Францъ (Ивановичъ) Готтардъ Вейсманъ фонъ Вейсенштейнъ.

За отличную твердость въ храбрости и неупомленность въ трудахъ, оказанные имъ въ продолженіи

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

Бендерской осады, командуя
башареями.

Скончался въ чинѣ Генера- 1807 Фев-
раль-Маіора. раля 1.

Слѣдующіе два Кавалера
получили сей орденъ за оп-
личную пвердость въ храб-
рости и неупомленность въ
штурахъ во все время про-
долженія Бендерской осады:

Ноября 1. Артиллеріи Маіоръ *Яковъ*
Ивановичъ Бреклинъ.

Бригадиръ скончался въ 1811 Мар-
семъ чинѣ. ша 22.

— — — Артиллеріи Маіоръ *Яковъ*
Михайловичъ Зембулатовъ.

Генераль - Маіоромъ скон-
чался.

— — — Ростовскаго Карабинерна-
го полка Преміеръ - Маіоръ
Стеланъ . . . Максимовичъ.

За отличную храбрость и
мужество, оказанныя при
штурмованіи Бендерской
крѣпости, и за предводитель-
ство штурмующихъ грена-
деръ до занятія у непріате-
ля одной башарей и одного
бастіона.

Убитъ подъ Очаковымъ
Генераль-Маіоромъ. 1788.

(Будетъ продолженіе).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Пажь Герцога Фридландскаго.

Историческая повесть; соч. *Тромлица.*

Въ высокой залѣ дворца *Валленштейнова* въ Прагѣ гремѣли трубы и липавры. Все, что столица Богеміи имѣла изящнаго и благороднаго, волновалось шутъ въ пестромъ смѣшеніи. Казалось, какъ будто Праги никогда не посѣщали бѣдствія войны, ибо тысячи восковыхъ свѣчь озаряли роскошь и обиліе. Тѣлохранители въ свѣтло-синей бархатной одеждѣ, вышитой золотомъ, стояли съ аллебардами у высокихъ дверей и мраморныхъ лѣстницъ; еще богатѣе одѣтые Пажи спѣшили, черезъ великолѣпныя комнашы и залы, разносить приказанія своего повелителя. Толпа служителей стояла вокругъ буфетовъ, загроможденных добычею всей Германіи, и предупреждала желанія гостей, которые только вошли въ ярко-освѣщенную залу, чтобы начать танцы. Оберъ-Гѣфмейстеръ Герцога, *Графъ Гаррахъ*, подавъ знакъ: трубы умолкли. Заиграли скрип-

ки и флейпы: открылся балъ и, пара за парю, понеслись подъ шпий ладъ граціознаго аллемана.

Много прекрасныхъ дамъ, много прелестныхъ дѣвицъ явились шупъ въ блескъ красоты своей, но между ними, какъ солнце, сіяла царица праздника — *Матильда*, Графиня *Терцки*, племянница Герцога; она съ Маркизомъ *Дель-Гуастомъ* открыла балъ. Это былъ шестнадцатый день ея рожденія; его праздновалъ Герцогъ *Фридландскій*. Его родная дочь, принадлежавшая *Марія Елисавета*, *Матильда* и мать ея, сославляли все его семейство, къ копорымъ онъ чувствовалъ искреннюю привязанность, которыя могли разсѣвать его мрачныя думы тогда, какъ онъ удалился съ прежняго дѣятельнаго поприща.

Окруженный своими спарыми сослуживцами и Богемскимъ дворянствомъ, сидѣлъ онъ самъ въ концѣ залы на возвышенномъ мѣстѣ, въ обихыхъ бархатомъ креслахъ. Подлѣ него Герцогиня. — Онъ, казалось, съ участіемъ смотрѣлъ на танцы. Всѣ стояли позади его въ глубокомъ молчаніи: одна только спарая Графиня *Терцки*, отъ времени до времени, говорила съ нимъ нѣсколько словъ. —

Въ противоположномъ концѣ залы, у камина, стояли одиноко два человекъ, совершенно различной наружности: оба, погруженные въ глубокое размышленіе. Одинъ изъ нихъ, малорослый, у котораго рѣдкія и бѣлыя какъ снѣгъ кудри, вились по вискамъ, въ черной Испанской одеждѣ, съ маленькою серебряною

шнагою, и держа въ рукѣ шляпу съ поношенными перьями, имѣлъ спокойный и важный видъ, и, казалось, со вниманіемъ разсматривалъ каждую пару, проходившую мимо его; но взоромъ не слѣдовалъ ни за одною, и вообще, не принималъ никакого участія въ общей веселости.

Другой молодецъ лѣтъ двадцати. Синій бархатный колетъ его, вышитый золотомъ, показывалъ въ немъ одного изъ пажей Герцогскихъ, а золотая цѣпь на шеѣ служила знакомъ, что онъ въ милости у своего повелителя, и сопровождалъ его въ походахъ. Онъ былъ выше обыкновеннаго роста; длинные, русые волосы густыми кудрями упали на могучія плеча, темно-голубые глаза смотрѣли задумчиво на группы танцующихъ, и трудно было угадать, радость или горестъ выражало лице его, здоровьемъ и юностью цвѣщущее. Замѣтно было только то, что когда шуры танца вели мимо его *Матильду Терцки*, глаза его сверкали двойнымъ огнемъ, но онъ быстро ихъ опять опускалъ въ землю и не смѣлъ взоромъ слѣдовать за красавицею, которая, казалось, совсѣмъ его и не замѣчала.

Однажды, когда Графиня *Матильда* летѣла мимо ихъ, малорослый старичекъ дружески пошрепалъ юношу по плечу. Съ досадою обернулся къ нему молодой человекъ, но старикъ сказалъ ему ошибенно ласково: „*Георгъ!* мнѣ кажешся, глаза Графини *Терцки* — я разумью старую — ищутъ васъ! — ступайте къ ней, и кшати скажите, что я оставилъ балъ:

ибо сегодня важная ночь! — Смотрите, она зовётъ васъ!“ —

— А мое созвѣздіе, господинъ *Сени*? — спросилъ молодой человекъ умоляющимъ голосомъ.

„Вѣрно теперь ярче сіяешь въ нашемъ сердцѣ, нежели на небѣ, любезный *Роткирхъ*!“ отвѣчалъ астрологъ: „подите только!“ —

Георгъ Роткирхъ удалился. — Графиня вышла изъ залы въ боковую комнату. *Сени* сказалъ правду. — „Подите за мною!“ — сказала спарая Графиня входящему *Роткирху*.

Черезъ длинный рядъ комнатъ, *Георгъ* съ прѣпевающимъ сердцемъ слѣдовалъ за Графиней въ ея внутреннія комнаты. Онъ вспомнилъ о красавицахъ въ танцевальной залѣ, и по жиламъ его пробѣжала лихорадочная дрожь. Графиня открыла письменный столъ, долго перебирала связку ключей, и нашедъ одинъ весьма большой, подала его юношѣ, который началъ опять свободнѣе переводить духъ, какъ будто гора съ его плечь свалилась. „Подите *Георгъ*!“ — сказала она ласково: „подите къ калиткѣ, которая ведетъ къ монастырю, отворите ее, но никого не впускайте; если же явится шуда человекъ, который скажетъ вамъ слово „*Гигинь*“, то введите его черезъ пошпенную лѣстницу въ зеленую комнату Герцога — но ради бога, не забудьте опять запереть калитку. Тамъ оставьте его одного, возвратитесь въ залу; это будетъ мнѣ отвѣтомъ. Поди, мой милый! продолжала она добродушно,

— „поди и закушайся въ плащъ: ночь холодная, бурная.“ —

Онѣ пошелъ черезъ внутренній дворъ вдоль стѣны, отворилъ калитку и вышелъ на улицу.

Съ бель-этажа дворца раздавались звуки музыки; явственно слышалъ пажъ, что начался шумный вальсъ. — „Съ Италіянцемъ ли она опять танцуетъ?“ проворчалъ онѣ сквозь зубы, закушался въ широкой плащъ и сбѣлъ на камень, на углу узенькаго Капуцинскаго переулка. Ночь была лунная, но бурная. Флюгера стучали, вѣтръ шумѣлъ, но *Роткирхъ* слышалъ одни только звуки музыки въ парадной залѣ Герцога *Фридрихскаго*. Тучи неслись по небу и все вокругъ него покрыли тьмою; передъ внутренними очами его носилась одна только прелестная *Матильда*. — Еще плотнѣе закушался онѣ, еще крѣпче закрылъ глаза, дабы ничто не могло разрушить милый образъ фантазіи.

Долго сидѣлъ онѣ въ очаровательныхъ мечтаніяхъ о недоступномъ ему блаженствѣ; вдругъ онѣ монастыря послышались шаги по узенькому переулку. Онѣ вскочилъ, схватилъ шпагу и припался у калитки. — Шаги отзывались все ближе и ближе. — Два человѣка, окутанныхъ въ плащи, прошли мимо его. — Но вдругъ они остановились. — „Тамъ вверху на пиршествѣ у Герцога, тамъ онѣ вѣрно!“ сказалъ суровый голосъ: „Сегодня ужъ слишкомъ поздно, папінка! лучше возвратимся въ Госпинницу Золотаго Грозда!“ — отшѣчалъ другой. — Завтра! — Почему жъ не сегодня? — сіе

пиршество намъ благопріятствуетъ — превалъ его первый. —

„Нѣтъ, нѣтъ! лучше возвратимся,“ сказалъ другой: а по запрутъ Госпинницу. Не будьте такъ опрометчивы, папинька! Мщеніе его не минетъ!“

Тутъ луна, выглядывая изъ-за бурныхъ облаковъ, освѣтила нонныхъ спранниковъ, и Георгъ увидѣлъ лице юноши, едва вышедшаго изъ опроческаго возраста, и печально прикишаго къ груди человека, который былъ уже въ лѣтахъ. — Оба возвратились по той же самой дорогѣ, по которой пришли.

„Два несчастныхъ!“ — подумалъ самъ въ себѣ Роткирхъ, и сбѣлъ опять на камень: — „но гдѣ теперь не видишь ихъ въ нынѣшнее бѣдственное время? — Мститъ они выходятъ, и рыскаютъ вокругъ дворца?“ вскричалъ онъ внезапно: — „но нѣтъ!“ продолжалъ онъ по крашкомъ размышленіи: не къ Герцогу, моему повелителю, относился сія угроза. — Они именно говорили, что тотъ, кого ищутъ, долженъ быть на пиршествѣ у Герцога, — слѣдственно не его они разумѣли. — Господь вѣдаетъ, сколь жестоко, можетъ быть, судьба угнѣтаетъ сихъ бѣдныхъ людей, скипающихъ по улицамъ въ такую темную, ненастную ночь. Онъ опять сомкнулъ глаза; опять носился передъ нимъ образъ *Матильды*, и внутренній спрастный взоръ его долго покоился на ея прелестяхъ.

Музыка умолкла, а тоска въ его сердцѣ говорила. Воображеніе вездѣ сопутствовало *Ма-*

милльда. Онъ видѣлъ только ее, и всѣ другія красавицы въ залѣ сливались передъ нимъ въ шуманное море, среди коего она одна великолѣпно сіяла въ лучезарномъ блескѣ.—„И тупъ я долженъ сегодня сидѣть и ждать, — между тѣмъ, какъ она шамъ вверху лепашъ какъ Ангелъ?“ вскричалъ онъ: „ахъ! еслибъ я имѣлъ хотя одну изъ ея голубыхъ ленихъ, которыя, совсѣмъ не зная своего счастья, украшаютъ ея грудь и руки, — ахъ, еслибъ я имѣлъ хотя...“

„Глупецъ!“ воскликнулъ онъ внезапно и вскочилъ, — „еслибъ имѣлъ ты сполько разсудка, чшобъ изгнать изъ груди своей несбыточные желанія—это было бы гораздо лучше!“

Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ скорыми шагами, и крѣпко и звонко ступалъ по мостовой, нарочно для того, чшобъ не слышать вновь заигравшей музыки, и привелъ себѣ на память Дессавскій мостъ, гдѣ впервые опличился онъ на военномъ поприщѣ, и получилъ опъ *Валленштейна* золотую цѣпь. — Онъ спарался отвлечь опъ нее свое воображеніе, но тщетно: *Матильда* вѣчно стояла передъ нимъ, смотрѣлъ ли онъ опкрытыми глазами на настоящее, или зажмурившись на минувшія.

Тупъ конскій поношъ вывелъ его изъ сладостныхъ мечпаній. Онъ припался къ калиткѣ и началъ вслушиваться. Всадникъ примчался вовесь опоръ. — „Стой, другъ мой!“ вскричалъ ему на встрѣчу *Георгъ Роткирхъ*: — „одно слово? — *Гигиль!*“ отвѣчалъ сей, сходя съ коня.

„Господинъ *Роткирхъ!*“ продолжалъ онъ, обращаясь къ Пажу: „ведите меня поскорѣ къ

Герцогу; вы вѣрно здѣсь за этимъ? я привезъ добрыя вѣсни!“

— Очень радъ, Господинъ *Сесина*, ошвѣчалъ Пажъ, и повелъ его къ калишкѣ: вы знаете, я принадлежу къ вѣрнымъ, — и всею душою преданъ семейству вашего покровителя, Графа *Терцки*! —

Господинъ *Сесина* улыбнулся. — „Пойдемте же, Сударь! Я опнюдь не сомнѣваюсь въ вашей преданности къ Сіятельной фамилиі *Терцки*,“ продолжалъ онъ: „мы другъ друга знаемъ!“ Онъ пожалъ ему руку, и еслибъ луна хопя немножко предательски выглянула изъ-за облаковъ, то *Сесина* вѣрно замѣнилъ бы яркую краску, кошорая выспунила на щеки молодого Пажа.

Когда *Роткирхъ* возвратился въ залу, музыка только-что умолкла. Взоръ его вскорѣ встрѣтился съ взоромъ Графини *Терцки*; она поняла его, и тотчасъ шепнула Герцогу нѣсколько словъ на ухо.

Валленштейнъ остался спокойно въ своихъ креслахъ, и началъ бесѣдовать съ своею супругою; потомъ всталъ, позвалъ къ себѣ Графа *Гарраха*, и послалъ его сказать, чтобы музыка играла.

„Донъ-Бальтазаръ!“ сказалъ онъ, обращаясь къ *Марадасу*, который почтительно вышелъ изъ толпы: „нѣтъ ли извѣстія о *Тилли* и

Король шведовъ (*)? — Арміи обоихъ, я думаю, стоятъ въ Саксоніи!»

— Такъ гласящъ извѣстія, кои Ваша Свѣтлость благоволили сообщить мнѣ за нѣсколько дней тому назадъ, сказалъ *Мардасъ* выразительнымъ голосомъ. —

„И вы не имѣете другихъ надежнѣйшихъ извѣстій?“ спросилъ Герцогъ, насмѣшливо улыбаясь: „Императорскій Главнокомандующій въ Богеміи, кажется, долженъ лучше знать, гдѣ стоитъ непріятельское войско, нежели я, который подъ вашею защитою, живу въ уединеніи, какъ частный человѣкъ!“

Донъ-Бальтазаръ поклонился молча.

„Графъ *Гаррахъ*!“ — вскричалъ тогда Герцогъ, такъ что всѣ стоящіе вокругъ него слышали: „я удаляюсь на короткое время; пусть балъ идетъ своимъ порядкомъ.“ Легкимъ только наклоненіемъ головы простился онъ съ собраніемъ, прошелъ одинъ сквозь ряды гостей — и оставилъ залу.

Взоры *Георга Роткирхи*, между тѣмъ, съ нетерпѣніемъ рыскали по залѣ, ища *Матильды*. Но не могли найти ее. Наконецъ, онъ ее увидѣлъ, стоящую подлѣ высокимъ сводомъ окна и заняшую важнымъ разговоромъ съ *Маркизомъ дель-Гуасто*. Сердце его бурно забилось; онъ сдѣлалъ уже шагъ, чтобы подойти къ нимъ, какъ позади ихъ, изъ-подъ свода окна вышелъ старый Графъ *Адамъ Терци*, и опять повелъ

(*) Sckneekönig. Такъ Австрійцы называли Короля Шведскаго, *Густава-Адольфа*.

свою дочь въ кругъ молодыхъ дамъ, въ ту самую минузу, какъ Герцогъ вышелъ изъ залы. Музыка заиграла. Въ шумномъ вальсѣ понеслась *Матильда*, какъ окрыленная; однако не съ *Маркизомъ*. — *Георгъ* оспановился, погруженный въ сладосныя мечпы; вдругъ подошла къ нему старая Графиня *Терцки*, и шихо сказала: „посвѣшпше мнѣ, *Роткирхъ!*“ — Онъ схватилъ свѣчу, и пошелъ черезъ рядъ парадныхъ комнащ. Подходя къ кабинету Герцога, Графиня ласково сказала Пажу: „*Георгъ!* не будьте такъ грусны на веселомъ праздникѣ? — Сны, какъ вамъ самимъ извѣстно, рѣдко сбываются.“ — Она вошла въ кабинетъ.

„Сны рѣдко сбываются?“ — вскричалъ *Роткирхъ*, поправляя на головѣ свои русыя кудри: „шочно такъ! мапушка — а мои сны — конечно никогда!“ — Онъ возвратился въ залу, гдѣ все кружилось еще въ вихрь вальса, спалъ въ уголъ, и снова углубился въ свои любимыя мечпы. Тушъ она пропорхнула мимо его. Съ груди ея упали двѣ розы. Быстро поднялъ ихъ *Роткирхъ*, почшпительно подошелъ къ *Матильдѣ*, которая только ошпанцовала, и подалъ ей цвѣщы.

„Благодарю васъ!“ — сказала Графиня, взяла цвѣщы, — шихо рука ея коснулась его руки, и спыдливо покраснѣвъ, быстро обернулась, оставя одну розу въ рукѣ молодого человекъ. —

Случайно ли это сдѣлалось, или съ умысломъ? Подумалъ самъ въ себѣ *Роткирхъ*; сердце его сильно забилось ошъ неизвясимой радости, — онъ украдкою вышелъ изъ залы на вну-

пренній дворѣ, взглянулъ на сверкающія звѣзды ночнаго неба, показалъ имъ розу и вскричалъ: „звѣзда моей жизни! ты сіяешь мнѣ ярче, великолѣпнѣе всѣхъ звѣздъ на шверди небесной! покойся здѣсь, доколѣ оно не перестанетъ бишься!“ — Къ сердцу прижалъ онъ розу, и будучи обуреваемъ различными чувствами, долго ходилъ взадъ и впередъ по широкимъ дворамъ замка.

Тутъ замѣтилъ онъ, въ маленькой комнаткѣ восточной башни тихій свѣтъ лампы. „Сегодня или никогда!“ вскричалъ онъ внезапно, тихо отворилъ калитку и вошелъ на узенькую круглую лѣстницу. Передъ маленькою дверью онъ на минуточку остановился, потомъ тихо постучался. — „Кто тамъ?“ Вскричалъ гнѣвный голосъ. — „Я, Георгъ Роткирхъ!“ отвѣчалъ юноша: „отворите, почтеннѣйшій Сени!“ — Подожди — и умѣрь свои желанія!“ — возразилъ Сени. — Кажъ оспался спокойно у двери.

Все вокругъ него безмолствовало. Онъ сбѣлъ на лѣстницѣ, и зная крушой и угрюмый нравъ астролога, вооружился шerpѣнiемъ.

Минуты бѣжали за минурами, часы Капуцинскаго монастыря пробили полночь. — Старецъ оставался въ своей комнатѣ, и казалось, забылъ своего юнаго гостя, который не смѣлъ помѣшать занятіямъ астролога. — Ударилъ часъ за полночь; — все еще тихо! — Тогда Роткирхъ, съ досадою прошепталъ сквозь зубы: „если ты, Звѣздохочетъ, не хочешь подняшь для меня завѣсу будущаго, то сонъ пересе-

липъ меня пуда!“ — Онъ вынулъ розу, подѣловалъ ее, прижалъ къ сердцу, — и сомкнулъ глаза. Передъ нимъ поржала *Матильда*, подавала ему розу, вилась вокругъ него и къ себя манила! Онъ слѣдовалъ за нею по цвѣтущимъ лугамъ и дикимъ горамъ къ уединенной церкви. Она отворилась, — и онъ заснул! —

„Ну чшожь, *Сесина!*!“ сказалъ Герцогъ, замкнувъ за собою дверь: „какія привезъ ты вѣсти?“ — Добрыя вѣсти, Ваше Свѣтлость! *Тилли* при Лейпцигѣ разбилъ на голову; останки его арміи бѣгутъ по дорогѣ къ Гальбершпату. —

„Хорошо! — хорошо для насъ!“ сказалъ *Валленштейнъ*.

— Фельдмаршалъ *Арниль* приказалъ кланяться Вашей Свѣтлости. Онъ прислалъ со мною сіе письмо, которое вѣроятно содержитъ въ себѣ однѣ пустыя учтивости. — „Скорѣе, безъ околичностей!“ — прервалъ его Герцогъ.

— И поручилъ мнѣ изустно, — продолжалъ *Сесина*.

„Развѣ Король ничего съ тобою не прислалъ?“ Прервалъ его впрочемъ *Валленштейнъ*.

— Это письмо! Ваша Свѣтлость.“ Онъ подалъ ему пакетъ.

„Глупецъ!“ сказалъ Герцогъ гнѣвно: „вмѣсто своего длиннаго пустословія, надлежало бы начать съ шага?“ — Онъ прочиталъ письмо, радость блистала на лицѣ его. Весело обратился

онъ къ Сесинѣ, и сказалъ: „Густавъ общаетъ мнѣ прислать Графа Турна съ 12,000-мъ войскомъ! — Тогда — но оставимъ это. Еще нынѣшнюю ночь ты долженъ возвратиться! Гдѣ полагаешь ты заспать Короля?“ —

— На дорогѣ во Франконію! —

„Хорошо, онъ хочетъ наказать гордость Максимилиана, надменнаго Баварца! А гдѣ найдешь Арнима?“

— На пути въ Силезію! — отвѣчалъ Сесина.

„Неправда! неправда!“ Вскричалъ Герцогъ, „но это ничего! Посмотримъ, что будетъ.“ —

Тутъ трижды тихо кто-то постучался въ дверь. — Валленштейнъ зналъ кто спучится, онъ отворилъ, и вошла Графиня Терцки. „Хорошо, что вы пришли, Графиня!“ сказалъ Герцогъ и сообщилъ ей полученныя извѣстія.

— Арниму ишти въ Саксонію? — спросила Графиня, прочитавъ письма.

„Нѣтъ!“ сказалъ Герцогъ, нѣсколько подумавъ. — „Пусть идетъ въ Богемію. — Къ нему прежде всего отправьшесь,“ продолжалъ онъ, обратясь къ Сесинѣ: „скажите ему отъ меня: пусть идетъ на Прагу; ни одинъ человекъ ему не проливостанетъ; онъ безъ выспрѣла овладеетъ городомъ. Пусть Король съ обѣщаннымъ 12,000 войскомъ пошлетъ Турна въ Саксонію; шамъ Шафиотъ, Гецъ, я самъ.“

„Послушай!“ — продолжалъ онъ, подошедъ къ окну: „пусть Король пришлетъ мнѣ не только Шведскаго и Веймарскаго войска, но еще нѣсколько полковъ Саксонскихъ; тогда Курфирствъ навсегда отпрѣзанъ отъ Вѣны; безъ

пого я ему не вѣрю. Послѣ того, побѣжай къ Королю, скажи ему, что письмо его меня очень обрадовало; скажи, что онѣ можетѣ на меня положиться, какѣ скоро пришлетѣ мнѣ *Турна съ войскомѣ*. Предлагаю, съ моей стороны, одно условіе: чтобы онѣ съ своими Шведами не ходилѣ ни вѣ Силезію, ни вѣ Богемію, ни вѣ Моравію. Это дѣло должно быть предоспавлено мнѣ и *Арниму!* —

— Не благоволише ли, Ваша Свѣплость, послать со мною отвѣтѣ на письмо Е. К. В. —

„Нѣтъ!“ возразилѣ *Валленштейнѣ* сурово: „если Имперцы перехватятѣ тебя: по повѣсятѣ; мнѣ и Графу *Герцки* это также можетѣ стоить головы. Если же поймаютѣ тебя съ письмомѣ Короля, то шумѣ не будутѣ имѣть явной противѣ меня улики; оно можетѣ только навлечь одно подозрѣніе. Нѣтъ! нѣтъ! я не пишу!“ —

— Но, возразила Графиня: не прогнѣваешь ли Король, и не покажется ли ему, что вы мало имѣете къ нему уваженія? Онѣ первый вступилѣ вѣ переписку съ вами, а вы не хотите отвѣчать ему, или можетѣ быть, боитесь? —

„Боюсь!“ — вскричалѣ *Валленштейнѣ* и вперилѣ дикій взорѣ на Графиню.

— Ваша Свѣплость! — просилѣ *Сесина*.

„Господинѣ *Сесина-фонѣ-Ризенбургѣ!*“ сказалѣ Герцогѣ повелительнымѣ голосомѣ, и глаза его засверкали, и на устахѣ явилась презрительная улыбка, столь ему свойственная, когда онѣ чувствовалѣ свое превосходство надѣ дру-

гими: „никакихъ замѣчаній! Вы знаете мою волю. — Мнѣ не нуженъ ни чей совѣтъ! — Къ Фельдмаршалу *Арниму*, а отъ него къ Королю. Вамъ дана инструкция. — Въ Гичинѣ увидимся. — Прощайте!“

Онъ кивнулъ головою. — Графиня взяла свѣчу и посвѣтила ему съ цопаенной лѣстницы.

— *Сени!* — осторожно шепнулъ *Сесина* Графинѣ на ухо.

„Ваша правда,“ отвѣчала она: „однако все напрасно — и мы должны плыть противъ теченія. Отправьтесь немедленно и возвращайтесь скорѣе.“

Когда пришла она къ Герцогу, то заснула его, въ глубокомъ размышленіи сидящаго за столомъ, и облокотившагося на руку.

Тутъ Герцогъ, медленно поднявъ голову, сказалъ съ примѣтною досадою: „ничтожно знаніе человѣка, связана воля его, судьба его прикована къ звѣздамъ! — — Случай — богъ его! А! Графиня *Терци*,“ вскричалъ онъ, увидя ее въ дверяхъ: „мнѣ не хочется позвать служителя и черезъ то возбудишь любопытство праздної сволочи въ залѣ, а *Роткирха* вѣрно шутъ нѣтъ. Сдѣлайте милость, пришлите ко мнѣ *Сени*. Мнѣ онъ нуженъ въ эту роковую минуту. Я предчувствую, что сегодняшняя ночь рѣшитъ мою участь!“

— На что этого *Сени*? — отвѣчала Графиня, вы сами уже все рѣшили. *Сесина* уѣхалъ; рѣшительный шагъ сдѣланъ; отступитъ не лзя, какъ ни сіяли бы звѣзды. —

Вилленштейнъ посмотрѣлъ на нее мрачно.

—Сердишесь на меня, сказала Графиня, ободрясь; но я еще разъ предостерегаю васъ: онъ Италіянецъ.—Отъ двора *Фердинандова* призвами вы къ себѣ *Сени*, сего ревностнаго приверженца Іезуитовъ; онъ умѣлъ вкрасься къ вамъ въ безпредѣльную довѣренность.—Вопреки внутреннему увѣренію, вы слѣдуете совѣщамъ пришельца и обманчивому вліянію звѣздъ.—

Герцогъ вспалъ съ креселъ. — Вы вѣрише двусмысленнымъ прорицаніямъ сего мнимаго пророка, хотя они часто противорѣчатъ вашему высокому уму!—Вы—

„Сдѣлайте милость, подите пришлите ко мнѣ *Сени*! прервалъ ее *Валленштейнъ* съ ладнокровною важностію! „вамъ говорю я, Графиня *Терцки*.“

Она вышла. Ей извѣста была непоколебимая твердость Герцога, копорой и она должна была покоряться. Она знала, сколь высоко цѣнилъ онъ свои тайнственныя ночныя совѣщанія съ астрологомъ. Она пошла звать ненавистнаго *Сени*.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Она скорошечна, пора вдохновеній,
 Посланница горнихъ небесъ,
 И рано или поздно усердныхъ моленій
 Моихъ не услышишь Зевесъ!
 Такъ! все — и Поэзіи огонь благодашней,
 И слава безсмертныхъ пѣвцовъ,
 И пламенный свѣтъ ихъ звѣзды беззакашной,
 И предесль лавровыхъ вѣнцовъ —
 Все это когда-то плѣняль переславешъ
 Меня красотою своею;
 Ошрадная лира мнѣ вшоришь усшанешъ
 И пѣсни замолквушь на ней!

 Спѣши же направиль пошель дерзновенный,
 Мой Геній! къ Каспальскимъ брегамъ,
 И, ликомъ плѣнительныхъ Музъ оруженый,
 Блаженствуй безгоресшно шамъ.
 Играй, веселись, сошупникъ мой юный,
 На радость мнѣ давный судьбой,
 Пока еще спройны послушныя спруны;
 Пока навсегда имъ съ шобой
 Печальной разлуки судьба не сказала. . .
 Досельъ средь ошчихъ полей,
 Незнаемый свѣшомъ, я пѣль, что внушала
 Камена сшасшливѣйшихъ дней!

А нынѣ звучнѣйшія мнѣ пѣснопѣнья,
 Богъ лиры! внуши и даруй,
 И шайныя думы въ часы вдохновенья
 Сладчайшимъ воспоргомъ чаруй!
 Пускай ни спремленіе лѣшь, ни Зоилы
 Мою не изгладышь скрижаль. . . .
 Леши же къ сей цѣли, о Геній мой милый!
 Въ сію неизмѣрную даль!

Бороздна.

2.

ГРУСТЬ ОДИНОЧЕСТВА.

Все въ природѣ оживилось
 Благошворною весной;
 Все цвѣтешъ, все обновилось,
 Дышешъ жизнью молодой.

Боды свѣшлы отражаютъ
 Голубыя небеса;
 Боръ зеленый оживляютъ
 Пшичекъ вѣжны голоса.

Розы юныя плѣняютъ
 Взоръ роскошною красой,
 И далеко разливаютъ
 Аромашъ пріятный свой.

Извиваясь подъ кустами
 По песку ручей бѣжитъ,
 И играя межъ камнями
 Тихо, сладосшно журчитъ.

Какъ пріяшенъ воздухъ чистый,
Горь, долинь веселый видъ :
Нивы, рощи, лугъ душистый ;
Юной все красой блеснишь.

Вся природа веселишя ;
Я одинъ, я все грущу !
Отъ чего же мнѣ крушишья ?
Не найду чего ищу.

Дружба ! Неба даръ безцѣнной !
Тщешно я себя зову !
Я одинъ во всей вселенной ;
Я дышу, а не живу.

Одинокимъ часъ досуга
Скученъ, дологъ жизни путь.
Ахъ ! найду ли сердцу друга,
Ахъ, найдуль когда вибудъ ?

И. Пальминъ.

3.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

My soul is dark.

(Изъ Байрона).

Душа моя мрачна ! Играй, пѣвецъ молодой,
Еще могу внимашъ я звукамъ пѣснопѣнья ;
И укроти пѣвоей пѣвнишельной игрой
Ожешпоченныхъ чувствъ безумныхъ волненья.

Пипаешь ли еще надежду грудь сія —
 Ты воскреси ее! Слезаль еще шамся
 Въ угасшихъ сихъ очахъ, пѣвецъ, игра швоя
 Должна ее извлечь — и сердце оживишься.

Но берегись мой слухъ весельемъ поразишь!
 Пущь пѣсвь швоя звучишь и дико и уныло;
 Я радость позабылъ — я долженъ слезы лишь:
 Теченье ихъ мой бѣспраданья облегчило.
 Ожесточенное враждующей судьбой,
 Ахъ, сердце умерло на вѣкъ для наслажденья.
 Влей жизнь въ него, пѣвецъ, искусною игрой
 Яви, яви всю власшь и силу пѣснопѣнья!

А. Кировъ.

4.

ОБОДРЕНІЕ.

(Изъ Гельти.)

Почшо терзашь себя шоскою,
 Доколѣ младоспью цвѣшемъ?
 Почшо вамъ дней своихъ весною
 Смошрѣшь угрюмымъ Сеншляремъ?

* * *

Нась всюду радость провожаешь,
 Минушнихъ спранниковъ земли,
 Цѣфтами пушь вамъ уснилаешь,
 Оспрадный кажешь свѣшь въ дали.

* * *

Еще ручей журчитъ волною,
 Еще прохладою дышетъ лѣсъ;
 Еще безоблачною луною
 Сребрится сѣнь густыхъ дравесъ.

* * *

Еще вина кипящи струи
 Веселье проливаютьъ въ насъ, —
 Еще намъ сладки поцѣлуи
 Прелестныхъ дѣвъ въ вечерній часъ.

* * *

Еще, дубравныя пѣвицы,
 Внимаемъ пѣснями звучнымъ мы,
 Еще лучемъ молодой денницы
 Пылають рожи и холмы.

* * *

И шакъ, друзья, повеселимся,
 Доколѣ младостью цвѣшемъ,
 Сей крашкой жизнью насладимся —
 И съ упованьемъ въ гробъ сойдемъ.

~~~~~

Русская пословица: *рука руку моетъ—и
обѣ обѣлы!* разговоръ первый Г. Грегга съ
Г. Булгариньмиб.

Взаимно они себя читающъ, взаимно хвалящъ, обороняющъ, поддерживающъ, другъ за друга опивѣшсвующъ. Не сколько голубкамъ, какъ имъ, приличенъ прекрасный стихъ нашего Баснописца:

Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно шамъ!
М. Т. 1826, No XXII, стр. 111.

Г. Булгаринь. Вы славный Писатель, Николай Ивановичъ! „Когда ваша крапкая Исторія Россійской Словесности вышла въ Свѣтъ: по со всѣхъ сторонъ посыпались на нее крипики, а теперь со всѣхъ сторонъ обрываютъ ее—и во всякомъ случаѣ на нее ссылающъ.“ (1)

Г. Грегъ. Вы шупите; а я не шуия хочу вамъ предложить. „Не согласитесь ли вы сдѣлать вещь весьма угодную и пріятную для всѣхъ читателей вашихъ, напечатавъ вторымъ изданіемъ Литературные Листки, вышедшіе прошлаго 1823 года, въ 8 долю листа, чтобы они съ листками нынѣшняго года составили Собраніе, которое всякому было бы пріятно имѣть у себя въ библіотекѣ!“ (2)

Г. Булгаринь. „Вамъ, Николай Ивановичъ въ книжкѣ С. О. на 1824 годѣ, угодно было наз-

(1) Литературные листки 1824, стр. 315. (2) Сынъ Ощещсва 1824, No 38, стр. 213.

вать *Разныя Извѣстія*, помѣщаемыя въ Лип. Листкахъ *Волшебнымъ фонаремъ*. Да будетъ, какъ сказано. *Dixit et factum est* (3).“ —

Г. Грегъ. „Мы бы также благодарили васъ, *Фадей Венедиктовичъ*, и за то, еслибъ вы составили изъ положеннаго числа книжекъ *части*, къ коимъ присоветовали бы *оглавленіе* для удобнѣйшаго приисканія желаемой *спашьи*; пошому что въ вашихъ *листочкахъ* дѣйствительно заключаются драгоценныя материалы для Россійской *Словесности* (4).“ —

Г. Буларинъ. Расскажу вамъ одинъ случай, для меня весьма интересный. — „Во время поѣздки моей съ почтенными Директорами Россійско-Американской компании: *М. М. Булдаковымъ*, *И. В. Прокофьевымъ*, *А. И. Северинымъ* и *Н. И. Кусовымъ* (нынѣшнимъ Градскимъ Главою), мы осматривали корабль *Елену* и съ удовольствіемъ замѣтили, что *Каюшъ-Компанія* опдѣлана прелестно; библіотека, состоящая изъ *отборныхъ Русскихъ сочиненій*, вышедшихъ въ продолженіе чепырехъ лѣтъ, помѣщена въ щегольскихъ шкафахъ. Да утѣшился Авпорское пвое самолюбіе: я видѣлъ пвою учебную книгу *Россійской Словесности* и особенно: *Краткій Опытъ Исторіи Россійской Литературы*, въ богатыхъ переплеткахъ (5).“

Г. Грегъ. — „Если вы, *Фадей Венедиктовичъ*, перепечатаете первые пять номеровъ *Л. л.* 1823 года въ 8-ю долю, и вмѣстѣ съ *листочками*

(3) Лип. Л. 1824, Ч. II, стр. 59. (4) С. О. 1824, No 38, стр. 214.

(5) Л. Л. 1824, Ч. III, стр. 83.

нынѣшняго, раздѣлите ихъ на *части*: по я обѣщаюсь вамъ доставить въ началѣ 1825 года *Систематическое оглавленіе по азбучному порядку всѣхъ статей, заключающихся въ первыхъ частяхъ Лит. листковъ, въ надеждѣ, что вы удостоите одобренія мой трудъ, имѣющій цѣлю сдѣлать пріятное для любителей Словесности и для самаго Издашеля* (6).“

Г. Буларинъ. Послушайте, что случилось въ Кронштадтѣ же и въ ту же повѣдку:

„Гг. Директоры Американской Компаніи и Офицеры корабля *Елены* угощали насъ обѣденнымъ шоломъ, по старому обыкновению; при семъ торжественномъ случаѣ исполнено было нѣсколько задравныхъ постовъ. *Первый* за здравіе Государя Императора и всей Августѣйшей фамилии, при проекрашномъ восклицаніи: ура!—Послѣ того, за здравіе Г. Главнаго Командира Кронштадтскаго порпа, за благосостояніе Россійскаго флота — и, наконецъ, представъ себѣ мою радость! за благосостояніе и успѣхи Россійской Литературы! Троекрашное: ура! снова прогремѣло въ воздухѣ, и я почти былъ въ восторгѣ, когда со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія: да процвѣтають Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ! — Сожалѣй, почтенный Николай Ивановичъ, что ты по обстоятельству не могъ быть въ на-

---

(6) С. О. 1824, No 38, стр. 214. Нужнымъ счишаю предуведомить, что все, заключающееся между знаками: „—взято сюда изъ взаимныхъ Журнальныхъ похвалъ Издашелей Сѣв. Архива, С. О. и Л. А., съ дипломатическою точностію.

шемъ обществѣ: о себѣ у меня много распрашивали (7).“ —

Г. Грегъ. — „Для Сѣв. Архива я шакже со-спавляю подобное *систематическое оглавленіе*, кошорое надѣюсь со временемъ доставить вамъ, почтенный Издашель онаго, для напечатанія, если вы того удостоите. Сей Журналъ продолжается равномѣрно съ одинакимъ успѣхомъ (8).“ —

Г. Буларинъ. — „Вашъ *Краткій Опытъ Истории Русской Словесности*, заключающій въ себѣ маперіалы для Истории нашей образованности и нашего просвѣщенія, есть явленіе, достойное вниманія и поощренія, и въ эпозмѣ ему, по справедливости, не было опказано въ печеніе двухъ испекшихъ лѣтъ, со времени появленія сей полезной книги (9). —

Г. Грегъ. „Въ вашей книгѣ: *Воспоминанія объ Исландіи* видно, что вы имѣете духъ наблюдашельный, счастливую память и искусство писанья живо и выразишельно. Немногія, изрѣдка встрѣчающіяся неправильности и уклоненія отъ спрогихъ предписаній школы, придають вашему слогу видъ непринужденности и свободы, приличный Воину-Литератору (10).“ —

Г. Буларинъ. Помните ли, что я сказалъ о вашемъ С. О. въ самомъ началѣ 1824 года? Я здѣсь вкратцѣ повторю это (11).

„Изъ числа выходящихъ въ С. Петербургѣ Журналовъ, понынѣ (Янв. 14.) вышло въ Свѣтъ

(7) Л. Л. 1824, Ч. III, стр. 85. (8) С. О. 1824, No 38, стр. 215.

(9) Лич. Листки 1824, Ч. III, стр. 117. (10) С. О. 1823, кн. 21, стр. 38. (11) Л. Л. No 11, стр. 65.

двѣ книжки С. О., котораго добрая слава столь упрочена въ іѣ лѣтѣ, что похвалы показались бы неумѣстными. Здѣсь всегда полезное съ пріятнымъ находится въ согласіи.“

Г. Грегъ. Мнѣ пріятно и шеперь еще разѣ сказать вамѣ въ глаза и изустно то, что тогда было напечатано въ первой книжкѣ С. О. на 1823 годѣ.

„Изъ новыхъ Журналовъ достоинѣ отличнаго вниманія *Сѣверный Архивъ*: онѣ заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ спашей и важныхъ матеріаловъ для Русской Исторіи (12).“—

Г. Буларинъ. Вы, конечно всегда хвалили мой *Сѣвер. Архивъ*; но я плапилъ вамѣ за это наличными и шой же пробы похвалами. Напримѣръ:

„Сынѣ Отечества, изд. Н. И. Грегель, десять лѣтѣ продолжается съ одинакимѣ усилѣхомъ,“ — кричалъ я въ томѣ же 1824 году (13), во всеуслышаніе, — „заключая въ себѣ Литературу и Политику. Журналѣ сей можетѣ назваться образцовымѣ, по чистотѣ языка и обработкѣ спашей, представляемыхъ публикѣ.“

Г. Грегъ. Разверните, С. О. 1823 года; (14), тамѣ напечатано:

„Съ Буларинымѣ стоялъ я на постѣ въ обществѣ Записныхъ весельчаковъ, (въ анекдотѣ: *Военная шутка* (15); 1) переселялся въ Смирну и слушалъ нравоченія опытнаго Дервиша;

(12) Спр. 14. (13) *Сѣверный Архивъ*, Ч. V, стр. 410.

(14) С. О. кн. III, стр. 12. (15) *Полярная звѣзда* 1823 года.

восхищался мужествомъ Польской Архидаміи XVII вѣка (16).“

Г. Буларинъ. „Въ Сынѣ Отчества Историческія и Политическія ученія статьи, Поэзія, ошривки изящной прозы, остроумныя кришки и новѣйшія политическія извѣстія, составляютъ богатое собраніе къ выбору любителей опечесивенной Словесности. Весьма важная въ нашемъ Журналѣ статья, *Николай Ивановичъ*, есть Библиографія, или извѣстіе о всѣхъ вновь выходящихъ книгахъ, о которыхъ вы, почтенный Издатель, даете краткій очеркъ своимъ читателямъ (17).“ — —

Г. Гресь. Я превозносилъ не только ваши сочиненія; но даже снимки съ почерка рукъ, при *Сѣв. Архивѣ*, прилагаемые (18).

„Въ *Сѣв. Архивѣ*, (сказано въ моемъ С. О. на 1823 годѣ,) заняли меня пріятнымъ образомъ снимки съ подписей знаменитыхъ особъ: посредствомъ Липографіи скопированы во всей точности почерки и подписи: Императрицы *Анны Иоанновны*, *Екатерины II*, *Павла I*, Царевича *Алексѣя Петровича*, *Князя Потемкина* и Генералиссимуса *Князя Суворова*; къ симъ почеркамъ знаменитыхъ особъ, прибавлены для любопытныхъ подписи *Алѣксѣя Демитрія* и жены его. Видишь руку, ходившую по бумагѣ, смотришь въ глаза, слѣдовавшіе за ея движеніями! Издатель общаетъ сообщить еще болѣе такихъ сним-

(16) Тамъ же. (17) *Сѣв. Архивъ* 1824, Ч. V, стр. 410.

(18) *Книжка III*, стр. 112. и 113.

ковъ: ожидаю ихъ съ неперпбнiемъ.“ (19). —

Г. Булгаринъ. Умалчиваю на эпомъ разв
о *Сынъ Отечества* . . . но не могу удержаться,
чтобъ не излишь передъ вами моихъ мыслей,
ошносительно къ *Литературнымъ прибавленiямъ*.
По самой строгой справедливости, —, Сiе изда-
нiе должно почищаться особымъ Журналомъ:
ибо совершенно различествуемъ съ С. О. по
содержанiю, и потому, что получалось отдѣль-
но по желанiю подписчиковъ. *Литературныя при-
бавленiя* заключаютъ въ себѣ Повѣсти, оплич-
ныя по выбору и слогу. Сiе Изданiе приобрѣло
благосклонность Публики и, по справедливо-
сти, заслуживаетъ оную, исполняя строго все,
что было обѣщано (20).“ —

Вы меня научили писать по Россiйски; я въ эпомъ торжественно признался въ *Сѣверной Пчелѣ* при выходѣ въ Свѣтъ вашей проспанной Грамматики. Вамъ подобаетъ честь и слава, *Николай Ивановичъ!*

Г. Грегъ. Довольно, довольно, 'добрый пова-
рищъ, *Фадей Венедиктовичъ*; раздѣлимъ же лавры
и оливы.

Конецъ первому разговору.

~~~~~

(19) „Для меня непояшны поступки Издашелей С. О., въ „ошвошенiи кришикъ и аншикришикъ, говоришь *Н. А. Полевой* (М. Т. 1825, кн. 15, стр. 43.), помѣщаемыхъ въ ихъ Журналъ. Мнѣ кажется, Издашель ошвѣш- „сшвуешь за все, напечатанное въ его Изданiи. У Из- „дашелей С. О. это дѣло посшороннее: пиши что хо- „чешь; ошибайся, какъ хочешь; противорѣчь самъ себѣ; „они печашаютъ да молчашъ—и что всего забавнѣе: „скажи имъ объ ошибкахъ—они ошвѣчаютъ: *намъ ка-
кое дѣло? вить не мы писали.*“—(20) Сѣверный Архивъ
1823, Ч. V, стр. 414. —

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

О ДВИЖЕНІЯХЪ КОННИЦЫ.

Изъ Бисмарка.

Воинскія движенія вообще раздѣляются на два рода: на

1-е движеніе какъ *переходъ* и

2-е движеніе, какъ *маневръ*.

Когда войска оставляютъ свои расположенія, лагерныя или канпониры - кварширы, съ тѣмъ, чтобъ перейти въ другія, то движеніе сіе называется *переходомъ*.

Когда же войска, въ новомъ расположеніи своемъ, или во время похода шуда, избираютъ боевой порядокъ и готовятся всунуть въ дѣло: то движенія, коими они достигли до мѣсна сраженія, равно какъ и тѣ, которыя производятся посреди самаго дѣла, называются *маневрами*.

Спратегія занимается движеніемъ войскъ вообще; она учитъ, когда должно перемѣнить позицію, доказываетъ необходимость въ оной, и отыскиваетъ новую.

Позиція избирається на однихъ стратегическихъ точкахъ. Движеніе съ одной позиціи на другую можетъ содержать нѣсколько переходовъ.

Подобные переходы, одинъ за другимъ послѣдовавшіе, составляютъ операцію (дѣйствіе).

Новая позиція, которую посредствомъ движеній сихъ — достигнуть и заняты должно — есть предметъ дѣйствія.

Коль скоро стратегія извѣстила о необходимости новаго дѣйствія, указала направленіе и предметъ онаго, и начерпала свои предположенія: то тактика занимается исполненіемъ.

Тактика, соображаясь съ обстоятельствами, раздѣляетъ войска и устраиваетъ части, тщательно наблюдая за мѣстоположеніемъ, по которому движеніе имѣетъ бытъ производимо: за числомъ дорогъ, удобныхъ для марша колоннъ и за возможностью или вѣроятностью непріятельскихъ нападений, во время сего перехода.

Тактика, при составленіи колоннъ изъ войскъ разнаго рода, имѣетъ въ виду два главные предмета: 1-е) безопасность дорогъ и движеній, 2-е) удобность и покой для войска. Сія двоякая цѣль достигается въ такомъ случаѣ, когда мѣстоположеніе открыто, и колоннамъ предшествуетъ конница; но гдѣ оно гористо и вынуждаетъ пѣхоту слѣдовать впереди колоннъ: тамъ удобность сія исчезаетъ; опъ пого и цѣль въ одномъ только отношеніи исполнена.

Изъ сихъ двухъ главныхъ предметовъ, безопасность соспавляетъ первый, а удобность второй.

Движенія бываютъ наступательныя и оппупательныя. Каждое изъ нихъ, въ своихъ оппупеніяхъ, пребуепъ особенныхъ и нерѣдко совершенно противныхъ мѣрѣ, при такпическомъ распредѣленіи коихъ, необходимы постоянное вниманіе и почность въ подробности; ибо малѣйшее упущеніе можетъ имѣть слѣдствіемъ самыя большіе беспорядки.

Одна изъ затруднительнѣйшихъ задачъ состоитъ въ томъ, какимъ способомъ устроить съ порядкомъ движимость и движенія пѣхъ огромныхъ обозовъ, копорые обыкновенно обременяютъ и затрудняютъ армію.

Всобщее, фуришатъ при войскахъ еще не устроено такъ, какъ бы слѣдовало: въ иныхъ арміяхъ образованіе онаго посредствено; въ другихъ съ большими даже недостатками.

Офицерскіе обозы, — копорыхъ не можетъ быть довольно мало, стараются слѣдовать за своими полками, пробираются между колоннами и затрудняютъ ихъ ходъ, между тѣмъ, какъ потребности нынѣшнихъ большихъ армій, справедливо такъ называемыхъ, — превосходя каждое исчисленіе, сами собою достаточны, чтобы покрыть и запереть все дороги.

Одни уже паркы съ боевыми снарядами нерѣдко препятствуютъ движенію войскъ Но безъ нихъ нельзя обойтись.

Когда же, сверхъ того, пристанутъ къ армію въ необозримыхъ колоннахъ, везомые съ

величайшими издержками подвижные магазины, нерѣдко съ захлою и къ употребленію не годною мукою; но таковыя только вредящѣ и шягопящѣ войска и землю, чрезъ копорую проходящѣ.

Огромныя стада воловъ, по той причинѣ мало полезны, что не могутъ поспѣвать за войсками; погибая на большихъ дорогахъ, они заражаютъ воздухъ и вообще весь скотъ той земли, чрезъ копорую ихъ прогоняютъ.

Подвижные магазины не должны заключать въ себѣ сѣбственныхъ припасовъ болѣе, какъ на четверо сутокъ. Припасы же сіи должны состоять изъ сухарей, крупъ, ржи, овса и водки, и укладываются, какъ можно шуже на фуражнскія повозки; весь прочій обозъ уничтожается — и тогда армія въ движеніяхъ своихъ свободна.

Сверхъ того, солдатъ самъ на себѣ можетъ нести четырехдневный провіантъ; симъ способомъ армія будетъ всегда имѣть на восемь дней продовольствія.

Съ симъ количествомъ запасовъ, когда къ тому еще источники земли употребляются благоразумно и дѣльно, возможно произвести всякое скорое дѣйствіе.

Все сіе относится до движеній въ Европѣ, и то въ обитаемыхъ ея земляхъ—въ походахъ же противъ Турокъ и въ Азіи система войны совершенно иная.

Рядъ операцій составляетъ войну; послѣ каждой операціи, нѣсколько дней нужно отдохновенія, даже и тогда, если никакого сраже-

ня не было: ибо силы челоѡѡка имѡютѡ свои предѡлы.

Во время сего отдыѡа, возобновляются боевые снаряды и пополняются сбѡспные припасы—вѡ оборонительной войнѡ изѡ магазинов; вѡ наступательной изѡ завоеванных мѡстѡ и обласей.

Сѡ тѡхѡ порѡ, какѡ арміи, исключая Англійскую, перестали соспавляться изѡ иноземныхѡ, вербованныхѡ солдатѡ и сдѡлались, шакѡ сказать, народными; сѡ шого времени оказалась невозможность, среди роскошной и во всемѡ изобильной земли, ограничить солдата одними сухарями, шѡмѡ менѡе, что вѡ день сраженія, и вѡ часѡ рѡшительный, когда нужна вся сила и всѡ добродѡтели его: бодрость и крѡпость шѡла, духѡ воинственный, любовь и благодарность кѡ Государю и кѡ Отечеству, мы, вѡ замѡну оказанныхѡ о немѡ попеченій, приобрѡщаемѡ право смѡло пребовать отѡ него исполненія священныхѡ обязанностей, и сими благородными чувствованіями одушевлять его на храбрые подвиги.

Воинская строгость или дисциплина, состоить не вѡ шомѡ, вѡ чемѡ полагаютѡ обыкновенно: обывашель называетѡ воинскую строгость и военнымѡ порядкомѡ шо, когда начальникѡ обращаетѡ сурово сѡ солдатомѡ и принуждаетѡ его довольствоваться однимѡ сухарями. Спрадаетѡ ли армія отѡ усталости, отѡ недоспатка необходимой пищи, отѡ продолжительныхѡ осеннихѡ и зимнихѡ биваковѡ, уменьшается ли она отѡ заразныхѡ бо-

лѣзней, упадаетъ ли духъ, а съ тѣмъ и вся сила ея. . . . обыватель на сіе не смолпритъ. — Чувствуя одну тяжесть насюющей минушы, онъ не взираетъ на послѣдствія, которыхъ жершвою неминуемо самъ содѣлаетъ. . . . онъ не видитъ въ солдатѣ челоѡвка, изнуреннаго ненастьюемъ, голодомъ и жаждою, который соверша опасные и тяжкіе труды, ищетъ пріюща и отдохновенія, котораго гостепрїимное привѣщствіе, пища, хотя простая, но отъ добраго сердца данная, всегда довольствуетъ и веселитъ: ибо веселость и умѣренность суть главныя чершы война; — но обыватель судитъ иначе.

Обыватель видитъ въ солдатахъ буйную, дикую толпу, предназначенную для наказанія, для ошягощенія земли; онъ принимаетъ солдата сухо и грубо. . . . даетъ ему, что по положенію предписано; но скупю, пищу неопряшно и безъ вкуса прагошовленную, не приправляетъ ее ласковымъ словомъ, не вознаграждаетъ его за скудную пищу радушіемъ; — однимъ словомъ, обыватель всегда самъ виноватъ, если солдатъ, наконецъ, спановишся суровымъ и зыскашельнымъ.

Истинная дисциплина есть потъ уставовленный для войскъ порядокъ, посредствомъ коего они оспіаюшся всегда въ кругу своихъ обязанностей, вѣрны присягѣ, безпрекословно послушны уставу; исполняютъ приказанія слѣпо и не оспанавливаясь препящствіями; дисциплина есть то благородное постоянство, котораго ни угрозы, ни спрахъ близкой и не-

минуемой смерти не можетъ поколебать; — по высшаго рода хладнокровіе, которое ни въ какомъ случаѣ не теряетъ присущствія духа, сохраняетъ всегда въ рядахъ успройство, шину и по цѣлое, которое дѣлаетъ ихъ неприспунными. — Я называю дисциплиною, соединеніе всѣхъ нравственныхъ силъ, въ шой высокой степени, въ которой оно всѣ физическія силы себѣ подчиняетъ.

Прекрасно и достойно высокаго званія человека, спараніе Полководца заслужить приверженность шой страны, которая по несчастію, сдѣлалась театромъ войны; но если сія приверженность куплена на счестъ изнуренія воиновъ: по доброта его сердца ни что иное, какъ слабость — и онъ попираетъ ногами главнѣйшую изъ своихъ обязанностей.

Полководецъ тогда только выходитъ на сцену, когда война уже неизбежна. Упреки, несчастіе, вопли народовъ и опустошеніе земель не относятся къ нему; онъ не отвѣщаетъ за горестныя послѣдствія и за неразлучныя съ войною всякаго рода бѣдствія. Употребляемый Государствомъ, какъ крайнее средство, какъ чрезвычайное орудіе для достиженія великой цѣли, онъ отдѣленъ отъ остальнаго рода человеческого и, съ своею арміею, составляетъ особую часть свѣта.

Если Полководецъ щадитъ народъ и землю, по это предпочтительно съ шѣмъ, чтобы пользоваться способами и богатствами ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ найдетъ для души своей величайшее утѣшеніе, если успеетъ до-

стигнуть своей цѣли, не опустошая земли; но если другая, важнѣйшая цѣль, иногда имѣ однимъ постигаемая, заставляешъ его сдѣлать проливное; то онъ безъ гнѣва, хладнокровно, какъ будто бы самъ чуждый, но рѣшительно и рукою непоколебимую, все вокругъ себя предаешъ мечу и превращаешъ въ пепелъ.

Полководецъ—въ военное время—выше человека; но съ водвореніемъ мира, онъ опять принадлежитъ человечеству.

Искусство производишь конницею движенія, какъ маневръ, имѣешъ при главныхъ предметахъ.

А) Строишь линію или фронтъ изъ сомкнутыхъ частей, (Деплояда).

В) Дѣйствовать фронтомъ по всѣмъ направленіямъ.

С) Свертывать фронтъ въ сомкнутый строй (построеніе колонны).

А.) *Деплояды.*

Войска приходятъ на мѣсто сраженія не иначе, какъ въ колоннахъ. Здѣсь представляются три случая: или 1-е) непріятель уже занялъ мѣсто сраженія, или, 2-е) онъ занимаешъ его въ одно время съ нами, или въ 3-хъ) мы на томъ мѣстѣ намѣрены ожидать непріятеля.

Въ 1-хъ, если мы находимъ непріятеля, уже совершенно построенымъ въ боевой порядкѣ; то должно не теряя времени, подъ прикрытіемъ всего авангарда, осмотрѣть непріятельскую позицію и обыскать тѣ точки,

на которыя удобнѣе произвестъ нападеніе: точки сіи называются ключами позиціи.

Командующій всею Кавалерією всегда лично долженъ находиться при сихъ обзрѣніяхъ, дабы тотчасъ получить ясное понятіе о расположеніи непріятельскихъ войскъ и вообще о мѣстности.

Начальникъ Кавалеріи получаетъ отъ главнокомандующаго изъ двухъ приказаній одно: или тотчасъ атаковать, или, не входя въ ручной съ непріателемъ бой, ограничиться удержаніемъ его въ бездѣйствіи.

Въ первомъ случаѣ, то есть, когда приказано ему атаковать, то онъ весь расчетъ свой основываетъ на силѣ удара, а потому не уважаетъ непріятельскихъ орудій и деплоируетъ, оставляя между эскадронами первой линіи самыя малые промежутки (интервалы), т. е. не болѣе 15 шаговъ.

Во второмъ случаѣ, когда онъ имѣетъ въ виду не наносить ударовъ, а только угрожать непріятелю: тогда интервалы могутъ быть сприваннѣе, и онъ обязанъ спавить войска свои въ пушечнаго выстрѣла.

Кто намѣренъ тотчасъ, по сформированіи линіи своей, произвестъ атаку, тотъ долженъ спараться быстрою деплоядою изумить непріятеля и обскакать одинъ изъ его фланговъ: движенія, которыя обыкновенно приготавлиють побѣду и облегчаютъ ее—и которыя *Фридрихъ Великій*, чаще и искуснѣе всѣхъ, производить умѣлъ.

Въ подобныхъ дѣйствіяхъ является Кавалерія во всей своей силѣ и блескѣ.

Прусская Кавалерія, подѣ предводительствомъ Генерала *Зейдлица*, рѣшила сраженіе подѣ Росбахомъ единственно внезапною и быспрошою, съ каковыми она выстроила фронтъ въ виду непріятельскихъ колоннъ.

Во 2-хъ, Когда войска занимающъ мѣсто сраженія въ одно время съ непріателемъ: то и тогда имѣетъ Полководецъ полную свободу избрать и выстроить войска удобнѣйшимъ боевымъ порядкомъ, пользуясь на каждомъ шагу мѣстоположеніемъ, и примѣняя къ оному свои движенія.

Въ такомъ случаѣ, конница участвуетъ въ сраженіи съ самаго начала; ибо тогда съ обоихъ сторонъ равно стараются, посредствомъ скорыхъ депоудъ и, еще скорѣйшихъ движеній, занять всѣ впереди лежація высоты и равнины. Извѣстно, какое иногда счастливое вліяніе имѣетъ на ходъ главнаго сраженія благовременное оныхъ занятіе.

Начальникъ Кавалеріи обязанъ имѣть въ виду расположеніе своихъ линій такимъ порядкомъ, чтобы онѣ могли служить для сей арміи густою завѣсою, позади которой ей было бы способно окончить свое построеніе.

Въ 3-хъ, Когда мы избираемъ мѣсто сраженія, на которомъ намѣрены ожидать непріятеля: тогда вся удобность развершыванія колоннъ — очевидно бываетъ на нашей сторонѣ.

В). Движеніе линій.

Линія или фронтъ бываетъ:

1-е), Прямый, когда фронтъ расположенъ параллельно фронту неприятельскому.

2-е), Косвенный, когда фронтъ составляетъ уголъ съ фронтомъ неприятельскимъ.

3-е), Выпуклый, если мы подвигаемъ оба фланга впередъ и удерживаемъ середину, или наша середина дѣйствуетъ наступательно, а фланги оцѣ того уклонены; первое составляетъ внутреннюю, второе, наружную дугу, или линію на центръ вдающуюся, и линію оцѣ центра уступающую.

1-е, Движенія прямымъ фронтомъ бываютъ: движеніе впередъ, движеніе назадъ и рѣшительное движеніе атаки.

При маршѣ фронтомъ прямо, составляются первымъ условіемъ вѣрность и единообразіе аллюра, а необходимымъ закономъ—спокойствіе, тишина и сомкнутость рядовъ.

Многіе полагаютъ въ сраженіи излишнимъ и называютъ педанствомъ, строгое въ самыхъ мѣлочахъ наблюденіе правилъ, предписанныхъ уставомъ; но такъ судятъ или невоенные люди, или люди, которые хотя и въ службѣ, но еще не обняли всей обширности военнаго ремесла, во всѣхъ отношеніяхъ на постепенности и на строгомъ порядкѣ основаннаго, и въ которомъ упущеніе малѣйшей части влечетъ за собою расстройство цѣлаго.

Для военнаго человека не можетъ быть зрѣлища важнѣе, какъ во время жаркаго сра-

женія плавное и подѣ ядрами правильное движеніе прямого фронта: непоспозимая проши-воположность пишины и покоя съ губишельными громами смерши и ужасами ея, и высочайшая спепенъ храброспи и военнаго устройства!

Ашака должна бытъ главнымѣ движеніемѣ конницы; она имѣетѣ предметомѣ общій ударѣ, или напискѣ; напискѣ же естѣ послѣднее и чрезвычайное усиліе кавалерійскаго фронта.

Вѣ постепенной быспротѣ ашаки и вѣ вѣрномѣ направленіи ея заключается успѣхѣ натиска.

Чѣмѣ пропуженнѣ ашакающая линія, тѣмѣ менѣ дозволено спѣшишь.

Находясь вѣ 300-хѣ шагахѣ отѣ непріятеля, ашакающая линія переходить вѣ рысь; сему движенію предшествуетѣ команда: укороти поводья! кѣ ашакѣ! осприе впередѣ! сигналѣ кѣ галопу даеся во ста шагахѣ; галопѣ должно прибавлять по мѣрѣ сближенія съ непріятелемѣ; вѣ 30 или 50 шагахѣ, пускающа по командѣ вѣ каріерѣ.

Изѣ двухѣ начальниковѣ обыкновенно храбрѣйшій останетса побѣдителемѣ; ибо вѣрочно, что личная его храбрось послужитѣ примѣромѣ для всего войска.

Реширада производится: или уступами, или ан-эшекѣ, на томѣ конецѣ, чтобы при ошступленіи одной части фронта, другая часть противосполяла непріятелю и удерживала его.

Никогда во время ошступа не должно допускать, чтобы непріятель насѣ ашаковалѣ;

напрошивъ того, какъ скоро мы усмотримъ, что онъ къ тому готовился, то слѣдуетъ поспѣшнѣ предупредить его и произвести ударъ со всевозможнымъ порывомъ; не съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ удачи заняться преслѣдованіемъ, а единственно съ тѣмъ, чтобы опрокинувъ его, съ большимъ порядкомъ продолжать свой отступъ.

Сіе должно быть принято всею кавалеріею за неизмѣнное правило: соблюденіе онаго чрезвычайно важно, и неоднократно спасало преслѣдуемыхъ отъ совершеннаго истребленія — но всегда ли бываетъ оно удобо-исполняемо?... Всегда — тамъ, гдѣ войска храбры и начальники рѣшительны.

Англійская Королевская конная Гвардія, при отступленіи Герцога *Веллингтона* на позицію подъ *Вашерло* въ $\frac{7}{8}$ день Іюня 1815 года, бывъ тѣснама Французскою Кавалеріею, произвела блестящую на нее атаку: всѣ Французскіе передовые эскадроны были опрокинуты и въ преслѣдованіи остановлены.

Во время репиреды болѣе, нежели въ какомъ другомъ случаѣ, надобно заспавить неприятеля уважать себя.

Если для наступательныхъ движеній поспѣшно все превосходство блестящихъ дарований: быстрота, прозорливость и опважность; то при отступательныхъ дѣйствіяхъ, еще въ большей мѣрѣ, необходимы въ Предводителѣ рѣшимость и присутствіе духа, презрѣніе опасностей, мужество непоколебимое, великодушіе и собою жертвующее.

2-е, Движенія косвеннымъ фронтомъ производятся уступами:

Сіе движеніе, посредствомъ котораго одно крыло отъ непріятели успраняется, между тѣмъ, какъ другое противъ него дѣйствуетъ, было всегда почитаемо удобнѣйшимъ для кавалеріи.

Уступами можно долго обманывать непріятели на счетъ своихъ движеній, и маневрировать во всѣ стороны, не удаляясь далеко отъ первоначальной своей линіи.

Уступами удобно производить нечаянныя атаки, не теряя своего главнаго боеваго порядка.

Уступами легко обскакашь одинъ изъ фланговъ непріятельскихъ, угрожая въ одно и то же время всю протяженносшь его фронта; безопасность собственныхъ своихъ фланговъ и удобность дѣйствовать по произволу частями фронта, не распроевая его и перемѣнять его непримѣтнымъ образомъ во всѣ стороны: вошъ главныя преимущества сего построенія.

При отступѣ, могутъ быть употребляемы уступы съ равнымъ успѣхомъ: доказательствомъ тому—служатъ маневры Французской арміи при Маренго 1800-го года, $\frac{1}{2}$ Іюня. Маневры сіи, вообще заключающіе въ себѣ богатѣйшіе для военнаго искусства уроки и заслуживаютъ удивленіе!

3-е, Полукружныя боевыя порядки также составляютъ изъ уступовъ:

Движеніе впередъ уступами съ обоихъ фланговъ, составляетъ на центрѣ вдавшуюся линію.

Движеніе впередѣ уступами изѣ середины образуетѣ отѣ центра уступающую линію.

Какѣ то, такѣ и другое движеніе, служатѣ для дѣйствій наступательныхѣ.

Одинѣ изѣ главнѣйшихѣ для кавалеріи маневровѣ есть перемѣна фронта.

Сей маневрѣ пошому споль важенѣ, что противѣ обхода непріятелемѣ нашихѣ фланговѣ—нѣтъ другаго оборонительнаго построенія.

Самая слабая часѣ кавалерійскаго фронта фланги его; по шому, что конницу не можно и не должно, подобно пѣхотѣ, спавить вѣ каре; ибо сей послѣдней послѣ шакаго построенія оспается для защиты ея огонь, для кавалеріи же не оспается ничего, кромѣ вѣроятности, что если она дождется непріятельской атаки, то будетѣ опрокинута и разшироитѣ весь оспальный фронтѣ своей арміи.

Все превосходство кавалеріи состоитѣ вѣ подвижности; вся сила пѣхоты—вѣ ея расположеніи. Отѣ сего то, вѣ конницѣ стараются всегда обойти другѣ у друга фланги, и шопѣ, кому сіе удастся, обыкновенно оспается побѣдителемѣ.

Перемѣна фронта вѣ передѣ, сѣ вѣрнымѣ глазомѣромѣ и сѣ быспрошою исполненная, сполько же шревожитѣ и угрожаетѣ непріятелю, сколько перемѣна фронта назадѣ, обезпечиваетѣ противѣ всякаго изѣ его движеній.

Предполагается произвестѣ изѣ косвенной линіи А—В, атаку правымѣ ея крыломѣ, позади кошораго построена колонна изѣ середины

С (первое положеніе); колонна С, сдѣлавъ перемѣну дирекціи на право шупымъ угломъ, де-плоируетъ вправо $a-b$, и шѣмъ самымъ обскакиваетъ лѣвый флангъ непріятельской линіи D, E, (второе положеніе).

Какъ скоро непріятель упустилъ удобное мгновеніе: то не спасушъ его ни храбрость, ни стойкость—и онъ неминуемо будетъ опрокинутъ и разбитъ.

Чтобъ сдѣлать во время опорѣ сей атаки, необходимо, чтобы Предводитель линіи D, E, проникнувъ въ намѣреніе первоначальнаго движенія колонны С, исполнилъ галопомъ съ прешимъ полкомъ перемѣну фронта косвенно назадъ с b , (третіе положеніе).

Движеніе сіе прикрывается фланкерами, которые бѣглымъ огнемъ своимъ должны зашруднять и препятствовать развертыванію колонны С.

Вмѣстѣ съ сими распоряженіями (четвертое положеніе) принимаетъ полкъ G изъ резерва, построенный изъ середины въ колонну, галопомъ влѣво, поворачиваетъ во фронтъ, миновавъ на полполка лѣвый флангъ своей линіи С, D; спрорится вправо и влѣво, или, что еще лучше, ударяетъ потчасъ колонною на непріятеля $a-b$.

Въ сраженіи бывають мгновенія рѣшиТЕЛЬНЫЯ—Полководецъ ознаменовываетъ ихъ блестящими подвигами.

С.) *Построеніе колоннъ.*

Сколь легко и удобно, послѣ счастливо-окончаннаго сраженія свернуть линіи въ колон-

ны для преслѣдованія, столько же и, еще вѣ большей мѣрѣ, бываетъ затруднительно построение колоннъ къ опспуленію, вѣ виду и подѣ огнемъ побѣдоноснаго непріятели; но истинное дарованіе ни вѣ какомъ случаѣ не можетъ лучше показаться во всемъ своемъ блескѣ, какъ вѣ семъ движеніи.

На опкрышомъ мѣстоположеніи, Кавалерія прикрываетъ опспуленіе арміи.

Чѣмъ ближе подходитъ время, когда самой Кавалеріи опспунашь, тѣмъ для нее стано-
 вятся нужнѣе хладнокровіе и самонадѣянность.

При опспуль фронтонъ и линією, уже сказано выше, какими движеніями и вѣ какомъ порядкѣ проходитъ должно равнины и опкры-
 тые поля. Если же позади находящаяся тѣснина (дефилей): то полки по очереди строящая
 рысью вѣ колонны назадъ, но не прежде, какъ уже извѣщены будущъ, что армія миновала де-
 филе.

При сихъ построеніяхъ, необходимо держашъ непріятели вѣ недоумѣнн и обманывашъ
 его на счетъ своихъ движеній, прикрывая себя густою цѣпью фланкеровъ.

Здѣсь-то для Кавалерійскихъ полковъ оп-
 крыто обширное поле: на немъ могутъ они съ пользою и славою показашъ все свое искусство вѣ эволюціяхъ.

Когда линія была расположена параллельно съ дефилеею: то полки проходятъ оный съ флан-
 говъ назадъ; отъ ширины дефиле зависитъ назначеніе частей, имѣющихъ соспавлять длину ко-
 лонны; если вѣ сіе время непріатель, какъ того

ожидать должно, участишь свои напіски до такой степени, что покажется невозможнымъ совершить всѣми полками отступленіе чрезъ дефиле, по частъ войскъ должна сдѣлать атаку и стараться опразить непріателя, жершвуха иногда великодушно собою, между шѣмъ, какъ все прочее проходишь и спасаешся за шѣсною.

При ретирадахъ, скоро узнаемъ, какое зло причиняють многочисленныя обозы. Во избѣжаніе отъ нихъ препятствій и пагубныхъ опасновокъ—необходимы строгія приказанія и строгіе Офицеры, безъ всякаго пошворства ихъ исполняющіе.

Чѣмъ болѣе позади линіи находишься удобныхъ для колоннъ дорогъ, тѣмъ болѣе облегчается и ретирада (*).

Безъ конницы всякая ретирада затруднительна. *Ксенофонтъ* испыталъ истину сію въ полной мѣрѣ, при достопамятномъ отступленіи своемъ съ 10.000 Грековъ. Въ уваженіе того, что окружавшіе его непріатели безпрестанно его превозжили и испощали его войска; что походъ его тѣмъ оспанавливался и что, по собственному его выраженію, *безъ конницы при побѣдѣ ниско не лъзя выиграть, при неудачѣ же можно все потерять*, въ уваженіе всего эшаго, составилъ онъ самъ себѣ Кавалерію, выбравъ изъ

(*) Само собою разумѣется, что колонны всегда должны осшаваться въ возможности подкрѣплять одна другую.

вбючныхъ и Офицерскихъ лошадей лучшихъ, и посадивъ на нихъ храбрѣйшихъ своихъ воиновъ.

Французы приписывающъ одному недостатку въ конницѣ всѣ бѣдствія, претерпѣнныя ими при ретирадѣ 1812 года.

Пер. съ Нѣм. *Лахманъ.*

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Пажъ Герцога Фридландскаго.

Историческая повѣсть; соч. Тромлица.

(Продолженіе).

Съ пошпеннымъ фонаремъ въ рукѣ, въ бальномъ платьѣ, Графиня шла по длинному корридорю къ башнѣ, обителю звѣздочеша *Сени*. Тихонько входя на лѣстницу, она не мало испугалась, когда увидѣла спящаго человѣка у входа въ его комнаты, сего святилища, къ которому никакой незваный подойти не отваживался. Она оспорожно посвѣтила спящему въ лице, и узнавъ въ немъ *Роткирха*, крайне изумилась. Тумъ она увидѣла въ рукѣ его розу, которую держалъ онъ прижавъ къ сердцу. — Улыбаясь, наклонилась она, оспорожно взяла цвѣшокъ и шихо постучалась въ дверь аспролога. „Сей часъ, любезный Пажъ!“ вскричалъ старикъ изнутри, шихо отворилъ, и не мало удивился, когда увидѣлъ предъ собою Графиню,

которая, указывая на спящего, кивала ему въ знакъ того, чтобы онъ не говорилъ громко, и шопотомъ передала ему приказъ Герцога.

Сени заперъ дверь и пошелъ съ Графинею. *Георгъ* все спалъ преспокойнымъ сномъ.

„Сегодня стояніе планетъ было благопріятно,“ сказалъ *Сени*: „Марсъ находился съ Юпитеромъ въ самомъ лучшемъ согласіи; сегодня во второмъ часу по полуночи случилось нѣчто великое.“

— Можеть быть! — вздохнула Графиня.

„Все, что сегодня мой повелитель предпринялъ, будетъ ему во благо!“ продолжалъ *Сени*.

— Едва ли! — невольно вырвалось у Графини.

„Вы, Графиня!“ продолжалъ *Сени*, идя съ нею по длинному корридору: „не вѣрите вліянію созвѣздій. Я это знаю, и при всемъ томъ я гадалъ на гороскопъ о вашей будущей судьбѣ.“

— И что предсказалъ гороскопъ? спросила Графиня насмѣшливымъ голосомъ.

„Позвольте мнѣ объ этомъ умолчать,“ важно ошѣтствовалъ астрологъ: часто судьба сострадательно накидываетъ благодѣтельный покровъ на будущность людей; и однимъ только посвященнымъ въ таинства природы она дѣлается зримою.“ Онъ взошелъ на потаенную лѣспницу, и оставилъ Графиню одну въ галереѣ.

— Странно! — сказала она: всѣ сіи таинственныя пущьяки я почитаю за обманъ и шарлапанство и, не смотря на то, дивнымъ образомъ поразили меня слова Испаліянца.

Разумѣется! — Кто, какъ мы, стоимъ надъ бездною, того превожимъ малѣйшій шорохъ, хотя бы вѣтка надъ его головою пошевелилась. Но эта роза, продолжала она: которую сняла я съ груди соннаго *Роткирха*, — не уже ли? . . . Конечно, безъ сомнѣнiя! Это одна изъ двухъ подаренныхъ дочери моей сегодня *Гуасто*. Такъ конечно: розы теперь рѣдки. —

Она пошла по освѣщеннымъ еще комнатамъ въ залу: шамъ еще гремѣли трубы и лишавры, и раздавались скрипки и флейшы. *Герцогъ* удалился; но празднество продолжалось; зная, что онъ всегда рано уходитъ, никто этому не удивился; также и отсутствiе *Графини* никому не было замѣчено.

Опять вошедъ, она увидѣла что *Матильда*, рука съ рукой стояла съ юною *Марiєю Елисаветтою* передъ *Герцогиней*. *Матильда* почтительно внимала рѣчамъ своей Свѣтлѣйшей шетки, а юная *Марiя* нетерпѣливо ожидала минуты, когда мать кончинъ, дабы снова съ какимъ нибудь статнымъ кавалеромъ облешать залу. *Графиня Терцки* подошла къ нимъ. — Но когда дочь увидѣла розу въ рукъ матери, и когда сія послѣдняя безмолвно подала ей цвѣтокъ, она сама заалѣла какъ роза.—Поцѣловавъ у матери руку, и, запинаясь, хотѣла что-то сказать, но *Маркизь-дель-Гуасто* прибѣжалъ къ дамамъ и колкимъ, выразительнымъ голосомъ спросилъ *Матильду*: чья счастливая рука нашла поспѣвшую розу? —

„Рука моей любезнѣйшей маминьки,“ отвѣчала *Матильда*: „какъ я рада, господинъ *Мар-*

кизь, что получила розу изъ шакихъ драгоценныхъ рукъ.“ Она поклонилась и вшорично поцѣловала у машери руку; но когда взглянула вверхъ, *Роткирхъ* стоялъ передъ нею, и неподвижнымъ, почти дикимъ взоромъ смотрѣлъ на розу, которую она, опустивъ глаза въ землю, приколола къ груди, вмѣстѣ съ другими цвѣтами.

Гости разѣѣхались; зала опустѣла; восковыя свѣчи догорали, *Роткирхъ* все еще стоялъ прислонясь къ колоннѣ, и вперялъ неподвижный взоръ на дверь, входя въ которую, *Матильда* еще разъ оглянулась и на него посмотрѣла, какъ бы въ знакъ безмолвнаго прощанія. Наконецъ, подошелъ къ нему Гофъ - фурьеръ и сказалъ ласково: развѣ вы не хотите почивать? Я спану гасить свѣчи и запрю комнашы! О отдохните отъ трудовъ нынѣшняго дня, и усните сладко. — Покойной ночи! —

Камеръ-лакеи гасили одну свѣчу за другою; — медленно *Георгъ* сошелъ съ мраморной лѣстницы. — Идти въ свою комнашу и лечь, было въ сію минушу для него невозможно. „Еще разъ хочу испытать мою судьбу, которая столь коварно похишила у меня розу, сей небесный залогъ!“ воскликнулъ онъ, и посмотрѣлъ на темное окно въ астрологовой башнѣ: „онъ спитъ, но я разбуду его!“ Въ темноцѣ, онъ ощупью взошелъ на лѣстницу, и постучался въ двери; но никто не откликнулся; онъ постучался еще крѣпче. — Ни звука, ни шороха не было слышно; вдругъ показался свѣтъ внизу

круглой лѣстницы, слышались тихіе шаги, явился аспрологъ, и посвѣтилъ *Роткирху* въ распроенное лице: А, это вы, любезный Пажъ, вы все еще здѣсь? сказалъ *Сени*: я думалъ, что вы давно ушли спать; но вы здѣсь выспались, и потому-то вамъ теперь не спится. Прощай-ше! желаю вамъ покойной ночи! — —

„Нѣтъ“, вскричалъ юноша съ жаромъ: вы не разъ мнѣ обѣщали составить мой гороскопъ. Нынѣшній день, я чувствую, есть важный день моей жизни, сегодня благосклонная судьба подарила мнѣ драгоценность, а злая опять изъ рукъ вырвала. Сегодня, сію минушу, скажите мнѣ мое будущее, умоляю васъ!“

Спарецъ-аспрологъ пошавшимъ фонаремъ посвѣтилъ Пажу въ пылающее лице; улыбнулся, вытащилъ ключъ изъ кармана, и отворилъ дверь. Войдите, молодой человекъ! сказалъ онъ: я исполню ваше желаніе! — Онъ зажегъ большую лампу, отъ коей разлилось по комнатамъ тихое, необыкновенное мерцаніе.

Садитесь! — продолжалъ онъ, указывая на высокія креслы, на коихъ вырѣзаны были различныя безобразныя фигуры.

Роткирхъ сѣлъ, и между тѣмъ, какъ *Сени* уходилъ въ боковую комнату, онъ могъ вниматель-но рассмотреть святилище, до сихъ поръ ему недоступное. Книги, ландкарты, астрономическіе инструменты разбросаны были на маленькихъ столикахъ. Огромный зодіакъ шянулся по своду потолка; въ каждомъ углу комнаты стоялъ человѣческій остовъ; на карнизѣ высокаго камина вырѣзаны были изъ дерева чудныя вещи,

чада игриваго воображенія. Впрочемъ, все было такъ какъ и во всѣхъ тайникахъ людей ученыхъ: вездѣ безпорядокъ и неопрятность. — Аспрологъ возвратился съ открытою головою, въ черной длинной одеждѣ, опоясанный золотымъ широкимъ поясомъ. Въ рукѣ держалъ онъ небольшой бѣлый жезлъ. Онъ безмолвно сталъ противъ юноши, разсматривалъ его долго, пронзительнымъ, испытующимъ взоромъ; потомъ сказалъ: знай, молодой человекъ! что наша судьба ввѣрена двумъ Ангеламъ, по волѣ того непостижимаго Существа, которое въ сильной десницѣ своей держитъ вселенную. Одинъ изъ нихъ руководствуетъ судьбу нашу въ тѣсномъ кругу внутренней, другой въ обширномъ кругу внѣшней жизни! Оба ведутъ человека, хотя и различными путями, къ двумъ предѣламъ земнаго существованія: къ счастью или несчастью!—въ небо или въ адъ!—Часто они встрѣчаются у самой цѣли, часто никогда. — *Георгъ Роткирхъ*, ты, который стоишь предо мною, испытывая тайны сокровенной будущности, — говори! котораго изъ Ангеловъ долженъ я спросить? Оба повинуются моему гласу. —

„Того, который руководствуетъ мою внутреннюю жизнь!“ сказалъ *Роткирхъ*—и вздрогнулъ. Сострадательная улыбка пробѣжала по лицу Аспролога; онъ обернулся и вошелъ въ боковую комнату. — Когда, черезъ нѣсколько времени онъ возвратился, юноша стоялъ съ поникшею головою, въ глубокой думѣ, рука его была крѣпко прижата къ сердцу.

Георгъ Роткирхъ!—вскричалъ ему *Сени*, и юноша пробудился изъ своихъ мечтаній. — Ты хотѣлъ изгнать того Духа, который обитаетъ въ твоёмъ сердцѣ, боясь, что онъ обнаружилъ мнѣ свои сокровеннѣйшія чувства, и потому ты невольно прижалъ руку къ сердцу: напрасно! Изъ твоего духовнаго ока прозираетъ сей Духъ: опшуда, онъ не разъ уже открывалъ мнѣ паящееся въ твоей груди! Подобно какъ Духъ обширной внѣшней жизни говоритъ со мною въ звѣздахъ и планетахъ небесныхъ: Духъ внутренней жизни бесѣдуетъ въ звѣздахъ твоихъ звницъ. Съ обоими я совѣщался! Твой гороскопъ... — *Роткирхъ* быстро подошелъ къ астрологу и хотѣлъ говорить: —

— Назадъ, на свое мѣсто! Вскричалъ ему старецъ съ негодованіемъ: молчи—и не мѣшай мнѣ!—Одна только та сила, которая непостижимо связуетъ человѣка съ человѣкомъ, та сила, которая съ первой минутой нашего знакомства, таинственно влечетъ меня къ тебѣ, принуждаетъ меня подняться для тебя завѣсу. Внимай и безмолствуй! —

Высоко поднявъ жезлъ надъ своей обнаженной ошъ волосъ головою, и простирая его ко всѣмъ странамъ свѣта, онъ наконецъ остановилъ его надо осшовомъ, который стоялъ къ Востоку. Вперивъ черные, сверкающіе глаза свои на юношу, онъ началъ громкимъ, торжественнымъ голосомъ: „Странствующій рыцарь! впередъ! перебирайся черезъ скалы и утесы, низвергайся въ шумящія волны нагорнаго пошюка, сражай гиганшовъ и драконовъ,

восходи! Пренебрегай язвы отъ колючаго шерна и острыхъ скалъ, язвы, нанесенныя тебѣ исполинами, пройди сквозь пламя, изрыгаемое драконами. Вверхъ! вверхъ, смѣле мой бодрый рыцарь! Тамъ на высотѣ стоишь она, прелестная роза;—отважный прыжокъ черезъ бездонную пропасть, тебя отъ нее отдѣляющую. — Поздравляю! Счастливо совершилъ ты свой опасный путь: смотри, она къ тебѣ наклоняется;—ты простираешь къ ней руку!—

Опусти теперь завѣсу, сострадательный Духъ!—вскричалъ *Сени* расстроганнымъ голосомъ и преклонилъ жезлъ,—глаза его съ умилениемъ покоились на юношѣ.

„Подыми завѣсу!“ — воскликнулъ *Георгъ* съ восторгомъ: „подыми ее *Сени!*“ — и кровь его бурно взволновалась въ жилахъ: „я простираю къ ней руку.“

Астрологъ отъ усалости бросился въ креслы, и опустилъ съдую голову на руку. — Юноша! сказалъ онъ съ живѣйшимъ участіемъ *Георгу*, который все еще стоялъ передъ нимъ въ шомшельномъ ожиданіи, — для нынѣшняго дня довольно. Таящееся за покрѣвомъ принадлежитъ другому Духу; своя внутренняя жизнь сливается съ своею внѣшнею; касательно сей послѣдней, я долженъ молчать. Только одно могу открыть тебѣ: завтра поутру въ девять часовъ, спускай въ Гостиницу Золотаго Грозда; тамъ найдешь благосклонную руку, которая поможетъ тебѣ приблизиться къ розѣ.

„Въ Гостинницѣ Золотого Грозда?“ вскричалъ изумленный *Георгъ*. Онъ внезапно вспомнилъ о двухъ закупанныхъ въ плащи незнакомецѣхъ, коихъ встрѣпилъ ночью въ Капуцинскомъ переулкѣ.

— Покойной ночи, *Роткирхъ!* — сказалъ астрологъ вмѣсто отвѣта, пожалъ ему руку, ласково проводилъ до дверей, и заперъ ихъ за собою. Одинъ стоялъ юноша; мрачно проспиралась ночь передъ нимъ, какъ судьба его; одна только роза на крутой вышинѣ сіяла ему Гесперомъ среди густаго мрака.

„И сорву ли ее, и прижму ли ее къ моему сердцу?“ воскликнулъ онъ: „назову ли ее моею?“ — Никогда! — раздалось спрашнымъ голосомъ, какъ будто съ башни. — „Никогда?“ вскричалъ юноша, и лихорадочная дрожь пробѣжала льдомъ по его жиламъ; — онъ опрометью бросился съ лѣстницы, черезъ дворъ, въ свою маленькую комнашку. „Никогда! — Никогда!“ все еще повторялъ онъ самъ себѣ, и ему казалось, какъ будто и здѣсь еще его преслѣдовалъ гремѣщій голосъ страшной будущности.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(Изъ Байрона).

О шы, увядшая во цѣшнѣ юныхъ дней,
 Не долженъ шагوشيшь гранишь швоей могилы;
 Пусшь роза ранняя одна цѣшшешъ на ней,
 Когда придетъ весна: пусшь кипарисъ унылый
 Раскинешъ вокругъ нее гусшую шѣль вѣшвей.

Гдѣ грустный шумъ ручья шебя напоминаетъ,
 Тамъ часшо шяжкую главу печаль склоняешъ;
 Въ раздумѣ, въ горькія мечшны погружена,
 Она и съ робосшью и медленно спущаешъ:
 Бояся швоего нарушишь сладосшь сна.

„Забудь, забудь шоску; ни слезы, ни моленья
 Не могушь роковой судьбины опшрашшь!“
 Но сердце можешъ ли шакъ скоро насладенья,
 И радосшь и любовь и счастье позабышь?
 Ты говоришь: забудь! — О чемъ же самъ вздыхаешъ,
 И шайную слезу невольню опираешъ?

Пер. А. Кировъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

О дѣва! если какъ видѣнье,
 Какъ сна — минушныя мечты,
 Въ швоемъ угасну вображенѣ,
 То, можешь бышь, невольно пы
 Меня въ справахъ чужбины дальней
 Мечшою нѣжной посѣпишь,
 Когда очами спихъ прощальной
 Съ нѣмымъ раздумьемъ пробѣжишь....
 И все забытое лвишя
 Бышь можешь въ памяти швоей,
 И въ ней, какъ Фениксъ, загоришя
 Начальной жизнию своей!

Н. Заборовскій.

Крошитадтъ.

КЪ ПЯЛЬЦАМЪ К. С. М.

Въ искусствѣ вышивашь
 Хозяйка здѣшняя соперница съ Мигулой.
 Но мудрено рѣшишь: которую бы первой
 Изъ нихъ двухъ должно называшь?

А. Изм.

Архангельскъ.

ЭКСПРОМПТЪ.

Я видѣлъ Царскія палаты,
 Я видѣлъ — рай среди зыбей!...
 Онѣ счастливы!... Какъ богаты!
 Въ нихъ М а т ь Россіи, М а т ь Ц а р е й!
 Души восшоргомъ упоенный,
 Бросалъ повсюду жадный взглядъ,
 И слышалъ голосъ полвселенной,
 Сыновъ Россіи — вѣрныхъ чадъ —
 Ихъ слышалъ шепчущая молишвы,
 У Бога Вышнихъ алшаря:
 „Храни Ег о, Творецъ! средь бишвы,
 „Храни намъ мудраго Ц а р я!“

Павелъ Хотяницовъ.

1828, 12 Іюня.

Павловскъ

Въ Павильонѣ розъ.

*Нѣчто объ Издателяхъ Англійскихъ Журналовъ:
Лондонскій Трутень и Бомбайская Каланги.*

Въ нашей благословенной матушкѣ Россіи не бываетъ такихъ смѣшныхъ пѣшущихъ дракъ между Журналистами, и такихъ жаркихъ перебранокъ, какъ въ чужихъ краяхъ, особливо въ Англии, гдѣ чернь, спраспная охотница до кулачныхъ боевъ, медвѣжьей правли и полемическихъ битвъ.

Теперь всѣ Журналисты и Газетчики ведутъ войну съ зазорными Издателями Лондонскаго Трутня и Бомбайской Каланги.

Первый, часто по привычкѣ, обидѣвшись какою нибудь острою шулкою, или замысловатою насмѣшкою своихъ товарищей, и не умѣя отвѣчать шулкою на шулку, готовъ жаловаться на нихъ въ Парламентъ. Въ опмщеніе за это, Издатели Edinburgh Review прозвали его *Литературнымъ ежомъ* Literary Urhin; а Издатели Лондонскаго курьера не величаютъ иначе, какъ Литературнымъ крючкомъ.

Другой, занимаясь прежде Химіею и въ особенноти перегонкою спиртоватыхъ газовъ, вдругъ, почувствовавъ талантъ порошь дичь, записался въ Литературный цѣхъ и завелъ Журнальную лавочку подъ вывѣскою: *Бомбайской*

Каланги въ Золотомъ полѣ. Но, по пословицѣ: *горбатаго исправитъ могила*; онѣ всѣ свои сравненія, всѣ риторическія пропы и фигуры заимствуетъ изъ Химическихъ Препаратовъ. Въ его Журналѣ, говоритъ Издашеля *Лондонскаго Курьера*, найдете вы „кубъ бумагомаранія, въ „коемъ перегоняетъ онѣ слова какъ спиртъ, „посредствомъ паровъ Санскритскаго языка и „сливая въ бочку массивныхъ нарѣчій, закупаетъ ихъ изобрѣшенною имъ маспикою „шарлапанизма, а потомъ спавитъ эту подмѣсь въ шемный подвалъ невѣжества.“

Давно бы такъ!

Наконецъ, Господа Издашели *Сѣверной Пчелы* въ Но 120-мѣ, добровольно сознались въ нѣкоторыхъ своихъ невѣрныхъ показаніяхъ; однако же, все еще сердятся на Издашеля *Славянина* за обличеніе, все, по старой привычкѣ своей, сваливаютъ свои ошибки на безвинныя буквы Россійской азбуки. Теперь виноваты *Бѣки, Вѣдѣи* и *Ша!*

Не понимаю, за что шумѣ гнѣваются? Чшо за бѣда, что *Г. Грегъ* и *Бѣларинъ* взяли по городу: одинъ у Персіянъ, другой у Турокъ? Имъ же больше славы!

Что сдѣлалось съ *Издателями Моск. Телеграфа?*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

„Вѣрьте, мусье Грипусье, Издашелю М. Т.; вы обязаны ему своимъ существованіемъ.

Онъ славно пишеть, переводишь (1)!

Сѣв. Пчела 1825, № 125.

Что сдѣлалось съ Издашелемъ *Московского Телеграфа?* Ужь не принялъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ девизомъ своимъ *рака*, представленнаго на листочкѣ Сѣв. Пчелы въ лицахъ (2)? Печатаеть, что Кучукъ-Кайнарджскій миръ заключенъ въ 1775 году, тогда, какъ всякому извѣстно, что онъ подписанъ въ 1774! Увѣряеть, что Султанъ *Селимъ III* пошерялъ въ одно время и престолъ и жизнь (3), тогда какъ онъ жилъ цѣлый годъ послѣ сверженія съ Престола! Извѣщаетъ, что онъ купилъ 800 экземпляровъ Поэмы *Делиевой: Сады*, переведенной *Г. Воейковымъ* (3), тогда какъ сей книги печатано было только 600 экземпляровъ (5)! Куда дѣвались его высшіе взгляды, выводы? Не уже ли онъ промоталъ свой невещественный капиталъ?

Мы заранѣе отгадываемъ, что Кучукъ-Кайнарджскій миръ причтеться къ опечаткамъ, такъ какъ взятіе Шумлы храбрымъ его союзникомъ *Г. Буларинымъ*, что въ разсужденіи шаринной шутки о залежалыхъ книжкахъ пе-

(1) Горе ошь ума, соч. *А. С. Грибоѣдова*.

(2) Сѣв. Пчела 1825, № 133.

(3) М. Т. 1828, Кн. XIV, стр. 190. (4) М. Т. Кн. XIV, стр. 127. (5) Объ этомъ легко справиться въ *Медицанской типографіи*.

ревода Г. Вейкова, онъ скажетъ, что ему далеко наводитъ объ этомъ справки; но чѣмъ оправдается онъ въ преждевременномъ убійствѣ Турецкаго Султана *Селима III*, котораго умершвилъ онъ годомъ прежде, чѣмъ Янычары? Самые Янычары были челоѡколюбивѣе Издапеля М. Т.! Пусть онъ послушаетъ здѣсь, какъ это происходило; учишься не стыдно; не лѣзя бытъ *Всецѣдадкою*, особливо въ Исторіи; ей учатся, ее не опгадывають.

„Когда Русскія войска заняли Молдавію и Валахію (1806), Турція объявила войну Россіи (18-го Дек. 1806). Тутъ обнаружилось изнеможеніе Општоманской Имперіи. Англійскій флотъ прошелъ чрезъ Дарданельскій проливъ (8 Февр. 1807) и явился предъ Константинополемъ; но Французскій Посолъ Генералъ *Себастьяни* овладѣлъ духомъ Дивана и раздражилъ Турецкую чернь противъ Англичанъ. Между тѣмъ, Россіане одерживали побѣду за побѣдою, брали крѣпость за крѣпостью. Буйные Янычары взбунтовались и (17-го Мая 1807) *Селимъ III* сверженъ съ престола, а *Мустафа* провозглашенъ Султаномъ. Когда же и при новомъ Властителѣ, дѣла Порты не поправлялись и Турецкій флотъ совершенно разбилъ при Тенедосѣ эскадрю Вице-Адмирала *Сенявина*, тогда другъ *Селима III*, предприимчивый Руцукскій Паша, *Мустафа Байрактаръ*, воспользовался смятеніемъ Столицы — и овладѣлъ ею. При семъ случаѣ, несчастный *Селимъ* лишился жизни (16-го Юля 1808), и *Байрактаръ* возвелъ на престолъ нынѣ царствующаго Султана *Махмуда II*.“

Но пусть Историческія свѣдѣнія *Г. Полева* весьма ограничены; эшаго съ него уже чипашели и не взыскивають. Мы хопимъ поговорить съ нимъ о другомъ, о языкѣ и слоги *Моск. Телеграфа*. Писателю, знающему Бирманскій, Пегуанскій, Сіамскій, Лаосскій, Камбоджійскій, Тонкійскій и Арраканскій языки, грѣшно не умѣть писать на языкѣ опечесивенномъ и, увлекшись прелестью и великолѣпіемъ иноземнаго, издавать Русскій Журналъ, а писать по Санскрипски.

Развернувъ книжку XII *Телеграфа*, мы находимъ! „Въ доказательство похвалъ, *сдѣланныхъ* здѣсь водамъ Доктора Спруве, (съ коими совершенно во всемъ сходны Московскія минеральныя воды) полагаешся нужнымъ и пр.“ стр. 496.

Не уже ли мы, подобно бѣднымъ Французамъ, спанемъ вѣчно употребляль эпотѣ несчастный глаголъ: *дѣлать*, для выраженія имъ всѣхъ возможныхъ дѣйствій человѣческихъ? Русскій языкъ богашъ и разнообразенъ въ способахъ извясненія.

„Желаніе видѣть дикую Каянскую сторону, древній замокъ и живописныя мѣста тамошнія, побудили Императора АЛЕКСАНДРА, въ 1819 году *ѣхавши* изъ Сердоболя въ Сѣверную Финляндію, свернуть съ Улеборской дороги вправо и посѣтитъ Каяну.“ Стр. 497.

Для людей внимательныхъ и основательно знающихъ свой опечесивенный языкъ, такія погрѣшности ясны сами собою; но для пачихъ, копорымъ

Печашный всякій листъ бытъ кажешся святымъ,

онѣ темны, и попому мы обязаны раскрыть для нихъ сіи ошибки. Въ предспавленномъ нами примѣрѣ, причастіе согласовано съ существительнымъ не по правиламъ Русской Грамматики: это чистый галлицизмъ. Судя по этому выраженію, должно разумѣть, что не Государь, но желаніе видѣть дикую Каянскую сторону, древній замокъ и живописныя мѣста тамошнія бхали изъ Сердоболя въ Сѣверную Финляндію. Какова карпина? Къ пому же, какая аналогія между желаніемъ видѣть Каянскую сторону, и древнимъ замкомъ и живописными мѣстами тамошними? Къ чему здѣсь служатъ тамошнія мѣста? Кто обнимаешь своими взорами цѣлое, пому открыты и его части, пому и вся спорона являешся со всѣми ея мѣстами.— Въ этомъ періодѣ отсутствіе Логики.

„Мы обращаемся съ просьбою къ Автору: собрать всѣ письма о Сибири, какія гдѣ были имъ напечатаны, присовокупить къ нимъ новыя, еще находящіяся у Автора въ рукописи.“
Стр. 503.

Къ чему тутъ два раза повторено слово: Авторъ? Для избѣжанія сего Русскій языкъ предлагаетъ мѣспоименія.

„Англійскому правописанію выучишесь въ полгода, Русскому въ двѣ недѣли, а науку о словахъ, Грамматику, и въ цѣлую жизнь не узнаете совершенно безъ труда, размышленія и логики.“ 505.

Здѣсь столько же нелѣпицъ, сколько словъ! Во первыхъ: Русскому правописанію не лзя выучишесь въ двѣ недѣли. Въ этомъ согласенъ

съ нами и *Г. Полевой*, выше сего утверждающій, а ниже сего опровергающій самъ себя: „Безъ увеличеній сказать можно, что изъ юношей, занимающихся Литературою, едва ли на десять найдете одного, который бы зналъ порядочно Русское правописание.“ Стр. 512. — Во вѣсѣхъ: Правописание есть часть Грамматики, а по законамъ здравой Діалектики не должно говорить объ одномъ какомъ либо видѣ, упоминая о цѣломъ. Въ шретьихъ: Грамматика не есть Наука о словахъ, но Наука о языкахъ, а это составляетъ существенную разницу. Въ четвертыхъ: Въ раздѣлительныхъ понятіяхъ, одно понятіе не должно заключаться въ другомъ; то есть: не лзя представити себѣ въ Литературѣ ничего безъ труда; если вы занимаетесь на примѣрѣ: сочиненіемъ какой либо нравственно-философической сшашьи, въ которой гоните пороки: то вы трудитесь гораздо полезнѣе, нежели Химикъ, который гонитъ спиртъ, далѣе: *размышленіе и Лоиска* не одно ли и по же? Это *idem per idem!*

Ужъ не нарочно ли *Г. Шелевой* нагромоздилъ сполько ужасныхъ ошибокъ на помѣ самомъ листкѣ, на которомъ несправедливо упрекаетъ Редактора В. Е. въ нечистотѣ слога? Не хотѣлъ ли онъ, напомнивъ здѣсь стихи:

И кто не падалъ никогда?

Мудрецъ, народовъ просвѣщитель,

Бывалъ ли мудръ и швердъ всегда?

Ушѣшитъ этимъ *Г. Катеновскаго*? Но это лишняя забава. В. Е. двадцать шесть лѣтъ оплещается чистою, правильною прозою, а нынѣш-

мій Редакторъ его основательнымъ знаніемъ языка отечественнаго. Въ этомъ согласны всѣ безпристрастные цѣнители Словесности. Въ семъ Журналѣ мы не найдемъ *Санскритизмовъ*, *Бирманизмовъ*, *Персидизмовъ*, *Стамбулизмовъ*, *Галлицизмовъ* и *Германизмовъ*; не встрѣшимъ желаній, древнихъ замковъ и живописныхъ мѣстъ, скатющихся на постовахъ изъ Сердобола въ Финляндію.

Напрасно Г. Полевой задумалъ обличать Редактора В. Е. въ незнаніи Русскаго языка грубою игрою словъ, при извѣсненіи слѣдующаго выраженія :

„При печатаніи стиховъ предположено на-
„блюдать строгую разборчивость.“—Не уже ли читатели такъ недогадливы, что не поймутъ, въ какомъ значеніи принято здѣсь слово: *легатаніе*. Не все должно толковать въ буквальномъ смыслѣ; на пр: Гг. Грегъ, Катеновскій, Буларинъ, Стровъ, Погодинъ, А. Е. Измайловъ, Князь Шаликовъ, Павловъ, Шесвыревъ, Калайдовичъ, Сомовъ, Федоровъ, Воейковъ, и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. и пр. говорятъ, что Издашель М. Т. дурно пишетъ; но не уже ли надлежитъ здѣсь разумѣть его почеркъ, а не слогъ? Снимковъ съ его руки мы не видали въ Телеграфѣ, а плохимъ слогомъ онъ по два раза въ недѣлю угощаетъ своихъ читателей. И за чѣмъ начинается онъ наступательную войну съ В. Е., когда бы лучше отражать напискъ Моск. Вѣстника, ш. е. выполнить данныя имъ обѣщанія, перестать бросать вышшіе взгляды на небо, а опустя ихъ въ землю, смиренно занявшись тѣми книгами, разбора которыхъ Публика, положась на его слово, давно

ожидаетъ. Къ чему приведетъ насъ общность и частность такихъ хитрыхъ періодовъ: „явился ли ктонибудь изъ Русскихъ Литераторовъ съ разборомъ и оцѣнкою сего важнаго Литературнаго явленія? Преодолѣлъ ли ктонибудь изъ Литературныхъ Мападоровъ лѣнь, сдѣлавшуюся у нашихъ Литераторовъ, съ весьма не многими исключеніями, общею привычкою?“—Стр. 511.

Видно, что Г. Полевой не перечисываетъ страницъ, имъ написанныхъ, и тотчасъ отсылаетъ ихъ въ книгопечатню. Это не похвально! ему бы слѣдовало слушаться совѣшовъ Гг. Катенювскаго, Греча, Строева, Булгарина, А. Е. Измайлова, Погодина, Кн. Шаликова, Павлова, Шевырева, Федорова, Калайдовскаго, Солова, Воейкова и многихъ другихъ. Они отъ доброй души совѣтовали ему не быть столь самонадѣянну. Неумѣстная опвага не Героизмъ!

W.

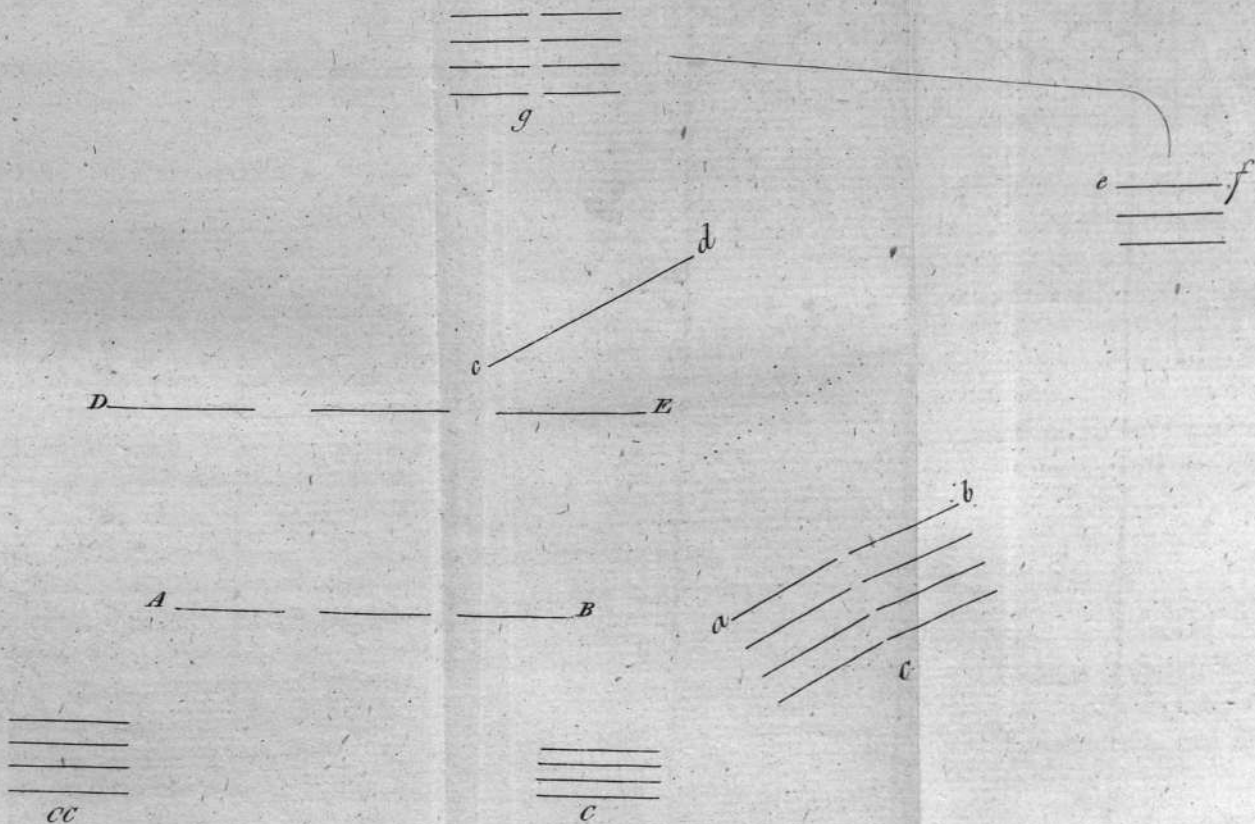
Москва.

(Вторая глава обѣщана.)

При сей книжкѣ приложенъ гертежъ.

№ статьи: о возмездіяхъ Коншицы, изъ Биланска.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

ВЗЯТІЕ СВЕАБОРГА

въ 1808 году.

Въ Февраль 1808 года открылась война между Россією и Швецією; *Аборфорсъ*, (на Кюмени въ Финляндіи) былъ первымъ театромъ военныхъ дѣйствій. — Генераль Графъ *Буксгевдинъ*, коему Императоръ АЛЕКСАНДРЪ поручилъ начальство надъ войсками, назначенными противъ Шведовъ, началъ походъ блистательнымъ образомъ. Лѣвая колонна сей арміи, подъ предводительствомъ самаго Главнокомандующаго, быстро овладѣла *Ловизою*; средняя, кою начальствовалъ Генераль-Маіоръ *Тутковъ 2-й*, почти безпрепятственно достигла *Гардома*; а правая — Генерала *Князя Багратиона*, также безъ затрудненій, дошла до *Элиме*. Сими скорыми движеніями, непріятельскія войска, расположенныя на границѣ, были принуждены къ поспѣшному отступу. Въ слѣдствіе сего, Русскіе заняли въ теченіе нѣсколькихъ дней почти все пространство, принадлежавшее Шведамъ

между Гейнолы, Тавасгуста и Гельзингфорса. Изъ сего послѣдняго, непріятельскія войска решировались къ *Свеаборгу*, оставя Русскимъ до 20 орудій разнаго рода и калибра, 20 п. ядеръ, 4 п. бомбъ и гранатъ, и вообще богатые магазины, какъ военныхъ, такъ и свѣстныхъ припасовъ.

Взятіемъ *Гельзингфорса* Русскіе получили возможность спѣснить *Свеаборъ*, представлявшій Шведамъ надежное убѣжище. Во второй половинѣ Февраля, Главнокомандующій Графъ *Буксгевденъ* предписалъ Генералъ-Маіору *Равскому* приступить къ блокадѣ сей крѣпости. Войска, назначенныя для сего предмета, состояли только изъ чешырехъ баталіоновъ пѣхоты и двухъ сотъ человекъ кавалеріи. Вошъ все, что можно было на первую минушу опдѣлить отъ арміи подъ *Свеаборъ*.

Въ продолженіе сихъ происшествій, начальство надъ Шведскими войсками въ Финляндіи было поручено престарѣлому, опытному Генералу *Клинкспорту*. Главная кваршира его, сначала была расположена въ *Тавасгустъ*, но дѣятельность Графа *Буксгевдена* скоро принудила непріятеля опступить отъ сего мѣста; и 25-го Февраля оно уже было занято Россійскими войсками.

Занятіе *Тавасгуста* и послѣдовательные успѣхи Россійскаго оружія, спѣсняли болѣе и болѣе *Свеаборгскій* гарнизонъ, заключавшій въ себѣ нѣскольکو свыше 7 п. человекъ; частію Финляндцевъ, частію Шведовъ и сверхъ сего числа 700 машросовъ. Войска сіи состояли

подъ начальствомъ Вице - Адмирала *Кроншета*.

Покореніе *Свеаборга* было слишкомъ важно для операций Россійской арміи. Чшобы убѣдиться въ этомъ, надобно только взглянуть на шеапрѣ войны Россіянкъ прошивъ Шведовъ въ сію кампанію. По сей-то причинѣ, малочисленный отрядъ Генерала *Равскаго* былъ вскорѣ опозванъ къ Сѣверу, и блокада *Свеаборга* поручена 17-й дивизіи, подъ начальствомъ Генерала *Каменскаго* 2-го. Дивизію сію сославляли 10,930 челоѣкъ пѣхоты и 1,363 кавалеріи.

Свеаборгъ, называемый Шведами *Сѣвернымъ Гибралтаромъ*, есть крѣпость, построенная при южномъ Финляндскомъ берегѣ на пяши оспровахъ. Три изъ нихъ, именно: *Вестеръ - Сварте*, *Дилля-Остеръ-Сварте* и *Стора-Остеръ-Сварте* лежатъ къ сторонѣ *Гельсингфорса*, въ разстояніи отъ сего города на малый пушечный выстрѣлъ. Они прикрываютъ собою съ сей стороны оспровъ *Варгенъ*, гдѣ находится главная укрѣпленія *Свеаборга*. Ближе ихъ всѣхъ къ швердой землѣ находится еще небольшой оспровокъ *Лангеръ* съ отдѣльнымъ укрѣпленіемъ; а со стороны моря, осаждающій сію крѣпость встрѣчаетъ первое препяшствіе въ цитадели *Густавсварте*, имѣющей въ при ряда бапареи.— Укрѣпленія *Свеаборгскія* построены большею частію изъ гранита и на гранишномъ же грунтѣ. Съ перваго взгляда на сіи швердины можно увидѣть, что онѣ воздвигнуты безъ первоначальнаго плана и почти безъ всякой системы; но не взирая на сіи недостатки, суще-

ствующія въ *гастяхъ*, *цѣлов* представляетъ собою первокласную крѣпость. Въ иныхъ мѣстахъ высѣчены искусственные рвы, а въ другихъ вмѣсто оныхъ служитъ самое море. — Постройка *Свеабора* стоила Швеціи безчисленныхъ издержекъ и продолжалась около пятидесяти лѣтъ.

Блокада *Свеабора* дивизіею Генерала *Н. М. Каменскаго*, вскорѣ обратилась въ осаду. Работы послѣдней были поручены Инженеръ-Генералу *П. К. Сухтелену*. — Не лзя описать сколь великія затрудненія встрѣчались при производствѣ оныхъ Россійскія войска: ибо еще при началѣ всѣ припасы и артиллерію надлежало возить по зимнимъ, весьма часто едва проходимымъ дорогамъ.

Первыя батареи были построены на Гельзингфорскомъ мысѣ, а за тѣмъ на оспровѣ Сканденландетѣ и на нѣкоторыхъ каменистыхъ мѣляхъ, разбѣянныхъ въ окружности Свеабургскихъ укрѣпленій. При семъ должно замѣтить, что число орудій, употребленныхъ при сей осадѣ, во все время оной, не превышало сорока шести, именно: 16 мортиръ и 30 единоговъ и пушекъ.

Выше уже было сказано, что производство осадныхъ работъ подъ Свеабургомъ, было сопряжено съ великими затрудненіями. При построении батарей, должно было ограничиваться одними фашинами и насыпными шурами: ибо каменистый и покрытый глубокимъ снѣгомъ грунтъ не могъ доставлять ни земли для бруствера, ни дерна для его одежды. Желая

ускорить взятіе Свеаборга, рѣшались было штурмовать его; но воля Императора *АЛЕКСАНДРА*, щадившаго челоѡчество, и самое благоразуміе предписали опложить сіе ужасное средство до самой крайности, а между тѣмъ, употреблять всѣ возможные средства для спѣшенія гарнизона.

Первая перестрѣлка осаждающихъ съ крѣпостью произошла 23-го Февраля. Псковомъ къ сему была одна изъ Россійскихъ баатарей, успроенная на утесѣ посреди *Свеаборгскаго порта*, между сею крѣпостью и городомъ *Гельсингфорсомъ*. Съ нее открытъ огонь по людямъ, высланнымъ отъ Адмирала *Кроншета* для прорубленія льда, передъ нѣми мѣстами, кои онѣ почиталъ наиболѣе пріступными. Шведы отвѣчали на эшо сильнымъ огнемъ, и каждое ихъ ядро повреждало зданія въ *Гельсингфорсѣ*. Городъ сей былъ угрожаемъ совершеннымъ разрушеніемъ; для предупрежденія сего, отправленъ къ *Кроншету* изъ осаднаго войска Парламентеръ. На представленія сего Офицера, что дальнѣйшій огонь крѣпости можетъ причинить сильный вредъ жителямъ *Гельсингфорса*, коихъ большая часть имѣли въ *Свеаборгѣ* друзей или родственниковъ, непріятельскій Адмиралъ хладнокровно отвѣчалъ, что раззореніе *Гельсингфорса* необходимо для обороны защищаемаго имъ мѣста. Даже угрозы, что за подобныя дѣйствія, Русскіе заплашутъ равнымъ при занятіи ими впродъ городовъ Швеціи, не убѣдили *Кроншета* прекратить пальбу по безвинному городу.

Однако же, вскорѣ за тѣмъ, было положено между обѣими сторонами, чѣобы на вышеприведенномъ пунктѣ не производить никакихъ работъ, и даже считать Гельзингфорсъ нейтральнымъ. Это условіе принесло Русскимъ шу выгоду, что они могли помѣстить въ семъ городѣ свои гошпиалы и магазины, въ совершенной безопасности. Съ сего времени, учреждена было здѣсь и главная квартира осаднаго корпуса.

Между тѣмъ, Россійская артиллерія занимала отъ времени до времени высоты окружающія *Сваборъ*. Башарей сіи дѣйствовали почти на удачу по мѣльницамъ, магазинамъ и разнымъ деревяннымъ строеніямъ, кои совершенно были открыты за валами, и не взирая на сіе, въ продолженіе десятидневной канонады, произвели внутри крѣпости нѣсколько пожаровъ. Въ теченіе сего времени, Русскіе бросили въ *Сваборъ* 1,565 бомбъ и ядеръ, а изъ крѣпости отвѣчали 2,577 выстрѣлами.

Переговоры, нѣсколько разъ производившіеся подъ *Сваборгомъ*, дали Генералу *Сухтелену* возможность замѣтить слабость духа и недостатокъ рѣшимости въ нѣкоторыхъ изъ непріятельскихъ начальниковъ; онъ увидѣлъ, что ихъ военныя дарованія далеко не соотвѣтствовали тѣмъ сильнымъ средствамъ, кои крѣпость имѣла для своей обороны. Открытіе сіе показало Русскому Генералу новую надежду и новую точку, съ которой надлежало дѣйствовать для ускоренія сдачи *Сваборга* безъ кровопролитія.

Первыя средства, употребленныя Инженеръ-Генераломъ *Сухтеленнымъ* состояли въ томъ, чтобы держать непріятеля въ непрерывномъ безпокойствѣ и безпрестанно превожить, особенно по ночамъ, гарнизонъ, который состоялъ, хотя изъ хорошихъ, но неопытныхъ и не привыкшихъ переносить трудности осады солдатъ.

Для сего высылались парніи барабанщиковъ или спрѣлковъ; а иногда даже одно или два полевые орудія. Сіи небольшіе отряды, пробираясь между утесами, выходили на ледъ и внезапно появлялись передъ крѣпостью, часто не далѣе картечнаго выстрѣла. Въ Экспедиціяхъ сихъ, особенно отличался Артиллеріи Полковникъ *Ариунъ*, котораго по всей справедливости можно было назвать будильникомъ непріятельскаго гарнизона.

Средства сіи удались въ полной мѣрѣ. Русскіе Генералы скоро замѣтили, что Адмиралъ *Кронштетъ* смотрѣлъ на сіи ночные поиски, какъ человекъ, проводившій весь свой вѣкъ только на морѣ. Онъ изнурялъ свое войско безпрестанными, но безплодными работами; не давалъ ему покоя, безпрестанно опасался приступа и взиралъ на защищаемую имъ крѣпость, какъ на корабль, не безопасный отъ абордажа. Многіе изъ его Офицеровъ и даже онъ самъ, увидѣли весьма ясно, что зима, окруживъ чрезмѣрно обширное пространство крѣпости твердыми дорогами, лишало его средства обороны.

Множество бесполезныхъ людей спѣшили укрыться въ *Сваборгъ*, еще при самомъ началѣ

военныхъ дѣйствій. Тогда, кажется, не было обращено на сіе особеннаго вниманія; но когда *Кронштетъ* увидѣлъ себя сильно стѣсняемымъ Русскими войсками, тогда, вмѣстѣ съ симъ увидѣлъ и свою ошибку. Онъ не преминулъ выслать изъ крѣпости всѣхъ людей, безполезныхъ для защиты ея; но строгіе законы войны воспрещали Русскимъ ихъ выпустить, и передовые посты осаждающихъ принудили сію полпу возвратиться назадъ въ *Свеаборгъ*; только одной фамиліи *Кронштета* былъ предложенъ свободный выходъ изъ крѣпости, но Шведскій Адмиралъ отказался отъ сего предложенія. Русскіе Генералы доставляли ему постоянно журналы и газеты того времени, гдѣ помѣщаются были извѣстія о неудачахъ, кои постигали оружіе Шведовъ. Оффиціальныя извѣстія изъ дѣйствующей Россійской арміи, разныя прокламаціи, частныя письма, однимъ словомъ все, что только могло поколебать, и безъ того уже шаткіе умы людей, заключенныхъ въ *Свеаборгъ*, было къ нимъ почти ежедневно посылаемо, и принималось ими съ тою жадностію, какая свойственна людямъ, лишеннымъ всякихъ сношеній.

Личныя свиданія Россійскихъ Генераловъ и Офицеровъ со многими изъ непріятельскихъ начальниковъ, дали первымъ возможность познакомиться съ характеромъ своихъ противниковъ. Вскорѣ замѣчено, что изъ Офицеровъ *Свеаборгскаго* гарнизона весьма немногіе были знакомы съ войною, и что между природными Шведами и Финляндскими войсками существо-

валъ нѣкоторый родъ соперничества и несогласія. Большое число женщинъ, дѣшей и людей совершенно бесполезныхъ; распочительность, съ какою по неопытности раздавались свѣстные припасы, столь драгоценные въ осажденной крѣпости; наконецъ, общее мнѣніе о превосходствѣ Россійскаго оружія; вопль главные предметы, приводившіе въ недоумѣніе Шведскаго Адмирала и подчиненныхъ ему начальниковъ. Изъ вышесказанныхъ свѣдѣній, можно было догадываться, что шогдашняя политика Шведскаго Правительства была совершенно не одобряема *Кронштотомъ*, и что онъ почиталъ *Свеаборгъ* непрочнымъ оплошомъ. Далѣе, сей Адмиралъ весьма заботился о сохраненіи въ цѣлости флотилии, которою онъ начальствовалъ со славою въ прежнюю войну противъ Россіи, и которую одна удачно направленная бомба могла превратить въ пепелъ. *Кронштотъ* также не весьма полагался на союзъ и пособіе Англичанъ, коихъ недавній поступокъ при Копенгагенѣ, заспалялъ его думать, что подобное дѣло съ ихъ спороны могло случиться впредь и со всякою другою морскою державою. Сверхъ сего, служа всегда на морѣ, Адмиралъ сей затруднялся въ защитѣ крѣпости неподвижной; какъ человекъ и отецъ семейства, онъ не могъ взирать равнодушно на положеніе столькихъ семействъ, укрывшихся въ крѣпости и драгоценныхъ ему по родственнымъ связямъ. Нужно ли говорить о послѣдствіяхъ, какія влекутъ за собою подобныя чувствованія въ военномъ человекѣ? Они совер-

шенно овладѣли его душою: онѣ сдѣлался уныль, медленѣ въ распоряженіяхъ и робокѣ. Онѣ собиравъ неоднократно Военный Совѣщѣ, а опредѣленія подобныхъ совѣщаній, какѣ извѣстно изъ безчисленныхъ опытовъ, всегда склоняющія на уступки. Такѣ точно случилось и при осадѣ Свеаборга. *Кронштетъ* приспустилъ къ переговорамъ, въ слѣдствіе коихъ, [24-го Марта между имѣ и Генераломъ *Сухтеленнымъ* заключена конвенція и перемиріе между обѣими сторонами, по естѣ, между крѣпостнымъ гарнизономъ и осаждающимъ войскомъ, на чепыре недѣли, съ тѣмъ, что если по истеченіи сего срока, именно въ полдень 3-го Маія (по нов. сп.) первый не получитъ подкрѣпленія, состоящаго, по крайней мѣрѣ, изъ пяти линейныхъ кораблей: то *Свеаборгъ* будетъ сданъ Россійскимъ войскамъ, со всѣмъ, въ ономъ находящимся, какѣ то; артиллеріею, мунициіею, магазинами и флотиліею.

Непосредственно послѣ подписанія конвенціи, островъ *Лангеръ* занятъ Россійскими войсками, равно какѣ и острова *Вестеръ-Сворте* и *Остеръ-Дилла-Сварте*, кои однако же Россіане обязывались очистить, если бы къ назначенному сроку Свеаборгъ получилъ подкрѣпленіе.

Время перемирія было употреблено Русскими на усовершенствованіе и увеличеніе осадныхъ работъ. Въ собенности, они занимались построеніемъ баатарей для обстрѣливанія фарвашера, коимъ могли приходиль корабли съ подкрѣпленіями для Свеаборга. При сихъ баатаряхъ были устроены печи для каленія

ядеръ.—Всѣ сіи пригошовленія были напрасны. Условленный срокъ наступилъ, подкрѣпленіе не являлось и крѣпость сдана. Гарнизонъ ея соспоаялъ тогда на лицо изъ 208 офицеровъ и 7,386 нижнихъ чиновъ. Изъ сего числа, Шведскія войска были объявлены военноплѣнными и отправлены въ Россію, а уроженцы Финляндіи получили дозволеніе возвратиться въ свои дома. Двадцать шестаго Апрѣля, Русскій флагъ развился впервые на стѣнахъ Свеаборга и былъ привѣтствованъ 101 пушечнымъ выстрѣломъ.—Покореніе сей важной крѣпости доставило побѣдителямъ 58 мѣдныхъ и 1,975 чугунныхъ пушекъ; до 1,000 зарядовъ въ карпузахъ, 3,000 боченковъ съ порохомъ, 10,000 карпечъ, 340,000 ядеръ, бомбъ и гранатъ, до 9,000 ружей и множество оружія разнаго рода. Кромѣ сего, Русскіе нашли въ гавани два фрегата, одинъ бриггъ, шесть шебекъ, шесть военныхъ яхтъ, двадцать пять палубныхъ канонирскихъ лодокъ, пятьдесятъ одинъ іоль, шакоеже число баркасовъ, шлюпокъ и другихъ мѣлкихъ судовъ, девятнадцать транспортовъ; большой запасъ вещей, потребныхъ для флотаи, наконецъ, еще большій свѣстныхъ припасовъ.

Вице-Адмиралъ *Кронитетъ* въ донесеніи своемъ Королю о сдачѣ Свеаборга, между прочимъ написалъ слѣдующее :

„Свеаборгъ въ настоящеемъ своемъ положеніи, то есть, недоконченный и по многимъ отношеніямъ еще не усовершенствованный, будучи способенъ выдержатъ нападенія съ моря, въ зимнее время дѣлаешся приступнымъ

со всѣхъ сторонъ, и попому перяетъ значительную часть своей силы. Несоразмѣрность пространства, занимаемаго укрѣпленіями, съ числомъ гарнизона, ихъ оборонявшаго; великое множество рекрутъ и больныхъ; недостатковъ въ Офицерахъ, коихъ приходилось по одному на сто солдатъ и по одному же на бастионъ; не менѣ сего, ощущительный недостатокъ въ артиллеристахъ, коихъ приходилось по два на три орудія; потребление третьей части всего пороха, только въ продолженіе десяти дней канонады, чрезмѣрное истощеніе гарнизона, занимавшагося непрерывно прорубленіемъ льда въ мѣстахъ, наиболѣ удобныхъ къ приступу и усовершенствованіемъ оборонительныхъ средствъ; неимѣніе закрытыхъ магазиновъ и жилыхъ казематовъ; опасеніе подвергнуть испребленію флопилью и морскіе магазины и, наконецъ, надежда сохранить все сіе для Швеціи, если бы Свеаборгъ получилъ благовременную помощь: вотъ причины, побудившія Военный Совѣтъ, рѣшиться на сдачу крѣпости.“

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ ВОЙНЫ СЪ ГОРЦАМИ И ПЕРСТАНАМИ.

Второе донесеніе Генераль - Маіора Мейера Генераль-Дейтенанту Глазенацу, отъ 24 Августа 1804 года, изъ лагеря при рѣкѣ Малкѣ.

Для отвлеченія отъ селенія Прохладнаго непріяшеля, а во вторыхъ для нанесенія хищникамъ уцербъ, я нашёлъ себя принужденнымъ, не обнажая моей диспанціи, п .е. отъ Соленобродскаго поста до дальнѣйшаго моего Пепрекеевскаго поста вверхъ по Малкѣ, произвешъ по сей рѣкѣ какое нибудь скорое предпріятіе. По чему сего числа, распавя повсюду между постами пикеты и въ лагерѣ моемъ одну роту ввѣреннаго мнѣ полка, при Порупчикѣ Щасцовѣ 1-мъ, одномъ орудіи, шестидесяти рекрутшахъ и сна козакахъ, отправился я предъ зарю съ тремя ротами и полупорасна козаками, прямо къ первому хищническому ущелію, — лежащему отъ меня въ 30 верстахъ по той сторонѣ Малки, принадлежащему *Расламбегу Мисостову* и называемому *Сабанъ-Кошъ*.

При входѣ моемъ въ дефилею, встрѣченъ я былъ толпою, состоявшею почти въ двухъ стахъ Кабардинцахъ, направшихъ было на Маіора *Луккина* и Есаула *Венеровскаго*; но Офицеры сіи, дѣлая видъ отступленія, обратились на мои фланги за двумя курганами, которые будучи впереди моего фронта надъ ложиною, закрывали оный, равно какъ и бывший до полудня густой туманъ. Едва хищники увидѣли

пѣхоту, какъ бросились назадъ, при чемъ Маіоръ *Луткинъ*, Есаулы *Сторожиловъ* и *Венеровскій*, Сопникъ *Софійевъ*, Старшина *Переллетниковъ*, и Донскаго *Крюкова* полка *Адьюшантъ Поздѣевъ*, сильно начали ихъ слѣснять и убили четырехъ человекъ, ссадивъ ихъ съ лошадей. Шестеро непріятелей окружили Сопника *Софіева*, но онъ мужественно пробился. Видя вражескую партію усиливающеюся, и скачущихъ повсюду отъ нее вѣстниковъ, я поспѣшилъ рѣшиться сіе дѣло, и не останавливаясь ни мало, съ пѣхотою ударилъ въ шпыки на Кошъ, гдѣ непріятель сдѣлалъ пѣшую засаду. При семъ дѣйствіи особенно отличились: вѣреннаго мнѣ Казанскаго мушкетерскаго полка Капитанъ *Марковъ* и Поручикъ *Швецовъ 2-й*. Сіе произвело потѣ успѣхъ, что Кабардинцы съ урономъ шести человекъ бѣжали всѣ внутрь ущелія, оставя въ моихъ рукахъ четыре лошади, двѣ шашки, три ружья, семь буйволовъ, и двадцать семь рогатыхъ скотинъ. Раззоривъ ихъ пчельникъ, болѣе нежели семь сотъ ульевъ или сарпешокъ въ себѣ содержавшій, но опнюдь не допуская ходишь по саклямъ и взявъ что либо изъ платья или ушвари, я, не взирая на воровскія на пупи моемъ мѣста, перерѣзанныя частыми дорогами изъ Кисборунскаго ущелія чрезъ Малку идущими, въ при часа по полудни благополучно возвратился въ свой лагерь, не потерявъ ни одного человека и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла.

При семъ дѣлѣ, особеннаго вниманія заслуживаешь спремительность движенія со сто-

роны пѣхоты. Я выступилъ изъ лагеря въ четыре часа по полуночи, и сдѣлавъ въ оба пути 56 верстѣ, былъ уже въ три часа по полудни опять въ своемъ лагерѣ.

Непріятель примѣчая, что опрядѣ мой всѣ свои движенія обращаетъ въ правую сторону, вѣроятно не преминетъ тамъ усиливъ для защиты своихъ ауловъ, и я увѣренъ, что сія малая экспедиція весьма много обезсилилъ его со стороны Прохладнаго. Завтра, усиливъ посты, займу я лагерь между Бѣломечетскимъ и Соленобродскимъ постами, дабы получить способъ дѣйствовать, какъ вверху по Малкѣ, такъ и внизъ оной до Прохладнаго. Вологодскаго мушкетерскаго полка Маіора Чернецкаго, вѣреннаго мнѣ полка Капитана Маркова, Шефскаго Адъютанта Гаврилова, Поручика Швецова, и Волжскаго Козачьяго полка Маіора Лукина, Сошника Софѣева, Старшину Переллетикова, Моздокскаго Козачьяго полка Есауловъ: Сторожилова и Венеровскаго, и Донскаго Крюкова 1-го полка Адъютанта Поздѣева осмѣливаюсь, яко оплочно подвизавшихся въ семъ дѣлѣ, препоручить милосивому предшательству В. П.

Третіє донесеніє Генераль - Маіора Мейера Генераль - Лейтенанту Глазенацу, отъ 28 Августа 1804 года, изъ лагеря при рѣкѣ Малкѣ.

Вчерашняго числа въ 11 часу отправивъ весь обозъ въ Марьинское, я выступилъ въ одиннадцатомъ же часу вечера къ вершинѣ Малки. Опшешди осьмнадцать верстѣ, я остановился, чшобъ дать солдатамъ опдохновение; тогда приведенъ былъ ко мнѣ Кабардинецъ, баранщикъ съ Коша Армянина *Понасова*, объявившій мнѣ, что у нихъ уже третій день какъ кочуетъ сынъ *Адилъ - Гирей*, Князь *Гатакжукъ Адель-Гирей*, сдѣлавшій для ночныхъ набѣговъ засаду въ яру надъ Золкою. По сему, предъ зарею поднялся я съ моимъ отрядомъ, и пошелъ вправо прямо на большую Золку, къ Кошу упомянутаго Армянина. Прибывъ на Малую Золку, гдѣ уже Льногорскій постъ былъ у меня со всѣмъ назади, я опрядилъ Маіора *Лукина* и *Есауловъ*: *Сторожилова* и *Венеровскаго* для опкрытія передовой окрестности къ насшоящей Золкѣ; но они, бывъ со всѣхъ сторонѣ, даже отъ прибывшихъ туда съ *Баксани* трехъ сотъ Кабардинцевъ встрѣчены, потребовали отъ меня подкрѣпленія. Построивъ изъ чешырехъ моихъ дивизионовъ чешыре каре, я поспѣшилъ на пребованную отъ меня помощь, оставя два каре назади, между первымъ и четвертымъ. Лишь только началъ я подыматься на крутизну, находящуюся подъ берегомъ насшоящей Золки, какъ около полуторасла Кабардинцевъ бросились въ шашки (сабли) на мой фасъ, —

гдѣ я самъ находился — и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Я приказалъ первой шеренгѣ бросить штыки на крестѣ, а второй дать изъ пятнадцати ружей залпъ, которымъ убишъ сынъ *Адилъ-Гиря*, коего ружье, прошивъ меня выстрѣлившее, при семъ препровождаю къ В. П. и ранено двѣнадцать человекъ. Съ восклицаніемъ *Боръ Боръ Парръ!* бросились непріатели въ рѣку и убѣжали на ту сторону, куда и я, выславъ стрѣлковъ, переправился въ слѣдъ за ними, положа еще двѣнадцать человекъ на мѣстѣ. Въ то же время, Маіоръ *Луцкинъ*, Есаулы *Старожиловъ* и *Венеровскій* и войска Донскаго Подполковникъ *Крюковъ* 1-й, который у меня спрятанъ былъ въ лощинѣ съ лѣвой стороны, для удара на флангъ непріателей, обратили ихъ послѣ долговременнаго ристанія и перепалки въ бѣгство въ ущелія на супрошивъ *Аславъ* горы. Убишо у нихъ пятнадцать человекъ, между коими два узденя *Адилъ-Гиря* и два брата *Анзоровы*, а именно: *Хаджи-Али* и *Оришь-Умаръ*. Сей шармицель кончился въ двѣнадцатомъ часу пополудни, безъ потери одного человека. Съ нашей стороны добыча козачьихъ войскъ состоитъ въ пяти лошадяхъ, трехъ ружьяхъ, чепырехъ прекрасныхъ пистоляхъ и пяти шашкахъ. Я долгомъ считаю В. Пр. чистосердечно сказать, что для меня нѣтъ ничего легче командованія хопя малымъ, но шакowymъ опрядомъ, каковъ есть мнѣ порученный. Усердіе и храбрость, изъявленные Донскаго полка Подполковникомъ *Крюковымъ* 1-мъ, а въ особенности Воложскаго козачья-

го полка Маіоромъ *Лукинымъ*, Сопникомъ *Софѣевымъ*, младшимъ Спаршиною *Переллетниковымъ* и Пятидесяшникомъ *Патрекеевымъ*; Моздокскаго козачьяго полка Есаулами *Старожиловымъ* и *Венеровскимъ* и Донскаго *Крюкова* 1-го полка Адъютантомъ *Поздѣевымъ* и козаками (сыновьями Спаршинъ) *Крюковымъ* и *Банниковымъ*. Ихъ подвиги и неупомимость, равно какъ храбрость вѣреннаго мнѣ полка Капитана *Маркова*, Поручиковъ *Швецова* 1, *Швецова* 2 и полковаго Адъютанта *Комстадіуса*, Подпоручика *Меркулова* и Прапорщиковъ *Полова* и *Гужевского* заслуживаютъ вышшей похвалы, нежели какую я имъ приписать могу; равно какъ Вологодскаго мушкетерскаго полка Маіора *Чернецкаго*, Капитана *Сивкова*, Штабсъ-Капитана *Селезнева*, Поручика *Желябужскаго* и Прапорщика *Федяковца* 9-го.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПАЖЬ ГЕРЦОГА ФРИДЛАНДСКАГО.

Историческая повѣсть; соч. Громица.

(Продолженіе).

На другой день, когда солнце спояло уже высоко, камеръ-лакей разбудилъ спящаго *Роткирха*. — Я вамъ говорилъ, любезный Пажь, сказалъ онъ съ упрекомъ: что лучше идти спать, нежели дремать въ залѣ у колонны и смотрѣшь на шускый свѣтъ догорающихъ лампъ; теперь вы не выспались; а мы ѣдемъ. —

„Ѣдемъ?“ вскричалъ *Роткирхъ*.

— Сегодня послѣ обѣда, въ Гичинѣ, отвѣчалъ камеръ-лакей: опять для меня бѣднаго мученика настали пяжіе дни; кто, такъ какъ вы, мигомъ можешъ уложить свое добро въ чемоданъ, и сбѣшь на лихова Венгерскаго коня, пошѣшь счастливъ! —

„Да развѣ дворъ ѣдетъ въ Гичинѣ?“ спросилъ *Горъ*.

— Кромѣ одной Графини *Терцки*. — —

„Графиня *Терцки*?“ прервалъ *Нажъ*.

— Побѣдѣвъ завпра въ слѣдѣ за нами! возразилъ сей, — и мнѣ приказано, пригласить Маркиза *дель-Гуасто*, провожаясь шуда молодую Графиню! Я заваленъ дѣлами, и потому вы оказали бы мнѣ большое одолженіе, еслибъ сходили къ нему вмѣсто меня.

„Пошлинте послѣдняго конюха!“ — прервалъ его раздосадованный *Роткирхъ*, и вскочилъ съ постели: да и конюхъ-посолъ дѣлаетъ слишкомъ большую честь этому Испаліянцу. Я не берусь исполнить такого порученія!“

— Я васъ и не принуждаю, перервалъ его камеръ-лакей и вышелъ. —

„И такъ бѣдунѣ въ Гичинѣ!“ вскричалъ *Роткирхъ*, жодя взадъ и впередъ по комнатѣ скорыми шагами, — „въ Гичинѣ! и онѣ — ее провожаетъ? и мнѣ взбираться на крушизну, мнѣ простирать руку,“ говоритъ астрологъ, — но — онѣ велѣлъ мнѣ въ девять часовъ ушра иди въ Гостинницу Золотого Грозда; — пора!“

Онѣ одѣлся наскоро, и съ трепещущимъ сердцемъ побѣжалъ въ Гостинницу, одну изъ самыхъ плохихъ въ городѣ. Когда вошелъ онѣ въ буфешную и пошребовалъ кружку вина и завтрака, хозяинѣ не мало изумился, видя у себя щегольски одѣшаго Пажу Двора *Валленштейнова*. Молва о скоромъ отбѣздѣ Герцога изъ Праги уже разнеслась по всему городу: всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго. — Любопытному хозяину крайне хотѣлось вывѣдать чтонибудь ошѣ *Роткирха*; и потому обратился онѣ

къ нему съ разными вопросами, но сей безмолснвовалъ; ибо самъ ничего не зналъ. Онъ сидѣлъ въ глубокомъ молчаніи, популивъ глаза въ полъ, иногда прихлебывалъ вина, и ждалъ съ неперпѣніемъ, чья ласковая рука поможетъ ему достать розу. Ни рука, ни человекъ не являлись. А болпливый хозяинъ сидѣлъ прошивъ него, какъ прикованный. Потерявъ перпѣніе, спросилъ у него *Роткирхъ*: „не остановились ли вчера въ его Госпинницѣ два чужестранца, отецъ и сынъ?“ — Остановились! быстро подхватилъ хозяинъ: „два странствующихъ пѣвца изъ Нюрнберга, жалкіе бѣдняки, которые пьютъ вино только въ своей землѣ, а золото знаютъ только по лучамъ нашего любезнаго солнца; сей ерешическій городъ, сказывающъ, выбѣщаетъ въ стѣнахъ своихъ цѣлое гнѣздо такихъ тунеядцевъ.

„Когда же они прибыли въ вашу Госпинницу?“ спросилъ *Георгъ*.

— Вчера вечеромъ, отвѣчалъ словоохотный хозяинъ, поужинали весьма бѣдно, и опять ушли: Богъ вѣдаетъ, гдѣ они пѣли, или что дѣлали; но ворошились домой довольно поздно. Посмотрите; вотъ они оба спятъ въ сѣняхъ; подойдите сюда; въ это окно вамъ будетъ виднѣе. —

Роткирхъ вспалъ, и подошедъ къ окну, увидѣлъ человека пожилова, но еще довольно бодрого. — Взоръ онъ имѣлъ выразительный, смѣлый; но глаза его, казались, омрачены были горестію. Другой былъ спашный молодой человекъ, едва достигшій юношескаго возраста;

большіе глаза его томно выглядывали изъ-подъ русыхъ кудрей; на розовыхъ устахъ его покоилась пріятная улыбка. — Нѣжный снѣгъ его запынутъ былъ въ длинномъ кафтанѣ коришневаго цвѣта; синяя коропкая маншія, почетный знакъ Трубадуровъ, накинута была на плеча.

Георгъ не могъ наглядѣться на юношу, который, облокотясь на арфу, внимательно разсматривалъ колокольню Іезуитской церкви. Онъ подошелъ къ нимъ, поклонился имъ ласково, и пригласилъ выпить съ нимъ покала вина. Онъ просилъ такъ искренно, такъ усердно, что старикъ не могъ отговориться. Пойдемъ, *Рудольфъ!* сказалъ онъ младшему: намъ не лзя отказать отъ приглашенія эшаго Господина; выпьемъ съ нимъ кружку вина; потомъ заплашимъ ему за учтивость его пѣсенкою.

Они вошли. Хозяинъ налилъ при покала Венгерскаго, поднесъ ихъ гостямъ, и забился въ уголокъ, чтобы подслушать, но *Георгъ*, угадывая его намѣреніе, вскричалъ: „Господинъ хозяинъ, если вы понадобитесь Пажу Герцога Фридландскаго, то онъ васъ позоветъ. Намъ нужно ваше вино, а не уши.“

Ворча сквозь зубы, хозяинъ ушелъ. „За твое счастье!“ вскричалъ *Георгъ*, и стукнулъ о покаль юноши. — Оно для меня не расцвѣшетъ, отвѣчалъ сей важнымъ голосомъ: я принужденъ ограничить свои желанія — одною надеждою; пейте, желая, чтобъ она не умерла въ моемъ сердцѣ! —

„И я!“ сказалъ *Роткирхъ*, вздохнувъ: и я!“

—Вамъ обоимъ, сказалъ старецъ-Трубадуръ, и поднявъ вверхъ покалъ: желаю счастья въ любви... и чего желашь вамъ лучшаго? Любовь есть та богиня, которая въ утро вашей жизни сіяетъ вамъ, какъ заря. Она вплетаетъ душистый вѣнокъ въ ваши юныя кудри; она устилаетъ ваши стези розами, которыя быстро увядаютъ, и оставляютъ спаросни одни только шерны.—Я пью за счастье въ любви!—

Но юноша поставилъ покалъ на столъ, и сказалъ умоляющимъ голосомъ: Папинька, — прошу тебя, оставь это! —

И отецъ грустно опустилъ покалъ. *Роткирхъ*, пробужденный изъ своихъ мечтаній спраннымъ волненіемъ незнакоцевъ, сталъ въ нихъ внимательнѣе всматриваться. Въ глазахъ старика пылало гнѣвное пламя, на глазахъ юноши навернулись двѣ крупныя слезы. Тутъ вспомнилъ онъ минувшую ночь и хотѣлъ удословиться, точно ли госпи его тѣ самыя ночные спранныки, которые у воротъ Герцогскаго дворца грозили кому-то мщеніемъ.

Онъ высоко поднялъ свой покалъ. „Выпьемъ его за мщеніе!“ воскликнулъ онъ, и быстро оба простерли руки къ своимъ покаламъ, но мгновенно ихъ опять отдернули. — Что это значить, Сударь!—спросилъ старикъ, смотря на него присально: вы предлагаете намъ спранный постъ! —

„Развѣ вы не сами его вложили мнѣ въ уста?“ возразилъ *Георгъ*, „когда въ прошедшую ночь вы стояли у Дворца моего Повелиителя,

и шамль полагали найши жертву вашего мщенія?“

—Государь мой! Кшо вы?—быстро подхватилъ старикъ и наморщилъ брови, а юноша между шбмъ, краснѣя, робко поглядывалъ на отца.

„Я *Роткирхъ*, Силезскій дворянинъ, Пажъ Герцога Фридландскаго, и готовъ вамъ служить, чѣмъ и сколько могу, если только не замышляете ничего худаго противъ моего Повелишеля и его Свѣшлѣйшаго дома.“

—Нѣтъ! — сказалъ старикъ, противъ *Валленштейна* и его высокой фамиліи не имѣемъ худаго умысла, клянусь вамъ честію. —

„А вы молчите!“ сказалъ *Георгъ*, обратясь къ молодому пѣвцу, и схватилъ его за руку, кошорая въ его рукъ судорожно дрожала.

„Вы молчите? Ну, продолжалъ онъ ласково: если я слишкомъ крѣпко васъ задѣлъ за чувствительную струну вашего сердца, попросите меня — и забудьте.“

—Милоспивый Государь! сказалъ старикъ, объ одномъ только васъ покорнѣйше просимъ: доспаеьте намъ случай, на какомъ нибудь пиршествѣ увеселить вашего Повелишеля нашимъ искусвомъ. — Мы пѣвцы порядочные; сему юношѣ природа даровала полный звучный голосъ, а на арфѣ онъ играетъ хорошо, почти мастерски. Если намъ сдѣлаете сію милоспъ, мы вѣчно вамъ будемъ благодарны. —

Герцогъ со всѣмъ дворомъ своимъ сегодня ѣдетъ въ Гичинъ!“ сказалъ *Георгъ*.

—Это худо!—замѣтилъ старикъ.

„Но прїѣзжайте и вы шуда!“ прервалъ *Роткирхъ* молчаніе: хопя Герцогъ и не слишкомъ восхищается пѣніемъ и музыкою, но пѣмъ болѣе наши дамы, кои сами большія мастерицы играть на арфѣ.“

— Кто изъ гостей ѣдетъ съ Герцогомъ? — быстро подхватилъ спарикъ.

„Я думаю всѣ!“ отвѣчалъ Пажъ: „по крайней мѣрѣ *Колальто*, *Фюрстенбергъ*, *Маркизь дель Гуасто*, и молодой *Дидрихштейнъ*.“

— Хорошо! — сказалъ спарикъ: я буду! — но извините, — нужное дѣло меня опзываетъ; — въ Гичинѣ васъ поблагодарю за ласковое угощеніе. Пойдемъ, *Рудольфъ*! —

Младшій всталъ и пожалъ *Роткирху* на прощаніе руку. „И я благодарю васъ, Милоспизый Государь!“ сказалъ онъ разтроганнымъ голосомъ, и посмотрѣлъ на него такъ грустно, такъ сердечно, что *Роткирхъ*, невольно къ нему увлеченный, съ жаромъ обнялъ юношу. Сей послѣдній, стыдясь и дрожа, нѣжно освободился изъ его пылкихъ объятий.

„Послѣ завтра мы увидимся!“ сказалъ спарикъ улыбаясь, и пошелъ. — Младшій, краснѣя, за нимъ послѣдовалъ.

Когда *Роткирхъ* вошелъ на дворъ Герцогскаго замка, астрологъ *Семи*, окутанный въ шубу, споялъ въ ворохахъ башни, и только что хотѣлъ сѣсть въ носилки, которыя его ждали. Онъ позвалъ къ себѣ *Роткирху*, и сказалъ улыбаясь: „Нашелъ ли ты ласковую руку, копорая доставитъ тебѣ доступъ къ розѣ?“

—Я никого не нашелъ памѣ, кромѣ странствующаго пѣвца и его сына! Они желаютъ играть и пѣть при Дворѣ Герцогскомъ. Помогите мнѣ, исполнишь ихъ желаніе.—

„Съ большимъ удовольствіемъ, любезный Пажъ!“ сказалъ *Сени*: „но ступайше поскорѣе въ переднюю, памѣ ждушъ васъ!“—Онъ ласково поклонился и сѣлъ въ носилки; *Роткирхъ* взбѣжалъ на круглую лѣстницу.

Когда *Роткирхъ* вошелъ въ переднюю, *Каммергеръ* приказалъ ему немедленно явиться къ Его Свѣшлости.

Опасаясь гнѣва Герцога, который не прощаль ни малѣйшей нерадивости въ службѣ, онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ вошелъ въ его кабинетъ. *Валленштейнъ* стоялъ прислонясь къ столу, и смотрѣлъ на дверь.

„*Роткирхъ!*“ сказалъ онъ ему ласковымъ голосомъ: „гдѣ ты былъ все утро? я долго ждалъ тебя!“—

—Господинъ *Сени!* . . . — сказалъ Пажъ запынаясь.

„Я ужь знаю!“ прервалъ его Герцогъ: „подойди поближе, сынъ мой!“ — *Роткирхъ* подошелъ къ Герцогу. Такимъ благосклоннымъ голосомъ онъ никогда еще не говорилъ съ нимъ, хотя почти во всякомъ важномъ дѣлѣ упопреблялъ молодаго *Роткирха*, и всегда отличалъ его передъ другими Пажами.

„*Роткирхъ!*“ сказалъ Герцогъ, положилъ руку на его плечо, и посмотрѣлъ ему приспаль-

но въ лице: „ты родился подъ счастливымъ Созвѣздіемъ, — ты стремишься къ высокому, это я одобряю, — ты вѣренъ мнѣ безкорыстно, это я знаю, я въ помѣ увѣренъ, и потому люблю тебя больше, нежели когонибудь изъ моихъ служителей. Я думаю, что могу повѣрить тебѣ тайну, до сихъ поръ извѣстную только Графинѣ Терцки и спарику Сени.

—Ваша Свѣшлость!—сказалъ Пажъ; почтительно поклонился, и прижалъ руку къ сердцу.—

„Не нужны увѣренія; я знаю, что въ груди твоей всякая тайна будетъ сохранена свято!“

„Маркизъ *дель-Гуасто*,“ продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанія, „предназначенный супругъ моей племянницы. Обстоятельства требуютъ сего союза! Но кажется, что Графиня *Матильда* не очень расположена къ нему; мать подозрѣваетъ, что какаянибудь тайная склонность отвлекаетъ ее отъ *Маркиза*. — Замѣчай, наблюдай ея шаги, открой того дерзкаго глупца, который, безъ воли моей, имѣетъ на нее виды; такая наглость не останется безъ наказанія. Довѣряю твоей проницательности; ты, я знаю, имѣешь острый взглядъ. Очень обяжешь этимъ Графиню, которая къ тебѣ весьма хорошо расположена, и знаетъ, что я тебѣ поручаю это дѣло!—Поди! въ Гичинѣ объ этомъ еще поговоримъ.“

Роткирхъ низко поклонился, чтобы скрыть свое замѣшательство и краску, вспыхнувшую на щекахъ его.—Онъ хотѣлъ удалиться, но Герцогъ позвалъ его назадъ.

„Сени швой другъ!“ сказалъ онъ, разсматривая Пажа съ необыкновенно вниманіемъ : „знай этому цѣну, и слушайся его совѣтовъ!“ Онъ кивнулъ головою — и Пажъ вышелъ изъ кабинета.

По тѣнистымъ аллеямъ дворцоваго сада въ Гичинѣ задумчиво прогуливался *Горькхъ Роткирхъ*, заняшій порученіемъ Герцога. Сей родъ довѣренности былъ для него совершенно новый: ему надзирашь за поведеніемъ молодой Графини *Терцки*! Проникнуть въ сокровеннѣйшія тайны ея сердца! Нѣтъ, нѣтъ! Этого онъ не долженъ отъ меня требовать! Послѣднія слова Герцога были увѣщательный голосъ великодушнаго Повелителя, который угадалъ мою сердечную тайну. Мнѣ должно: или опказаться отъ всѣхъ надеждъ моихъ или явно итти пропивъ *Валленштейна*. — — Онъ содрогнулся при этой мысли, ибо еще не былъ увѣренъ во взаимной любви къ себѣ *Матильды*.

„Не слѣпая ли самонадѣянность,“ подумалъ онъ самъ въ себѣ, заставило меня почестъ за искры любви нѣкоторыя благосклонныя взгляды, маленькія ласки, которыя, можетъ быть, только изліянія ея добродушія, ея свисхожденія.

„Будь твердъ! будь признателенъ къ пвоему благодѣтелю, который къ тебѣ, почти къ тебѣ одному, нисходитъ съ гордой высоты своей, обращается съ тобою какъ съ роднымъ сыномъ, увѣщаетъ тебя какъ отецъ;

шамъ, гдѣ всякаго другаго уже давно бы покаралъ его справедливый гнѣвъ!—Будь швердъ!“ вскричалъ онъ громко.

— Вы говорите правду!—раздался голосъ позади его : будьте шверды , юный другъ ! заслужите шпоры , пора вырваться вамъ изъ круга служителей. —

Роткирхъ въ замѣшательствѣ посмотрѣлъ въ глаза звѣздочету *Сени* , который изъ-за кушпа къ нему подкрался.

— Кто такъ какъ вы , продолжалъ астрологъ : близокъ къ сердцу нашего Великаго Герцога , къ сему пошпенному замку , который сперегушъ могучіе богатыри : потѣ долженъ чувствовать въ себѣ силу летать и воспарять въ высшіе предѣлы !—

„Почтенный старецъ !“ сказалъ юноша , опомнясь отъ изумленія : „куда ни поставишь меня милосливая рука моего благодѣтеля , вездѣ будетъ мнѣ хорошо . Мое сердце скромно , оно не любитъ залезать высоко .

— Юноша ! — сказалъ старикъ , и лице его озарилось почти сверхъестественнымъ свѣтомъ :—юноша ! въ недовольномъ сердцѣ твоёмъ ты стремишься къ высокому . Помни розу , смѣло прощипни свою ррку , и сорви ее . — Только храбрый одерживаетъ побѣду , только въ слѣдъ отважному мчится фортуна на вершующемъ шарѣ , лишь передъ твердою волею преклоняется желѣзный рокъ ; великолѣпно сіяютъ твои звѣзды , весело встрѣчаются Марсъ и Венера ; и гдѣ сіи планеты соединяются : шамъ соприсутствуетъ и Юпитеръ !— Старецъ ме-

дленно удалился отъ молодаго человѣка — и скрылся въ чащѣ кустарника. *Роткирхъ* снова погрузился въ глубокую думу. — Вдругъ услышалъ стукъ каретъ, вѣбжающихъ на дворъ. Приникнувъ ухомъ къ пророческому голосу наступающаго, *Георгъ* опрометью бросился черезъ садъ къ замку. „Эта она! это она!“ — Вскричалъ онъ: „она и *Маркизъ дель-Гуасто!*“ — и вдругъ, задумавшись, оспановился. — Не унывай мое сердце! хопя бы за нее пы погибло!“ —

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

П О Э Т Ъ.

(Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову).

Кшо знаешь гдѣ лучи берешь
Царь-солнце въ яркій свой восходъ?
Кшо знаешь, гдѣ берешь природа
Воспорги дивные пѣвца?
Рожденный возвышать сердца
И властелиновъ, и народа,
Покинешь игры дѣшскихъ лѣшъ,
Отъ мысли сладкой: я *Поэтъ!*

И злато, вѣчный идолъ свѣта,
 Не будешь идоломъ Поэта!
 Не полетишь на корабль
 Искать близъ полюса народовъ,
 Трубою Гершеля къ землѣ
 Онъ не приблизитъ горнихъ сводовъ,
 И удивленія вѣковъ
 Не купишь кровію враговъ!
 Онъ не поидетъ въ края чужіе:
 Умѣешь шамо осмѣять
 Обыкновенія святымъ,
 Кошорымъ научаешь мать —
 Дождешься Музы въ родной дубравѣ!
 Унынья шуская печаль,
 Высокосць мыслей, спросишь ко славѣ,
 И взоръ свѣщящійся умомъ,
 Ошъ черни опличаешь Поэта.
 Играешь Вакховымъ жезломъ;
 Не шарѣешь сердце въ немъ; —
 Янтарь и золото разсѣща,
 Съ луны упавшее серебро,
 Жемчугъ росы на лисьяхъ розы,
 Сущъ лучшее его добро!
 Его душѣ чужія слезы,
 Какъ дѣвы полной спрошью взглядъ —
 Краснорѣчиво говоряшь.
 Любимыя воспоминанья
 Его прибѣжище въ спрѣдавѣ;
 Какъ въ зеркалѣ черны лица —
 Видна въ стихахъ душа пѣвца.
 Онъ чешъ сполѣшня, цвѣшь народа,
 Онъ счастливъ. счасшіемъ чужимъ;

И избрала его природа
 Въ друзья любовникамъ младымъ. —
 Объяшый ужасомъ священнымъ,
 Пророчишь воздаянне злымъ,
 И униженіе надменнымъ.
 Онъ вопрошаешь у вѣковъ
 Какъ жили, какъ сражались дѣды:
 Ихъ добродѣтели, побѣды
 Възрлешь памяти сыновъ.
 Подслушивая голосъ шайный
 Разваливъ и гробницъ сѣдыхъ,
 Тревожишь пѣснiю печальной
 Поклонника суепъ земныхъ,
 Онъ современниковъ уводишь
 Въ міръ созданный его мечшой; —
 Въ закашъ свой на цѣшокъ походишь,
 Который предъ ночной порой
 Усиливаетъ запахъ свой. —
 Упрашиваетъ часто Бога,
 Чѣмъ вѣсколькѣ его сшиховъ,
 Написанныхъ въ пылу восшорга,
 Спаслись опъ жадности вѣковъ!
 Съ симъ пламеннымъ желаньемъ сердца,
 Онъ вспрѣщиць часъ послѣдній свой,
 Такъ равнодушно, какъ пришельца
 Съ страны далекой и чужой! —

Николай Невѣдомскій.

ОТВѢТЪ Н. В. НЕВѢДОМСКОМУ НА СТИХИ ЕГО
ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ : ПОЭТЪ.

Среди хлопощь, среди суешь,
Хлопощь козлейшвенныхъ, приказныхъ, —
Забавь, часовъ не зная праздныхъ,
Ты пѣль на лирѣ кшо поэшь.

Тебѣ просправашво міра шѣсно:
Какъ Исполнивъ крылашыхъ силъ
Въ Поэшѣ сущешво небесно
Прекрасно шы изобразилъ.

Брось пушь, углаженный Марономъ,
Пари за Шиллеромъ, Бейрономъ,
Не убоясь кремниспыхъ скаль
Осущешви свой *Идеаль*!

Графъ Хвостовъ.

3.

КЪ * * *

Едва на мигъ одинъ судьба насъ породила,
И вдругъ младенецъ нашъ, залогъ родшва исчезъ!
Любовь Создашеля его переселила
Съ невѣрныхъ земли въ пріашный край небесь!
Воспомяніемъ будь прошлое хранимо!

Но рокъ.... имъ правишь Божештво!
Для насъ же все еще осшалось родшво —
Въ ушрашѣ дружбою дѣлимой.

Ж.

РОМАНСЪ.

Не называй меня своимъ!
 Я былъ невольникъ; — слава Богу!
 Оковы рушились, какъ дымъ;
 И я запѣлъ идя въ дорогу:
 „Не называй меня своимъ!“

* * *

Не называй меня своимъ!
 Вокругъ себя шолпа шѣснился;
 Довольна будь: шы идолю имъ;
 Но швой пѣвецъ не возвращишя
 Не называй меня своимъ!

* * *

Не называй меня своимъ!
 Не вѣрю я пусшой надеждѣ,
 Не вѣрю кудрямъ шелковымъ;
 Не вспоминай чшо было прежде,
 Не называй меня своимъ!

* * *

Не называй меня своимъ!
 Я былъ невольникъ; — слава Богу!
 Оковы рушились, какъ дымъ —
 И я запѣлъ идя въ дорогу:
 „Не называй меня своимъ.“

В. Владиславлевъ.

Письмо къ Издателю Славянска. ()*

Рано вспаю я здѣсь съ мѣста (съ постели), сброшу, *оцѣтку* (одѣяло), надѣну *обувку* (обувь) и примусь за книгу, или за перо. Когда же *обряжусь* (опдѣлаюсь) и *облажусь* (одѣнусь), велю *человѣку* *пахать* (месити) и *прибирашь* комнаты, а самъ пойду на *цгорь* (на высокой берегѣ), сшою и люблюсь на величественную Двину, покрышую ладьями, *карбасами*, *шняками* (разнаго рода суда) и *дѣшецѣбками* (челноками). *Цгорь* унизанъ красивыми деревянными домиками, а дома почти всѣ съ *вышками* (со свѣшлицами, перемами) и въ *вышкахъ* *лолы* (окна) отккрышы. Дѣлалъ я съ *прѣзда* сюда визиты. Если скажущь гдѣ *живеть* (дома), то войдешь; если же услышишь: *повалился* (спитѣ), такъ отѣ ворощь. Былъ я и на *новобѣ* (**) (на торгу, на рынокѣ). Въ одномъ мѣстѣ сельскія красавицы въ *отдиркахъ* (въ головныхъ плапкахъ) продающь въ *тѣсахъ* (въ буракахъ) морошку, *землянку* (землянику) и *кислицу* (красную смородину); въ другомъ сидящь съ *тетерками* (***) и *шанпа-*

(*) Писано нарѣчиємъ жителей города Архангельска. В.

(**) *Новобѣ* называютъ здѣсь торгъ, пошому что съ него привезущь, или принесущь всегда домой что нибудь *новенькое*.

(***) Буква: е, произносится здѣсь часто какъ ё (iò), на примѣръ: *шешѣрка*, *дѣржашь*, *прелѣсшная* и ш. п.

ли (булками и лепешками); въ прешней съ горшками и *кубами* (корчагами). Былъ у насъ недавно одинъ путешественникъ (изъ иноземцевъ). Лжешъ *дорожно* (очень много). Представьте себѣ: увѣрялъ поржесшвенно здѣшнихъ старожилѣвъ, будто у насъ въ Архангельскѣ можно выстроить порядочный домикъ за сорокъ рублей, и съ хлѣвомъ. По крайней мѣрѣ въ десятеро убавилъ. Хорошо у насъ въ Архангельскѣ; годы пеперь не *зеленые* (голодные), а урожайные; но *издержаться* и *рѣшиться* (умереть) желалъ бы я лучше въ Пешербургѣ, или въ Москвѣ. Простите, *доброхотъ*: пора за дѣло.

А. И.

Архангельскъ.

М Ы С Л И.

Изъ всѣхъ надписей на надгробныхъ камняхъ должно заключить, что до насъ не было порочныхъ людей.

Сколько головъ, столько умовъ, говоритъ пословица, слѣдственно глупцы безъ головы.

Мы часто хвалимъ покойниковъ изъ одной ненависти къ живымъ.

Замужество бѣдной невѣсты называютъ ея счастьемъ; замужество богатой—счастьемъ жениха.

Многіе не женятся для того, чтобы не обѣднѣть, а не одинъ не женится для того, чтобы не разбогатѣть.

Кто все хвалишь, того самого не лзя хвалишь:—на себшб много худаго.

Несчастіе людей соединяетъ; счастье заставляетъ забывать дружбу.

Нѣкоторые заключаютъ, что люди болѣе склонны ко злу, чѣмъ къ добру, единственно изъ того, что еще въ самой глубокой древности выдумано ими наказаніе—выкалывашъ глаза, и не болѣе 300 лѣтъ, какъ изобрѣтены ими очки.

Строгоспію и безприсрасшіемъ совѣсти такъ напугали людей, что большая часть изъ нихъ рѣшилаь никогда ее не знать.

Взаимная любовь между старикомъ и молодой дѣвушкой такъ невозможна и невѣроятна, что самое дерзкое воображеніе романистовъ и сказочниковъ не осмѣливается основашъ на оной содержанія своихъ разсказовъ. Оно нашло, что люди скорѣе повѣряшъ подвигамъ Бовы Королевича и приключеніямъ Вѣроошступника (романъ соч. д'Арленкура), нежели подобной страсти.

Брань Журналистовъ для чашашелей листковъ ихъ столь же занимашельна, какъ обѣдъ въ представляемой піесѣ для зрителей.

Обѣдъ скупаго — неоспоримое доказательство страстной нашей любви къ жизни.

Невѣрная жена—не болѣе, какъ поблекшій листъ прекрасно-цвѣтущаго дерева.

Опець мой, говорилъ жидъ своему сыну, ошправляя меня въ свѣтъ, не далъ мнѣ ничего, предоставилъ только право пользоваться всѣ-

ми средствами для содержанія себя, и я нажилъ сто тысячъ рублей: Я предославляю тебѣ также всѣ средства для набогоченія и, сверхъ того, даю шалеръ, спунай и возвратись ко мнѣ съ миліономъ, иначе лишишься любви моей и наслѣдства. Молодой жидъ, не желая, по крайней мѣрѣ, пошерять послѣдняго, употреблялъ всѣ способы нажить миліонъ, и былъ повѣшенъ. — Виновата Судьба !

Все различіе между ябѣдой и злословіемъ состоитъ въ ихъ издержкахъ: — дѣла первой, по большей части, пишутся на гербовой бумагѣ, и она подвержена судейской пени. Послѣдняя безъ всякихъ пошлинъ изливаетъ ядъ свой.

Грѣхи и деньги имѣютъ общее между собою то, что безъ нихъ люди жить не могутъ.

Пора уже переспанъ называть золошымъ вѣкомъ по время, въ которое совсѣмъ не было золота. Пусть онъ будетъ вѣкомъ счастья или самой добродѣтели; но почешное названіе Золошаго, по всей справедливости, принадлежитъ нашему времени, ложно называемому жѣлезнымъ.

Послѣ многолѣтнихъ наблюденій, дѣланыхъ мною со всѣмъ безпристрастіемъ, открылъ я, что невѣсты имѣютъ свой Календарь. До 15 лѣтъ своей жизни онѣ, какъ и мы, считаютъ въ году 12 мѣсяцовъ, отъ 15 до 20 годъ ихъ состоитъ изъ 24 мѣсяцовъ; отъ 20 до 30 изъ 36 мѣсяцовъ; отъ 30 до замужства, или до самой смерти, какъ случится, все про-

долженіе времени называютъ онѣ однимъ 31 годомъ.

Мѣсяцы невѣстѣ имѣютъ одинакое число дней съ нашими.

Умирающій невольникъ спрашивалъ у своего господина, что прикажетъ дѣлать ему на небѣ? „Не сказывать, что дѣлается на землѣ,“—отвѣчалъ его властелинъ.

1. . . . 3.

Лагерь на р. Араксѣ.

Невѣрныя показанія Г. Свинына о Керченскихъ древностяхъ, обнаруженныя Издателемъ Одесскаго Вѣстника.

Въ No 61-мъ нынѣшняго года, Издатель Одесскаго Вѣстника (В. И. Туманскій) упрекаетъ почтеннѣйшаго П. П. Свинына въ маленькихъ невѣрностяхъ или невѣрояпностяхъ, относительно Керченскихъ древностей (Отчественныя Записки 1828, Апрель) и говоритъ: „На стр. 26-й Путешественникъ (П. П. Свинынъ) обвиняетъ покойнаго Генерала Розенберга (предмѣстника Дюка-де-Ришелье въ начальствованіи Новороссійскимъ краемъ), во взорваніи пороховъ близъ Керчи зданія, извѣснаго подъ названіемъ Золотою Кургана. Разрушилъ порошокъ сіе зданіе предпринималъ (но къ счастью, безъ большаго успѣха), бывший въ Керчи Команданшомъ Генераль-Маіоръ Борзовъ, а не Генераль Розенбергъ.“

„На стр. 50-й, Авторъ (П. П. Свинынъ) приписываетъ Генуэзцамъ постройку Еникаль-

ской цитадели. Но сіе укрѣпленіе существуетъ только со времени владычества Турокъ въ Крыму, какъ показывается самое имя оной: ибо Ени-Кале на Турецкомъ языкѣ значитъ *Новая-крѣпость.*“

Не уже ли Издатель *Одесскаго Вѣстника* этому удивляется? Пора бы привыкнуть къ подобнымъ промахамъ: *Отечественныя Записки* уже десятый годъ въ свѣтѣ выходятъ. И шакія ли историческія черпы находимъ мы у *Г. Свиньина!* Напр: 1) Всѣмъ пробѣжавшимъ изъ Москвы въ Санктпешербургъ извѣстно, что Новгородскій Соборъ покрытъ жесью, а у него крышка вызолочена. 2) Пароходъ съ обыкновенными путешественниками пробѣгаетъ не болѣе 15-ми, рѣдко по 20-ти верстѣ въ часъ, когда же на немъ плыветъ *Павель Петровичъ*: по по 28½ верстѣ. Мы шупить не любимъ! 3) Каждому грамотному Русскому человѣку извѣстно, что книгопечатаніе введено въ Россію въ 1553-мъ году; а *Павлу Петровичу* угодно, чтобъ сіе благодѣтельное искусство водворилось въ нашемъ Опечесствѣ *девяносто однимъ* годомъ позднѣе, ш. е. въ 1664-мъ году! 4) У *Карамзина* въ *Исторіи Государства Россійскаго*, гдѣ все основано на доказательстввахъ, справкахъ и ссылкахъ, казнь *Марыи Посадницы* послѣдовала при Великомъ Князѣ *Иоаннѣ III Васильевичѣ*. У *П. П. Свиньина* (Ч. VII, стр. 337) она казнена *Царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ*.

Довольно ли?

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

О КАВАЛЕРІЙСКОЙ ТАКТИКѢ ВООБЩЕ.

(Изъ Бисмарка).

Искусство распавлять войска, производить ими движенія и, наконецъ дѣйствовать или сражаться, составляетъ предметъ обширнаго искусства Тактики.

Расположенія войскъ и движенія ихъ производятся въ сраженіи, или внѣ онаго. Въ слѣдующихъ главахъ говорено будетъ обо всемъ подробнѣе; шеперь же, прежде всего, слѣдуетъ упомянуть о важнѣйшихъ началахъ къ расположенію и движенію войскъ во время сраженія, и о сраженіи вообще.

Здѣсь напередъ предполагается учрежденіе полка, образованіе и вооруженіе челоѡвка, доведеніе лошади и всѣхъ къ тому принадлежностей до совершеннаго единообразія и устройства, такъ, чтобы полкъ имѣлъ видъ мудро-соснавленной машины, копорою опытная и искусная рука можетъ дѣйствовать скоро удобно и легко.

Въ эпомъ заключающся первоначальныя основанія службы; онъ не вездѣ одинаковы, а зависятъ частію отъ свойствъ и образа жизни народа, частію же отъ воли и вкуса Государя.

Хотя обыкновенно сія первоначальныя основанія службы называются предварительною Такшикою, и считающся къ ней принадлежащими, но не менѣе того, все, что здѣсь разумѣется подъ основаніемъ службы, никакъ нельзя отнести къ Такшикѣ.

Не смотря на то, что *Маршаль де Саксъ* производитъ слово *Тактика* отъ правильной маршировки подъ шаклу древнихъ Римлянъ, понимаемъ мы теперь подъ названіемъ Такшики со всѣмъ иное, нежели полковое ученіе и манежную ѣзду.

Хотя искусство верховой ѣзды и вообще образованіе всадника чрезвычайно важно, и должно быть почитаемо основаніемъ Такшики; но между Такшикою и означенными искусствами, существуешъ почти столь же большое различіе, какъ между фундаментомъ зданія и самимъ зданіемъ.

Касательно же предварительныхъ основаній службы; по желанію видѣшь, чтобы пакыя во всякой арміи ясно и подробно были изложены въ уставахъ; дабы отъ рядоваго до Полковника, каждый находилъ въ нихъ всѣ отношенія службы, обязанности и правъ своихъ.

Подобный общій уставъ могъ бы раздѣленъ быть слѣдующимъ образомъ.

*Основанія Кавалерійской службы въ четырехъ частяхъ.**Часть I-я, книга законовъ.*

А.) Военные законы.

Б.) Чинопочитаніе, ясно и подробно изложенное, какъ служащее самымъ вѣрнымъ основаніемъ военному сословію.

В.) Правосудіе: то есть, изложеніе отношеній военнаго вѣдомства къ законамъ Гражданскимъ и Уголовнымъ и обнародованная Инструкція для Аудиторовъ:

Надлежитъ опредѣлить ясно, въ какихъ случаяхъ солдатъ подвергается законамъ Гражданскимъ въ видѣ гражданина, дабы не наказывать его за преступленія, учиненныя не по службѣ, и строгостию, свойственною законамъ воинскимъ; почему можно раздѣлить преступленія на воинскія и гражданскія.

Часть II-я, книга о службѣ.

Отдѣленіе I-е) Общія отношенія по службѣ; или Уставъ ея, съ приложеніемъ всѣхъ формъ для всякаго рода рапортовъ, приказовъ и прочихъ бумагъ.

Отдѣленіе II-е) подробныя отношенія по службѣ, внутренняя служба въ полку, описаніе и рисунки всѣмъ оружіямъ, амуниціи солдатской и конной збруи.

Часть III-я, книга занятій.

Отдѣленіе I-е) выправка пѣшая и конная по одиначкѣ; выѣздка ремонта, употребленіе оружія.

Отдѣленіе II-е) эскадронное ученіе: пѣшее и конное, и образованіе фланкеровѣ.

Отдѣленіе III-е) Полковое ученіе.

Часть IV-я, книга о службѣ полковой.

Фортпосная служба. — Малая война.

Кѣ симѣ правиламѣ и наставленіямѣ, можно присовокупить, какѣ доказательства ихѣ пользы, относящіяся кѣ тому примѣры, почерпнутые изѣ Исторіи опечесивенныхѣ походоѣ; — такимѣ образомѣ, помѣспя вѣ оной книгѣ имена опличившихся Офицеровѣ, унтерѣ-офицеровѣ и рядовыхѣ, Правительсва нашли бы новый и благороднѣйшій способѣ возжечь честлюбіе вѣ молодомѣ воинѣ, и сдѣлашь сію четвершую книгу основанія кавалерійской службы, вѣ настоящемѣ смыслѣ сего слова, родословною книгою арміи.

Если вѣ Арпиллеріи опличается часть снарядная, то есть орудіе, боевые припасы, упряжѣ и п. д. опѣ части личной, то есть опѣ Арпиллеристовѣ, и если раздѣленіе сіе, по мнѣнію *Теобальда*, можетѣ проспираться на всѣ роды оружіи, то вѣ кавалеріи шаковому различію пѣмѣ приличнѣ имѣшь мѣсто.

Вѣ такомѣ случаѣ лошади, збруя и оружіа сосшавляли бы часть снарядную или машеріальную; всадники — часть личную. По истинѣ, опѣ части сіи имѣютѣ существенное между собою различіе: ибо сколь мало вѣ соспоаніи принесшь пользы самый искусный Арпилле-

ристъ, орудіемъ поврежденнымъ; столь мало имѣешь присутствіе духа самый отважный бѣдокъ, коль скоро подъ нимъ дурная лошадь; пѣшій же Кавалеристъ совершенно бесполезенъ; лучшимъ доказательствомъ сего можетъ служить походъ *Наполеона* 1812 году, во время которой 80.000 спарой и опытной Кавалеріи погибло единственно отъ того, что часть снарядная не могла быть сбережена.

Въ Москвѣ приказалъ *Наполеонъ* составить изъ пѣшихъ Кавалеристовъ, число коихъ простиралось тогда до 10.000 человекъ, цѣлые полки и батальоны по пѣшему расчету, и вооружить и употреблять ихъ какъ пѣхоту; однакоже, черезъ три дни по выступленіи изъ Кремля, они совершенно разстроились, между тѣмъ, какъ настоящая пѣхота бодрствовала и еще упорно сражалась подъ малымъ Ярославцемъ и Вязмою (*).

(*) *Наполеонъ* не одинъ разъ выступалъ въ походъ, имѣя пѣшими цѣлыя дивизіи драгунъ, и уже въ продолженіи войны доставлялъ имъ лошадей изъ завоеванныхъ земель; но въ послѣдствіи самъ не одобрялъ сего распоряженія; вошь на сей счетъ собственныя его слова. „Въ походахъ 1806 и 1807 годовъ возникло предубѣжденіе противу драгунъ; драгунскія дивизіи были пѣшими собраны въ Компіенъ и Аміенъ для высадки ихъ на Англійскіе берега; онѣ назначены были для отправленія пѣхотной службы, пока непріятельская земля не доставитъ для нихъ потребнаго количества лошадей. Въ послѣдствіи, сіи самыя дивизіи служили пѣшими въ походахъ 1805 и 1806 годовъ до самаго сраженія подъ Еною, послѣ котораго удалось

Доказательствомъ того , сколь важна лошадь и сколь мало опасенъ, пѣшій кавалеристъ, можетъ служить еще приказъ *Густава-Алольфа*, отданный по Шведской кавалеріи на канунъ Лейпцигскаго сраженія въ 1631 году, коимъ повелѣно было рубить попережными ударами по головѣ и по шеѣ непріятельскихъ лошадей ; дабы тѣмъ распроить ряды ихъ и воспользоваться безпорядкомъ , имѣющимъ опъ того произойти.

И въ новѣйшія времена частные пѣхотные начальники съ успѣхомъ направляли огонь своихъ баталіоновъ не по всадникамъ , а по лошадямъ ихъ ; будучи въ томъ мнѣніи, что съ паденіемъ лошади всадникъ перестаетъ быть опаснымъ.

Бюловъ въ сочиненіи своемъ : о духѣ настоящей системы войны, подробно объясняетъ, какое имѣетъ вліяніе потребность фуража на дѣйствія и движенія войскъ — „читая исчисленія Генерала *Темпльгофа*, говоритъ онъ , и вспоминая о той несмѣнной громадѣ лошадей, которая для нынѣшнихъ армій содѣлалась необходимою, позволишельно безпокоишься, дабы непомѣрное число сіе не оголодило цѣлую часть свѣта.

Сохраненіе снарядной части есть первая обязанность кавалерійскаго Офицера: лошадямъ потребенъ отдыхъ и время для корма ;ковка

„посадишь ихъ на лошадей, опивавшихъ у Прусской кавалеріи Но всѣ сіи обстоятельство послужили „къ ихъ вреду.“ (См. *Записки Монтолона*).

должна быть отличная и производима съ разборчивостію, смотря по копытамъ; конскій уборъ пригнанъ съ величайшею тщательностію и въ лучшемъ видѣ сберегаемъ.

Рѣдко конница принуждена бываетъ, по недоспапкѣ въ людяхъ, отсылать здоровыхъ лошадей; гораздо чаще случается видѣть здоровыхъ людей пѣшими; часть личная кажется менѣе важна; не пошому, чѣмобъ сіе въ существѣ такъ было; но единственно по той причинѣ, что какъ скоро есть средство сберечь часть снарядную: то часть личная сама собою сохраняется. И въ самомъ дѣлѣ, кавалеристъ, подъ предлогомъ фуража, собственно болѣе о себѣ печется, отъ того такъ часто и слышна жалоба: конница грабишь! ибо кавалерійскіе Офицеры скорѣе соглашаются снисходить на то, чему совсѣмъ препятствовать они не въ силахъ, и что съ войною неразлучно, нежели перятъ изъ виду первую свою обязанность: сохраненіе части снарядной.

Искусство разставлять кавалерію.

Конница не можетъ дѣйствовать иначе, какъ наступательно: для наступательныхъ дѣйствій нужны сила и стремленіе, для оборонительныхъ—осторожность и благоразуміе.

Конница должна искать открытаго мѣстоположенія: на ономъ ей удобно обнаружитъ всю силу и всю быстроту свою.

Движеніе есть стихія конницы; въ семъ состояннѣ все ея превосходство; но здѣсь разумѣется исключительно движеніе, производи-

мое ни чемъ инымъ, какъ спростию къ славъ, направляемое соображеніемъ смѣлымъ и исполняемое со всею готовностію и увѣренностію души рѣшительной и отважной.

Никогда не спановятъ конницу такъ, какъ спановятъ пѣхоту: на той самой линіи, которую надлежитъ охранять; напротивъ того, почка, которую поручено защищать кавалеріи, должна находиться впереди ея фронта или къ сторонѣ, на шопъ конецъ, дабы она имѣла возможность, въ шопъ же мигъ, какъ означенная почка бываетъ угрожаема, дѣйствовать на оную всею силою общаго удара.

Изъ сего слѣдуетъ, что конницу никогда не располагаютъ впереди мѣстныхъ препятствій, но всегда позади оныхъ, и въ такомъ отъ нихъ разстояніи, чшобъ удобно было ей безпрепятственно произвести свою атаку. Когда конница несется во весь опоръ; по ничто не должно преграждать быспроту ея полеша. Если же мѣстное препятствіе удержало ея стремленіе и привудило построиться въ малыя отдѣленія, тогда уже нечего ожидать отъ ея дѣйствій: сила ослабѣла и огонь ея угасъ; много потребно времени, чшобы снова пригшовишь ее къ удару и, можетъ быть, навсегда ускользнула рѣшительная, невозвратная минута.

Разставлятъ конницу въ видѣ прикрытія за башарями и пришомъ слишкомъ близко, значитъ жертвовать ею бесполезно, всегда выгоднѣе спавишь ее на одной линіи по споронамъ башарей, или косвенно, шуным угломъ

къ нимъ; тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ случаѣ, она способна произвести самую рѣшительную изъ всѣхъ атакъ атаку во флангъ неприятелю.

Въ день сраженія, полагается первымъ условіемъ: собрать на одной почкѣ, но въ двухъ или трехъ линіяхъ, большую массу кавалеріи. Вся сія кавалерія поручается въ распоряженіе одному лицу, умѣющему воспользоваться благопріятными мгновеніями для сильныхъ напсковъ. Начальникъ сей важной массы получаетъ приказанія отъ одного только Главнокомандующаго, и дѣлается тогда Генераломъ отъ Кавалеріи, въ полномъ смыслѣ сего слова.

Различныя существующіе мнѣнія на счетъ того, какое надлежитъ въ день общаго сраженія, конницы занять мѣсто. Долгое время становили ее по флангамъ позиціонной линіи, Это вошло было въ обыкновеніе; но изъ сего произошла ша невыгода, что войска не были въ состояніи поддерживать себя взаимно и, съ разбитіемъ конницы, фланги пѣхоты оставались безъ опоры.

Вѣроятно, что таковое разобщеніе конницы подало поводъ считать оружіе сіе не необходимымъ тогда, какъ оба оружія—пѣхота и кавалерія—не рѣдко дѣйствовали совершенно отдѣльно. Онѣ даже иногда споль мало себя обоюдно поддерживали, какъ будто одно къ другому не принадлежало;—между тѣмъ, какъ скоро Кавалерія бывала опрокинута, то не менѣе того и пѣхота, полагая себя потерянною, оставляла свою позицію. Сіе заставило нако-

нецѣ полководцевѣ снова обратити вниманіе на конницу, и пошлѣ извѣ нихѣ, у кого она превосходитѣ, старался прежде всего атаковать и опрокинуть непріятельскую конницу, чшобѣ бытъ увѣрену въ успѣхѣ всего сраженія.

Иногда, чувствуя несоразмѣрную поверхность непріятельской конницы, подкрѣпляли полководцы собственную свою небольшими отрядами пѣхоты.

Такѣ, во время тридцатилѣтней войны, *Густавъ-Адольфъ* обыкновенно ставилѣ цѣлыя взводы пѣхоты въ интервалы своихѣ эскадроновѣ, полагая шѣмѣ придашь имѣ болѣе силы и преимущества надѣ Австрійскою кавалерією, которая въ храбрости равнялась съ его кавалерією; но превосходила ее числомѣ.

И *Фридрихъ великій*, въ сраженіи подѣ Мольвицомѣ, употребилѣ для кавалеріи своей пошлѣ же самый боевой порядокѣ: она поставлена была по флангамѣ арміи, а въ интервалы ея размѣщены были два баталіона Гренадерѣ,—, распоряженіе, которому върочно, говоритѣ откровенно самѣ Король, никто не будешѣ подражать болѣе.“ (*)

По большей части, самое поле сраженія указываетѣ кавалеріи ея позицію: такѣ же, гдѣ удобность сія не имѣетѣ мѣста, должна она бытъ свернушою позади пѣхоты въ большой массѣ; скорость движеній ея позволяешѣ,

(*) Исторія моего времени.

не раздѣльно употребить ее въ день битвы на разныхъ почкахъ. (*)

На какое бы ни было расположеніе конницы, она всегда должна имѣть въ виду два главныхъ правила: обезпеченіе своихъ фланговъ и сохраненіе сильнаго позади себя резерва. Чрезъ сіе боевая линія не только приобретаетъ болѣе надежності, но и самая нравственность въ солдатахъ возрастаетъ. — Онъ сражается смѣлѣе, видя позади себя многочисленное войско, готовое подкрѣпить его. Угадаешь мгновение, когда должно ввести въ дѣло резервъ, принадлежишь къ задачамъ, которыя рѣшаются Геніемъ.

Нѣсколько небольшихъ отрядовъ легкой кавалеріи, говоритъ Эрцгерцогъ Карлъ размѣ-

(*) *Наполеонъ*, кошорого сужденія о воинскомъ искусствѣ, по словамъ *Графа Бисмарка* (*) до шѣхъ поръ спашушь служишь правилами, пока коевашъ на свѣшъ будушь, въ Февраль 1814-го, гошовясь произвешъ нападеніе на Силезскую армію и опдавая Генералу *Груши*, начальштвовавшему всею Кавалерією, приказанія свои, произвешъ между прочимъ сіи доспопашныя слова: „Въ предшоящихъ намъ дѣлахъ, я много ожидаю отъ „Кавалеріи, не взирая на то, что большая часть ея „изнурена отъ безпрестанныхъ движеній и переходовъ; вѣрошно, что конница Союзниковъ и многочисленнѣе нашей; но не въ шомъ дѣло—Кавалерія важна не числомъ; а употребленіемъ — помнише это, „Генераль! что шамъ гдѣ не имѣется многихъ Кавалерійскихъ массъ, обязаны мы вознаградишь сей недоспашокъ подвижностію одной и шой же массы.“ Л

(*) Система для Кавалеріи стр. 254.

ценныхъ позади первой боевой линіи пѣхоты, достапочно, чтобъ броситься съ усилѣхомъ сквозь интервалы ея, коль скоро наступающій или опрокинутый непріятель представитъ къ тому удобный случай.

Кто слѣдуетъ сему правилу, соединя всю осшальную кавалерію на одну почку, подѣ начальство искуснаго и отважнаго Генерала, тотъ въ правѣ ожидать отъ нее тогда дѣйствій чрезвычайныхъ, чудесныхъ.

Эрцгерцогъ Карлъ присовокупляетъ далѣе: Генералу, „которому Главнокомандующій армію „въ день общаго сраженія поручилъ всю кавалерію, не должно ни какими убѣжденіями „другихъ Генераловъ согласиться на раздробленіе своей массы—для оказанія ея частями „мгновеннаго и въ существѣ ни къ чему не „служащаго вспомошествованія.“

Рѣдко Австрійскіе Генералы руководствовались сими правилами; повсюду была ими перемѣшиваема конница съ пѣхотою тамъ, гдѣ только на позиціи встрѣчались равнины; это наблюдали они даже и на самыхъ переходахъ войскъ. Такимъ образомъ пѣхота теряла существенную свою силу и съ симъ вмѣстѣ и собственное свое достоинство; а кавалерія, будучи раздроблена на отряды, лишалась возможноши рѣшать участь сраженій.

Искусство производить движенія.

Движенія конницы должны быть быстры, для непріятели не — ожиданны и носить на себѣ печать рѣшимости и увѣренности.

Конница должна спарашься выигрывать у неприятеля фланги, и для того производишь движенья свои столь быстро и столь внезапно, чтобъ не оставалось ему времени совершить оборонительное построение.

Противъ конницы, сіе произвести гораздо удобнѣе, нежели противъ пѣхоты; ибо пѣхота скорѣе успѣваетъ построиться въ Каре, чѣмъ атакующая конница совершилъ свой ударъ.

А потому слѣдуетъ испытывать посредствомъ частныхъ атакъ авангарда, расположение и свойство противу-стоящей пѣхоты, спарашься пѣмъ самымъ, если не поколебать, то по крайнемѣрѣ, расстрожить ее, а тогда уже избрать удобнѣйшее мгновеніе къ рѣшительному удару. Сей цѣли соотвѣтствуетъ болѣе всѣхъ прочихъ построение уступали.

Нѣкоторые военные писатели предлагали строить противъ пѣхоты кавалерію въ густую сомкнутую колонну, имѣя въ виду, что бы послѣднія части конницы, претерпѣвая менѣе отъ огня пѣхоты, съ большимъ усиленіемъ напирала и гнала впередъ голову колонны. Со времени усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, глубокой строй, при самомъ наискѣ, вышелъ изъ употребленія.

Впрочемъ бывають случаи, въ коихъ быстрый ударъ столь важенъ и столь рѣшительнъ, что потерять драгоценное время въ развертываніи колонны было бы погрѣшностію непрощительною — тогда все равно, какимъ бы порядкомъ ни былъ нанесенъ неприятелю

ударъ, фронтъ ли, сомкнутою или разомкнутою колонною: лишь бы онъ нанесенъ былъ съ пою рѣшимостію и живостію, которыя всегда предвѣщаютъ и даютъ успѣхъ.

Отважный поступокъ Генерала *Ремера* въ сраженіи подъ Мольвицомъ, служилъ пому блистательнымъ примѣромъ:

Императорская Армія, подъ предводительствомъ Фельдмаршала *Нейлера*, не помышляя о Генеральномъ сраженіи, расположена была въ шѣсныхъ кантониръ - квартирахъ въ окрестностяхъ Мольвица; Въ 10-й день Апрѣля 1741-го года, Фридрихъ нечаянно атаковалъ ее. Генераль *Графъ Шцлембургъ* начальствовалъ Прусскою кавалеріею; — Генераль *Ремеръ* кавалеріею Римскаго Императора.

Генераль *Ремеръ*, прибывъ на мѣсто сраженія, усмотрѣлъ потчасъ, что Прусская кавалерія, сдѣлавъ по эскадронно лѣвья плеча впередъ, слѣдовала къ деревнѣ Герендорфъ, къ которой должно было примкнуть правое крыло Арміи; онъ проникнулъ всю важность сего намѣренія, а потому, не теряя времени въ развертываніи своихъ тридцати эскадроновъ, бросился онъ, такъ какъ шелъ, эскадронною колонною во весь опоръ на непріятеля, котораго смялъ и опрокинулъ, чего и ожидать надлежало; обѣихъ сторонъ кавалерія потеряла своихъ Генераловъ.

Движенія и атаки фланговья производятся различными способами, о коихъ въ послѣдствіи будетъ упомянуто. Эрцгерцогъ *Карль* и Генераль *Теобальдъ* совѣтующъ, чтобы позади

фланговъ боевой линіи слѣдовали резервные полки въ колоннахъ, съ пѣмъ, чтобы обезпечить свои собственные фланги, и сохраняя удобность посредствомъ быстрой деплояды обсканать фланги непріятельскіе.

Одно изъ лучшихъ средствъ для того, чтобы выиграть фланги, особенно противъ конницы, есть перемена фронта быстрымъ движеніемъ исполненная; равномерно и внезапное построеніе косвенной линіи.

Построеніе уступами весьма способствуетъ къ сформированію и сохраненію Облическаго фронта. Косвенный порядокъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайныя преимущества; но пребываетъ только, какъ и предполагается здѣсь, опытныхъ, внимательныхъ и исправно обученныхъ полковъ.

Сраженіе конницы.

Атака конницы на каждомъ шагѣ подвержена случайности, и часто не удается отъ малѣйшаго сопротивленія, если только оно было неожиданно.

Отсюда происходитъ правило, чтобы стараться всегда производить на непріятеля нечаянныя нападенія; себя же отъ таковыхъ обезопасить.

Первое исполняется посредствомъ быстрыхъ движеній, производимыхъ на одинъ или на оба непріятельскіе фланга и, вмѣстѣ съ пѣмъ, и на резервъ его, какъ скоро позволяетъ сіе сдѣлать превосходство силъ. Во второмъ случаѣ, всегда успѣемъ, если, для одержанія

поверхности, сосредоточимъ на одномъ мѣстѣ большее число своей кавалеріи, разставимъ ее въ двѣ или при линіи, сообразно съ обстоятельствами, и не упустимъ и здѣсь изъ виду обезпеченіе собственныхъ своихъ фланговъ.

Самая же атака исполняется съ шѣмъ порывомъ, который одинъ въ состояніи произвести счастливыя послѣдствія.

Такъ какъ общій ударъ пребудетъ напряженія всѣхъ нравственныхъ и тѣлесныхъ силъ, въ время коего конница приводится въ необыкновенное состояніе горячности, оканчивающееся противуположенною крайностію, покоемъ или истощеніемъ; и, такъ какъ даже и успѣшный ударъ, влечетъ почти всегда за собою безпорядокъ отъ неравенства фронта, происходящаго отъ неравенства силы и быстроты лошадей: то изъ сего явствуетъ, что прежде всего надлежитъ увѣриться въ успѣхъ наиска, и для того въ то самое мгновеніе, когда переходящъ изъ галопа въ карьеръ и, когда рѣшительная кавалерія, и безъ того уже, пылаетъ храбростію и непереніемъ, умѣть употребить всѣ средства, чѣмъ возвысить духъ сей до состоянія совершеннаго изступленія.

Сила истощается отъ употребленія силы, и въ такой мѣрѣ, что послѣ крайнихъ усилій слѣдуетъ крайность истощенія; а по сему надобно искать обезпечить успѣхъ огня, пока еще онъ не прекратился.“

Никогда кавалерія споль ни слаба, какъ послѣ счастливой атаки, и ни въ какое время не бываетъ легче ее побѣдить.

Пока выспраивается фронтъ и дается время опомниться людямъ, и успокоить лошадей, обыкновенно раздается по всей линіи дикій шумъ, гулъ радостной побѣды; ибо всякій слѣшитъ сообщитъ товарищу о подвигахъ своихъ. Вотъ опъ чего въ то время бывають и невнимательны къ командѣ; напрасно играетъ труба; тщетно стараются начальники возстановить порядокъ; въ сію минушу явись свѣжая, непріятельская кавалерія: она все смѣшаетъ; но противъ сего должна обеспечить вторая линія, слѣдующая на рысяхъ въ величайшемъ порядкѣ.

Если бы можно было заманить въ дѣло всѣ силы противника своего, и уже тогда двинуть впередъ свѣжую линію многочисленной кавалеріи, подобно какъ сдѣлалъ Эрцгерцогъ Карлъ подъ Вирцбургомъ, то всегда можно быть увѣрену въ побѣдѣ.

Побѣда неблестяща, нерѣшительна, несовершенна, которою конница не можетъ воспользоваться; напротивъ того, потеря сраженія, которое рѣшается конницею, бываетъ для противника всегда пагубна и сокрушительна.

Лахманъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Пажъ Герцога Фридландскаго.

Историческая повѣсть; соч. *Тромлица*.

(Продолженіе).

Графиня *Терцки*, Маркизъ *дель-Гуасто* и множество другихъ гостей пріѣхали въ Гичинъ; они оживили Герцогскій замокъ. Извѣстіе о проигранномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ побудило *Валленштейна*, оставить на короткое время Прагу, и удалился въ Гичинъ; надлежало дать пройти первому ужасу отъ пораженія Императорской арміи; онъ радовался несчастію Генерала *Тилли*, соперника имъ ненавидимаго; однако же не смѣлъ обнаружить своей радости. Для избѣжанія всего этого, оставилъ онъ Прагу, и пригласилъ только своихъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ, соупствовавъ ему въ Гичинъ.

Графиню *Герцки*, которой открыты были всѣ его шайные планы, оставилъ онъ на нѣсколько дней въ *Прагѣ* единственно для того, чтобы черезъ нее узнать, какое впечатлѣніе сдѣлаешь на *Богемцевъ* вѣсть о *Лейпцигскомъ* пораженіи. Для него очень важно было, въ точности узнать расположеніе народа; до самой *Саксонской* границы повсюду разсланы были его лазутчики, дабы немедленно извѣстить его о вторженіи *Арнима* и о духѣ *Богемцевъ*.

По приѣздѣ своемъ, Графиня пошчасъ поспѣшила къ *Герцогу*, и увѣдомила его обо всемъ, что въ отсутствіи его происходило въ *Прагѣ*. *Герцогъ* крайне обрадовался, услышавъ объ унынїи *Донъ-Бальтазара* и о восторгѣ *Богемцевъ*, все еще втайнѣ приверженныхъ къ исповѣданію *Гусса*. Отбытіе *Герцога* еще болѣе взволновало умы. „Но кромѣ сихъ извѣстій,“ присовокупила Графиня въ концѣ разсказа, я должна сообщить вамъ еще нѣчто важное. Изъ *Вѣны* приѣзжалъ гонецъ отъ *Князя Эгенберга* къ астрологу; онъ говорилъ, даже и шеперь еще здѣсь.“ —

— *Князь* мнѣ другъ! — *Сени* мнѣ преданъ! — прервалъ ее *Герцогъ*: кѣпко знаетъ, какіе вопросы о будущности *Эгенберга* предложилъ моему астрологу! — Еслибъ я могъ всѣмъ довѣрять, какъ этимъ двумъ особамъ! —

„Еще я получила достовѣрное извѣстіе,“ продолжала Графиня: „что *Георгъ Роткирхъ*. . . вы знаете, какъ я люблю его. . .“

—Любите!—подхватилъ Герцогъ.

„Что Георгъ Роткирхъ,“ продолжала Графиня: въ день вашего отбѣзда имѣлъ пайное свиданіе съ однимъ Нюрнбергскимъ пѣвцемъ въ гостинницѣ золотого грозда. Вы знаете, какъ доброжелательствуютъ вамъ Нюрнбергцы!“

Герцогъ улыбнулся.

„Эти Имперскіе граждане, какъ мнѣ о нихъ сказывали, странные люди; они отъ всего робко удаляются! И не смотря на то, въ самый день прибытія въ Прагу, ихъ не было дома до глубокой ночи. Говорятъ, будто они сюда пріѣхали!“

—Право!—сказалъ Герцогъ пропѣжнымъ голосомъ. Лицо его сдѣлалось угрюмѣе; онъ посмотрѣлъ на Графиню испытующимъ взоромъ.— —Хотя вы стараешься одушевить себя духомъ мужества, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія: но все видно женщину и вы не можете отказать отъ мѣлочнаго щеславія. Вы имѣете мою полную довѣренность, вамъ только открываю мое сердце. Но вы симъ не довольствуетесь.—Всякаго, кому я доброжелательствую, вы хотите отъ меня удалить. Вы ненавидите астролога: ибо до того самолюбивы, что мечтаете сами угадывать мою будущность, между тѣмъ, какъ онъ въ звѣздахъ ее читаетъ и показываетъ мнѣ блестящіе образы. Сходство дня и часа рожденія, стояніе планетъ и ихъ стройное теченіе, непостижимою силою тѣсно сопрягаетъ меня съ этимъ молодымъ человекомъ. Мой астрологъ въ послѣднюю важную ночь увѣрялъ меня, что надъ нами обоими властвуетъ одна сча-

спливая звѣзда, что намъ предстоитъ одинакая участь, что его жизнь неразлучна съ моею.—Вы завидуете, что онъ такъ близокъ къ моему сердцу. Неосторожная дѣвская шалость навлекаетъ на него вашъ гнѣвъ. Вы давно бы принесли его въ жертву вашимъ честолюбивымъ планамъ, еслибъ я не защищалъ его!—Слѣдуя вашему совѣту, я предостерегъ его;—для Силезскаго дворянина, моего придворнаго служителя, слишкомъ высоко еще до племянницы Герцога *Фриландскаго*.—Если же его счастливая звѣзда взойдетъ вмѣстѣ съ моею и возсіяетъ подлѣ моей, когда одна судьба сдѣлается нашимъ удѣломъ,—тогда, Графиня, я признаюсь что *Роткирхъ* поступилъ славно! Тогда я повѣрю, что онъ, предчувствуя свою блистательную будущность, упрямо и смѣло стремился впередъ—къ *высокому*, и починалъ себя достойнымъ этаго *высокаго*.—Такъ я самъ поступалъ, когда внѣшняя жизнь предлагала мнѣ скудную дань; изъ себя самаго почерпнулъ я свое величье, и въ себѣ самомъ нашелъ то вещество, изъ коего я сошкалъ себѣ багряницу.—Но такая сила находится внѣ предѣловъ вашего духа, такая высота недоступна женщинамъ!—

Онъ обернулся къ ней спиною, и пошелъ въ свой кабинетъ; Графиня удалилась.

Ея проницательный взоръ смотрѣлъ ясное въ будущность; потому, что не былъ такъ опуманенъ обманчивыми призраками воображенія, какъ надмѣнная душа ея зятя. Она боялась астролога, его связей съ Вѣною, съ Іезуитами; однимъ словомъ, она не имѣла довѣрен-

ности къ этому человѣку, — думая, что пружина всѣхъ его дѣйствій есть—собственная выгода. *Георгъ Роткирхъ*, кошорого она прежде покровительствовала и любила за многія превосходныя качества, особенно же за преданность къ ея фамиліи, сдѣлался ей ненавистенъ по двумъ причинамъ. — Взоры *Матильды* слишкомъ часто останавливались на мужественно-пригожемъ юношѣ, а съ нѣкотораго времени и онъ отважился искашь ея взора: съ той поры явно обнаруживалось обращеніе дочери ея къ Испаліянцу. Ей легко бы, удаленіемъ *Матильды*, поставить конецъ эпош младенческой шалости; но сверхъ того, она была увѣрена, что Герцогъ не одобрилъ бы дерзкихъ замысловъ молодаго человѣка. Болѣе всего превозжило ее то, что астрологъ успѣлъ увѣрить Герцога, будто бы судьба его тѣсно сопряжена съ участью *Роткирха*. Что это значитъ, и какую цѣль имѣетъ *Сени*, было и оставалось для нее тайною.

Свѣздъ гостей снова оживилъ Герцогскій замокъ въ Гичинѣ. *Валленштейнъ* все еще показывалъ видъ, будто не вѣритъ молвъ о разбитіи *Тилли*. Пиршества слѣдовали за пиршествами. На сихъ безпрерывныхъ праздникахъ никто не чувствовалъ себя сколько счастливымъ, какъ *Роткирхъ*, кошорому однажды вечеромъ особенно улыбнулось счастье.

Уединенно сидѣлъ онъ въ садовой бесѣдкѣ; внезапно послышался шорохъ; онъ пробудился

отъ своихъ мечтаній, приходъ дамъ заставилъ его, ускользнуть изъ своего шихаго убѣжища; онъ полагалъ, что ни одна изъ нихъ его не видала; но *Матильда*, которая съ подругами своими вошла въ бесѣдку, его замѣтила. Не долго онъ тамъ пробыли, и лишь только вышли изъ бесѣдки, *Роткирхъ* опять вошелъ въ нее. Тамъ увидѣлъ онъ что-то на дерновой скамьѣ. Онъ прощипнулъ руку,—то была роза, поблекшая,—но вѣрно та самая роза, которая покоилась на его сердцѣ, и которая, безъ сомнѣнія, увядая, въ послѣдній разъ благоухала! на груди *Матильдиной*; вокругъ розы была обвѣшана нѣжная, скромная незабудка! — Тогда показалось ему тамъ душно; онъ бросился вонъ изъ бесѣдки, изъ сада, и далеко оставилъ за собою шумъ пиршества, не заботясь о своей должности. — Онъ получилъ отъ *нее* залогъ ея къ нему благосклонности: что же, послѣ этого, значили для него другіе? Какъ низокъ казался ему въ эту минушу его Свѣтлѣйшій Повелитель!—Онъ самъ сдѣлался Царемъ!—Прижимая къ уснамъ своимъ поблекшую розу и незабудку, онъ съ восторгомъ глядѣлъ на звѣзды! — Это была первая блаженная минуша, ему казалось, будто все вокругъ шептало ему: она тебя любитъ!—

„Милосливый государь!“ раздался позади его голосъ: „милосливый государь, позвольте напомнить о вашемъ обѣщаніи!“ Онъ оглянулся, и увидѣлъ *Нюрнбергскаго пѣвца съ сыномъ*.

„Вы такъ веселы, сударь! что вѣрно и насъ захотите обрадовать исполненіемъ на-

шего единственнаго желанія. Доставьте намъ случай, въ нынѣшній праздникъ, повеселишь здѣшнихъ господъ нашимъ паланомъ.—Пойдемте!“—

Младшій молчалъ и, съ видомъ боязни, ожидалъ отвѣта отъ Пажа, который сначала, казалось, едва понималъ слова старца; но вдругъ, съ выраженіемъ человека, чувствующаго себя счастливымъ, и желающаго весь міръ сдѣлать счастливымъ, воскликнулъ: „спушайте за мною!“ Онъ возвратился съ ними черезъ садъ.—„Побудьте здѣсь! я потчасъ возвращусь,“ сказалъ онъ, и побѣжалъ въ замокъ.—

Общество только что собралось въ рыцарской залѣ, гдѣ играли Герцогскіе музыканты; самъ Герцогъ удалился уже въ свои комнаты.

Роткирхъ подошелъ къ Герцогинѣ, почтительно поклонился и доложилъ, что два Нюрнбергскіе пѣвца просятъ позволенія повеселить общество пѣніемъ.—Прикажете ли ихъ впустить сюда, Ваша Свѣплость? —

„Спросите сестру! она сегодня распоряжается праздникомъ!“ сухо отвѣчала Герцогиня.

Онъ пошелъ къ Графинѣ.—„Такъ они уже здѣсь, ваши старинные знакомцы изъ гостиницы золотого грозда въ Прагѣ?“ спросила Графиня выразительнымъ голосомъ: „гдѣ же они такъ долго замѣшались?“—Вы ихъ знаете?—сказалъ, запинаясь, *Георгъ*.—

„Болѣе, чѣмъ вы думаете!“—подхватила Графиня поропливо, но почти шопотомъ— „подите къ Герцогу, можетъ быть онъ *валъ*

доступенъ. — Если онъ позволитъ, то и я также.“—

Роткирхъ, изумленный такимъ страннымъ пономъ, поклонился и вышелъ. У кабинета Герцога засталъ онъ *Сени*. Пажъ не успѣлъ еще открыть рта, какъ встрѣтилъ его астрологъ и сказалъ моношоннымъ голосомъ: „ведише въ залу Нюрнбергскихъ странниковъ, Пажъ! я за это буду опѣвчашь Герцогу; онъ никого не велѣлъ впускать къ себѣ въ кабинетъ. Дѣлайте по, что я вамъ приказываю! —

Еще минушу медлилъ *Роткирхъ*, но вспомнивъ рѣзкія слова Графини, побѣжалъ въ садъ, и повелъ пѣвцовъ въ рыцарскую залу.—

Вошедъ въ нее, они поклонились низко, и взоры всѣхъ на нихъ обратились. Старшій былъ въ простой одеждѣ Имперскихъ гражданъ тогдашняго времени; синяя мантія являла въ немъ мастера Нюрнбергскаго цѣха пѣвцовъ; сѣдая борода показывала его преклонныя лѣта. Младшій, въ нарядѣ молодого рейпара, къ великому изумленію *Георга*, украсилъ лице свое поддѣльными усами, изъ-подъ коихъ свѣжія уста его горѣли пурпуромъ. На немъ былъ желтый колѣвъ съ синею выпушкою, на плеча накинута короткая Испанская епанча синяго же цвѣта. Черные волосы его длинными кудрями упали на плеча и шею; темные, быстрые глаза рыскали по залѣ, какъ будто кого-то искали. Отецъ подалъ ему арфу. — Болѣе всѣхъ изумленъ былъ *Георгъ*; волнуемый помпешнымъ предчувствіемъ, онъ робко поглядывалъ на юношу.— Усы придавали ему совершенно дру-

гой видъ, однако его не обезобразивали; *Роткирху* показалось, будто онъ когда-то видѣлъ этого юношу въ Прагѣ, въ такомъ же точно нарядѣ. „Чшо это значить?“ подумалъ онъ самъ въ себѣ, и вдругъ вспомнилъ о ихъ разговорѣ въ Капуцинскомъ переулкѣ. Онъ возобновилъ себѣ въ памяти оскорбительныя слова Графини *Терцки*, и сердце его сжалось безвѣрнымъ ему ожиданіемъ чего-то спрашнаго.

Тутъ старецъ подошелъ къ Герцогинѣ, скромно и почтительно прося ее, дозволить его сыну спѣшь пѣсенку и аккомпанировать на арфѣ. — Герцогиня кивнула въ знакъ согласія. — „Какого содержанія пѣсню прикажете, Ваша Свѣшлость?“ — спросилъ старикъ.

„*Матильда!*“ сказала Герцогиня, оборотясь къ своей племянницѣ, подлѣ нее сидѣвшей: „назначь ты! — пѣсни принадлежность молодости.“ —

— Я бы желала, чтобы сынъ вашъ, сказала *Матильда* робкимъ голосомъ: спѣлъ намъ пѣсню о безнадежной любви! —

Старецъ поклонился и пошелъ къ сыну.

Графиня *Терцки* едва могла скрыть свое негодование. — Она бросила сердитый взоръ на дочь, испытующій взоръ на Пажу, который, укрываясь отъ нее, подошелъ къ пѣвцамъ, вывелъ младшаго на средину залы, прямо прошивъ Герцогиню, а самъ спалъ позади его.

Мило было смотрѣть, когда нѣжный юноша, съ арфою въ рукахъ, остановился посреди высокой залы. — Онъ задумчиво поднималъ глаза: казалось, будто собирался съ мыслями, и

вдругъ . . ударивъ въ золотыя струны, запѣлъ
прогашельнымъ голосомъ:

Ахъ! со слезными очами
И съ разшерзанной душой,
Мнѣ ли, о любви богиня,
Твой алшаръ злшой вѣнчашь
Вспоминанiя цвѣшами?
Ахъ! чего желаешь ты!

* * *

Съ юной Флорою ты вкралась
Въ сердце юное мое,
И умчалась.—Грусь и муку
Ты оставила въ душѣ
Вмѣсто райскаго блаженства;—
Чѣмъ себя я прогнавилъ?

* * *

Небомъ все шогда дышало;—
Обновился Божiй мiръ;
Но прошла весна младая, —
Съ нею первую любовь
Унесло дыханье бури!
Чѣмъ ее мнѣ замѣнишь?

* * *

Нѣшь! единая минуша
Тѣкъ небесныхъ, свѣшлыхъ дней
Вѣкъ блаженства перевѣсипь!—
Нѣшь, счастливецъ шощь, кто здѣсь
Разъ дышалъ, любовь, шобою,
И въ слезахъ себя поешь.

* * *

„Въ ризѣ изъ лучей лазурныхъ
 Возвращись ко мнѣ, любовь,
 Принеси мнѣ незабудку!—
 Глядя грустно на цѣвшокъ,
 Сладко воспую сквозь слезы
 Гимнъ поржешвенный шебѣ!

Рука юноши соскользнула со струнъ и опустилась; неподвижно смотрѣлъ онъ внизъ; потомъ внезапно поднялъ свою кудрявую голову, почтительно поклонился, и *Роткирхъ* отвѣлъ его обратно къ дверямъ залы.

Сей послѣдній во все продолженіе пѣсни смотрѣлъ на юнаго пѣвца; но при словахъ: „Принеси мнѣ незабудку!“—онъ невольно взглянулъ на *Матильду*, глаза его встрѣтились съ глазами *Матильды*; они поняли другъ друга; оба пошупили глаза.

„Развѣ отецъ молодаго пѣвца не покажетъ намъ своего таланта?“ спросила Герцогиня: „Господинъ Маркизъ!“ сказала она *дель-Гуасту*, который стоялъ за *Матильдиными* креслами: „сдѣлайте одолженіе, попросите старика отъ моего имени.“—

Маркизъ, казалось, былъ разсѣянъ; онъ не понялъ тотчасъ, чего отъ него Герцогиня требовала; она принуждена была повторить свои слова. Онъ пошелъ черезъ залу. *Георгъ* слѣдовалъ за нимъ взоромъ; Маркизъ подошелъ къ старому пѣснопѣвцу, и передалъ ему желаніе Герцогини.

„Очень радъ исполнить приказаніе ея Свѣплости,“ отвѣчалъ старецъ поклонясь: „я

спою вамъ пѣсенку!“ — Миѣ? спросилъ Маркизъ съ удивленіемъ, и пристально посмошрѣлъ спарику въ лице.

„Да, вамъ, Господинъ Маркизъ *дель-Гуасто!*“ — сказалъ пѣвецъ рѣзкимъ голосомъ, успремя на него сверкающіе глаза, онъ схватилъ арфу изъ рукъ сына, и швердыми шагами пошелъ къ Герцогинѣ. Сынъ оспался удверей; Маркизъ возвратился на свое мѣсто и сѣлъ за креслами Графини *Матильды*.

Вѣрною, опытною рукою спарецъ ударилъ въ струны, и сильнымъ голосомъ запѣлъ:

На брегѣ свѣшлаго ручья

Красавица сидѣла:

Смошрѣла въ слѣдъ печенюю воднь,

Дробившихся о берегъ! —

И смятые цвѣшы она

Въ могилу водъ бросала,

И межъ луговъ и межъ холмовъ

Струя ихъ уносила.

* * *

Тутъ спашный юноша пришелъ,

Во взорѣ пламень спрасши,

И молвилъ: лживая волна

Цвѣшовъ не возвращаешь!

Сей свѣжій миршъ вплеши же шы

Въ свои зланыя кудри, —

А шамъ, красавица моя,

Скорѣй къ вѣнцу со мною!

* * *

Она въ власы вплешаетъ миршъ,

Она идешь съ любезнымъ;

Онъ не ведешь ее къ вѣнцу,
 Онъ дѣву покидаешь!
 Завяли розы, миршъ поблекъ,
 Тоска ее убила! —
 Увы! какъ смѣлый цвѣтъ, она
 Главу на грудь склонила. — —

Спарецъ умолкъ и мрачно опунилъ взоръ въ землю. Казалось, будто сильное чувство взволновало его сердце, будто онъ спарался припши въ себя. Рука его судорожно дрожала надъ спрунами. Юноша пожалъ *Георгу* руку и отворошилъ. Между тѣмъ, спарикъ возвелъ глаза, дикимъ и грознымъ взоромъ посмошрѣлъ черезъ *Графиню Матильду* на *Маркиза*, и снова зацѣлъ громовымъ голосомъ:

Но день настанешъ, спрашный день,
 День мщенія настанешъ!
 Кто можешъ сердце раздирашъ,
 На вѣки да погибнешъ!
 Да поразитъ небесный громъ
 Пресшунную измѣну!
 И шакъ, зываю я: злодѣи!
 На казнь, на казнь явися!

Послѣднiя слова спарикъ прогремѣлъ безъ сопровожденiя на арфѣ; онъ высоко протянулъ правую руку, произнесъ слова: „На казнь, на казнь явися!“ дикимъ голосомъ, и какъ спрашный призракъ, остановился, неподвижный, среди залы.

Дамы запрепешали.—Всѣ смотрѣли на спарца, кошорый, подобно мстишельному духу,

грозно смошрѣлъ черезъ *Матильдины* креслы, и, казалось, ничего вокругъ себя не замѣчалъ.—Внезапно, потрясая сѣдинами, быстро подошелъ онъ къ Герцогинѣ. — „Выведите отсюда сумашедшаго!“ вскричала она, видя, что онъ бросился къ *Матильдѣ*.—Служивши прибѣжали, схватили старика подъ руки и вывели его изъ залы.

Всѣ встревожились, одна только Графиня *Матильда* была спокойна.—„Знаете ли вы эшаго человѣка, Маркизъ?“ спросила она *Дель-Гуа-сто* выразительнымъ голосомъ.

—Нѣтъ, прелестная Графиня! — отвѣчалъ онъ холодно: я его не знаю! —

„Вы его не знаете, Маркизъ?“ сказала *Матильда*, опворошилась онъ него, и пошла за матерью, которая удалилась вмѣстѣ съ Герцогинею.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

МОИ ЖЕЛАНІЯ.

Пшичкой пѣвицею

Бышь бы хошѣлъ;

Съ юной девицею

Я бь прилешѣлъ

Первый къ своимъ дверямъ ;
 Въ нихъ бы порхнуль ,
 И къ молодымъ грудямъ
 Милой прильнуль.

* * *

Будь я сияніемъ
 Дневныхъ лучей,
 Слышый съ пыланіемъ
 Яркихъ очей,
 Щекибъ румяныя
 Жарко лобзаль,
 Въ перси бы рдяныя
 Вкравшись пылаль

* * *

Еслибъ я сладостнымъ
 Былъ въ шеркомъ;
 Въянемъ радостнымъ
 Тайно кругомъ
 Милой лещаль бы я.
 Съ доловъ, луговъ,
 Къ ней привѣвалъ бы я
 Запахъ цвѣшовъ.

* * *

Спаль бы я, спаль бы я
 Эхомъ лѣсовъ,
 Все повторяль бы я
 Милой: любовь! . . .
 Ахъ! но напрасное
 Я загадалъ;
 Тайное, спрашное,
 Кшо вырадалъ?

* * *

Пшичка, небесный свѣшъ,
 Бѣгъ вѣшерка,
 Эха лѣсной привѣшъ
 Издадека —
 Быспры, но ясное
 Намъ безъ рѣчей,
 Тайное, спрасшное
 Все ихъ быспрѣй.

2.

НОВОЕ ЧУВСТВО.

Злашаго Мая вѣшерокъ,
 За чѣмъ шы грудь мою лобзаешъ?
 За чѣмъ серебряный потокъ
 По свѣжей зелени споль радосшно играешъ?
 За чѣмъ въ шиши вочной шы свещешъ соловей? —
 Я слышашъ звукъ ея плѣнишельныхъ рѣчей!
 За чѣмъ въ огнѣ злашой денницы
 Слеза небесная на ландышѣ горишъ?
 —Я видѣлъ блескъ ея пурпуровыхъ ланышъ,
 Я видѣлъ небеса сквозь шемвыя рѣсницы!
 Огнемъ зажженный неземнымъ,
 Миѣ въ душу взоръ проникъ волшебный: —
 Что блескъ Ямшидова рубина передъ нимъ!
 Что Майскій вѣшерокъ, что Гебы сокъ цѣлебный
 Предъ сладкимъ, Делія, дыхавиємъ швоимъ!
 Въ восторгѣ розовы уша швои лобзал,
 Въ немъ жизнь вездѣшнюю мечша моя пила;
 Когдажъ суровосшь ледяная

Слешишь съ лилейнаго чела?
 Когда душа швоя сольешся
 Съ моею—въ опрадной шишинѣ,
 И сердце вспыхнешь и забьешся
 У сердца друга—не во свѣ? . . .

В. Телляковъ.

1822 года.

3.

М . . . ѣ Д . . . ѣ.

Не оживляй въ душѣ моеи
 Давно уснувшія мечтанья,
 Мнѣ неповаженъ пылъ спрашей,
 Мои свершились упованья!
 Смоужи, я опжилъ въ цвѣннѣ лѣннѣ
 Тоска, какъ змѣи мнѣ сердце гложешъ:
 Обманушь я!—и шумный свѣтъ
 Развеселишь меня не можешъ.
 Ошворотись же ошъ меня,
 Будь щаслива въ спокойной долѣ;
 Не обольщай меня. . . ужъ я
 Не вѣрую въ прекрасныхъ болѣ.

В. Владиславевъ.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

J saw the weep.

(Изъ Байрона).

Я зрѣлъ себя — швой взоръ прелестный
 Наполненъ былъ слезой;
 Я мнилъ — фіалки цвѣтъ небесный
 Блеснишь златой росой.
 Я зрѣлъ себя — ты улыбалась :
 Сафира блескъ исчезъ ; —
 Его сіянье зашмѣвалось
 Огнемъ швоихъ очесъ.

Какъ солнце вешнею порою
 Сявозь облако скользишь,
 И долго, скрывшись за горою,
 Сводъ неба багрянишь :
 Улыбка шакъ шею пишаешь
 Воспоргомъ сладкимъ духъ,
 И въ сердцѣ пламень осщавляешь
 Хошь блескъ ея пошухъ.

Пер. А. Кировъ.

ХАМЕЛЕОНИСТИКА.

(Продолженіе тринадцатое).

„Въ Сѣверной Пчелѣ Кришика замѣняется такъ называемою *Литературною Тактикой*, тѣсть усовершенствованія которой принадлежить единственно Гг. Издашелямъ Сѣверной Пчелы. Ужасно какъ подумаешь: въ наше время ничего не стоить, жалко насмѣхаясь надъ истиною, поднять до небесъ и распощать въ прахъ одно и то же произведеніе. Ушѣшимся шѣмъ шолько, что въ одной Сѣв. Пчелѣ совершаются подобныя явленія.“

М. В. 1828, No 8, стр. 405.

Ни одна Хамелеонистическая спашья, ни прошедшая, ни будущая, не потѣшатъ такъ нашихъ читателей, какъ два противоположныя сужденія Гг. *Грега* и *Бумарина* о достоинствѣ *Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года*, подъ предводительствомъ *Суворова - Рымникскаго*, сочиненной *Е. Б. Фуксомъ*.

Въ Сынѣ Ошечества (1) Г. *Фуксъ* былъ выставленъ безграмотнымъ и сопричисленъ къ ордену *Грилице* на горѣ-Теткѣ (2). Въ Сѣверной же Пчелѣ превознесенъ на равнѣ съ *Карамзиннымъ* и великимъ *Сомовымъ* (3), а книга его

(1) 1816, No VI, стр. 18. 1819, No XXXVI, стр. 111. Сѣв. Пчела 1826, No 65 и 66.

(2) Въ одной книгѣ гора *Чатырдагъ*, значащая *Шатеръ-гора*, при переводѣ съ Французскаго названа *горою - Теткою*, по сходству словъ: *la tante* шетка и *la tente* шатеръ, палатка.

(3) По чиноположенію Издашелей Сѣв. Пчелы за *Тацитомъ* слѣдуетъ *Гиббонъ*, за *Гиббономъ* *Карамзинъ*, а за *Карамзиннымъ* непосредственно — *О. М. Сомовъ*.

заняла мѣсто подлѣ Исторіи Государства Рос-
сійскаго и Гайдамака (4).

Мы хотѣли было вкратцѣ представить объ-
снѣ Библіографическія спашьи; но на первыхъ
спрочкахъ почувствовали, что не въ состоя-
ніи передать этого искусства фехтовать перо-
мъ, коимъ Гг. Грегъ и Булгаринъ обладаютъ
въ превосходной степени. Они мастерски на-
ходящѣ у своего противника слабое мѣсто —
и мешко ранящѣ. Имъ нѣтъ дѣла: правъ онъ,
или виноватъ. Они напускаютъ на него пучу
ложныхъ доказательствъ, изъ частнаго случая
выводится общее заключеніе, соломенку назы-
ваютъ бревномъ, пылинку массою грязи или
алмазомъ, забрасываютъ чашапеля выписками,
ссылками, восклицательными и вопроситель-
ными знаками, вырываютъ изъ книги клочки
и печатаютъ ихъ курсивомъ (5), заманиваютъ
разсудокъ чашапеля въ пѣсиину, гдѣ ему узко,
темно, душно — и не даютъ ни вздохнуть, ни
опомниться. Тупъ и самый опытный мысли-
тель принужденъ уступить поле набѣдникамъ
и замолчать, а неопытный, не твердо знающій

- (4) Плохая повѣсть, наполненная смѣшными несообразно-
стями и писанная вялымъ слогомъ. Баронъ Дельвицъ
по добродушію своему далъ ей мѣсто въ Сѣв. Цѣв-
шахъ — и шѣмъ обезобразилъ свой прекрасный аль-
манахъ.
- (5) Слова печатающія курсивомъ въ Сѣв. Пчелѣ въ ша-
комъ случаѣ, когда Издатели ея увѣрены, что ошиб-
ка, несообразность или нелѣпость въ нихъ заключаю-
щаяся, видна съ перваго взгляда каждому. Выписки
курсивомъ никогда не подкрѣпляются доказатель-
ствами. Тупъ и требующая слѣпая вѣра въ непогрѣши-
мость Издастелей.

спайные проходы, ущелья, крупизны и спремнистые спуски, по которымъ ведутъ его, удивляется всему, что слышитъ и соглашается со всѣмъ, что ему предлагаютъ.

Но послушаемъ самихъ Гг. Грета и Буларина, если хотимъ составить себѣ полное, чистое понятіе объ ихъ лихеращурной Тактикѣ и Спрагегіи.

Сынъ Отечества.

Сѣверная Пела.

„Авторъ нашъ не придерживается никакого порядка, отъ него слогъ его, исполненный жизни и мыслей, отрывистъ и несвязанъ.

Такимъ образомъ царствуетъ въ семь сочиненій забавное разнообразіе.

Россия не имѣетъ Исторіи Суворова. Въ Исторіи Князя Суворова (6), сраженіе на Кинбурнской косѣ, считаемое всѣми знаатоками чудомъ военного искусства, описано въ 19-ти строчкахъ; штурмъ же приступъ Измаила, знаменитый въ военныхъ бытописаніяхъ всѣхъ народовъ, изложенъ въ 15-ти строкахъ;

„Всѣ науки изобрѣшены человекомъ для его пользы (7). Исторія есть наука о самомъ человекѣ. Она показываетъ намъ состояніе разумнаго существа въ предѣлахъ, назначенныхъ ему природою въ гражданскомъ обществѣ. Человекъ, выведенный за сію черту, отдѣленный отъ общества, принадлежитъ къ наблюдениямъ Психологіи и Физиологіи, и разсматривается только, какъ животное и какъ существо духовное. Но какъ скоро его нравственные или духовныя способности дѣйствуютъ въ отношеніи къ его ближнимъ

-
- (6) Въ первыхъ двухъ частяхъ Г. Фуксъ называетъ свою книгу *Исторією Князя Суворова*.
- (7) Въ сей статьѣ особеннаго замѣчанія достоинъ Тактический Маневръ *Ф. В. Буларина*. Онъ начиняетъ обидными мѣстами о пользѣ наукъ, потомъ о пользѣ Исторіи, повторяетъ давно сказанное, что Исторія Государства — есть жизнь цѣлаго народа, распространяется о цѣли Исторіи, переходить къ Биографіямъ великихъ мужей. А для чего все это? чтобы ушомить читателя и сдѣлать его неспособнымъ къ различенію лжи отъ истины, когда онъ будетъ осыпать Г. Фукса хвалами, преувеличенными до безмѣрности — и очищать мѣстечко для его *Исторіи Суворова* подлѣ Исторіи Государства Россійскаго.

а между шѣмъ, формулярный списокъ и показаніе какіе Князь имѣлъ ордена, какъ онъ обѣдалъ, занимающъ десятишки страницъ въ одномъ и томъ же помѣ.

У *Г. Фукса* — „*Суворовъ*, осмолрѣвши крѣпости на Шведской границѣ, отпра- вился къ вѣреной ему ар- міи въ Тульчу, которая крѣ- постъ лежишь за Дунаемъ, а какъ шогда былъ миръ съ Турками: шо, разумѣется, они и не пустили его къ себѣ.“

Вмѣсто *Тулчи*, не въ *Тул- тинѣ* ли, мѣстечко Подоль- ской губерніи, гдѣ и нынѣ находишь главная кварши- ра вшорой арміи?

Въ 5-мъ пунктѣ изъ дис- позиціи *Суворова* для Праж- ского пшурма, *Г. Фукса* на- писалъ: „Предъ всякою ко- лонкою будущъ слѣдовать 128 оружейныхъ мастеровъ и 272 рабочника. Первые дол- жны опшимашь непріятель- скіе аванъ-послы не спрѣ- ляя, защищашъ рабочни- ковъ, спрѣляшь по непріа- теламъ, насигая ихъ на земляномъ валу, а самимъ, между шѣмъ, подвигашъ въпередъ.“

Всякій видишь, что ору- жейные мастера *Г. Фукса* суть изъ всей арміи опшич- ные люди: ибо они первые должны ударить на непріа- шеля, и идущей за ними ко- лонкѣ указашъ путь къ по- бѣдѣ. *Суворовъ* имъ прика- зываетъ насигать непріа- шеля и защищашъ своихъ рабочниковъ. Новый опытъ упрѣренности Главкома- ндующаго въ мужесшѣ и рѣ-

и имѣющъ влияніе на судьбу ихъ, шогда онъ шавовишья лицомъ испорическимъ, въ хорошемъ или дурномъ смы- слѣ. Испорія слѣдуешь за развитіемъ его способно- стей, ваблюдаешь его дѣла и побужденія, взѣшиваетъ ихъ на вѣсахъ справедливо- сти, и, по числу добра или зла имъ сдѣланнаго, опре- дѣляетъ его достоинство. Это Испорія одного человѣ- ка. Учасшіе, принимаемое народомъ въ судьбѣ своихъ праишелей или великихъ мужей, начальшвовавшихъ надъ нимъ, или имѣвшихъ на него влияніе; шпеневъ просвѣщенія и нравшвенно- сти цѣлаго варода, его по- литическій характеръ, под- виги, произведенные общи- ми силами, внушрѣнее со- шновіе и вѣшнія опшоше- нія, успѣхи и нешасшія, од- нимъ словомъ, жизнь цѣлаго народа сосшавляющъ Испо- рію Государшва. Опдѣль- ныя Испоріи въ общей сути шже, что цѣшвыя полосы въ одной радугѣ: онѣ слива- ются вмѣстѣ непримѣнно, почти неоцшисательно. *Ка- калъ цѣль всякой Испоріи?* Одна, чтобы сдѣлашь людей лучшими. Блескъ добродѣ- шели и заслуги протекшихъ вѣковъ должвы были руко- водшвовашъ насъ въ насшо- щемъ и будущемъ. Порокъ и злодѣяніе должвы напо- няшь сердца наши ужасомъ и омерзѣніемъ. Спрѣмься къ сей цѣли, Ишорикъ дѣй- ствуешь какъ Философъ. Какъ полишникъ, онъ долженъ оцѣляшь дѣла и подвиги, со- образно политическому со-

шищельности предъ' всѣми прочими сихъ оружейныхъ мастеровъ.

Но откуда и зачѣмъ взялись сіи 128 мастеровъ! Не парочко ли они были выписаны (продолжаешь *Сынъ Отечества*) изъ Тулы или Сестререка, самыхъ ближайшихъ оружейныхъ заводовъ къ Варшавѣ? Ибо полки, кромѣ своихъ ложниковъ, шапкихъ мастеровъ (я разумѣю настоящихъ мастеровъ) не имѣли и шеперь не имѣють, а получають гошовыя ружья изъ арсеналовъ. Не стыдно ли храбрымъ гренадерамъ, егерямъ, побѣдителямъ *Костюшки*, *Сераковскаго*, уступить въ споль рѣшищельной битвѣ, надъ собою преимущество какимъ нибудь *Оружейнымъ Мастерамъ*?

Не хочу вѣришь, чтообы въ диспозици *Гр. Суворова* именно упоминалось о шѣхъ *Мастерахъ*: ибо не ихъ мастерство на шшурмѣ работашъ, какъ говоришся, *голаднымъ ружьемъ*, здѣсь были нужны люди распоропные, опеажные и изведанной храбрости — и точно такіе были выбраны. Ваши сомнѣнія уничтожатся, когда вы увидите, что *Г. Фуксъ* на-

спольно различныхъ странъ, называемому ещеспешеннымъ порядкомъ вещей, характеромъ народовъ и Географическимъ положениемъ (8). Въ нашей спарой Европѣ могушь и должны бышь одиѣ *Монархін*, а въ *Монархіяхъ*, въ государспвахъ обширныхъ должвы сіяшь *Пожарскіе* и *Минины*, *Гумляцковы*, *Суворовы* (9). Историку предспошь великая обязанность возжечь въ сердцахъ пламень высокой доблести и, указавъ испинные пути общаго блага и заслуги, увлечь за собою все, что шолько мыслишь и чувствуешь.

Россійская Исторія предспавляешь много блестящихъ эпохъ величія и славы. Но до какой бы спешени могущества и блеска ни дошшла Россія, осьмнадцатое спольнѣе будешь всегда почишашся знаменитѣйшею эпохою въ Историі. Въ семъ вѣкѣ Великій *Петръ* выдвинулъ Россію изъ мрака и утвердилъ ее между Европейскими державами. Создалъ законы, благоустроенное воинство, флоты; насаждено просвѣщеніе. *Екатерина* Великая усовершила начашо

-
- (8) Какимъ образомъ родились сіи мысли въ головѣ *Вадея Венедиктовита* при чтеніи *Исторіи Суворова*? Тутъ вѣшь ни слова о семъ *Полководцѣ*? Весь эпощъ пышный наборъ громкихъ словъ пригодилъ бы, можешь бышь, въ Предисловіе ко Всеобщей Историі. А здѣсь ояъ, какъ говоришся, ни къ селу, ни къ городу!
- (9) Великіе люди роляшся вездѣ: *Густавъ-Ваза* въ Швеціи, *Пожарскій* въ Россіи, *Вашингтонъ* въ Америкѣ, *Наполеонъ* на островѣ Корсикѣ, *Принцъ Евгений* въ Савоіи, *Шаретъ* въ Вандеѣ.

зываетъ *Оружейными Матерами* — фузелеровъ, коиъ и шеперь по 9-ши ротъ въ каждомъ полку гренадерскомъ, отъ слова *fusil* (*ружье*); но путь вѣшь никакого сходства!

„Четвертая колонна, преодолевъ всѣ препятствія и захвативши *двухъ конныхъ ратниковъ*, немедленно овладѣшь паркомъ.“ Сказано въ осьмомъ пунктѣ диспозиціи *Суворова*, разумѣется, что это переводъ *Г. Фукса*, по численію кошораго, каждая Русская колонна соснола изъ *шести тысячъ теловкѣ*.

По диспозиціи видно, — говоришь Рецензентъ *Исторіи Суворова*, — что сія (*четвертая*) колонна изъ всѣхъ семи имѣла самое важнѣйшее назначеніе. Преодолевъ всѣ препятствія велишь Главкомандующій и немедленно овладѣшь паркомъ — отъ какого случая собственно зависѣлъ успѣхъ дѣла. Но за чѣмъ *шеститысячной* колоннѣ схватить только *двухъ конныхъ ратниковъ*? За чѣмъ не разбишь ейдесяти, двадцати тысяччи неприятелей? Отъ чего шесть тысяч побѣдителей *Крутица, Бреста, Мацевита*, въ столь рѣшительную мину-

Петромъ, в Россія, какъ исполнишь, которому развязали руки, скрѣпленныя узамы, и сняли покровъ съ глазъ, Россія, говорюя, распростерла и утвердила владычество свое надъ полуміромъ.

Осьмнадцатый вѣкъ славился множествомъ доблестивыхъ Россіявъ, полишниковъ, воиновъ, ученыхъ и либераторовъ. Мы повинѣ, шакъ сказашь, живемъ и питаемъя атмосферю осьмнадцатаго вѣка; блестя его славы повинѣ озаремъ насъ. Россіяне гордящяся, называеясь пошомками сподвижниковъ Петра и дѣшными современниковъ *Екатерины* (10).“

Примѣт. Издателя Славянина. Дорожа временемъ нашихъ читашелей, пропускаемъ вѣсколькo спраницъ пустословія, длинныя ошѣпты *Ө. В.* на собственные свои вопросы, въ числѣ коихъ находящяся слѣдующія: правда ли, какъ нѣкоторыя утверждають, что сщеченіе великихъ людей образуешь славу и величіе царствованія, независимо отъ способностей самаго Правителя? Сколько иматору въ мірѣ, а много ль *Аполлоновъ Бельведерскихъ*? Кшо шакое

(10) Все это было бы кшаша въ похвальномъ Словѣ Петру I-му, въ жизнеописаніи Екатерины II-й, въ Исторіи осьмнадцатаго столѣтія; но за чѣмъ забрело оно въ разборъ *Исторіи Италіанскаго похода Русскихъ*, въ біографію *Суворова*? Предѣлы газетнаго листка шакъ малы, что должно дорожить каждою спрочкою, заключаешь большой смыслъ въ маленькое количество словъ. Но *Г. Булгаріку* хошѣлось закидашь насъ словами — и удалось!

шу, отъ коей зависѣла участь республики, или всей арміи, посылающъ схватишь не-премѣнно не больше и не меньше *двухъ ратниковъ верьхами*; но одинъ и шощъ же Главнокомандующій приказываешь имъ преодолѣть всѣ препятствія и овладѣть паркомъ?

Не смѣя приписать подобную диспозицію величайшему изъ Полководцевъ, я раскрылъ планъ Праги — продолжаешь Рецензентъ расшумившись, — видѣлъ движеніе колоннъ, смотрѣлъ пунжи, куда онѣ направлялись — и первый предметъ, представившійся глазамъ моимъ — были два кавальера правильнаго расположенія и хорошей профили, куда шла ша — *тетвертал колонна*. Тогда недоумія мои исчезли; Суворовъ послалъ четвертую колонну атаковать сіи два кавальера и послѣ отбить паркъ. (Г. Фуксу угодно было отрядить ее къ двумъ коннымъ ратникамъ!!!).

Вотъ какой безобразный полкъ даюшь (11) фортификаціоннымъ линіямъ: укрѣпленіе называется *коннымъ ратникомъ*, и цѣлая колонна посылаешся взять не сей непреоборимый облощъ гарнизона, не сію швердную крѣпость; но какихъ-то *двухъ жалкихъ конфедератовъ!!!*

*

быль *Суворовъ*? и пр. мы спѣшимъ къ настоящему дѣлу, ш. е. къ оцѣнкѣ достоинства кнѣги *Е. Б. Фукса о Суворовѣ*.

Ө. В. мнѣніемъ полагаешь, что мы не имѣемъ донынѣ Исторіи ни Петра Великаго, ни Суворова. Для обѣихъ мы имѣемъ только драгоценные матеріалы. Сочиненіе, изданное Г. Фуксомъ, заключающее въ себѣ отдѣльную часть подвиговъ Суворова, драгоценно какъ самый лучший матеріалъ для безсмертнаго памятника подвигамъ Суворова, Исторіи его жизни, нравственной, военной и политической, частной и общественной. Г. Фуксъ, какъ очевидный свидѣтель великихъ дѣлъ Суворова въ Италіи, въ первой части сообщилъ просимымъ, чистымъ и яснымъ слогомъ вѣрный рассказъ о происшествіяхъ, а въ двухъ частяхъ подлинные акты и официальные бумаги, какъ-шо: донесенія Суворова къ Государю Императору Павлу Петровичу и Союзнымъ Государямъ, письма къ знаменитымъ особамъ и ошѣты на оныя, указы по арміи, диспозиціи, описанія сраженій и ш. п.

Если Исторія Государства Россійскаго, соч. Н. М. Карамзина, сверхъ другихъ своихъ достоинствъ, драгоценна для изыскательнаго ума по приложеннымъ къ

Сія рецензія окончана
внѣслѣдующимъ пригово-
ромъ (12):

„Искусство писать Исто-
рію всегда будешь рѣдкимъ.
Для того пребудетъ слогу
высокій, чистый, измѣняю-
щійся, пріятный. Есть за-
коны, какъ писать Историю,
равно какъ и для всѣхъ изящ-
ныхъ искусствъ. Много из-
ложено правилъ; но весьма
немного большихъ худож-
никовъ. Метода *Тита-Ли-
віа*, его важность, его силь-

ней матеріаламъ (13), по
двѣ части матеріаловъ для
Исторіи *Суворова* споль же
драгоценны для сердца Рус-
скаго, и имѣсть съ нѣмъ
полезны не только для вои-
на, но для Историка, поли-
тика и каждаго просвѣщен-
наго человѣка. Мы не нахо-
димъ словъ для возблагодаре-
нія *Е. Б. Фукса* за сочи-
неніе, которое можно на-
звать сокровищемъ для со-
временной Русской Исто-
ріи (14). Введеніе или взглядъ

(12) Тамъ же, стр. 128.

(13) Твореніе *Карамзина* драгоценно не по матеріаламъ
къ нему приложеннымъ; но по внутреннимъ великимъ
своимъ достоинствамъ.

Карамзинъ сохранилъ все, что вышло въ нашихъ
лѣтописяхъ драгоценнаго: каждую черту героя древ-
няго времени, постоянное мужество нашихъ пасты-
рей души — просвѣпителей народа, нѣкогда смѣлыхъ
заступниковъ оного у Трона — полное наше граждан-
ское и церковное законодательство, и каждый отго-
лосокъ славы изъ время древнѣйшей Россіи. Довынѣ
единственный въ слогу, *Карамзинъ*, съ благоразум-
нымъ выборомъ, соблюлъ также и мѣлія Историче-
скія событія въ той великой и вѣрной картинѣ, гдѣ
изобразилъ онъ нашу феодальную систему и ужасы
междоусобія. Употребленный на сіе трудъ скрытъ
въ искусствѣ изображенія. Кто безъ предубѣжденія
читалъ предшественниковъ *Карамзина*, шомъ знаешь,
что его труду предшествовалъ Хаосъ.

М. Т. 1827, No 23, стр. 208.

(14) Въ описаніи военныхъ дѣйствій необходимо нужно
означать мѣсяць, день и, даже нѣрѣдко часть, въ ко-
торый началось или кончилось сраженіе, выступила
въ походъ армія или ошрядъ ея, прибыло подкрѣпле-
ніе и ш. д. У *Г. Фукса* въ цѣлой Исторіи похода 1799
года ни разу не выставляены числа достопамятнѣй-
шихъ событій: отъ него мы не узнаемъ, когда одер-
жана побѣда подъ Нови, взята Маншуй, прибылъ къ
арміи Его Высочества Великій Князь Константинъ
Павловичъ. Отъ сего — нѣтъ ясности въ изложеніи,
проешествія смѣшиваются въ памяти — и читатель
остается въ недоумѣніи.

ное краснорѣчіе, во всемъ соотношались величеству Римской Республики; *Тацитъ* былъ созданъ описывать тирановъ; *Полибій* преподавалъ уроки въ военномъ искусствѣ, а *Діонисій Галикарнасскій* посвящалъ древности. Какое обширное поле предстоитъ дѣписателю, который вознамѣрится дашъ намъ Исторію безсмертнаго *Суворова*!

на политическѣя происшествія, отъ начала Французской революціи до весны 1799 года, дѣлаешь честь познаніямъ, наблюдательному духу и правиламъ Авшора.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

В О Е Н Н О Е.

Информация (Наставленіе Гетмана Ивана Мазепы за собственно-ручною его подписью) Господину Іліи Новицкому, Полковнику Колонному (Конному) какъ долженъ поступать въ военныхъ дѣйствіяхъ ().*

Давно было наше Гетманское намѣреніе послать войски подѣ Кизикирмень, для учиненія промысла надѣ непріятелемъ, копорый находясь въ подвластныхъ и близкихъ къ краямъ нашимъ мѣстахъ, безпрестанно вредитъ намъ,

(*) Наставленіе сіе писано во время совмѣстнаго Царствования Царей *Іоанна* и *Петра Алексѣевичей*, какъ видно изъ подписи *Мазепы*. — Я переложилъ оное съ Малороссійско-Польскаго нарѣчія (на кошоромъ тогда писались всѣ Акты въ Малороссіи, и кошорое шеперь не всякому было бы повяшно) слово въ слово, не измѣняя ни сколько и самыхъ оборотовъ въ слоги и выраженіяхъ.

Оригинальный Манускриптъ, переложеннаго мною Наставленія сего, хранился въ числѣ многихъ (за собствено-ручными же подписями Гетмановъ Малой Россіи *Самойловича* и *Мазепы*) фамиліальныхъ бумагъ почтеннѣйшаго земляка моего *А. Н. Новицкаго*, потомка, въ прямой линіи, *Іліи Новицкаго*, коему Наставленіе сіе писано. *А. Стороженко.*

не только на той сторонѣ въ пчельникахъ и на рыбныхъ промыслахъ людей ловя; но и на сей сторонѣ Днѣпра, а особливо зимнимъ временемъ: подъ самыя города впадая,—такое же разореніе причиняетъ. Нынѣ горитъ о томъ сердце наше! и мы положили, при помощи Божіей, опмстити врагамъ нашимъ!—О чемъ и Монаршій, ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, Указъ имѣемъ.

Припомъ же, Господинъ *Семень Палѣй*, Полковникъ Королевскаго Величества (*) стороны, *Охотницкій*, многократно къ намъ съ охотою своею опзывается, обѣщая самъ собою и съ своимъ поварищесвомъ въ шаковыхъ военныхъ случаяхъ прямодушную учинити помощь. И теперь, въ особенноти чрезъ нарочно-присланнаго своего объявилъ намъ, что онъ со дня Святыхъ Апостолъ *Петра* и *Павла* въ недѣлю, или наидалье въ двѣ недѣли, съ Хвасцова хочетъ въ поле выступити, и нашему намѣренію споспѣшествовать. По сему мы Готманъ, посылаемъ нашъ (Реймертарскій) предводительскій Указъ Господину *Илиѣ Говицкому*, Полковнику Охотницкому, съ другими Комонными и пѣхошными Полковниками, дабы имѣли въ виду совершенную готовность къ походу подъ Кизикирмень, и чтобы коль скоро Господинъ *Палѣй* къ нимъ съ своими Полчанами прибудетъ, потчасъ соединясь съ нимъ, и призвавши Бога на помощь, выступили въ подлежащій путь. Въ каковой походъ изъ городовыхъ полковъ

(*) Польскаго.

мы назначили и приказали быть въ гоповности нарочитой части войска; а именно: съ полку Переяславскаго 1.000 человекъ, подъ командою самого Полковника Переяславскаго *Г. Лиссенка*; съ полку Лубенскаго 1.000 человекъ при Наказномъ, и при обоихъ сихъ Полчанахъ велѣли мы имѣть по два орудія. Люди сіи могутъ быть, при помощи Божіей, доброю стѣною, до укрѣпленнаго того похода (*).

Нынѣшній нашъ Гепмана замыслъ есть, совершивъ полько военный поискъ подъ Кизикирмень; и мы желаемъ, дабы для опмщенія врагамъ, бусурманамъ, жителямъ Кизикирменя, Господинъ *Новицкій* съ прочими Комонными и пѣхотными Полковниками, и со всѣми полковъ ихъ поварищами въ походъ сей безъ отговорки (опшмовы) снаряжались; и не пропустили бы назначеннаго времени, на которое Господинъ *Палый* прибыть имѣетъ. Въ дѣлѣ семъ предназначенные городовыхъ полковъ люди, будучи подъ однимъ началомъ *Г. Полковника Переяславскаго*, со рвеніемъ и дѣятельностію помогать обязаны.

Таковой, при Монаршемъ Указѣ, приказъ нашъ учинивши, все вышепрописанное предаемъ на здравый размыслъ *Г. Новицкаго* Комоннаго Полковника, и на общее его съ *Г. Палемъ* Полковникомъ Охонницкимъ совѣщаніе: дабы ближе обдумали, и посовѣтовавшись предварительно, рѣшили: въ обѣденное ли время, когда всѣ обѣзды Кизикирменскіе съ поля

(*) Здѣсь должно разумѣть укрѣпленный лагерь.

въ городѣ возвращаются, ударить на спада, и опогнавши ихъ, подѣ городокѣ присупѣ, для спаленія посадовѣ и для вышолоченія пажишей учинить? — или въ ночную пору спараться подступитъ подѣ самый зѣмокѣ, и такимѣ присупомѣ въ одинѣ разѣ, посадки могли бы быть вызжены, засѣянный хлѣбѣ вытопшанѣ, и спада опняшы, кои въ поляхѣ ошѣ шабора будутѣ распущены. Все сіе изображаемѣ въ подробномѣ нашемѣ предложеніи семѣ для того, дабы означенное военное дѣло, принадлежащее пользамѣ и службѣ Пресвѣтлыхѣ Монарховѣ нашихѣ, началось фундаментально, и съ добрымѣ производилось порядкомѣ. Въ чемѣ десница Всемогущаго Творца нашего, за проливаемые слезы Христіанами, бѣдствующими въ плѣну бусурманскомѣ, да поможетѣ!

Хотя опогнаніе спадѣ Кизикирменскихѣ, было бы дѣло весьма великое, войску поживное, а непріятелю разорительное. Но наиболѣе, намѣ Гешману, о томѣ идетѣ дѣло, когда, нынѣ намѣреваемымѣ нами дѣйствіямѣ, посадки Кизикирменскіе вызжены будутѣ, и хлѣбѣ бусурманскій, на пню ли, или въ копнахѣ уже сложенный (ибо не весь еще будетѣ снятѣ) будетѣ выбитѣ и до останка вытопшанѣ. О чемѣ *Г. Новицкій*, обще съ *Г. Палѣемъ* и со всѣми Полковниками и войскомѣ, при Божіей помощи, всѣми способами спараться обязаны. Если бы въ совершеніи сего намѣренія нашего, приходило на мысль сомнѣніе, что Запорожцы, будучи въ мирѣ съ Крымомѣ, спанутѣ бусур-

манамъ въ отпоръ прошиву нашихъ людей помогашь; но мы Гепманъ никакъ того отъ Запорожцевъ не ожидаемъ: ибо они видяшъ, что бусурмане съ ними въ миръ будучи, не пощадили для того людей Малороссійскихъ; а всѣхъ черезъ рѣку Бугъ и черезъ рѣчки левыя перегнали и забрали въ неволю! О какомъ Христіанъ несчастіи, всѣмъ вообще Христіанамъ скорбѣнь должно: ибо, при перегонѣ чрезъ рѣку Бугъ, мало кто въ живыхъ остался.

Мы разумѣемъ, что добрые молодцы Запорожье составляющіе; болѣе братьевъ своихъ жалѣютъ и любяшъ, нежели бусурманамъ пріятельствуютъ! Да и неподобное по дѣлу, чтобы они Запорожцы, противъ нашихъ войскъ городовыхъ, бусурманамъ помогали; а хотя и суть такіе между Запорожцами, которые узнавали о нынѣшнемъ намѣреніи нашемъ, захотѣли бы, для несчастнаго прибытку, дать вѣсть въ Кизикирменъ для оспорожности: но отъ такихъ (невѣгласовъ) не внимающихъ гласу совѣсти, надобно, чтобы *Г. Новицкій* обще съ *Г. Палѣемъ* и со всѣмъ войскомъ при нихъ находящимся, преднамѣренный походъ свой совершали тихо, безъ огласокъ, слѣдуя такимъ образомъ, на коемъ не только Запорожцы не могли бы ихъ увидѣть; но и бусурманская спража подсперечь: что всякому войску для промыслу надъ непріятелемъ идущему, прежде всѣхъ подвиговъ, имѣть въ виду потребно. Каковую оспорожность и тихость въ семъ случаѣ, и мы весьма и весьма предлагаемъ, и счастливаго успѣха сердечно имъ желаемъ.

Тотъ же *Г. Палъй* чрезъ посланнаго своего и о томъ самомъ намъ писалъ. А онъ, какъ опытный въ походахъ, знающій непріятельскія жилища, всего лучше войско повести можетъ. Побывавши же подъ Кизикерменемъ, можно будетъ добрымъ и спойкимъ (чорствымъ) молодцамъ, добычи себѣ и славы желающимъ, отдохнувши на выгодныхъ мѣстахъ нѣсколько дней, пойти за Бугъ и за Днѣпръ въ условное мѣсто, гдѣ каждый значительною добычею обогатиться можетъ. Когда дастъ Богъ побывашь подъ Кизикирменемъ, и по желаемомъ исполненіи дѣла, счастливо ополѣ возвратиться назадъ, то на удобномъ мѣстѣ, устройте укрѣпленный таборъ и оставивши пѣхоту, позволяемъ мы какъ съ Охопницкихъ, такъ и съ городовыхъ Полчанъ, охочимъ коннымъ поварицамъ съ *Г. Палъель* шуда пойти, и учинить, при Божьей помощи, для большей славы своей надъ непріателемъ промыслъ.

Съ какимъ числомъ *Г. Палъй*, къ нему *Г. Новицкому* придетъ, и въ какомъ числѣ войска своего *Г. Новицкій* съ *Г. Палъель* въ походъ съ мѣста своего и какимъ практомъ выступятъ, о томъ чтобы намъ отъ нихъ прислана была вѣдомость.

Присемъ, опять повшорямъ, что если бы и были пакіе между Запорожцами головы, кои по своей легкомысленности начали бы проповѣдовать, что войско Низовое, по миру своему съ Бусурманами, должно бы помочь имъ противу войскъ нашихъ; — но того быть не можетъ: ибо съ Запорожья все конное войско

до гола вышло въ поле для чиненія промыслу надъ пѣми же Бусурманами, а пѣхопа съ Сѣчи для подобныхъ случаевъ пойши не захочешъ, да и не можешъ; къ помужь и пѣмь они должны быть удержаны, что нынѣ по Указу Монаршему посланъ отъ насъ на Запорожье хлѣбный запасъ и денежное пособіе;—чемъ воспоществовавшись, не согласяшся они на такое дѣло, которое бы намъ вредишь имѣло.

Напрошивъ того, мы увѣрены, что пѣ Запорожцы, которые, конно выступили для промыслу въ поле, помогутъ намъ въ рашномъ прошиву Бусурманъ намѣреніи; а въ особенноти, зимовавшіе въ городахъ, какъ то: *Ковальсукъ* съ поварищами, почуя о нынѣшнемъ движеніи нашемъ, съ охошою шудажъ приспѣешъ. Каковаго случая онѣ *Ковальсукъ* вѣрно на извѣспныхъ полевыхъ мѣстахъ уже и ожидаешъ.

Сколько мы не желаемъ въ томъ намѣреніи нашемъ преняпспивія, столько и не ожидаемъ, чтобы непріатель съ Крыму могъ шеперь въ городахъ своихъ усиливацься: ибо всѣ Орды съ Крыму выступили: одна до Хина къ Венгерскимъ границамъ, другая до Калги-Солтана въ Бѣлогородщину; а Крымъ не малъ, и въ малолюдствіи оставленъ, по не ожиданію шеперь никакихъ отъ спороны Россійской на себя наступовъ. Однако же, на всякій случай напоминаемъ здѣсь и то, что если бы непріатель къ отпору пригошовилъ: то мы полагаемъ, чтобы уже войско наше пѣмь далекимъ полевымъ шрапкомъ, коимъ шуда шудовашъ будешъ, во звращашъ не усиливалось; а устрой-

ло бы свой поворотъ къ Днѣпру просто до Переволичинской пристани, а потомъ береговымъ путемъ по надѣ Днѣпромъ прямо бы шло (простовало) на свое мѣсто; гдѣ мы крѣпко надѣмся, что силою отваги и порядка войска нашего, Господь Богъ такъ устрашитъ непріятеля, что не только не будетъ наступать на таборъ (лагерь) нашъ, но и побѣжденъ останется.

Въ заключеніе сего, не только совѣщаемъ, но весьма просимъ, чтобы Старшіе, имѣющіе быть надѣ вышеосначеннымъ войскомъ, никакъ не разнились мыслями своими для первенства въ правахъ, и опіюдь не возносились бы одинъ надѣ другимъ; но да связуются они полною брашскою любовью;— и прямодушными совѣтами, дѣло Божіе и Монаршее орудуютъ и распоряжатъ, избѣгая всемирно, чтобы (опѣ чего Боже сохрани), чрезъ нелюбовь и неопкровенность не могъ нарушиться порядокъ, долженствующій быть неразлучнымъ съ предпріятымъ походомъ, опѣ чего могъ бы не совершиться и успѣхъ надежды нашей и упованія. А потому, для услуги Монархамъ и для самой доброй славы, не только совѣщаемъ и просимъ, но и напоминаемъ; да совершатъ дѣло сіе Старшіе съ полною любовью и согласіемъ, отдавая преимущество во всякихъ оказіяхъ, совѣщамъ и предложеніямъ *Г. Семена Палѣя*, какъ такого добраго Рыцаря, который ознаменовалъ себя въ ратныхъ подвигахъ, и пріобрѣлъ опытъ и навыкъ какъ по-

ступать въ военныхъ промыслахъ прошиву пѣхъ креста святаго непріятелей! —

Подлинное подписалъ :

Иванъ Мазела, Гетманъ войска ихъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества Залорожскаго.

Списокъ Кавалерамъ Военнаго Ордена Св. Георгія 4-го класса, пожалованнымъ въ Царствованіе Императрицы Екатерины II, съ означеніемъ въ какомъ сраженіи, за какой отличныи подвигъ и когда они оный получили.

Когда пожалованы.

Когда скончались.

1770.

Ноября 1. Воронежскаго пѣхошнаго полка Преміеръ - Маіоръ *Густафъ Густавовичъ фонъ Штрандманъ*. Скончался Генераломъ отъ Инфантеріи.

1803 Генваря 30.

— — — Орловскаго пѣхошнаго полка Преміеръ - Маіоръ *Алексій Никитичъ Шилиловъ*, Полковникъ за отличное мужество при штурмованіи Бендерской крѣпости, на которую первые они были вступившими по лѣспнищамъ, и съ храбростію предводительствовавши своими командами, опнимая у непріятеля бастионы, башарей и улицы.

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

Слѣдующіе чепыре кавалера получили сей орденъ за отличное мужество при штурмованіи Бендерской крѣпости и храбрость, съ копорою предводительствуя, они отнимали у непріятели бастионы, башарей и улицы.

Ноября 1. 1-й) Сѣвскаго пѣхопнаго полка Преміеръ-Маіоръ *Иванъ Бухвостовъ.*

— — — 2-й) 2-го Гренадерскаго пѣхопнаго полка Преміеръ-Маіоръ *Федоръ Филисовъ.*

— — — 3-й) Преміеръ-Маіоръ *Карлъ Муффель.*

Скончался въ опспавкѣ
Генералъ-Маіоромъ

1788 Юля

— — — 4-й Преміеръ-Маіоръ Баронъ 23.
Петръ Алексѣевичъ Флонъ-дсръ-Палень.

— — — Маіоръ *Моргенштернь.*

За отличную храбрость и мужество, съ копорыми поступалъ онъ при штурмованіи Бендерской крѣпости, предводительствуя колоннами.

Данской службы Каммергеръ.

Слѣдующіе при кавалера получили сей орденъ за отличную храбрость во время осады Бендерской крѣпости, при штурмованіи копорой они были изъ самыхъ первыхъ :

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

- Ноября 1. 1-й) Генераль-Адъютантъ
Баронъ *Антонъ . . . Ферзенъ*.
Скончался въ Тобольскомъ
пѣхотномъ полку Подпол- 1771 Де-
ковникомъ. кабря 19.
- — — 2-й) Артиллеріи 1-го Фузе-
лернаго полка Капитанъ *Сер-
гѣи Сабанъевъ*.
Скончался Артиллеріи Со- 1778 Фе-
вѣшникомъ враля 20.
- — — 3-й) Артиллеріи 1-го Фузе-
лернаго полка Капитанъ
Князь *Николай . . . Волконской*. 1770 Ок-
Скончался въ 1-й Арміи шября 20.
- Слѣдующіе четыре кавалера получили сей орденъ за отличную швердось въ храбрости и неушомленность въ трудахъ во время продолженія Бендерской осады, будучи безсмѣнно въ шраншеѣ на бапареяхъ:
- — — 1-й) Артиллеріи 1-го Канонерскаго полка Капитанъ
Болданъ Ивановичъ Нилуць.
Скончался Генераль - Лей- 1798 Ію-
шенантомъ ля 10.
- — — 2-й) Артиллеріи Капитанъ
Нефедъ Батюшковъ.
Скончался въ городѣ Св. 1786 Ап-
Елисаветы Артиллеріи Пол- рѣля 6.
ковникомъ
- — — 3-й) Артиллеріи Капитанъ
*Михайло Васильевичъ Мусинъ -
Пушкинъ*.
Скончался Коллежскимъ 1797 Фев-
Совѣшникомъ раля 26.

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

- Ноября 1. 4-й) Артиллеріи Капитанъ
Андрей Фомить Мордовинъ.
Спашскій Совѣтникъ; скон- 1811 Авгу-
чался спа 12.
- — — Инженернаго корпуса Ка-
питанъ *Григорій. . . Фемерсъ.*
За особливое мужество и
неупомленные шруды во вре-
мя осады Бендерской крѣпо-
сти при произведеніи инже-
нерныхъ работъ въ наипас-
нѣйшихъ мѣстахъ.
Скончался въ опспавкѣ 1790 Юня
Инженеръ-Полковникомъ 21.
- — — Минерной рощы Капитанъ
Карль Николаевичъ Пауль де-
Шардонъ.
За отличное мужество и
неупомленные шруды, во вре-
мя осады Бендерской крѣпо-
сти, при исполненіи съ осо-
блывымъ искусствомъ званія
своего должности.
Генераль - Лейтенантъ. 1814 Сен-
Скончался въ Кіевѣ тямбрю 10.
- — — 2-го Гренадерскаго пѣхот-
наго полка Секундъ - Маіоръ
Алексій Ильичъ Цызырьсъ.
За отличную храбрость и
мужественные подвиги при
осадѣ Бендерской крѣпости,
гдѣ предводительствуя под-
чиненными своими къ опня-
тію у непріятели держан-
ныхъ еще бастіоновъ и
мѣстъ, былъ первовступив-

Когда по-
жалованы.

Когда скон-
чались.

1770.

шимъ на главной валъ съ лѣ-
вой стороны.

Скончался Бригадиромъ 1797 Мая

Слѣдующіе при кавалера
получили сей орденъ за оп-
личную храбрость и муже-
ство, оказанныя при осадѣ
Бендерской крѣпости, буду-
чи первовспушившими при
штурмѣ на главную крѣ-
пость за прежде сражав-
шимися побитыми и ране-
ными, предводительствуя
подчиненными своими къ оп-
ниманію у непріятеля дер-
жаныхъ еще имъ бастіо-
новъ и улицъ.

Ноября 1. 1-й) Бѣлевскаго пѣхошнаго
полка Секундъ-Маіоръ *Петръ*
Юдичъ Кутузовъ.

Бригадиръ. Скончался 1803.

— — — 2-й) Брянскаго пѣхошнаго
полка Секундъ-Маіоръ *Саломѣ-*
ло Салтановъ.

Скончался Преміеръ-Маіо- 1774 Июля
ромъ во 2-й Арміи 19.

— — — 3-й) Сѣвскаго пѣхошнаго
полка Секундъ-Маіоръ *Сергѣй*
Андреевичъ Фалинцынъ

— — — Владимирскаго пѣхошнаго
полка Капитанъ *Матвей . . .*
Олсуфьевъ.

За отличное мужество ока-
занное имъ при случаѣ не-
пріятельской изъ Бендерской
крѣпости вылазки: онъ въ
самой потѣ часъ, какъ отъ

Когда по-
жалованы.

Когда сконча-
лись.

1770.

взорванной мины землю онѣ
былъ засыпанѣ, освободясь
изѣ подѣ оной, командовалѣ
ротѣ напасть на непріятеля
въ штыки, котораго и
опровергнули съ великою хра-
бростію; изѣявляя оную и
при штурмованіи крѣпости.

Убитѣ

1773 Юня 12.

Ноября 1. Капитанѣ Францъ Николае-
вичъ Шевалье-де-Вильно.

За отличную храбрость и
мужество оказанныя имѣ при
осадѣ Бендерской крѣпости
въ различныхъ сраженіяхъ
такѣ какѣ и въ самой штурмѣ
Спатскій Совѣтникѣ. Скон-
чался

1801.

(Будетъ продолженіе).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

ПАЖЬ ГЕРЦОГА ФРИДЛАНДСКАГО.

Историческая повѣсть; соч. Тролица.

(Продолженіе).

Уже при восклицаніи: „На казнь, на казнь явился!“ — молодой пѣвецъ безъ чувствъ упалъ въ объятія *Георга*. — Вонъ, вонъ отсюда! — шепнулъ онъ, и глаза его закрылись. — *Роткирхъ* его понялъ: онъ обхватилъ юношу и, между пѣмъ, какъ вниманіе всѣхъ обращено было на шарца, непримѣтно вынесъ его изъ залы; шолько отъ взора *Матильды* сіе не ускользнуло. Черезъ длинную галлерею, на высокую лѣстницу понесъ онъ на могучихъ рукахъ своихъ юнаго незнакомца.

Онъ положилъ его на свою постель, принесъ воды, перъ спиртомъ виски, — ничто не помогало! — Боясь, чтобы несчастный не

задохнулся, онъ послѣшно расстянулъ ему колѣнъ, и — нѣжныя, какъ на зарѣ упренней распустившаяся роза, открылись дѣвственныя перси.

„Что я вижу?“ вскричалъ *Роткирхъ*, видя себя отъ изумленія; быстро сорвалъ съ себя шарфъ и опворотясь, накиннулъ его на красавицу. Но безпомощная имѣла въ немъ нужду. Робко онъ опять оглянулся: закрыто было святилище, но и глаза ея были закрыты. Всѣ средства привести ее въ чувство, упопрѣбилъ онъ — и наконецъ, къ величайшей радости, увидѣлъ признаки жизни: уста ея зашевелились; большіе голубые глаза открылись — и съ изумленіемъ остановились на молодомъ Пажѣ.

„Гдѣ я!“ сказала она, и приподнялась съ постели. — „Боже милосердый!“ вскричала она, послѣшно закрыла грудь, и бросилась къ ногамъ юноши. „Сжалъсь надъ несчастною! я въ вашей власни! — Пресвятая Богородица! защити меня!“

— Мое сердце защищаетъ васъ отъ меня, моя рука отъ вашихъ враговъ; — позвольте мнѣ быть вашимъ Рыцаремъ - мстителемъ! вскричалъ *Роткирхъ* въ жару негодованія. Онъ поднялъ ее.

„Гдѣ батюшка?“ спросила она. *Роткирхъ* не могъ ей дать отвѣта. „Ради Бога, опведите меня къ нему;“ просила она умоляющимъ голосомъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ! отвѣчалъ *Роткирхъ*: позвольте мнѣ только узнать, гдѣ

онъ пеперь находится. Побудьте здѣсь, пока возвращусь, — я запроу комнашу. Онъ хотѣлъ уже итти, но быспро обернулся: извините, если сдѣлаю вамъ нескромный вопросъ: знаете ли вы Маркиза *дель-Гуасто*? — Красавица покраснѣла, и сомнительно, взглянула на *Роткирха*. — Эпошѣ взглядѣ мнѣ все открылъ! — сказалъ Пажѣ и вышелъ изъ комнашы.

Когда вступилъ онъ въ залу, астрологѣ *Сени* первый попался на встрѣчу. — „Поздравляю!“ шепнулъ онъ ему на ухо; — черезъ первую пропасть ты счастливо перепрыгнулъ; смѣлбе впередъ!“ *Роткирхъ* посмошрѣлъ на него съ изумленіемъ „Вы ищете стараго пѣвца? — Онъ подѣ спражею; его схватили, когда онъ занесъ было кинжалъ. Его дѣла плохи. Спудай къ Герцогу, не перья ни минуты. Что ты шакъ уснремилъ на меня глаза? Дѣйствуй! — Спѣши! Я не вмѣшиваюсь въ это происшествіе, это швое дѣло, молодой человекъ!“ — Онъ ласково кивнулъ ему головою, и вышелъ изъ залы.

Роткирхъ побѣжалъ къ Герцогу.

Оберъ-Гофмейстерѣ *Графъ Гаррахъ* былъ у него въ кабинетѣ. *Роткирхъ*, въ помишельномъ безпокойствѣ, ждалъ въ передней. Вскорѣ отворилась дверь; изъ нее вышелъ *Гаррахъ*. — „Прикажише съ нимъ поступишь, какъ я сказалъ!“ кричалъ ему въ слѣдѣ *Валленштейнъ*.

— Умоляю васъ именемъ челошества! — сказалъ *Роткирхъ* Оберъ-Гофмейстеру, услышавъ сіи грозныя слова: не отдавайше никакого приказа до моего возвращенія отъ Гер-

цога. — Тутъ отворилась дверь; вышелъ Герцогъ; быспрымъ взоромъ окинулъ приѣмную, и увидя *Роткирха*, кликнулъ суровымъ голосомъ: „*Георгъ!*“

Онъ послѣдовалъ за Герцогомъ, который подошелъ къ камину, и съ досадою бросилъ дровъ въ огонь; попомъ, закинувъ руки на спину, сталъ передъ огнемъ и приспально посмотрѣлъ Пажу въ лице. *Роткирхъ* съ мучительнымъ нешерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда ему позволено будетъ говорить.

„*Роткирхъ!*“ сказалъ Герцогъ: „какихъ людей привелъ ты сегодня въ собраніе?“

— Это Нюрнберцы, Ваша Свѣшлость! странствующіе пѣвцы, — отвѣчалъ юноша не безъ замѣшательства, ибо Герцогъ мрачно вперилъ въ него глаза.

„Зналъ ли ты ихъ прежде?“ быстро прервалъ его *Валленштейнъ*.

— Я два раза видѣлъ ихъ въ Прагѣ. —

„Два раза?“ спросилъ Герцогъ: „гдѣ?“

— Первый разъ въ ту ночь, когда мнѣ вѣрно было у задней калишки поджидать *Сесинцу*. —

„Что ты говорилъ съ ними?“ снова прервалъ его Герцогъ.

— Ни слова, Ваша Свѣшлость! — отвѣчалъ *Георгъ*: я только видѣлъ ихъ, закупанныхъ въ плащи, и слышалъ нѣсколько несвязныхъ словъ.

„Ты не понялъ ихъ?“ спросилъ Герцогъ, смотря на него испытующимъ взоромъ.

— Нѣтъ, Ваша Свѣшлость! — отвѣчалъ *Роткирхъ* ободряясь; я не понялъ смысла ихъ

рѣчей. На другой день я видѣлъ ихъ въ Гостиницѣ Золотаго Грозда. —

„Какъ ты узналъ мѣсто ихъ жительства?“
быстро подхватилъ Герцогъ.

Роткирхъ вспомнилъ объ аспрологѣ; но чувствуя, что его не надобно вмѣшивать въ это дѣло, онъ отвѣчалъ Герцогу, что узналъ объ этомъ изъ ихъ разговора, и почиталъ обязанностию, обспояшельнѣе освѣдомишься о сихъ людяхъ. —

„За чѣмъ же ты привелъ сюда этихъ сумасшедшихъ?“

— Ваша Свѣтлость! — отвѣчалъ *Роткирхъ*, и подспунилъ ближе къ Герцогу: Ваша Свѣтлость! —

„Чего ты отъ меня хочешь?“ — спросилъ Герцогъ смягченнымъ голосомъ, и просянулъ ему руку. *Роткирхъ* схватилъ ее, и — на что никогда еще не отваживался, — поцѣловалъ и прижалъ ее къ своему сердцу.

— Сжалъсь надъ старцемъ! — вскричалъ онъ: отмѣните строгій приговоръ, Ваша Свѣтлость! Это несчастный, который не имѣлъ прошивъ васъ никакого злаго умысла! Выслушайте его прежде, чѣмъ наказать! —

Герцогъ, казалось, былъ въ нерѣшимости. —
„Развѣ ты за него ручаешься?“

— Ручаюсь, Ваша Свѣтлость! — твердо произнесъ юноша.

„Слушай же къ *Графу Гаррачу*, и скажи ему отъ моего имени, чтобы сегодня же представили мнѣ этого человѣка. — Помомъ возвратись ко мнѣ!“

Роткирхъ бросился изъ комнаты. — Онъ зналъ, какъ быспро и рѣшительно дѣйствуетъ *Валленштейнъ*, зналъ, какъ строго, часто даже строже, чѣмъ приказалъ Герцогу, исполнялись его приказанія. — Посему — то онъ спѣшилъ, чшобы не опоздать.

Возвращаясь, онъ засталъ Герцога, сидящаго въ креслахъ. Онъ, казалось, ждалъ его.

„Подойди ко мнѣ, *Георгъ!*“ сказалъ онъ ласково: „и расскажи мнѣ подробно все, что знаешь ты о безумномъ старикѣ, котораго ты такъ жарко защищаешь, и который“ прибавилъ онъ выразительнымъ голосомъ, и вперилъ на *Роткирха* пронцапельный взоръ: „однако же противъ моей племянницы, Графини *Матильды*, кажется, имѣлъ преступный умыселъ: ибо занесъ на нее кинжалъ!“

— Не на нее, сказалъ юноша съ жаромъ: могъ ли я вспуниться за человека, который — онъ заикнулся и почувствовалъ свою неоспоримость.

„Продолжай!“ сказалъ *Валленштейнъ* строгимъ голосомъ.

— Который имѣлъ было злое намѣреніе противъ кого либо изъ особъ вашей высокой фамиліи? —

„Къ кому же относились его угрозы?“ спросилъ Герцогъ.

— Если сей человекъ, оиѣвчалъ *Роткирхъ*: имѣлъ какой нибудь дурной умыселъ, то, сколько знаю и догадываюсь, это противъ Маркиза *дель-Гуасто!* —

„Ужасно!“ вскричалъ Герцогъ вставая съ кресла, но тотчасъ сѣлъ оиашь, и мрачно взглянулъ на юношу: „я это предчувствовалъ; и такъ, смертоносный ударъ угрожалъ Маркизу *дель-Гуасто*, — жениху Графини *Матильды*? — Помнишь ли ты, что я приказывалъ тебѣ въ день нашего отъѣзда изъ Праги?“

— Помню, Ваша Свѣшлость! Ваши слова глубоко врѣзались не только въ моей памяти, но и въ сердце! —

„Какъ же ты могъ,“ сказалъ Герцогъ хладнокровнѣе, — „какъ ты могъ просить у Герцогини дозволеніе ввести такого человѣка въ мой замокъ?“

— Милостивый Государь! — я тогда еще не зналъ нѣхъ связей, о коихъ и теперь только догадываюсь; я почиалъ спарикову дочь за его сына! —

„Дочь?“ подхватилъ Герцогъ.

— Точно такъ! Опыкрылось, что молодой человѣкъ, о которомъ вѣрно донесли Вашей Свѣшлости, — есть дѣвица. —

„Право?“ сказалъ Герцогъ послѣ краткаго молчанія: „теперь, кажется, у меня глаза опыкрываются; — теперь догадываюсь, отъ чего такъ сильно ты вспуился за этихъ людей!“

— Быть заступникомъ беззащитныхъ женщинъ, вскричалъ юноша съ жаромъ: есть обязанность каждаго Рыцаря. Я добровольно вызвался быть Рыцаремъ сей дѣвицы! —

„Какъ ты смѣлъ на это вызваться?“ спросилъ Герцогъ гнѣвнымъ голосомъ.

— Ваша Свѣшлость не откажетъ мнѣ въ позволеніи! — отвѣчалъ *Роткирхъ*, поклонясь почтительно.

„Развѣ тебѣ не нужно ни у кого, кромѣ меня просить на то позволенія?“

Роткирхъ попунилъ глаза.

„Какъ другъ, я предостерегаю тебя!“ продолжалъ Герцогъ вспавая, и схватилъ молодого человѣка за руку. — „Какъ опецъ, я тебя увѣщаваю! Какъ Герцогъ, я былъ бы принужденъ наказывать тебя за твои глупости. — Теперь ступай!“ — Онъ подалъ знакъ рукою. — *Георгъ* хотѣлъ выйти; но Герцогъ опять позвалъ его.

„Гдѣ дочь этого страннаго человѣка?“ спросилъ онъ Пажа.

— Въ залѣ она упала въ обморокъ; я отнесъ ее въ свою комнату; отвѣчалъ *Роткирхъ*.

Герцогъ улыбнулся. — „Такъ шамъ ты завербовалъ себя въ ея рыцари? Желаю тебѣ успѣха! кромѣ меня, я даю тебѣ позволеніе служить и ей.“ —

Роткирхъ поклонился.

„Теперь ступай же и отведи свою даму къ Графинѣ *Терцки*; съ оцемъ я самъ переговорю.“ —

Роткирхъ, возвращаясь въ свою комнату, засталъ молодую незнакомку въ такомъ же видѣ, какъ при первомъ свиданіи въ гостиницѣ Золотого Гроза; усы исчезли, русые волосы роскошными кудрями лежали по плечамъ;

на блѣдномъ лицѣ ея написано было помненіе страха. Одна, разлученная съ оцемъ, запертая въ комнатѣ молодаго человѣка, она должна была и радоваться его возвращенію и бояться его. Узнавъ, что ему приказано отвести ее къ Графинѣ Терцки, а не къ оцу, она замилась слезами, и одно шолько самое убѣдительное увѣреніе Роткирха, что отецъ ея скоро будетъ освобожденъ, что онъ въ сію самую минуту вѣроятно у Герцога, могло ее нѣсколько успокоить; когда же Георгъ сказалъ, что будетъ сопровождать ее, она долго стояла въ раздумьѣ и не могла рѣшиться; но, сказавъ про себя слова, „къ Графинѣ Терцки,“ она, какъ будто бы, очнулась, и сказала рѣшительно: „Ведите меня къ Графинѣ;“—

—По приказанію Его Свѣтлости, сказалъ Роткирхъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, вошедъ въ комнату Графини: „я привелъ къ вамъ сію несчастливцу. — „Ко мнѣ?“ вскричала Графиня съ гнѣвомъ: „на что мнѣ эшаго спранспвующаго пѣвца?“ Но прежде нежели Георгъ успѣлъ отвѣчать ей, она прибавила покорнымъ голосомъ: „воля Герцога, моего Свѣтлѣйшаго зятя, для меня священна! Не можете ли вы мнѣ сказать, Роткирхъ, для чего присланъ ко мнѣ эшотъ молодой человѣкъ?“

Герцогъ поручаетъ его вашему покровительству!—отвѣчалъ Роткирхъ поклонясь.

„Моему покровительству?“ Кому и когда въ замкѣ Герцога Фридландскаго нужна была другая защита, *кромѣ Герцогской? сказала Графиня.

— Я оставляю вамъ эту безпомощную дѣвицу; выразительно произнесъ *Роткирхъ*, подведя незнакомку къ Графинѣ.

„Дѣвицу?“ воскликнула она съ удивленіемъ. — И съ большимъ удовольствіемъ, Милосивѣйшая Государыня! вашему благородному сердцу, потому что она избрала меня своимъ рыцаремъ! —

Не удостоивъ дѣвушки, которая скромно опустуила нѣсколько шаговъ, ни одного ласковаго слова, Графиня позвонила; вошла камерль-фрау. — „Позовите сюда мою дочь!“ сказала она улыбаясь, но на дрожавшихъ устахъ ея мелькнула язвительная насмѣшка! Она молчала; но испытующимъ взоромъ разсматривала красавицу, которая сначала опустила глаза; но потомъ спокойно и гордо встрѣчала взоръ Графини. — Вошла *Матильда*.

„Дочь моя!“ сказала Графиня: „передъ побою споймъ дѣвица, присланная ко мнѣ Герцогомъ, который отдалъ ее подъ мое покровительство. Вошъ ея рыцарь, котораго она удостоила сей честью. — Сдѣлай милость, возьми ее къ себѣ до дальнѣйшаго приказанія Герцога!“ —

Матильда покрасивла. Она бросила на *Роткирха* быстрый взоръ, въ которомъ видно было ея удивленіе; но *Роткирхъ* смѣло подошелъ къ ней и голосомъ глубочайшаго почтенія сказалъ: Милостивая Государыня! Почтеннѣйшая ма-шущка ваша назначаетъ меня рыцаремъ сей дамы, слѣдственно, я имѣю право, покорнѣйше просить у васъ пріюта и защиты для сей

несчастной. Я почти увѣренъ, что вы, исполнивъ мою просьбу, отдадите только долгъ благодарности! —

„Я васъ не понимаю, господинъ *Роткирхъ!*“ сказала *Матильда* въ замѣшательствѣ.

—А я еще меньше! подхватила Графиня, оборотясь къ *Роткирху*: вы исполнили порученіе Герцога, и можете идти!

Она отворопилась отъ него и подошла къ дочери.

„Милоспивая Государыня!“ сказалъ *Роткирхъ*, подошедъ къ ней, и цѣлуя у ней руку, — „въ первый разъ вы меня такъ опускаете. Прежде вы мнѣ доброжелательствовали; я гордился вашими милостями; не глядите на меня такъ гнѣвно! Это меня ужасно перзаешъ; я питаю къ вамъ высокое уваженіе, люблю васъ сыновнею любовію! —

— *Роткирхъ!* гнѣвно прервала его Графиня, которая до сихъ послѣднихъ словъ смотрѣла на него съ участіемъ: мнѣ совсѣмъ не нужна ваша сыновья любовь! Она мнѣ скорѣе тягостна, чѣмъ пріятна. Когда Герцогъ будетъ присылать васъ ко мнѣ съ порученіями, то прошу никогда не переступать предписанныхъ границъ благоприличія!

Роткирхъ поклонился съ благородною гордостью и вышелъ изъ комнаты.

„Прежде, чѣмъ мы разстанемся,“ сказала Графиня молодой незнакомкѣ: „намъ нужно однако знать, кто именно та особа, за копо-

рую рыцарь ея пакъ жарко вступаеця. И пакъ, опкройсьеся намъ, кшо вы, что привело васъ въ Гичинъ, и что побудило вашего опца рѣшишься на шакое преступное дѣло?“

—Милоспивая Государыня!—опвѣчала она поклонясь, прежде нежели познакомлю васъ съ моимъ несчастнымъ положеніемъ, позволше молодой Графинѣ удалиться. —

„Развѣ произшесствія вашей жизни шакого „рода, спросила Графиня; что благопранвой „дѣвицѣ не приспойно ихъ слушашь?“—

Незнакомка вспыхнула; но безмолвствовала; полько въ глазахъ ея сверкаль огонь благороднаго оскорбленнаго чувшва.

„Начинайше же!“ прервала молчаніе Графиня, почти смущенная благородною осанкою юной красавицы.

— Произшесствія моей жизни, Сіяпельная Графиня!—опвѣчала сія послѣдняя: непріятно вмѣшивающя въ будущность вашей прелеспной дочери.—

„Что можете вы имѣшь общаго съ Графинею Терцки?“ вскричала Графиня рѣзкимъ, язвишельнымъ голосомъ.

—Жениха! — спокойно опвѣчала дѣвушка, въ сердцѣ коей оскорбленное благородшво и чувство собшвеннаго достоиншва подавили всѣ другія чувствованія.

„Что?“ вскричала Графиня, между тѣмъ какъ *Матильда* вслушивалась со вниманіемъ.

—Маркизь *дель-Гуасто* принадлежишь намъ обѣимъ! сказала дѣвушка съ гордоспью и достоиншвомъ: но пакъ какъ предметъ наше-

го спора слишкомъ ничтоженъ : по я вамъ уступаю Маркиза! —

„Безумная!“ вскричала Графиня, а *Матильда*, желая успокоить ее, бросилась въ объятія мащери: „ты опваживаешься такъ говорить со мною; знаешь ли ты, что я ближняя родственница Герцога *Фридрихскаго*?“ —

—Я несчастна, но Богъ тому свидѣтель, что не заслуживаю презрѣнiя!—возразила справедливица.—Вашему высокому роду я могу пропшвупоставить чувство моего собственнаго достоинства! И самое безсильное насѣкомое жалитъ того надменнаго, который хочетъ растоптать его ногами. Упадая къ ногамъ вашимъ, умоляю о защитѣ великодушную, сощрадашельную женщину прошивъ гордой, язвительной я прибѣгаю къ тому единственному оружию, которое сберегла мнѣ моя невинность. —

„Вонъ!“ вскричала Графиня: „прочъ съ глазъ моихъ, гордая сумазбродка, ты своими продажными прелестями хотѣла поймать въ свои сѣти чловѣка знашнаго; — вонъ!“ — —

—Это уже слишкомъ!—сказала оскорбленная незнакомка, и сдѣлала шагъ впередъ; но бросивъ взглядъ презрѣнiя на Графиню, обернулась и гордою поступью пошла къ двери.

Тутъ встрѣсилась она съ Герцогомъ; „Куда?“ спросилъ онъ дѣвушку; она, устранившись присутствiемъ Герцога и дикимъ пламенемъ его взора, съ шепетомъ ему поклонилась. „Куда вы идете! Останьтесь!“—попомъ взглянулъ на Графиню и на *Матильду*, и

попчасъ опгадалъ все, что между ними происходило. „Останьшесь!“ вскричалъ онъ впрочемъ незнакомкѣ, которая, казалось, опдохнула опъ страха, наведеннаго на нее внезапнымъ появленіемъ Герцога. — „А вы, Графиня *Матильда*, удалишесь опсюда!“ —

Когда *Матильда* вышла изъ комнаты, Герцогъ съ грозною важностію сказалъ Графинѣ: „Я разрываю предположенный бракъ *Матильды* съ Маркизомъ *дель-Гуаста*. Я говорилъ съ опцемъ этой дѣвицы; онъ представилъ мнѣ письменныя, неопровергаемыя доказательства истины, всего имъ сказаннаго.

Онъ Ифальцскій дворянинъ. Маркизъ, будучи раненъ въ авангардной спычкѣ противъ *Мансфельда*, недалеко опъ зѣмка, съ Ишаліанскою хитростію вкрадывается въ сердце къ опцу, а потомъ и къ дочери. Между шѣмъ, выздоравливаетъ; сія дѣвица легкомысленно вѣришь спрастнымъ увѣреніямъ Маркиза. Надежда возрастаетъ вмѣстѣ съ любовью; отецъ споль безразсуденъ, что не видитъ бездны, надъ которою спойтъ его дочь; — онъ молчитъ. Коварный Ишаліанецъ, употребивъ щещно всѣ средства соблазнить невинность, прибѣгаетъ къ преступному насилию. Наканунъ шоржественнаго дня обрученія, когда отецъ, дочь и Маркизъ прогуливались въ роцѣ, близъ зѣмка, внезапно бросаются на нихъ люди въ маскахъ, связываютъ ихъ, уводятъ Маркиза и невѣсту, опца оппускаютъ. —

„Сіи разбойники были сообщники *дель-Гуаста*; но непоколебимая добродѣтель спасла

несчастную опъ неминуемаго посрамленія. — Она возвратилась въ родительскій замокъ. Маркизь ускакалъ въ Италію. Осмѣянная подругами, презираемая всѣми благородными молодыми людьми въ своей родинѣ, она жестоко наказана за свою младенческую неосторожность. Черезъ нѣсколько лѣтъ отецъ узналъ о мѣстопребываніи *дель-Гуасто* въ Прагѣ, онъ спѣшилъ къ нему, спѣшилъ сюда, вооружается кинжаломъ, — и онъ правъ! Онъ поцько въ томъ не правъ, — что осмѣлился, въ моемъ замкѣ произносить смертный приговоръ надъ пресупникомъ. — По сему, для собственннй его безопасности и въ наказаніе за причиненную мнѣ обиду, пусть онъ пробудетъ еще нѣсколь-ко дней въ тюрьмѣ, а вы, Графиня, возьмите сію несчастную подъ свою защиту. Я самъ переговорю съ Маркизомъ!“

— Возвратите свободу опцу моему, Свѣплѣйшій Герцогъ! — воскликнула дѣвушка, упавъ къ ногамъ *Валленштейна*: позвольте намъ возвратиться въ отечество! — „Нѣтъ!“ возразилъ Герцогъ важнымъ голосомъ: „я хочу кончить это дѣло. Родитель вашъ находится не подъ строгимъ арестомъ, и порученъ попеченію вашего рыцаря. — Не безпокойтесь о немъ. — Встаньте! — Можеть быть сіе дѣло еще приметъ для васъ хорошей оборотъ!“

— Эпаго быть не можеть! воскликнула дѣвушка, вскочивъ: я лишена добраго имени! — „Ваша правда! сказалъ Герцогъ по краткомъ размысленіи. — „Маркизь не можеть зо-

лопомъ исцѣлить нанесенную вамъ рану.— Жалю о васъ!—

„Но,“ сказалъ онъ послѣ крапкого молчанія: „не унывайте!— Судьбы челоѵка зависяпѵ опѵ звѣздѵ ; при вашемъ рожденіи онѵ благопріятно сіяли : ибо споль дивно спасли васъ изъ рукѵ Маркиза.“—

— „Примите ее подѵ свое покровительство, Графиня! Все прочее беру на себя.“

— Ваша Свѣшлость! — сказала дѵвица: „я буду вѵ пягоспѵ ея Сіаншельству ; не соблаговолите ли поручить меня другой дамѵ вашего двора ; я никому не желаю бытъ вѵ пягоспѵ!— —

Герцогѵ бросилъ на Графиню гнѵвный взорѵ. — „Кого Я рекомендую,“ сказалъ онѵ пвердымѵ, рѵшителнымѵ голосомѵ : „шопѵ никому не бываетѵ вѵ пягоспѵ , шопѵ всякому пріятенѵ! Завтра увидимся!“

Онѵ вышелѵ. Дѵвушка послѵдовала за Графинею вѵ ея внутреннія комнаты.

(Продолженіе въ слѵдующей книжкѵ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

КЪ МОЕЙ КУРИТЕЛЬНОЙ ТРУБКА (*).

О шрубка, ты мнѣ утѣшенье, —

Другъ меланхолиі моеи!

Ты погружаешь въ размышленье

Меня и въ обществѣ людей.

Люблю бесѣдовать съ шобою.

Когда вѣщейся спруею,

Твой дымъ несенся въ высоты :

Я слѣдую воображеньемъ

За исчезающимъ круженьемъ,

Лелѣя милыя мечты.

Пусть алы розы украшаютъ,

Прелестной дѣвы нѣжну грудь ;

Къ роскошной спальнѣ устилаютъ

Спѣдливый новобрачныхъ пушь.

Въ уборной пыльные лезкои, —

И бѣла лилія, — цвѣтъ Хлоя

Благоуханіемъ дышашъ!

Табакъ мой вкусъ — щекочешъ, — грѣшъ —

Дымишся, — поспешенно шлѣшъ ; —

И я вдыхаю аромашъ!

Куривши шрубку забываюсь

Во шмѣ мелькающихъ идей.

Охотно дѣломъ занимаюсь,

(*) Писано на бивакѣ.

Съ любезной шрубкою моею.
 Она шрварищъ неразлучный:
 И въ шумный день, — и въ вечеръ скучный;
 И на бивакъ, и зимой,
 Она всю роскошь составляетъ!
 Спрасшей порывы ушишаешь,
 Миришь меня съ самимъ собой!

Сей часъ — я съ нею удалился
 Опъ шума праздныхъ крикуновъ. . . .
 Дымъ въ шалашъ моемъ спѣснился, —
 Преградой встрѣшиа низкій кровъ,
 Искаль проспранства и свободы!
 Нашель, — исчезъ; шакъ въ юны годы
 Мы ищемъ мнимыхъ благъ земныхъ; —
 Сшремимся вверху; но разумъ зрѣешь,
 Туманъ величїа рѣдѣешь, —
 И меркнешъ блескъ надеждъ пусныхъ!

Во всемъ ешь вѣчные законы: —
 И годы, шакъ какъ дни пройдушь.
 Какъ непримѣшно миллионы
 Людей къ ничтожеству пекушь
 Гонясь за слѣпой форшунной.
 Ахъ! если счастье въ подлунной, —
 Или съ вѣками уплыло?
 Я думаль, — дымъ густой пуская,
 О юности моей мечшая, — —
 И все бывое ожило!

Вишь жизнь солдана, мы смышляемъ,
 Близка ко счастью шѣхъ времянь,
 Когда и шепъ казалась раемъ
 Для дикихъ полчищъ и племень.
 Безпечность — война подруга.

Въ часы безмолвнаго досуга,
 Не вымышляешь онъ сисшемъ,
 Но закуривши шрубку, — смѣло
 Летишь въ опчаянное дѣло, —
 Гордясь усами и мечемъ!

Онъ спитъ подъ буркою космашой,
 Подъ кровомъ дымныхъ облаковъ.
 Погасла шрубка, богъ крылашый,
 Кидаешь макъ изъ облаковъ.
 Бивакъ и шѣсная кваршира:
 Жилище гражданина міра...
 Сажень квадратная земли
 Удѣлъ для бышя — и праха! —
 Онъ чуждъ и роскоши и страха,
 Прельщаясь славою въ дали!..

Судьбы по Всемогущей волѣ,
 И я назначенъ къ жизни сей.
 Какъ часно на ошкрышомъ полѣ,
 У пошухающихъ огней,
 Куривши шрубку — забывался...
 Въ уподобленіяхъ шерялся,
 Когда о счасшѣ разсуждалъ:
 Смошря, какъ клубомъ дымъ взвивался,
 На вышинѣ разсѣивался —
 И поспеенно исчезалъ!

Но шрубка изъ руки валишся,
 Въ глазахъ шемяфеть шускый свѣшъ!
 Они смыкаются... мнѣ сницся...
 Очароващельный предметъ.
 Корянны милой приближенъе,
 Приводишь кровь мою въ волненъе, ...
 Бросаюся въ восшоргѣ къ ней;

Но руки призракъ обнимають,
 Черны прелестной исчезають;
 Опяшь я съ шрубкой лишь моею!

Прослувшись съ раннею зарею,
 Желалъ бы вновь забыться сномъ,
 И вновь бышь съ милою моею. . . .
 Трубящъ! . . . Бьющъ въ лагеряхъ подъемъ:
 Колонны спроящся, дѣлящся,
 Уланы и козаки мчашся;
 Громъ пушекъ слышенъ въ споронѣ! —
 Изъ шрубокъ дымъ кругами вьещя! . . .
 Громъ ближе, — чаще раздаещя. . . .
 Жду бишвы съ шрубкой на конѣ.

— 0.

2.

С М Ъ Н А.

Послание къ дѣвицѣ N. N.

(Военная шутка).

Я, признаюсь вамъ, очень радъ,
 Что вы другаго полюбили,
 И новый ушвердивъ нарядъ,
 Мнѣ сдѣлашь смѣну разсудили.
 Не *въ отередъ* на службѣ бышь,
 Я, право, шакже несогласенъ:
 Эльвира! за другикъ служишь
 Трудъ непріятенъ и опасенъ,
 Ахъ! намъ бываещъ иногда

Дежурство очень непріятно :
 Какъ радовался я всегда,
 Бывало, смѣясь благодашною.
 Смѣившись съ должности — оляшь
 На милой волѣ — шо ли дѣло!
 Оляшь ешь время погуляшь
 И можешь порѣзвисься смѣло.
 Теперь пускай преемникъ мой
 Свою вамъ *оередь* оислужитъ.
 Пустьъ шоржешшвуешъ — а порой
 Онъ искренно ошъ васъ пошужитъ.
 Но если нужно доказашъ,
 Чшо я *долез* службы знаю славно,
 Позвольше шолько подписашь
 Миѣ въ вашемъ сердцѣ : *сдалъ исправно.*

Бестужевъ-Рюминъ.

1820 г. *Розенсальмъ.*

3.

КЪ П. * * *

Счасшливецъ! *Ею* шы любимъ!
 Но будешъ ли она любима шакъ шобою,
 Какъ сердцемъ искреннимъ *моимъ*,
 Какъ пламенной *моей* душою!
 Возмишь ихъ ошъ меня—и, спрасшию *своей*,
 Досшойнъ будь *своей* судьбы прекрасной!
 Миѣжь сердце и душа, и жизнь и все *напрасно*,
 Когда *всего* ошдашь не лъзя на жершву *Ея!* —

С М Ъ С Ъ.

Письмо къ Издателю Славянина отъ Г. Гло-
товскаго, изъ Сибирска.

М. Г. !

Между шѣмъ, какъ Гг. Полевой, Греть и Булгаринъ усиливашь доказывашь, что Сѣверный Вѣстникъ, который еще не вышелъ, будешь дурень, въ Парижѣ опдаюпъ должную справедливость талантамъ Г. Олига (*). Вотъ что напечатано въ послѣдней книжкѣ *Revue Encyclopédique*, одного изъ самыхъ лучшихъ Европейскихъ Журналовъ: „Le premier des trois ouvrages (двѣ Элегіи—Оскаръ и Альпосъ—Кальеонъ—говоришь одинъ изъ Издашелей сего

(*) Опзывы чужестранныхъ Рецензешовъ и Издашелей Журналовъ весьма благопріятели нашему Авшору, и уже имя Г. Олига пославлено между именами писашелей, пользующихся въ Европѣ уваженіемъ. Вотъ убѣдительное доказашельство, что нападки нѣкоторыхъ нашихъ близорукихъ Рецензешовъ, которые усидывались внушить Публикѣ, что въ швореніяхъ Г. Олига пѣшь занимашельности, что они не оригинальныя, а списки съ чужихъ спашей. Кто бы могъ привудить чужестраннаго Кришика хвалишь стихошворенія нашего соотечешвенника? И Россійскимъ любителямъ словешности можно пеперь подписывашься на его Журналъ и читашь его (отъ чего спарались отвлечь ихъ нѣкоторые Кришики): Русская Публика хорошо привила Пемы Г. Олига: въ эпомъ послѣдовала ей Публика Европейская. Глотовскій.

Журнала, Г. Геро (Héreau, изучившій превосходно Русской языкъ) le premier des trois ouvrages que nous annonçons ici a fondé la réputation de son auteur, et l'a placé au rang des poètes modernes les plus distingués de la Russie. Nous ne connaissons rien de *Mr. Olin* qui ait parut avant ces deux élégies, dans lesquelles il régnе une douce mélancolie et un sentiment de résignation religieuse, combattu par des regrets bien sentis, et dont l'expression est aussi délicate que naturelle. — Les deux poèmes sont des épisodes imités librement du poème de Fingal, d'Ossian. *Mr. Olin* n'a fait qu'emprunter le fond du sujet traité dans chacune de ces deux compositions : les ornemens et les détails lui appartiennent entièrement : et il faut avouer qu'il a su parfaitement saisir cette forte teinte de rêverie et de mélancolie qui caractérise les poésies Ossianiques, et qui a tant de rapport d'ailleurs avec les premiers poèmes Russes, inspirés par les mêmes idées et sous un ciel plus rigoureux encore que celui de l'Ecosse. — Après avoir loué, comme il est juste de le faire, les qualités brillantes du style de *Mr. Olin*, nous devons dire qu'en général ces transformations que les imitateurs sont subir aux morceaux qui attirent leur attentions dans les littératures étrangères, nous semblent présenter des grands inconvéniens, dont le moindre est de dénaturer souvent, sans aucun bénéfice pour la littérature moderne, les compositions qui portent le cachet classique, ainsi que celui des lieux et des tems où elles ont été écrites. — Nous approuvons donc le dessein de *Mr. Olin* de se livrer à l'exécution d'un poème original, pour le quel les sujets ne lui manqueront point dans l'histoire

nationale. Il nous a prouvé qu'il est bon coloriste: nous ne doutons point qu'il sache aussi bien ordonner le plan d'un tableau. — „То есть: первое изъ сихъ прехъ сочиненій (двѣ Элегіи), о коемъ мы говоримъ здѣсь, ушвердило лихерапурную славу Автора, и помѣспило его въ число опличнѣйшихъ новѣйшихъ стихопворцевъ Русскихъ. Намъ неизвѣспно, появлялось ли что въ свѣтѣ изъ сочиненій Г. Олина прежде сихъ двухъ Элегій, въ копорыхъ царспвуемъ шихая меланхолія и чувспво религіозной покорности къ пушямъ Провидѣнія, обуреваемое соболѣзнованіями истинно сердечными, и выраженными споль же нѣжно, сколько и непринужденно, и проч. Должно признаться, что Г. Олинъ (въ Поэмахъ своихъ) уловилъ превосходно сіи яркія краски мечшашельности и унынія, кои составляютъ характеръ Поэмъ Оссіаническихъ, и имѣющъ сверхъ сего споль много сходства съ древними Русскими пѣснями, внушенными пѣмми же мыслями и подѣ небо въ еще болѣе суровымъ, чѣмъ небо Шотландіи, и проч. Такимъ образомъ, мы ободряемъ намѣреніе Г. Олина занявшись сочиненіемъ Поэмы оригинальной, для копорой онъ не будетъ имѣть недоспапка въ предметахъ изъ Испоріи Опечеспвенной. Онъ доказалъ намъ, что онъ искусный колористъ; мы не сомнѣваемся спакже, что онъ умѣетъ хорошо расположить и планъ картины.“— Теперь, когда уже и Французскій Журналистъ опдаемъ Г. Олинъ споль должную справедливость, приписывая слогу его *качества блистательныя*, оспааетъ сполько любителямъ Русской

Словесности, и вообще всѣмъ людямъ безпристрастнымъ, рассудить о причинахъ, побуждающихъ Гг. *Полеваго, Грегга и Бумарина* вооружаться противъ Г. *Олина*. Къ сему прибавлю, что Гг. *Издателямъ Сѣверной Пчелы и Московскаго Телеграфа*, насъ чинапелей, морочить теперь трудно; сами чинамы разумъ.

Литература наша, М. Г., полько что начинаешъ развивашся изъ пеленъ своихъ; и намъ оспаешся нелицемѣрно пожелать Г. *Олину* въ благомъ его намѣреніи наилучшихъ успѣховъ.

Имѣю честь бытъ, и пр.

Симбирскъ
23 Октября.

~~~~~

Что случилось съ Издателями Моск. Телеграфа?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

„Вы мнѣ дали добрый совѣтъ: выучишься по Французски и не чинашь Телеграфа; позволше же и вамъ заплашишь равносильнымъ совѣтомъ: выучишься всему шому, въ незнаніи чего уличены вы Журналами, и выдавайше свой Телеграфъ безъ грубыхъ ошибокъ.“

Сѣв. Пчела 1825, No 98.

Въ XII-й книжкѣ своего Журнала, Г. *Полевой* позабавилъ своихъ Чинапелей чуднымъ словоизвишемъ: „Явился ли кпонибудь изъ Русскихъ Литераторовъ съ разборомъ сего важнаго Литературнаго явленія, преодолѣлъ ли кпонибудь изъ Литературныхъ Мападоровъ лѣнь, сдѣлавшуюся у нашихъ Литераторовъ, съ весьма немногими исключеніями, общею привычкою.“

Въ XIII книжкѣ на стран. 133, выставился у Г. Полевова — *рыгаль мѣнѣй*; онѣ пытается поворотивать *рыгаль мѣнѣй*; ужь не хочеть ли онѣ въ Липературномѣ мирѣ бытъ *Архимедомѣ*? Избави насѣ Боже! Онѣ перевернетѣ намѣ головы запылкомѣ на передѣ! Въ его рукахѣ *рыгаль* есть орудіе опасное. Это поже, что *цѣлѣсистый бѣлыжникъ* баснописца Крылова.

Но въ XIV-й книжкѣ Г. Полевой превзошелъ самѣ себя. Эта книжка, какѣ будто нарочно, вся состоитѣ изѣ хелѣпицѣ. Первая спашья: Историко - Статистическое обозрѣніе Молдавіи и Валахіи испещрено самыми грубыми ошибками. Мы сначала весьма было удивились, прочитавѣ въ оглавленіи, что она взята изѣ Англійскаго Журнала Blackwood's Magazine; но удивленіе наше кончилось, когда прочли примѣчаніе Издателя, въ коемѣ онѣ говоритѣ, что сей ошрывокѣ взятѣ сокращенно, т. е. переводчикѣ сократилѣ въ немѣ смыслѣ и распростирилѣ безсмыслицу.

Мы уже не упоминаемѣ о томѣ, что Кучукѣ-Кайнарджскій мирѣ между Россійскою и Турецкою Имперіями, у Издателя М. Т. заключенѣ цѣлымѣ годомѣ позднее, а Султанѣ Селимѣ III лишенѣ жизни годомѣ ранѣе; не привязываемся къ тому, что у него Россійская армія введена въ Молдавію и Валахію въ 1805 году, тогда какѣ она вступила туда въ исходѣ 1806; что онѣ Г. Полевой принуждаетѣ знаменитаго Великобританскаго Министра Фокса желать ознаменоватѣ владычество свое войною: тогда, какѣ всему свѣту извѣстно его

миролюбіе; что онъ *Г. Полевой* по своей прихоти, безъ вѣдома Султана, переименовалъ великаго Визиря, *Яныгаръ - Аю* и *Мүфтїя* въ Вице-Короли, что провелъ Англійскую эскадру чрезъ Дарданельскій проливъ подъ стѣны Царя-града въ 1805, а не въ 1807 году, какъ это было дѣйствительно, и что заспавилъ Россію принявъ Континентальную систему въ Эрфуртѣ, а не въ Тильзитѣ.

Мы даже не пребудемъ отъ него *Г. Полева*, чтобы онъ писалъ такъ мужественно и правильно, какъ *Издашель Вѣстника Европы*, такъ прїятно и щеголевато, какъ *Издашель Дамскаго Журнала*; но все надобно писать почтено, ясно, вразумительно, по Русски. Вишь его *Телеграфъ не Египетская пирамида*, испещренная внутри Гіероглифами; не *Траляновъ столль*, описанный таинственными изображеніями; не *колокольня Звенигородская съ колоколомъ*, на комъ начертаны непонятныя буквы.

XIV-я книжка *Телеграфа* начинается слѣдующими спроквами: „Извѣстно, что Правители Молдавіи и Валахіи донинѣ избирались между Греками, обитателями Фанара, часни Конспанинополя, почти исключительно обитаемой Эллинами, возводимыми въ достоинство Драгомановъ и занимающими другія должности въ Турціи.“ Эшотѣ періодѣ чистю *Санскритскій!*

„Одаренный рѣдкимъ благоразуміемъ, зная основательно разлитыя Европейскіе языки...“ Эшо по *Халдейски!*

„Вскорѣ, посольства и другія подобныя сему должности содѣлались исключительно

принадлежностью Грековъ. Невѣжество и тщеславіе заспаляло ихъ удивляться и подражать бѣднымъ остаткамъ своего прежняго образованія, возникавшаго у фанариотовъ, и такъ развернулись первыя семия Греческой независимости.“ — Прошу понять, прошу сдѣлать спройную рѣчь изъ эшаго хаоса! Вошъ настоящее *Вавилонское* хитросплетеніе!

„Кайнарджинскій пракшанъ подписанный 10-го Юля 1775 (у *Г. Полеваго*; а Вержховный Визирь и Фельдмаршалъ *Рчмянцовъ* подписалъ его 10-го Юля 1774) года, служилъ основаніемъ всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ переговоровъ; на немъ основывается и нынѣ С. Пешербургскій *Дворъ*, почему *выписывается* здѣсь содержаніе спашей, относящихся до Валахіи и Молдавіи.“ Власнъ ваша, *Г. Полевой!* а шупъ что-то не такъ! Опкуда *выписывается*: изъ Архива Коллегіи Иноспранныхъ дѣлъ, изъ Лондона, изъ Парижа, или изъ Энциклопедическаго Словаря? Эшо истинное *Финикійское* хитрословіе!

„Уважаешь представленія, которыя побудяшъ ихъ *цгннть* выгоды Молдавіи и Валахіи.“ — Вошъ эшо преузорочное словцо родилось на свяшой Руси въ Подбѣяческомъ приказѣ, крещено въ чернилахъ, воспиано въ Воеводской Канцеляріи.

„Англійскій Посланникъ не имѣлъ потребнаго полномочія; его должно было *сждать* изъ Англии.“ — Эшо что за слово? Развѣ не лзя было поставишь одного изъ общеупотребительныхъ Россійскихъ глаголовъ: *ждать, ожидать, дожидаться?*

Господину *Полсволу* хотѣлось блеснуть *многоразлично-языковѣднѣемъ*. Это по *Колтски!*

„Султанъ, спрашась народнаго бунта и негодуя на вторженіе въ свои обласпи, изрекъ *войну непримиримую*.“ Полно шакъ ли, Г. Нереводчикъ? Всякая война непримирима; но миръ спавишъ ей конецъ, война прекращается миромъ; это по *Русски*, а вы выразились — по *Ассирійски!*

На стр. 186, Г. *Полевой* написалъ: *Апшу-Еффенди*; на стр. 187, *Галибъ-Рейсъ-Еффенди*; а на стр. 194, онъ же вышереченный и частупоминаемый Г. *Полевой*, въ 4-й строкъ сверьху, поставилъ: *Галибъ-Еффенди* и въ 7-й строкъ тоже: *Галибъ-Еффенди*. Такое своевольство правописанія позволишельно полько въ *Литературѣ Латышсѣи и Самоѣдовѣ*.

„Сила *Наполеонова* чма засшавляла робкіе *Дворы* *Германіи* и высококомѣрныхъ попомковъ *Амурапа* участвовашъ въ его честолобивыхъ предпріятіяхъ и, шакъ сказать, *влрягала* ихъ въ *тріумфальную колесницу* его, спремившуюся опаснымъ путемъ ко всеобщей *Монархіи*.“

Наполеонъ *влрягалъ* *Дворы Германскихъ Государей* въ свою *колесницу*. Вопшъ это уже домашнее рукодѣлье Г. *Полевова*. Такой чудовищной фразы не найдемъ ни въ *Грамматикѣ Чуктей*, ни въ *синтаксисѣ Якутовѣ*, ни въ *Риторикѣ Камтадаловѣ*, ни въ *Словесности Алкутовѣ*.

Мы бы весьма запруднились, еслибъ предприняли опредѣлишь характеръ слога Г. *Полевова*, но въ той же XIV-й книжкѣ, онъ самъ весьма удовлешворительнo опредѣлилъ свой

манерѣ сочинять. — „Когда онѣ начнешѣ ра-
 „бопашѣ, по кладешѣ камень на камень, сма-
 „зываетѣ все это журнальнымѣ цементомѣ,
 „и созидаетѣ нелѣпое зданіе, въ которомѣ,
 „подлѣ куска гранита торчитѣ кусокѣ глины,
 „и которое оканчивается какѣ попало, если
 „недостаешѣ материаловѣ.“

W.

Москва.

(Конецъ второй главы, а всѣхъ главъ будетъ 1001).

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Журналъ Капитана 2-го ранга Поскогина командовавшаго отрядомъ Россійскихъ и Турецкихъ военныхъ судовъ, веденный при занятіи острова Чефалоніи, съ 14 по 23 Октября 1798 года.

Октября 14 въ 10 часовъ утра, получилъ я отъ командующаго флотомъ Г. Вице-Адмирала и кавалера *θ. θ. Ушакова* повелѣніе; чтобы съ кораблемъ *Св. Троицю*, фрегатами: *Сошествіемъ Св. Духа*, *Счастливымъ* и однимъ Турецкимъ и крейсерскимъ судномъ *Красносельемъ*, немедленно отправиться къ острову Чефалоніи, занятому Французами и овладѣть онымъ. При семъ препровождены были ко мнѣ, оказывавшіе усердіе къ нашей пользѣ жители того острова, отставные флота: Капитанъ-Лейтенантъ *Спиро Ригардолудо* и Лейтенантъ и Кавалеръ *Антонъ Глези*. Отославъ перваго изъ нихъ на фрегатъ *Счастливый*; а втораго на *Красноселье*, приказалъ я имъ слѣдовать впередъ и, находясь близко берега, съѣхать на остроѣвъ, дабы они

успѣли къ моему приходу вооружить жителей противъ Французовъ и чрезъ то сдѣлать намъ помощь. Самъ же я съ фрегатами: *Сошествіемъ св. Духа* и Турецкимъ, забравъ наскоро своихъ солдатъ, бывшихъ въ десантѣ на островѣ Зантѣ и при нихъ одну десантную пушку, того же числа, въ 2 часа пополудни, при маловѣтріи между N и O и временно со шпилемъ, отправился въ предписанный мнѣ путь. Въ это время, посланные мною предварительно суда, уже находились впереди, въ разстояніи десяти верстъ. Тогда же я учредилъ и разослалъ между отдѣленіями моего опряда необходимо нужные сигналы.—

Продолжая плаваніе чрезъ всю ночь, на разсвѣтѣ пришли мы предъ устье острова Цефалоніи, и соединились съ посланнымъ прежде фрегатомъ *Сошествіе св. Духа*. Судно же *Красноселье* оставалось въ близи Цефалоніи, назади верстахъ въ двадцати. Какъ противное маловѣтріе не позволяло намъ войти въ устье, то и пригласилъ я командующихъ фрегатами Капитанъ-Лейтенантовъ *Константинова* и *Белли* и пассажира *Спиро Ригардолуло* и совѣщывался съ ними о способахъ, какъ бы не медля начать наши дѣйствія. Общимъ мнѣніемъ положено было, что если вѣтръ не допуститъ войти до вечера; то подойдя ближе къ острову, при способномъ мѣстѣ высадить на оный десантъ. Г. *Ригардолуло* взялся подкрѣпить десантъ жителями и слѣдовать съ ними къ батареѣ, защищающей входъ въ городъ Аргостоли. Я уже предоставилъ себѣ съ ввѣренными

мнѣ опрядомѣ спараться, сколько возможно скорѣе, войши въ устье, прямо къ башарѣ на ближній выстрѣль и сбить оную. Сдѣлавъ поспѣбныя разпоряженія, лавировалъ я весь день при входѣ къ Чефалоніи.

15-го числа, по полудни въ 3 часа, прибыла ко мнѣ съ острова лодка подъ Россійскимъ флагомъ. Находившійся на оной, одинъ изъ Чефалонскихъ жителей, привезъ мнѣ письмо отъ Маіора *Андрея Ригардолццо*, въ которомъ содержалось, что Французы, замѣшивъ приближеніе наше и не видя способовъ защищаться въ худо укрѣпленной башарѣ, сего утра рано собрались и на малыхъ лодкахъ переѣхали на другую сторону города Аргостоли, съ намѣреніемъ пробраться въ крѣпость Ассо, по иную сторону острова, а если будущъ и ошпуда вышѣсны: то бѣжать на судахъ на другой островъ. — Лодку, пріѣхавшую ко мнѣ съ симъ извѣщеніемъ, послалъ я сей же часъ при Офицерѣ на островъ Зантъ къ командующему флотомъ, а самъ въ ту же минушу посадилъ на кашера двадцать чепыре человекъ отборныхъ солдатъ, при прехѣ уншеръ-офицерахъ и барбанщикъ, съ Капитанъ-Лейтенантомъ *Литвиновымъ*, Порупчикомъ *Поджіо* и Капитанъ-Лейтенантомъ *Слиро Ригардолццо* и ошправилъ ихъ въ устье залива, къ башарѣ. — Капитанъ-Лейтенантъ *Литвиновъ* получилъ отъ меня предписание соединиться съ вооруженными жителями и слѣдовать къ городу Аргостоли, шакже къ башарѣ и овладѣть на оной всѣми орудіями; занявъ посты на пропивной сторонѣ за-

лива Ликсури, равно какъ и старую крѣпость, называемую Чефалонія, которая отсюда въ разстояніи 12 верстѣ, дабы Французы туда не вошли и въ ней не засѣли.

Капитанъ-Лейтенантъ *Рисардолучо* убѣдительно просилъ меня позволить, къ высаженнымъ онѣмъ насѣ войскамъ, присоединить изъ усердныхъ и преданныхъ намъ жителей 500 человекъ, надъ коими поруча начальство одному изъ надежныхъ обывателей Чефалоніи, послашь ихъ въ погоню за Французами и форсированно спарашься догнашь и не допустишь ихъ до крѣпости Ассо, которая разстояніемъ 60 верстѣ отъ Аргосполи, — такъ же спарашься ихъ обезоружить и привести плѣнными, а въ случаѣ неудачи, немедленно дать мнѣ знать.

Вскорѣ за симъ прислалъ ко мнѣ, командиръ судна *Красноселья* флота Лейтенантъ *Рябининъ*, рапортъ: что прошлой ночи, когда онъ лавировалъ вблизи острова Чефалоніи, въ первомъ часу, прибыла къ нему съ берега лодка, отъ селенія, гдѣ жительствоуетъ вышеупомянутый Лейтенантъ *Глэзи*, находившійся у него, и съ оной объявили, что Французы въ величайшемъ страхѣ и недоумѣніи о приближеніи нашихъ судовъ, разоряютъ укрѣпленія и намѣреваются въ сію же ночь бѣжать; жители же всѣ вооружены, но не смѣютъ безъ нашего войска напасть на непріятелей и просятъ послашь къ нимъ хотя малый десантъ при офицерѣ, для оживотворенія ихъ усердія, общаясь быть въ послушаніи. Лейтенантъ *Рябининъ*, увѣрясь въ семъ отъ Лейтенанта *Глэзи* и не видя меня вблизи,

рѣшился самъ послать десантъ подъ командою исправнаго Мичмана *Македонскаго* съ волонтеромъ *Шелковниковымъ*, а съ ними, при одномъ унтеръ-офицерѣ и барабанщикѣ, солдатъ 10 человекъ. Съ симъ отрядомъ вмѣстѣ, посланъ былъ и Лейтенантъ *Глази*, которому было приказано соединиться съ превосходнымъ противъ непріятели числомъ жителей, и общими силами идти на Французовъ, требовавъ отъ нихъ сдачи, а въ случаѣ нападенія, дать башлю. Снабдивъ десантъ симъ наставленіемъ, Лейтенантъ *Рябининъ* высадилъ его въ той же деревнѣ на берегъ, разстояніемъ отъ башарей въ 30 верстахъ.

Сего же числа, продолжая самъ идти ближе къ берегу, дабы примѣчать за дѣйствіями отряда мною посланнаго, увидѣлъ я въ 6 часовъ вечера, бѣжавшую къ намъ лодку. Давъ приказаніе осмошрѣть напередъ бывшихъ на ней людей, допустилъ ихъ на мой корабль. Это было дворянство и духовенство изъ города Ликсури, числомъ 12 человекъ, кои съ радостію объявили, что Французы сего утра изъ всѣхъ городовъ бѣжали къ крѣпости Ассо. Депутаты сіи просили дать имъ караулъ при Офицерѣ, для успокоенія городскихъ жителей отъ поселянъ, кои пользуясь симъ случаемъ, хотѣли разграбить городъ. Сочтя сіе за нужное, отправилъ я въ Ликсури Мичмана *Тухаева* съ унтеръ-офицеровъ и 10 рядовыми, приказавъ имъ занять всѣ почты и пушки оставленныя Французами; соблюдать порядокъ въ городѣ и не допускать до грабительства. Во всю сію

ночь на острове было спокойно, а мы за проливным маловъпріемъ со шпилемъ, лавировали.

Октября 16-го, въ 6 часовъ утра, получа благополучный вѣтръ, пошли въ заливъ, куда въ 10 часовъ и прибыли, расположась по близости батареи на якоръ. На батареѣ былъ поднятъ Кейзеръ-флагъ *Его Императорскаго Величества*, коему мы салютовали въ то же время изъ 7 пушекъ; а изъ подъ онаго отвѣчали намъ равнымъ числомъ. Вскорѣ за симъ, споявшія при городѣ Ликсури мѣлкія купеческія суда, на коихъ были уже Русскіе флаги, салютовали вдругъ многимъ числомъ выстрѣловъ; на что отвѣ меня имъ отвѣтствовано пятью выстрѣлами. Вслѣдъ за тѣмъ, пріѣзжали къ намъ изъ обѣихъ городовъ духовенство и обыватели во множествѣ на лодкахъ, съ изображеніемъ нашего флага и крича непрерывно съ восторгомъ: *вивать Императоръ ПАВЕЛЪ!* По прибытіи на корабль мой, извѣявили они свою благодарность за избавленіе отъ Французовъ, и при томъ просили для соблюденія порядка и сбереженія ихъ отъ грабительства раздраженной черни, усилить по городамъ караулы, что тогда же было исполнено. Я приказалъ высадить въ городъ Аргостоли 120 человекъ солдатъ при двухъ Офицерахъ, и 10 канониръ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, для содержанія батарей и въ городѣ десантныхъ пушекъ; да въ городѣ Ликсури прибавилъ 30 солдатъ при одномъ Офицерѣ, предписавъ имъ имѣть всякую оспорожность, не допуская жителей добуйства и

грабежа и, быть всегда готовыми, имѣя въ каждомъ городѣ по двѣ заряженныя пушки, изъ оставшихся ошѣ Французовъ, но больше спарашься уговаривать и къ силѣ, безъ крайней надобности, не прибѣгать. — Въ 12 часовъ отправилъ я исправнаго Лейтенанта *Дефабра*, для осмотра находящихся при городахъ Аргостоли и Ликсури судовъ и, если между ними найдутся Французскія, то оныя отобрать: сомнительныя же взять за арестъ. Въ помощь же къ нему опредѣлилъ я Мичмана *Тухаева*. Въ 2 часа пополудни того же числа, прибылъ изъ города Аргостоли Мичманъ *Македонскій*, который донесъ, что при сѣвздѣ его въ ночи на 15 число съ судна *Красноселья*, былъ онъ у берега встрѣченъ вооруженными жишелями, кои восклицая — *да здравствуетъ Императоръ ПАВЕЛЪ*, тотчасъ соединились съ нашимъ десантомъ и прибыли въ деревню, гдѣ еще къ нимъ пристало множество вооруженнаго народа, и духовенство со крестами и служениемъ. Всѣ они показывали свою преданность. Онъ же принявъ, обще съ Лейтенантомъ и Кавалеромъ *Глезъ*, начальство надъ жишелями, немедленно отправился къ городу Аргостоли. По трудности пуши и худой дорогѣ, прибыли они туда уже въ 12 часу дня, тогоже 15 числа, но Французовъ не застали, а духовенство съ Архiereемъ въ облаченіи и со крестами, встрѣтили наше войско при входѣ въ городъ, изъясняя свое усердіе. Мичманъ *Македонскій*, принявъ поздравленіе, немедленно отправился на башарю, гдѣ находились чешыре 30 фуншова

пушки. Занявъ оную своимъ карауломъ, и взявъ ключь отъ пороховаго погреба, опрядилъ онъ волонтира *Шелковникова* съ двумя гренадерами и частію вооруженныхъ жипелей на другую сторону залива, къ городу *Ликсури*. Возвращаясь отсюда къ *Аргостоли*, Мичманъ *Македонскій* увидѣлъ, что жипели грабятъ одинъ домъ, называя хозяина онаго *Якобинцемъ* и угрожая также прочимъ домамъ. Немедленно пошелъ онъ въ толпу сихъ грабителей съ малою частію своихъ солдатъ и уговорилъ ихъ оставить все на разсмотрѣніе начальства, а самимъ успокоиться, что и подѣйствовало. Въ 9 часовъ вечера, когда прибылъ въ городъ *Г. Капитанъ-Лейтенантъ Литвиновъ*, *Македонскій* являсь къ нему, донесъ о своихъ успѣхахъ и оспался въ его командѣ.

Въ 4 часа вечера сего же дня, отправился я съ командующими судовъ, на башарею для распоряженія и въ городъ *Ликсури*, гдѣ учредилъ и умножилъ караулъ, опредѣля на башарею *Офицера*, а въ *Ликсури*, по случаю несогласія между жителями, далъ публикацію, чтобы всѣ деревенскіе жипели слѣдовали въ свои мѣста, и не ходили бы болѣе съ оружіемъ. Похваляя впрочемъ ихъ усердіе, я объявилъ, что болѣе отъ нихъ помощи не требуется, и такую же прокламацію послалъ публиковать въ городъ *Аргостоли*, съ повелѣніемъ разослать оную по деревнямъ.

Въ 7-мъ часовъ вечера сего же числа, прибылъ ко мнѣ на корабль *Капитанъ-Лейтенантъ Литвиновъ* и донесъ, что по выходѣ своемъ на

берегѣ, въ 6-ть часовѣ, немедленно опсправил-ся онѣ въ городѣ Аргосполи, куда въ 9-ть часовѣ прибылъ въ сопровожденіи жителей, обще съ Капитанѣ-Лейтенантомѣ *Ригардолцоломѣ*. Тамѣ нашелъ онѣ Мичмана *Македонскаго*, уже занявшаго посты, осмошрѣлъ башарею и нашелъ въ городѣ двѣ 3-хѣ-фуншова, оставленныя отѣ Французовѣ пушки. Усиливъ караулы, *Литвиновѣ* оспавилъ въ городѣ Начальство *Македонскому*, а самѣ съ Порупчикомѣ *Поджіо* и съ 18 человекѣми солдатѣ, вмѣстѣ съ *Ригардолцоломѣ* и жителями, пошелъ къ старой крѣпости, именуемой Чефалонія, разспояніемѣ въ 12 верстахѣ, куда къ разсвѣту прибылъ и нашелъ, что и оптуда Французскій караулѣ бѣжалѣ. Овладевѣ сею крѣпостию, взялъ ключѣ и флагѣ, поднялъ нашѣ флагѣ и оставилъ 6 человекѣмѣ солдатѣмѣ съ жителями для караула. Велѣлъ сверхѣ сего поправить укрѣпленія и приказавѣ близѣ лежащимѣ деревнямѣ, на случай надобности, защищать малый нашѣ караулѣ, что они съ радостию обѣщались. К. Л. *Литвиновѣ* возвратился обрашно. Капитанѣ же *Лейтенантѣ Ригардолцоло* донесѣ миѣ, что въ погоню за Французами онѣ опсправилъ 500 человекѣмѣ храбрыхѣ и усердныхѣ жителей, подѣ командою опспавнаго Капитана *Дивора* и сверхѣ того послалъ туда крапчайшею дорогою курьера, дабы жители деревень около крѣпости Ассо вооружились, и не допустили войши въ крѣпость Французовѣ.

Окшября 17-го по ушпру въ 9 часовѣ опсправилъ я на обывательской лодкѣ Мичмана *Ма-*

кедонскаго къ Командующему флотомъ на островъ Зантъ и препроводилъ съ нимъ доставленные ко мнѣ: Капитанъ-Лейтенантомъ *Литвиновымъ* ключъ и флагъ крѣпости Чефалоніи, а Мичманомъ *Македонскимъ* флагъ съ башарей, и при томъ рекомендовалъ дѣйствовавшихъ особенными Экспедиціями: сихъ означенныхъ офицеровъ, и также оставшихъ: Капитанъ-Лейтенанта *Слиро Ритардолцло*, Лейтенанта и Кавалера *Глези* и Маіора *Андрея Ритардолцло*. Въ 11 часовъ того же дня отправился я, обще съ командующими судовъ, въ городъ Аргостоли, для разсмотрѣнія и распоряженія. Тамъ встрѣченъ я былъ Архіереемъ, съ духовенствомъ и съ крестами, всѣмъ дворянствомъ и жителями съ пушечною съ судовъ пальбою и ружейною и колокольнымъ звономъ. По прибытіи, вошелъ въ церковь и служилъ молебствіе о благополучномъ избавленіи острова изъ подъ ига непріятелей. Въ часъ по полудни того же дня, Лейтенантъ и Кавалеръ *Глези* увѣдомилъ меня, что Французы въ числѣ 195 человекъ, гнавшіеся за ними жителями, не доходя крѣпости Ассо, остановлены, принуждены положить оружіе сдатьъя военно-плѣнными Россійскому флоту и оными жителями приняты.

О семъ въ 2 часа сего числа на жительской лодкѣ препроводилъ я къ начальствующему флотомъ рапортъ, а Лейтенанту *Глези* приказалъ послать отъ себя, чтобы не ограбля плѣнныхъ, немедленно вели бы ихъ ко мнѣ. Того же числа дано мною повелѣніе Артиллеріи Капитанъ-Лейтенанту *Злобину* осмошрѣть и

описать всѣ пушки, порохѣ, снаряды и все оставшееся отъ французовѣ, въ какомѣ чпо состояніи, и освидѣтельствовавѣ рапортовать. Того же дня въ 6 часовѣ вечера приведены прошиву города Аргостоли оставшими Капитанами *Спиро* и *Анастасіемѣ Дивора* плѣнные Французы. Часпѣ ихѣ, именно: Секундѣ Командантѣ 1, Офицеровѣ 8, унтеръ-офицеровѣ и рядовыхѣ 179, всего 188 человекѣ были рописаны по судамѣ. Остальные же оставлены по болѣзни въ крѣпости Ассо за карауломѣ, и при помѣ ими же представлены ко мнѣ ключъ и флагѣ крѣпости Ассо. Того же дня въ 2 часа, идущую изѣ острова Корфу лодку, вооруженнымѣ катеромѣ догналы и нашли, что на ней ѣхалѣ изѣ Корфы въ Чефалонію Французской Артиллеріи Капитанѣ *Шамбукке* съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми для починки крѣпостей и баатарей. Офицерѣ сей объявленѣ плѣннымѣ, а лодка, принадлежавшая жителямѣ, отдана хозяевамѣ. Потомѣ, того же числа въ 9 часовѣ вечера, получилѣ я увѣдомленіе, что Французская бригантина, имѣющая по 6 на споронѣ пушекѣ, пришла на другую спорону острова Чефалоніи, при заливѣ Само. Въ слѣдствіе сего, тогда же далѣ я повелѣніе фрегатѣ *Счастливому*, подѣ командою Капитанѣ-Лейтенанца *Белли*, идти на западную спорону острова и спарашься овладѣшь онымѣ судномѣ, а если ушло, то догнать. Житель же острова Чефалоніи Графѣ *Анастасій Метакса* просилѣ позволенія идти туда, и не допустить Французовѣ выдти на берегѣ, а если

будетъ возможно: по взявъ ихъ, на что и далъ я мое согласіе. Того же вечера получилъ я извѣстіе, что деревенскіе жители собрались около города на пригоркахъ во множествѣ вооруженными, и намѣреваюшся ограбить городъ. Посему далъ я немедленно повелѣніе карауламъ нашимъ въ городахъ до сего не допускать, а фрегатъ *Сошествіе*, подъ командою Капитанаъ Лейтенанта *Константинова*, приблизиться на картежной выстрѣлъ къ городу Ликсури; судну *Красноселью*, подъ командою Лейтенанта *Рябинина*, приблизиться къ Аргостоли и защищать сей городъ, въ случаѣ нападенія грабителей, спращая ихъ сперва холостными выстрѣлами. Турецкій же фрегатъ посланъ около бапарей, дабы соблюсти ее въ случаѣ бунта, а самъ я съ кораблемъ остался посреди бухты для наблюденія за проходящими и выходящими судами. Симъ движеніемъ все успокоилось.

Публиковалъ вторично, чѣмъ ошнудъ ни кто изъ жителей вооруженнымъ образомъ не ходили, а особливо не собирались бы въ большія толпы: ибо Французы все находятся въ пѣнѣ, а если же за симъ не послушаютъ, то повелѣно отъ меня защищать городъ орудіями. Сверхъ сего, послалъ я въ крѣпость Ассо свой караулъ и приказалъ тамъ поднять флагъ нашъ, подъ защищеніемъ Капитанаъ *Дивора*. Сего же числа въ 10 часовъ, фрегатъ *Счастливый* вышелъ въ море и закрылся. Въ 12 часовъ получилъ я увѣдомленіе что Французская бриганнина хотѣла въ мѣстечкѣ Само высадить

малый десантъ, но вооруженными жителями оный прогнанъ. За тѣмъ выпаливъ изъ пушки, бригашина ушла обратно въ море.

19 Октября, по публикованію и за разсвѣщеніемъ при городахъ судовъ и караула, на всемъ островѣ было спокойно. Прибыли въ островъ изъ Мореи при малыхъ лодки, имѣвшія Французскіе билеты. Оныя, по разсмотрѣніи нашлись здѣшнихъ жителей, вѣдвшихъ для торгу пшеницею и, по отобраніи билетовъ, были отосланы въ городъ Ликсури. Сего же числа приведены ко мнѣ изъ оставленныхъ въ крѣпости Ассо два плѣнные Француза. Отправленъ къ командиру флотомъ на островъ Зантъ съ обстоятельною реляціею, о всѣхъ насемъ островѣ дѣйствіяхъ, на обывательской лодкѣ Мичманъ *Цымбаль*; при чемъ препровожденъ ключъ крѣпости Ассо и флагъ республиканской.

20-го, было спокойно. Прибыли торгующія мѣлочными продуктами изъ разныхъ мѣстъ чешыре лодки, кои всѣ принадлежали жителямъ, по чему и пропущены.

21, То же спокойно. Сего числа показались въ морѣ нашъ и Турецкій флоты предъ островомъ.

22, Посланный для освидѣтельствованія взятыхъ отъ Французовъ крѣпостей Чефалоніи и Ассо башарей, всей Артиллеріи и снарядовъ, Артиллеріи Капшанъ - Лейшенантъ *Злобинъ* возвратился и донесъ рапортомъ, что имъ найдено и въ какомъ состояніи.

Вѣдомость.

Въ крѣпости Чефалоніи, въ городахъ Аргостоли и Ликсури, равно и на батареѣ, гдѣ подняли флагъ нашъ, пушекъ чугунныхъ разныхъ калибровъ годныхъ 14, негодныхъ 9, мѣдныхъ на полевыхъ лафетахъ 3-хъ-фунтовыхъ Французскихъ 4, фалконетъ мѣдный 1, мортиръ 48 фунт. 4, ядеръ чугунныхъ 1771, бомбъ 786, карпечь съ желѣзными шпигелями 180, пороху 64½ боченка; изъ сего взято на флотъ: пушекъ мѣдныхъ и мортиръ по 4, пороху 40 боченковъ, бомбъ нечиненыхъ до 600.

23 числа въ десятомъ часу по утру, прибыли нашъ и Турецкій флоты, подъ Начальствомъ Господина Вице - Адмирала и Кавалера Ушакова, въ заливъ острова Чефалоніи. Опнесяся Его Превосходительству о командѣ, остался я подъ его Начальствомъ и уже дѣла опносились къ нему. Сего же числа Лейтенантъ *Дефабрь* и Мичманъ *Тухасъ* окончили описаніе судовъ. Паспорты же оныхъ и всѣ найденныя бумаги предшавили они ко мнѣ. Всего нашлось судовъ съ грузомъ: Лодокъ, Фелюкъ и Полакрь 12; безъ груза: Полакрь, Бригантинъ, Таршанъ, Требакъ, и проч. 103. Всѣ сіи суда принадлежали жителямъ острова; сомнительнаго ни одного не нашлось; паспорты и описи препроводилъ я къ Командующему флотомъ на разсмотрѣніе и резолюцію.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПАЖЪ ГЕРЦОГА ФРИДЛАНДСКАГО.

Историческая повѣсть; соч. *Тромлица*.

(Продолженіе).

Большую часть ночи *Роткирхъ* провелъ въ комнатѣ арестанна, которая находилась во флигелѣ замка. Тупъ шарецъ разсказалъ ему о несчастной любви своей бѣдной *Юанны*, умолялъ Пажу бысть ея заспунникомъ и со слезами умолялъ его, чтобы онъ выпросилъ ему у Герцога позволеніе повидаться съ дочерью.

Тронутый до глубины сердца повѣстью несчастнаго опца, *Роткирхъ* возвратился въ свою комнату. Онъ самъ вызвался бысть мспителемъ оскорбленной красавицы. Герцогъ, хотя и въ шушку, далъ ему на то позволеніе. Ни что не могло бысть ему пріятнѣй поединка съ Маркизомъ *дель-Гуасто*, ненавистнымъ ему женихомъ *Матильды*!

Когда наступило утро, онъ надѣлъ бѣлую съ голубою выпушкою одежду, перекинулъ черезъ плечо военную перевязь Герцога *Фридрихскаго* и пошелъ съ лѣстницы сквозь полпу служителей, кои крайне изумились, видя Герцога Пажу, во дворцѣ его, не въ придворной одеждѣ.

Маркизъ *дель-Гуасто* еще спалъ. Происшествіе вчерашняго вечера было имъ почти уже забыто; въ пѣвцахъ онъ не узналъ ни *Юанны*, ни отца ея; голосъ ея, хотя и показался ему знакомымъ, но время и другія любовныя связи испребили всякое о ней воспоминаніе, и вчерашнія пѣсни слабо опозвались въ его памяти.

Неперпбливому Пажу показалась вѣчностью каждая минуша, которую принужденъ онъ былъ ждать у него въ приемной. Маркизъ спѣшилъ принять его, воображая, что онъ пришелъ съ порученіемъ отъ Герцога. Посему, когда *Роткирхъ* вошелъ, Маркизъ встрѣшилъ его вопросомъ: „что угодно его Свѣшлости?“

— Ничего! — отвѣчалъ молодой Рыцарь: я пришелъ къ вамъ съ порученіемъ отъ дамы вашего сердца.

„Отъ Графини *Матильды*?“ спросилъ Маркизъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ! — холодно отвѣчалъ *Георгъ*.

„Кого же называете вы дамою моего сердца, Пажъ?“ спросилъ *Гуасто* улыбаясь.

Вмѣсто отвѣта, *Роткирхъ* снялъ перчатку съ правой руки, и бросивъ ее къ ногамъ изумленного Маркиза, сказалъ твердымъ, порже-спивеннымъ голосомъ: Его Свѣшлость, мой

повелитель, Герцогъ *Фридландскій*, позволилъ мнѣ быть защитникомъ вашей дамы; слѣдственно вы, по старинному Рыцарскому обычаю, благоволите поднять мою перчатку. — —

Дель-Гуасто улыбнулся. — „Скажите, пожалуйста, Г. Пажъ, вскричалъ онъ насмѣшливо: „къ чему эша комедія? — Рыцарь какой-либо дамы носитъ ея только цвѣтъ. — Но вы — клянусь — одѣлись въ цвѣтъ Графини, и пришли ко мнѣ не въ придворной одеждѣ Герцогской!“

— Это значить, Маркизъ, ошвѣчалъ ему *Георгъ*, окинувъ его гордымъ взглядомъ: что перчатку бросаетъ вамъ не придворный Герцога *Фридландскаго*, а свободный Германецъ. Вы, Маркизъ Неапольскаго Королевства, — я дворянинъ Германскаго Императора. —

„Оканчивайте!“ сказалъ съ негодованіемъ *Гуасто*: „оканчивайте скорѣй свой фарсъ, молодой человекъ! Говорите скорѣе, за чѣмъ и отъ кого вы ко мнѣ присланы?“

— Онъ *Юанны*, дочери *Конрада-фонъ-Вангена*, Рейнскаго дворянина. —

Маркизъ смѣшался; но скоро оправился.

— Отецъ ея вручилъ мнѣ сей перстень, сии письма: или исполните вашъ обѣтъ, или поднимите перчатку — и мы будемъ драться.

Маркизъ гнѣвно посмотрѣлъ на *Роткирха*. Въ душѣ его происходила жестокая борьба страстей. Ему было ясно, что Герцогу все извѣстно. Сверхъ того, онъ давно уже замѣтилъ склонность *Матильды* къ Пажу; взгляды ея на мужественно-пригожаго молодого чело-

вѣка неоднократно воспламеняли ревность Италіянца ; онѣ ненавидѣлъ *Роткирха*. Все сіе побудило его принять вызовѣ. Онѣ поднялъ перчатку. — „Спранспивующему Рыцарю прерѣиной прелестницы я доставлю то, чего онѣ добивается. Я постараюсь забыть, что вы Придворный лакей, и переимѣняли бы у меня за столонѣ шарелки, еслибѣ я захотѣлъ.“

— Я? . . . У васѣ ? — вскричалѣ *Роткирхѣ* вѣ бѣшенствѣ : я служу одному Герцогу, такому Герцогу, такому знаменитому человекѣ, передѣ величїемѣ котораго вы пресмыкаетесь ниже, и сѣ большимѣ раболѣпствомѣ, нежели я ; я ближе кѣ нему, пошому что я ему вѣренѣ, сынѣ одного опечества и благородной крови ; ваши предки еще во времена Императора *Карла II-го* были вѣ Палермо погонщиками лошадокѣ. — —

„Г. Пажѣ !“ заревѣлъ Маркизѣ, вскочивѣ сѣ креселѣ : „не раздражайте меня.“

— И вы не раздражайте моего Германскаго сердца, прервалѣ его *Роткирхѣ* хладнокровно : наше дѣло само по себѣ очень важно ; на что перяшь слова понапрасну. Мимо церкви *Св. Антонїя*, пропинка ведетѣ вѣ рошу яворовѣ ; шуда черезѣ часѣ приходите сѣ секундашомѣ. Кромѣ одного друга, котораго будетѣ шуда сопровождать меня, никто ни слова не знаетѣ о нашемѣ дѣлѣ ; онѣ Германскїй дворянинѣ, человекѣ надежный и намѣ не измѣнитѣ. Слѣдственно, если Герцогѣ обѣ этомѣ прежде времени узнаетѣ, то узнаетѣ только отѣ васѣ.

„Не безпокойтесь !“ вскричалѣ *Гуасто*. „Я

приду проучить тебя, безбородый мальчишка! Не за твою прелестницу стану я драпаться; есть другой предметъ, за который мнѣ давно бы надлежало вызыватьъ тебя на поединокъ.“

— Я васъ понимаю Маркизъ! — быспро подхватилъ *Роткирхъ*, и въ сильномъ движеніи схватилъ его руку — я васъ понимаю — до свиданія! — Онъ поспѣшно удалился.

Въ кабинетъ Герцога вошелъ астрологъ *Сени*.

— Что прикажите, Ваша Свѣтлость? сказалъ онъ, низко поклонясь.

„Наблюдали ль вы звѣзды въ прошедшую ночь, какъ вчера я вамъ приказывалъ?“

— Наблюдалъ, Ваша Свѣтлость! —

„И что же онъ вѣщаетъ? — —

— Нынѣшній день,“ отвѣчалъ астрологъ: вамъ не должно ничего рѣшать опрометчиво. Онъ пропекаетъ, грозно надъ вами пягошбѣя — дайте ему пройти, не мѣшайте никакимъ предпріятіемъ возвращенію его гибельнаго колеса — и онъ безвредно промчится. По упру властвуетъ кровавый Марсъ; въ полдень будетъ владычествовать — свѣтлозарная Венера; — а съ восходомъ вечерней звѣзды снова воцарится Юпитеръ. —

Герцогъ стоялъ задумавшись. „Я сегодня ожидаю обратнаго *Сени*“, сказалъ онъ наконецъ, прервавъ долгое молчаніе.

— Сегодня? — спросилъ удивленный астрологъ, развѣ у него есть крылья! —

„*Арнимъ* вступилъ въ Богемію; развѣ вамъ еще что неизвѣстно?“

— Нѣтъ, Ваша Свѣтлость! Что произвело мановеніе, что поглотило другое; что пришло и прошло; то открыто всякому простолюдину, которъй полюбобышснвуешъ узнать о томъ. Одно только сокровенное, одно будущее предсказывающъ звѣзды; туда только устремлено мое внутреннее око. — —

„Что такое вносятъ въ вороша замка?“ вскричалъ внезапно Герцогъ, и подзвалъ Сени къ окну. — Въ вороша внесли на носилкахъ раненаго. *Валленштейнъ* позвонилъ. — „Бѣги!“ сказалъ онъ вошедшему Пажу: „спроси, кто раненъ, узнай, что случилось?“

— Это Маркизъ *дель-Гуасто*, сказалъ Сени, смотря на *Валленштейна* съ выраженіемъ сильнаго безпокойства.

„Маркизъ?“ вскричалъ сей: „я сегодня рано за нимъ посылалъ, но его ужъ не было дома.“

Въ это время растворилась дверь: вошелъ *Роткирхъ* въ бѣломъ колѣбѣ, почтительно преклонилъ передъ Герцогомъ колѣно, и печально опусти глаза въ землю, сказалъ:

— Ваша Свѣтлость! Вы позволили мнѣ быть защитникомъ дѣвицы *Вангенъ*; если, Милостивѣйшій Государь! я принялъ его въ слишкомъ обширномъ смыслѣ, то прошу простить меня. — Онъ поднялъ глаза и неподвижно вперя ихъ на Герцога, смиренно ожидалъ своего приговора.

„И въ этой одеждѣ смѣешь ты ко мнѣ явиться?“ вскричалъ Герцогъ съ гнѣвомъ, вскочилъ съ креселъ, и, не смотря на то,

что одержимъ былъ подагрою, опираясь на трость, поспѣшно подошелъ къ Пажу.

— На мнѣ военная перевязь Вашей Свѣтлости, смѣло отвѣщивовалъ молодой человекъ, — Рыцарь не можетъ иначе сражаться, какъ только въ одеждѣ цвѣта своей дамы. —

„Въ цвѣтѣ своей дамы!“ вскричалъ Герцогъ еще съ большимъ гнѣвомъ. — „Черный — праурный цвѣтъ твоей пришелицы; а это, бездѣльникъ, это цвѣтъ“ . . . Герцогъ остановился — *Роткирхъ* вспалъ; *Валленштейнъ* свирѣпо смотрѣлъ на Пажу, который вспрѣчалъ взоръ его съ гордымъ спокойствіемъ.

— Прошу увольненія отъ службы Вашей Свѣтлости! — сказалъ онъ. Герцогъ, пораженный такою неожиданною смѣлостью, долго смотрѣлъ на него, не находя, что отвѣчать. Астрологъ *Сени* съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту сцену.

— Прошу увольненія! — повторилъ *Роткирхъ* почти шепельнымъ, но твердымъ голосомъ.

„Ты?“ вскричалъ разгнѣванный Герцогъ — ты?“

— Герцогъ *Фридрихъ* не терпитъ бездѣльниковъ при своемъ Дворѣ; а *Георгъ Роткирхъ* не терпитъ оскорбленій. —

Герцогъ въ гнѣвѣ замахнулся на него тростью. *Георгъ* въ то же мгновеніе распахнулъ окно. — Лучше смерть, чѣмъ посрамленіе! вскричалъ онъ рѣшительно, и вскочилъ на окно.

— Ваша Свѣтлость, помните звѣзды! — шепнулъ *Сени* Герцогу на ухо. *Валленштейнъ* опустилъ трость видя, что при малѣйшемъ

движеніи, молодой человекъ кинулся бы изъ окна на каменный помостъ. Мужесшвенная рѣшимость его, лучше погибнуть, нежели быть обезчещену, пронула спараго Героя.

„*Георгъ!*“ сказалъ онъ ласково: „сойди съ окна, я тебя прощаю, я опять швой милосшвиный повелитель, швой впорой опецъ; подойди ко мнѣ.“

Юноша подошелъ къ Герцогу и поцѣловалъ у него руку.

„*Роткирхъ!*“ сказалъ сей послѣдній: „я оскорбилъ швое честолюбіе словомъ и почти дѣломъ; но ты лучше хотѣлъ разможжить себѣ голову объ мостовую, нежели выперѣшь ударъ палкой. Это славно, сынъ мой. Но еслибъ ты осмѣлился обнажить противъ меня шпагу — ты погибъ бы на мѣстѣ!“ вскричалъ онъ гнѣвнымъ голосомъ, грозно поднявъ правую руку. — „Теперь расскажи мнѣ все, что случилось.“

— Маркизъ *дель-Гуасто* раненъ мною на поединкѣ, и, кажется, шяжело; спокойно отвѣчалъ *Георгъ*.

„Понимаю,“ подхватилъ Герцогъ, безъ выраженія досады: „Поди, *Роткирхъ*, и позови ко мнѣ караульнаго Офицера моей Гвардіи.“

„Я долженъ наказать нарушителя общешвеннаго спокойшвія,“ сказалъ Герцогъ астрологу: „а вы подите къ арештаншу и увѣрьте его въ моей милосши. Арестъ его не будетъ продолжителенъ.“

Георгъ возвратился съ Офицеромъ.

„Пажъ *Роткирхъ* арештованъ; вы можете

опвести ему комнату, подлѣ комнаты Пфальцкаго Дворянина. — Довольно его честнаго слова.“

Роткирхъ ондалѣ Офицеру свою шпагу и пошелѣ за нимѣ.

Лишь только вступилѣ онѣ въ свое новое жилище, какѣ опворилась боковая дверь. Воспелѣ *Конрадъ-фонъ-Вангенъ*, и сѣ воспоргомѣ обнялѣ юношу. „Вы за меня опмстили, подлецу, молодой человекѣ!“ вскричалѣ онѣ: „какѣ я вамѣ благодаренѣ! Небо за одинѣ сей благородный поступокѣ да озаритѣ вашу жизненную спезю, да исполнишѣ ваши желанія! Вѣрно вамѣ же обязанѣ я пѣмѣ, что увижу дочь, что прижму ее кѣ моему сердцу.“

— Оспавыше это! сказалѣ *Георгъ*: садитесь со мною, Милостивый Государь! и будьте уверены, что скоро получите свободу, и позволеніе возвратиться сѣ вашей дочерью въ отечество. —

Старикѣ вздохнулѣ. Опсправляясь въ Прагу, я еще надѣялся, что вѣроломное сердце можетѣ обратиться кѣ моей *Юлианѣ*. Но вскорѣ узналѣ, что измѣнникѣ обрученѣ сѣ Графинею *Терцки*, что всѣ надежды исчезли. Тогда одни только моленія моей дочери удержали меня отѣ кровавой месши. Она желала еще разѣ его видѣть, желала увѣриться, совершенно ли она забыта вѣроломнымѣ, и попомѣ перифливо переноситѣ свою жестокою участь. Но когда явился я пѣвцемѣ при Дворѣ Герцогскомѣ,

мною овладѣла невыразимая ярость; я увѣренъ, что еслибъ меня не удержали, то я бы закололъ его подлѣ невѣсты. Благодарю Небо, спасшее меня отъ пресупленія. Если же грудная рана Маркиза не смертельна: то *Конрадъ-фонъ-Вангенъ* всступитъ въ ваши кровавые слѣды, законно опіемстивъ за посрамленіе дочери, или оставивъ ее сиротою.“

Шумъ въ боковой комнаѣ прервалъ жаркую рѣчь старика. То была дочь его *Іоанна*. Она бросилась опцу на шею; уста не могли выразить чувствъ ея распроганнаго сердца; безмолствуя, она долго покоилась на груди родителя, но вдругъ вырвалась изъ его объятій, и подошла къ *Роткирху*, который съ тихимъ умиленіемъ смотрѣлъ на сію прогашельную каршину. „Великодушный человекъ! сказала она: великодушный Рыцарь! ты безкорыстно вызвался на защиту безпомощной дѣвушки, я не умѣю благодарить тебя, не могу ничѣмъ вознаградить тебя; но при всемъ томъ“ — прибавила она послѣ короткаго размышленія — „прими сей перстень; чувствительная подруга мнѣ подарила его въ память своей искренней дружбы; прими его, и вмѣстѣ съ нимъ увѣреніе, что ты любимъ. Чего любящее сердце не смѣло сказать тебѣ: въ томъ открылось оно несчастному сердцу своей подруги, и открывая тебѣ сію тайну, я не употребляю во зло ея довѣренности. *Матильда* тебя любитъ, будь въ томъ увѣренъ!“

Какъ слѣдому, который началъ свое странствованіе среди ночнаго мрака, но внезапно

прозрѣлъ, Природа улыбается въ очаровательной красотѣ своей, шакъ и радостному взору *Роткирха*, какъ будто ударомъ волшебнаго жезла, при небесныхъ словахъ *Іоанны*, обновленная жизнь явилась въ лучезарномъ блескѣ. „Возможно ли?“ вскричалъ онъ, и уста его отъ избытка чувствъ не могли вымолвить ни слова. Онъ облобызалъ персяень, надѣлъ его на палець, радовался имъ какъ дитя; передъ нимъ открылась новая жизнь, новая вселенная.— „Вы Царски меня наградили!“ вскричалъ онъ, опомнившись.— „Вы опдали мнѣ. . .“

— То, что у меня судьба похишила — преврала его дѣвица унылымъ голосомъ: — надежда исчезла — мой цвѣтъ поблекъ; въ веснѣ жизни я чувствую, что жаръ моего сердца поухъ; зимняя буря обрываетъ мои листья — пролетѣла моя молодость! Но вамъ, которому все, что привязываетъ человека къ міру, является въ новомъ блескѣ, котораго воспрѣчаетъ надежда объ руку съ любовію: — вамъ говорю великое слово: „будьте вѣрны! вѣрны среди бурь судьбины, хотя бѣ и грозила она вамъ погибелью! хотя бѣ и вамъ надлежало сражаться съ желѣзнымъ, неумолимымъ рокомъ; будьте тверды, будьте вѣрны! Вѣрностію процѣшаетъ любовь, отъ невѣрности она увядаетъ. —

Роткирхъ безмолвно пожалъ ей руку.

— Я понимаю это пожатіе! вскричала она: вѣрность по смерть! Могу ли отъ вашего имени обѣщать это Графинѣ? —

„Можете! вскричалъ *Роткирхъ* съ жаромъ; скажите ей: — безмолвна, скромна любовь моя, но вѣчна!“

Наспала минуша разлуки; *Иоанна* должна была вырваться изъ объятій отца. Вспоминайте обо мнѣ съ любовію! вскричалъ ей въ слѣдъ *Георгъ*.

Начинало смеркаться; *Роткирхъ* сидѣлъ уединенно въ своей комнатѣ, и созидалъ блестящія, воздушныя замки. Вдругъ отворилась дверь, — и вошелъ аспрологъ *Сени*. Рачительно заперевъ за собою дверь, онъ повелъ Пажа къ самому дальнему окну, и тихо шепнулъ ему на ухо: „*Маркизь умеръ!*“ *Роткирхъ* содрогнулся при сей вѣсти. „Вы свободны, но должны еще въ нынѣшнюю же ночь опсюда удалиться.“

— Опсюда? — вскричалъ юноша.

„Точно такъ, мой юный другъ! Сегодня въ полночь приходите ко мнѣ: я сообщу вамъ дальнѣйшія приказанія Герцога; а попомъ скорѣе опсюда; безъ того онъ, прошивъ своего желанія, принужденъ будетъ предать васъ суду.“

— Мнѣ бѣжать, бѣжать опсюда, и сегодня же? — вскричалъ *Роткирхъ* въ опчаяніи.

„Не простившись съ нею, хотите вы сказать,“ прибавилъ *Сени* съ улыбкою: „въ одиннадцатъ часовъ будите въ Рыцарской залѣ.“ Онъ хотѣлъ идти.

— Господинъ *Сени!* сказалъ онъ уходящему — я далъ честное слово, не уходишь изъ-подъ ареста! —

„Герцогъ приказалъ вамъ сказать, что въ десять часовъ вы свободны. — Въ полночь увидимся; прощайте!“

Ахъ! для желанія время не имѣешь крыльевъ, оно плащится, какъ черепаха; быспрошечныя минуты, окриленные часы стоятъ неподвижно. И когда они пролепѣли, когда настаетъ счастливая минута; то какъ скоро, какъ невозвратно пролепшѣ она.

Наконецъ, ударилъ желанный часъ. Окушанный въ длинную епанчу, съ пошаченнымъ фонаремъ подъ полою, *Роткирхъ* пошелъ по длиннымъ переходамъ къ Рыцарской залѣ, украшенной поршретами *Валленштейновыхъ* предковъ.

Глухо отзывались шаги его въ высокихъ переходахъ; казалось, какъ будто все вымерло въ сей отдаленной части замка; не безъ содроганія *Георгъ* отворилъ высокія двери залы, и вступилъ въ общество древнихъ *Валленштейновъ*. Онъ вынулъ изъ подъ епанчи пошаченный фонарь, и посвѣшилъ вокругъ себя; — ни одно живое существо не встрѣчало его; все было пустынно и безмолвно. Только со стѣны залы вперилъ на него очи суровый Рыцарь и, казалось, спрашивалъ: „чего ты здѣсь ищешь, пришлецъ! Ему казалось, будто прародишельница знаменитой Герцогской фамиліи, махала ему рукою, грозно приказывая удалиться.

Тихо и благоговѣнно прошелъ онъ сквозь рядъ благородныхъ предковъ *Валленштейна*, какъ будто боясь потревожить покой сихъ храбрыхъ Рыцарей и благородныхъ дамъ; онъ оста-

новился у боковой двери, и начал вслушиваться . . . но все безмолствовало; часъ привидѣній еще не пробилъ ! Онъ закутался въ епанчу, спалъ у двери, и съ трепетнымъ сердцемъ ожидалъ прихода своей возлюбленной. *Сени* сказалъ ему, что онъ съ нею увидится, слѣдственно, кромѣ ее, никого не могъ онъ ожидать въ эту необыкновенную пору.

На дворцовой башнѣ пробило одиннадцать, и съ послѣднимъ звукомъ колокола послышались таги за противоположною дверью. Она отворилась, сердце его задрожало, и —

При свѣтѣ восковой свѣчи вошелъ въ залу — Герцогъ. Взглянувъ, и увидя предъ собою неподвижную фигуру въ длинномъ плащѣ, *Валленштейнъ*, какъ вкопанный, остановился у двери, устремилъ на *Роткирха* дикій взоръ, — судорожно протянулъ къ нему правую руку, а лѣвою крѣпко обхватилъ свѣчу. Такъ стоялъ онъ неподвижно, какъ будто въ смертномъ оцѣпенѣннн. Глаза его дико устремлены были на юношу, который, еслибъ послѣдовалъ влеченію сердца, бросился бы къ ногамъ Герцога; но страхъ его удерживалъ.

Валленштейнъ еще разъ посмотрѣлъ на него съ примѣяннымъ удивленіемъ, быспро обернулся, и медленно вышелъ изъ залы, заперъ за собою дверь.

Холодный потъ крупными каплями выступилъ на лицо молодого Пажы. — Слава Богу ! вскричалъ онъ : Герцогъ принялъ меня за привидѣніе. Слава Богу ! — Но что теперь дѣлать ? Въ залѣ ожидать *Матильды*, показалось

ему опаснымъ. Герцогъ легко могъ возвратиться въ сопровожденіи служителей. Онъ послѣдно вышелъ изъ залы, и началъ ходить взадъ и впередъ по длинному корридору, и —

Двѣ бѣлыя фигуры мелькнули въ глубинѣ перехода; онъ всматривается; онъ къ нему все ближе и ближе. Наконецъ подошли: — по была *Матильда*, рука въ руку съ *Иоанною*. Онъ бросился къ нимъ на встрѣчу. —

— Войдите сюда, Графиня! сказалъ онъ въ замѣшательствѣ, отворяя первую ему попавшую дверь, — въ залъ былъ Герцогъ! —

„Такъ возвратимся, *Иоанна*,“ сказала Графиня въ страхѣ. Но *Георгъ* просилъ шакъ убѣдительно. — Онъ согласился, и вошли въ одинъ изъ парадныхъ покоевъ, находившихся подлѣ залы.

„*Роткирхъ!*“ сказала *Матильда* распроганнымъ голосомъ; между тѣмъ, какъ *Иоанна* подошла къ боковой двери: „*Роткирхъ!* я желала васъ видѣть прежде, нежели насъ оставите. — Безмолвно, въ глубинѣ сердецъ нашихъ шла наша взаимная спрасть, пусть она и шеперь еще шамъ покоится до счастливейшаго времени. Примите этотъ шарфъ, синій съ бѣлымъ и съ золопомъ. Сіи цвѣтныя полосы означають вѣрность, непорочность и чистоту души; носите его, — помните меня и прощайте!“ Она пожала ему руку.

— И мнѣ удалисья? вскричалъ *Роткирхъ*: и унести съ собою шолько сіи короткія слова на шакую долгую разлуку? —

„Что дѣлать, милый другъ!—Вы должны!— Все, что вы могли ожидать отъ сей минушы, она вамъ доставила; ваше сердце должно быть эшимъ довольно.“—

—Повинуюсь! сказалъ *Роткирхъ*,—прощайте! Вашъ образъ, какъ Геній-хранишель, повсюду будетъ мнѣ сопутствовать. Прощайте.—Онъ съ горячностью прижалъ ея руку къ сердцу, спрочно посмотрѣвъ ей въ глаза, исполненные слезъ,—и *Матильда*, въ забвеніи себя, упала въ объятія молодого Пажы. — Чистѣйшее пламя любви сочешало ихъ уса; союзъ священный, вѣчный запечатлѣвъ первымъ поцѣлуемъ.

„Пресвятая Богородица!“ раздался голосъ. Любовники вскочили. Тусклый свѣтъ предсталъ имъ черезъ открытую дверь. Не думая о собственной опасности, они оба пуда бросились.

Въ срединѣ комнаты, слабо освѣщенной серебряною лампадою, стоялъ на черномъ капафалкѣ черный гробъ, — въ гробъ лежалъ Маркизь *дель-Гаццо*, а подлѣ него, безъ чувствъ, лежала *Юанна*.

„Боже милосердый!“ вскричала *Матильда*: „какое ужасное предвѣстіе намъ въ сей рѣшительный часъ. Не уже ли будущее для насъ разоблачается? нашъ союзъ запечатлѣтся кровью, какъ любовь сей спрадалцы?“—Тутъ медленно приподнялась *Юанна*, безмолвно посмотрѣла уснушему въ похушіе глаза, и въ то время когда *Роткирхъ*, блѣдный какъ смерть, схватилъ дрожащую руку *Матильды*,—несчастная наклонилась къ покойнику, и поцѣ-

ловала его въ холодныя, померзвѣлыя уста.—
 „Да просишь тебя Господь, какъ я тебя
 прощаю, несчастливцевъ!“ воскликнула она, и
 на глазахъ ея навернулись крупныя слезы: —
 „выдемъ изъ сей обители смерти!“ Она ста-
 ла между *Роткирхоль* и *Матильдою*, и схвативъ
 ихъ за руки, увлекла за собою. Когда пришли
 они къ мраморной лѣстницѣ, гдѣ любовники
 должны были разстаться, *Иоанна* тихо сказала
Роткирху: „вѣрность приносишь жизнь, невѣр-
 ность смерть!“

Прижимая къ уснамъ свой шарфъ, юноша
 стоялъ какъ вкопанный, и сморщивъ непод-
 подвижнымъ взоромъ на дверь, за кою онъ
 исчезли. Невыразимое блаженство, неописан-
 ная горестъ попеременно волновали его серд-
 це. Свиданіе и разлука шакъ быстро послѣдо-
 вали одна за другою; невѣдомая ему доселѣ но-
 вая жизнь, и первой поцѣлуй первой любви
 смѣшивались съ блѣдными чертами усопшаго,
 его рукою умерщвеннаго. Все, могущее пора-
 зить человека, взволновашъ его душу, распро-
 вожить сердце, слилось въ одно въ эту важ-
 ную минуту его жизни. Образы, милые и спраш-
 ные, роились вокругъ него игривою толпою,
 онъ не зналъ, на которомъ остановиться. —
 Тутъ на башнѣ пробило двѣнадцать часовъ,
 и онъ—съ драгоценнымъ подаркомъ *Матильды*
 и съ своими чувствами, горестными и сладо-
 стными, побрелъ задумчиво въ уединенную
 обитель астролога.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

УГЛЕЦКАЯ РОЩА (*).

О прелеснь прохлады,
 Пространство деревьевъ
 Зеленыхъ, высокихъ,
 Тѣмная роща!
 Во влагѣ прозрачной
 Спруиспой Сакмары (**)
 Игровой, шумящей,
 Бурливой, кипящей, —
 При солнышкѣ красномъ,
 При мѣсяцѣ блѣдномъ, —
 Ты смотришься шихо!
 Древь опраженье
 Волшебною кисью
 Во влагѣ прозрачной
 Рисуешь картину, —
 И вѣжвую душу
 И спрасное сердце
 Приводишь въ восторги!
 При шихомъ Зефирѣ —
 Ты шепчешь прелесно;
 При вѣтрѣ порывномъ —
 Шумишь и шрепещешь:

(*) Такъ называется обширная и прекрасная роща, которую очень часто посѣщаютъ Оренбургскіе жители.

(**) Гѣка, впадающая въ Уралъ, вершахъ въ 8-ми отъ города Оренбурга.

При солнечномъ зноѣ —
 Подъ шѣнь свою мавишь
 Младаго Позша
 И нѣжную дѣву,
 Подругъ украшенье,
 Друзей ушѣшенье,
 Людей восхищенье!
 Подъ шѣвню твоею,
 Кудрявая роца!
 Во время полудня
 И въ вечеръ прокладный,
 Я часно бываю;
 Подъ вешлой высокою
 Сижу и мечшаю
 О радости, счастья,
 О времени прошломъ,
 О дняхъ насшощихъ,
 О будущей жизни.
 Прелесшная дѣва,
 Услава Позша,
 Миѣ шепчешъ, краснѣясь:
 „Я пламенно, страшно
 Люблю, обожаю
 Тебя, другъ сердечный!“
 И, слушаю дѣву,
 Я вмигъ забываю
 Людскіе пороки:
 Коварную злобу,
 Безшщдвую глупосшь
 И гордосшь смѣшную! . .

П. Кудряшевъ.

Оренбургъ.

Д О Р О Г А.

По сѣвернымъ горамъ далекимъ
 Дорога грустная въ молчаніи бѣжитъ ;
 Вкругъ полно все уныніемъ глубокимъ ,
 Все языкомъ безмолвнымъ говоришь
 Тамъ разбѣжались по горизонту горы ;
 Съ нихъ озера зеркальныя слились ;
 Березникъ и шальникъ по скашамъ разбрелись
 И зеленью пишають свѣжей взоры. —
 Какъ грустная улыбка ихъ языкъ ;
 Какъ первозданная безлюдна ша природа ;
 Мрачна ея пусшывная свобода ;
 Какъ жизнь ошельника шощъ край и пущь и дикъ,
 Тамъ жизни цвѣтъ ошцвѣшшій уедаешъ ;
 Уныль и шихъ ея ошашокъ дней ;
 Лишь изрѣдка ихъ солнце услаждаешъ
 Улыбкою ужъ сшихнувшихъ лучей.
 И возмушишь шѣхъ дней спокойшвія не смѣюшь
 Тамъ люди ; имъ шамъ шѣсныи данъ приюшь ;
 Сельбами сирыми жилища ихъ черяѣюшь ,
 И, какъ въ чужбинѣ, дни въ пиши они ведушь.
 Когдажъ пущиныи жилецъ надъ вольною рѣкою,
 Широко разлишой въ пущынныхъ берегахъ ,
 Запянешъ шѣсню, чшобъ прогнашь печаль порою
 Звонка она, и грусть наводишь въ шѣхъ горахъ. —
 И въ думу погружень, по шой дорогѣ пушникъ ,
 Какъ въ области забывчиваго сна ;
 Не распаешся съ нимъ весь день въ пуши она,
 И по горамъ одна ему сопушникъ.
 Лишь изрѣдка къ деревнѣ бѣдной онъ

Свернувъ, на часъ какъ будно пробудился —
 Но въ полѣ вновь — и снова, будно въ сонѣ,
 Въ забвеніе и думы погрузишься. —
 На часъ, какъ къ берегу, приспавъ къ семьѣ людей,
 Онъ позавидуешь ихъ мирному покою,
 И далѣ все, влекомъ судьбой своей,
 Опляшь въ печальный пушь пущынною спезею,
 . . . . .
 . . . . .

Проходитъ день, и скучный сумракъ ночи
 Вновь пушника все въ полѣ заснаешь;
 Темнѣй, шемнѣй его все видяшь очи;
 Но пушь его въ ночи не уснаешь. —
 Вошь за лѣсомъ, освѣщена лувою,
 Тамъ спанція пущынная спомашъ;
 Уемплена глухой порой ночьюю
 Въ ней дружная вашага брашьевъ спмншь.
 Въ избѣ своей и новой и широкой
 Тѣ молодцы по лавкамъ полегли,
 И сладость грезъ, и сонъ на нихъ глубокой
 Лучи луны сквозь сшекла пролили;
 И ея шумъ вокругъ вездѣ унишенъ;
 Но чу! . . . сквозь сонъ имъ колокольчикъ слышенъ . . .
 Вшорые пѣшуки . . . ужъ за полночь . . . знашь, гонъ —
 И молодецъ удалый еспрепенулся;
 Вошь шройку дружную пошелъ гошовишь онъ,
 До ушра сонъ его въ ночи не пошянулся.
 И онъ дугу вешловую берешъ,
 И колокольчикомъ въ избѣ Валдайскимъ звяквуль;
 Онъ опъ корма коней друзей своихъ ведешъ, —
 И въ порошахъ запоръ дубовый бряквуль. —
 Какъ глухо въ полѣ! — лѣсъ гущой

Не шевелясь стоишь сребришь луной;
 Пустынной ночи сна ничто не прерываешь,
 Лишь въширокъ съ горъ дальнихъ повѣваешь. —
 И онъ, перекрестясь, сядишь въ пушь ночной;
 Лежишь неясный пушь; безмолвно мѣсяцъ свѣшишь;
 „Глуха пора; часы покою сладки эти;
 Какъ бышь; прощай, любезный сонъ пы мой!“ —
 И свиснулъ громко онъ; удаля помчала;
 Верста, и двѣ — но вошь одолѣваешь сонъ;
 И зашавнулъ по ночи громко онъ:
 Ахъ, не одна во полѣ пролежала. . .
 И пѣсня на сердце кручину навела,
 И молодецъ сердечный вспосковался;
 И смолкнулъ онъ. . . Вошь ночь почти прошла;
 Онъ на пролещь ее, и сонъ ужъ миновался. —
 Бѣлѣеть небо, и луна долой пошла;
 Вошь снова онъ, сбодръвши, встрепенулся:
 Понесся упреннѣй съ востока въширокъ,
 И имъ приласканный всдремнулъ къ зарѣ сѣдокъ,
 И съ бѣлымъ днемъ у станціи очнулся. —

Александръ Глѣбовъ.

С М Ъ С Ь.

Русская пословица: „Рыбакъ рыбака далеко
вѣ плесѣ видитъ.

Разговоръ второй Г. Грегга съ Г. Булгаринъмъ (1).

„Если Г. Булгарину не удастся зашмишь славу
всѣхъ Русскихъ Писателей бывшихъ и суще-
ствующихъ: по виновашъ не Г. Грегъ. По его
мнѣнью, Г. Булгаринъ приносишь честь не
шолько намъ, но могъ бы принести честь
Франціи и Германіи своими имперашурными
дарованіями. Хотя и почитаю себя хорошимъ
патріотомъ; но въ эшомъ случаѣ желалъ бы
счастія Франціи и Германіи.“

Моск. Телеграфъ 1825, Кн. 22, стр. 178.

Г. Булгаринъ. Вашъ Опытъ Исторіи Русской
Литературы, почтенный Николай Ивановичъ! бла-
гословляется всѣми Славянскими народами и
племенами. „Читателямъ моимъ извѣстно
(было) содержаніе сей книги изъ рецензіи по-
мѣщенной въ книжкѣ седьмой Сѣв. Архива на
1822-й годъ, гдѣ книга сія названа *хорошею и*
полезною — и мы охотно повпоряемъ мнѣніе
Рецензента. При появленіи въ свѣтъ сего со-
чиненія, множество Авторовъ вооружились
прошиву Издашеля онаго, и замешали васъ кри-
шиками, аншикришиками, вопросами и опвѣ-
шами. Различныя страсти и неодинаковый

(1) Всѣ тѣ мѣша, кои заключающа между знаками: „
выписаны нами изъ взаимныхъ Журналовъ сихъ Писа-
телей слово въ слово, съ дипломатическою вѣрностію
и точностію.

образъ мыслей произвели разнообразныя сужденія; острыя и шупыя стрѣлы оскорбленнаго самолюбія посыпались со всѣхъ сторонъ на сей первый опытъ, который однакожь мужественно выдержалъ жестокія нападенія своихъ противниковъ (2). — „Ваша книга славная, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ !

Г. Гресь. Да и ваши *Литературныя листки* не безславны, почтенный *Вадей Венедиктовичъ* ! — „Первая книжка ихъ на 1824-й годъ вышла 1-го Января“ — какъ теперь помню, въ самый новый годъ. — „Въ ней заключаются слѣдующія статьи: 1. *Новый годъ*, разговоръ двухъ пріятелей, о предметахъ извѣстныхъ и обыкновенныхъ, съ умомъ, знаніемъ и замысловатостію (3).“ — — Ваша славная статья, почтеннѣйшій *Вадей Венедиктовичъ* !

Г. Буларинъ. Опытъ *Исторіи Русской Литературы*, тѣмъ болѣе приносилъ вамъ чести, почтенный *Николай Ивановичъ*, что — „*Женеве* и *Сисмонди* имѣли богатые матеріалы, готовые сужденія и разборы въ сочиненіяхъ *Шлегеля*, *Бутервека*, *Эшенбурга* и современныхъ обзорнѣихъ *Словесности*, ежегодно помѣщаемыхъ въ *Иностранныхъ Журналахъ*, чего во все вамъ недоставало (4).“ — „Мы почищаемъ вашу книгу отличнѣмъ произведеніемъ и, не взирая на разные толки, нѣсколько пропущенныхъ именъ, не ослабляя достоинства оной (5);“ почтеннѣйшій *Николай Ивановичъ* !

(2) Сѣв. Архивъ 1823, Ч. V, стр. 381.

(3) С. О. 1824, Ч. I, стр. 36.

(4) Сѣв. Архивъ 1823, Ч. V, стр. 323. (5) Тамъ же, стр. 384.

Г. Гресь. Описанная вами въ той же первой книжкѣ *Лит. листковъ* ваша военная жизнь, весьма остроумна, почтенный *Фадей Венедиктовичъ*. Она въ видѣ — „Письма ко мнѣ, какъ къ Издашелоу С. О., и я охотно признаюсь, что мнѣ рѣдко въ жизни удавалось получать такія прекрасныя, умныя, любопытныя посланія. Вы, Г. Авторъ! представляете въ ономъ живую, разительную картину военной жизни, которая читателямъ военнымъ напоминаетъ время опаснейшей, славы и мгновенныхъ удовольствій, а насъ, миролюбивыхъ гражданъ, знакомитъ съ миромъ, совершенно для насъ чуждымъ (6).“ — Ваша славная спашья, почтеннѣйшій *Фадей Венедиктовичъ*!

Г. Булгаринъ. А чѣмъ хуже *Исторіи Русской Словесности*, ваша — „Учебная книга Россійской Словесности?“ — почтенный *Николай Ивановичъ*; Вы — „Издашель сей книги; извѣстны Публичкѣ отличнымъ своимъ вкусомъ и знаніемъ Русскаго языка, а пошому, выборъ вашъ и правила Словесности имѣютъ между собою согласіе, поставляющее книгу сію въ число первыхъ въ своемъ родѣ (7).“ —

— „Объ *Исторіи Россійской Словесности* мы сказали уже выше, и еще охотно повшоряемъ истину, что цѣлое сочиненіе заслуживаетъ особенное вниманіе всѣхъ любителей Словесности, а особливо опцевъ и наставниковъ (8).“ — Ваши обѣ книги, оба творенія славны, почтеннѣйшій *Николай Ивановичъ*!

(6) С. О. 1824, Ч. I, стр. 36.

(7) Сѣв. Архивъ 1823, Ч. V, стр. 399. (8) Тамъ же стр. 400.

Г. Грегъ. Помѣщенная вами въ той же первой книжкѣ *Литературныхъ листковъ* 1824 года, шапья, подѣ названіемъ *Нравственная Математика*, весьма занимательна, почтенный *Вадей Венедиктовичъ*! Признайшесь, что — „здесь взведено на добрыхъ сосѣдей нашихъ Китайцевъ такое обыкновеніе, которое изобрѣшено едва ли не въ Европѣ (9). — Хотя главное достоинство сей книжки, какъ мы уже выше замѣтили, состоитъ въ томъ, что она явилась въ свѣтъ въ самый день новаго года;“ — но не лзя не сознаться, что не худо сдѣлали вы, вписувъ въ оную — „Спихотвореніе *Романсъ Медоры*, изъ *Байрона*, переводъ *В. Олина*; а ваши *разныя извѣстія*: вошъ подлинно волшебный фонарь, изображенный и на оберткѣ сего Журнала: Некрологія, Литература (извѣстія о книгахъ вышедшихъ, или еще ожидаемыхъ), Театръ, моды Парижскія и Пешербургскія; новыя увеселенія столицы. Можно смѣло сказать, что *Л. л.* доставляли своимъ читателямъ обильную, вкусную и здоровую пищу. Сколько намъ кажется, никто изъ нынѣшнихъ Писателей не умѣлъ писать, такъ удачно въ родѣ *Журн.*, какъ вы, почтеннѣйшій *Вадей Венедиктовичъ* (10)!“ — —

Г. Буларинъ. Съ какимъ наслажденіемъ, съ какимъ пламеннымъ восторгомъ воспоминаю о прошедшихъ дняхъ поржества вашей славы, почтенный *Николай Ивановичъ*!

(8) Сынъ Ошечества 1824, Ч. I, стр. 36.

(10) Тамъ же и та же страница.

Никогда не забуду того праздника вашей славы, когда — „супруга знаменитого Россійскаго Поэта *Державина*, позволила Обществу Любителей Россійской Словесности, имѣвъ въ своемъ домѣ публичное чтеніе въ той самой залѣ, гдѣ происходили засѣданія Бесѣды Любителей Россійскаго Слова. Въ 7 часовъ по полудни, Члены Общества и болѣе 400 посѣщителей обоюга пола, собрались въ залу. По болѣзни Предсѣдателя Общества вы, *Николай Ивановичъ*, какъ помощникъ его, открыли засѣданіе крапкою рѣчью, въ которой изложили труды Общества отъ начала онаго. Рѣчь сію заключили вы изъявленіемъ благодарности Предсѣдателю Общества, уже въ шестой разъ сряду избранному единогласно въ сіе почтенное мѣсто. Члены Общества, соболѣзнуя объ отсутствіи почтеннаго своего Предсѣдателя, воспользовались симъ случаемъ, чтобы изъявить ему публично свои чувствованія, и поручили сію пріятную должность вамъ, почтеннѣйшій *Николай Ивановичъ*: вы оную прекрасно выполнили (11)!“ — —

Г. Грель. Поговоримъ лучше о томъ, что — „*Листки*, вами издаваемые, могутъ по справедливости почтеться у насъ въ Россіи лучшимъ Журналомъ въ области Словесности. Занимательныя, подлинныя спашьи, остроумныя и основательныя крипики, любопытныя извѣстія о новостяхъ Литературныхъ, о нашихъ

(11) Сѣв. Архивъ 1823, Ч. VI, стр. 373.

правахъ и обыкновеніяхъ, доставляющъ пріятное разнообразіе сему Журналу, который Публичка читаетъ съ удовольствіемъ и пользою, и всегда ожидаетъ съ нетерпѣніемъ. Должно опдаться справедливоспъ вамъ, *Г. Буларинъ*: имя ваше займетъ отличное мѣсто въ Исторіи Русской Словесности, какъ имя Литератора образованнаго, просвѣщеннаго, умнаго и съ отличнымъ успѣхомъ владѣющаго Русскимъ языкомъ, на которомъ вы пишете правильно, легко, свободно и пріятно. Пусть сравнятъ статьи о модахъ въ *Лит. листкахъ* и въ *Дамскомъ Журналь*; послѣднія рѣдко читаются подписчиками; первыя находятъ читателей не въ одномъ Женскомъ полѣ, и мужчины съ удовольствіемъ пробѣгаютъ сіи статьи. И въ *Лит. листкахъ* и въ *Отечественныхъ запискахъ* (12) помѣщаются статьи о нравахъ и увеселеніяхъ жителей Пешербурга; но какая разница въ слогѣ, въ выраженіяхъ, въ образѣ изложенія предметовъ. Осипроумный, вы *Г. Буларинъ*! рассказываете намъ о семъ кратко, пріятно и мило. Издатель *Отечественныхъ записокъ* (*П. П. Свиньинъ*) и его сотрудники, на цѣлыхъ страницахъ упоминаютъ наше вниманіе, описывая поимѣ же самый предметъ слогомъ неправильнымъ, и начиная свои статьи похвалами *Отечественнымъ*

---

(12) Изд. *П. П. Свиньинымъ*. А за чѣмъ же, *Ф. В.*, въ № 109-мъ Сѣв. Пчелы 1828 года, обращается къ доброму Павлу Петровицу и, ошъ имени любителей всего отечественнаго, проситъ его описать казенный Чугунный заводъ и увѣряетъ, что сосшавленное имъ *Описание С. Петербурга* нетерпѣливо ожидается въ Русскими и Иностранцами?

залискаль. Съ нѣкошораго времени прекратились въ Литѣ листкахъ основательныя крипическія замѣчанія на *Отвѣстивныя залиски*. Публика жалѣетъ о семъ, почтеннѣйшій *Вадей Венедиктовичъ* (13)!“ — —

Г. Булмаринъ. У меня есть въ запасѣ вамъ огромное, шоржественное, похвальное слово, почтенный *Николай Ивановичъ*; но боюсь хвалить. Я уже похвалилъ не въ попадѣ *Мнемоэнну*; а попомъ вынужденъ былъ признашья, что виновашъ и просишь у Публики, чтобы — „она приликала это нелицемѣрному желанію поддержать новорождающееся дитя (14).“ — Худыя времена, почтеннѣйшій *Николай Ивановичъ*!

Г. Грегъ. Ужъ эпошъ мнѣ *Полевой*! До всего ему дѣло, вездѣ выроешъ, допыпаеися до грѣховъ нашихъ. Знаете ли, что онъ напечаталъ о взаимныхъ похвалахъ нашихъ, почтенный *Вадей Венедиктовичъ*! Онъ обращается къ своимъ читашелямъ и говоритъ имъ: „вы подумаете, что похвалы, печатаемыя въ *Журналъ*, издаваемомъ *Г. Булмаринымъ*, означающся, по крайней мѣрѣ, курсивомъ, какъ вспавки неумѣстныя, какъ пріятельская шушка для смѣха приводимая, или что *Г. Булмаринъ* спавитъ опшоды опъ сихъ ударовъ, кадилъницы неоспорознаго дружества? Нѣшъ, онъ молча соглашется, et comme accoutumé à de pareils présens даже и не морщицца, хотя бы изъ благопристойности. Но за то, какъ убѣдительно на

(13) С. О. 1824, Кн. 38, стр. 210.

(14) М. Т. 1825, No 13.

дѣлѣ доказываетъ онъ, что *Г. Грегъ* худой зна-токъ въ Авторскихъ дарованіяхъ.“ — Вотъ что напечаталъ о васъ и обо мнѣ эшотъ *Г. Полевой* въ М. Т. 1825 года на стр. 178, почтеннѣйшій *Фадей Венедиктовичъ* !

Г. Буларинъ. Худыя времена ! даже у *П. П. Свиньина* отнимаютъ проспоръ. Бывало, онъ выстроитъ залу выше пирамиды Египетской, повѣситъ въ ней люстру, какой видомъ не ви-дано и слухомъ не слыхано — и никому до того дѣла нѣтъ, а теперь не дозволяютъ ему и пошлѣться. Что за бѣда, что *П. П. Свиньинъ* пробѣжалъ на пароходѣ впроее больше обыкновеннаго ? Нѣтъ, пребудутъ, чтобъ онъ ѣздилъ, какъ люди. Что за преступленіе, что сей живо-писецъ-путешественникъ распространилъ (15) корабль *Кцльмъ* немножко въ длину, немножко въ вышину и немножко въ ширину ? Еслибъ на-ши велемудрые криптики смогрѣли на побуж-деніе, которымъ *П. П. Свиньинъ* руководство-вался; то они увидѣли бы, что въ немъ дѣй-ствовалъ патріотизмъ, спросятъ ко всему отечественному.

Г. Грегъ. Конечно, надобно смогрѣшь на побудишельную причину.

Конецъ второму разговорѣ.

---

(15) Сѣв. Пчела 1828, No 104.

ПОПРАВКА.

Въ 45-й книжкѣ *Славянина* стр. 233, вмѣсто: изъ облаковъ. Надлежитъ читать: пріятныхъ сновъ. Стр. 205, вмѣсто: кошорые узнавали — кошорые узнавши и проч.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годъ.

Кампанія 1787 года.

Занятіе полуострова Крыма, необходимое для спокойствія южныхъ Россійскихъ областей, можно уже было почестъ предѣстникомъ близкаго разрыва между Петербургскимъ и Константинопольскимъ Дворами. Нѣкошорыя Державы не могли равнодушно взирать на быстрое усиленіе Государства, еще новаго по образованности, но уже первостепеннаго въ Европѣ, и употребили всѣ средства для вовлеченія его въ войну съ Турціею. — Въ самомъ дѣлѣ, сія послѣдняя не замедлила нарушить спокойствіе, коимъ Россія наслаждалась со времени Кайнарджскаго мира, испоргнушаго побѣдоноснымъ мечемъ *Румянцева*. Осенью 1787, открылись военныя дѣйствія, кои продолжались до 1791 и доставили новые лавры Россійскому оружію. Четырехъ-лѣтняя война сія

обильна многими блистательными побѣдами. Еще и теперь Русскіе воспоминаютъ съ гордостію о покореніи Очакова и взятіи Измаила; о пораженіи непріятелей за Кубанью, при Фокшанахъ и Рымникѣ; но сколь ни славны сіи подвиги, сколь ни знамениты имена *Потемкина, Суворова, Рѣллина* и другихъ Полководцевъ: долгъ справедливости пребудетъ припомнишь, что и флотъ нашъ, въ то же время, съ усѣхомъ поддерживалъ на Черномъ морѣ честь своего флага. Побѣды Принца *Нассау-Зигена, Ушикова* и *Рибаса*, навсегда останутся знаменитыми въ Исторіи Россійскаго флота.

Война началась въ Августѣ 1787 года. Въ семь мѣсяцъ Турецкій флотъ, стоявшій при Очаковѣ въ числѣ трехъ линейныхъ кораблей, одного фрегата, осьми шебекъ, пятнадцати галеръ и нѣсколькихъ мѣлкихъ судовъ, первый открылъ непріязненныя дѣйствія. Россійскій фрегатъ Скорый, подъ начальствомъ Капитанъ Лейтенанта *Обольянинова* и вооруженный бошъ Бишюгъ — штурмана *Кузнецова*, уже нѣсколько времени спояли близъ Кинбурнской Косы, ожидая прибытія изъ Херсона, вновь построенныхъ тамъ: корабля и Фрегата. Августа 19-го нѣсколько Турецкихъ судовъ, опдѣлившись отъ своего флота, перешли на западную сторону Очакова и расположились въ линію противъ Бишюга и Скорого. Суда сіи, предвидя нападеніе, стали на шпрингъ и приготовились къ оборонѣ. Сей день и слѣдующій за нимъ прошли въ совершенномъ бездѣйствіи,

но 21-го въ при часа по полудни, непріятельскія суда опкрыли по Русскимъ жестокою пальбу. Сіа послѣдніа опвѣчали шѣмъ же, и болѣ двухъ часовъ сряду съ обѣихъ споронъ продолжался безпрерывный огонь. Тогда фрегатъ Скорый, имѣя разбишую форстенгу и поврежденіе въ такелажъ, опрубилъ якори и вступилъ подъ паруса, желая, изъ шѣснаго пролива между Кинбурнской Косою и Очаковскимъ берегомъ, выдти въ Днѣпровскій Лиманъ. Ему послѣдовалъ ботъ Бишюгъ — и оба были преслѣдованы на семъ пути легкими непріятельскими судами. Минуя Очаковъ, они подверглись сильному дѣйствію крѣпостныхъ батарей, но успѣли достигнуть Лимана съ весьма малою потерею въ людяхъ.

Послѣ сего происшествія, не лзя уже было сомнѣваться въ непріязненномъ расположеніи Порты. Офіціальное извѣстіе о семъ отъ Князя *Потемкина* пришло въ Пешербургъ 30-го Августа, а 9-го слѣдующаго мѣсяца былъ обнародованъ Высочайшій Манифестъ о войнѣ съ Турціею.

Когда извѣстіе о происшествіи при Кинбурнской Косѣ, было получено Княземъ *Потемкинымъ*, то Фельдмаршалъ сей, бывшій въ то же время и Главнокомандующимъ Черноморскаго флота, опправилъ изъ Севастополя въ море для крейсертва двѣ эскадры, подъ начальствомъ Конпръ-Адмирала Графа *Вонновга* и Капитана Бригадирскаго ранга *Ушакова*. Флотъ сей оставилъ Севастополь 31-го Августа и, не встрѣчая непріятели, совершалъ свое

плаваніе благополучно до 8-го Сентября. Сего же числа, крѣпкій вѣтрѣ разсѣялъ оба его отдѣленія, а 9-го сильный штормѣ, сокрушилъ на линейномѣ кораблѣ Маріи Магдалинѣ всѣ мачты и бугшпритѣ. Получивѣ сверхъ сего множество иныхъ поврежденій, корабль сей былъ прибитѣ къ самому Константинопольскому проливу. Не видя никакого спасенія и опасаясь корабль свой отдать во власть непріятелей, Командирѣ онаго Капитанѣ 1-го ранга Тиздель, рѣшился попопить его вмѣстѣ съ собою и со всѣмѣ экипажемѣ. Подчиненные ему Офицеры и прочіе Чиновники, узнавѣ на собранномѣ имѣ совѣтѣ о семѣ геройскомѣ намѣреніи, не согласились на оное; команда прислала къ сему же мнѣнію и, опважный Тиздель покрясь необходимости, принужденѣ былъ отдать Туркамѣ корабль свой, побѣжденный не непріятелемѣ, но бурною стихіею.

Между тѣмѣ, дѣла подѣ Очаковымѣ спановились важнѣе. Октября 13-го Турки сдѣлали покушеніе на Кинбурнѣ, гдѣ находился знаменитый *Суворовъ* съ опрядомѣ, состоявшимѣ изъ чешырехъ полковъ пѣхоты, трехъ козачьихъ и пяти эскадроновъ регулярной конницы. Въ семѣ намѣреніи, непріятельскія лодки и бомбардирскія суда, отдѣляясь опѣ своего флота, придвинулись къ Кинбурнской Косѣ и открыли по оной жестокій огонь, коимѣ повредили нѣкоторыя строенія и убили нѣсколько человекѣ. Россійскія батареи скоро принудили умолкнуть непріятельскія суда, но 14-го Турки возобновили свои дѣйствія. Они даже по-

кушались сдѣлать высадку у Кинбурга, но были отражены козаками и Генераль - Маіоромъ *Рекомъ*. Во время сихъ происшествій отправлены были къ Кинбурну изъ Севастополя два Россійскіе фрегата и четыре галеры. Изъ сихъ послѣднихъ галера Десна, вооруженная семнадцатью пушками и фалконешами, опередивъ прочія суда, прибыла 15-го Сентября на Очаковскій фарватеръ. Приближаясь къ Кинбурнской Косѣ, командиръ сей галеры, Мичманъ *Ломбаръ* замѣшилъ, что разстояніе на какомъ стрѣлявшія непріятельскія суда находились отъ главныхъ силъ своего флота, дозволяло ему съ успѣхомъ атаковать ихъ; при помощи теченія пустился на нихъ немедленно. Турецкая флотилія замѣшивъ сіе движеніе, спѣшила ретироваться къ главному флоту, а храбрый Мичманъ *Ломбаръ*, преслѣдуя ее болѣе двухъ часовъ своею галерою, пришелъ подъ Кинбурнъ при громкихъ восклицаніяхъ войска, бывшаго свидѣтелемъ сего отважнаго подвига.

Двѣ недѣли послѣ того прошли совершенно спокойно и Русскіе полагали что отраженіе, сдѣланное ими непріятелю, заставитъ его отказаться отъ новаго покушенія на Кинбурнъ; но бездѣйствіе Турокъ было ничто иное, какъ приготовленіе къ новому нападенію. Октября 1-го они повторили оное и, вышедъ на Кинбурнскій берегъ въ числѣ пяти тысячъ человекъ, стали на ономъ твердою ногою. Неустрашимый *Суворовъ* быстро атаковалъ ихъ въ успроенныхъ ими линіяхъ и, не взирая на самое ошчаянное ихъ сопротивленіе, одержалъ

блистательную побѣду. Два раза Русскіе превосходными силами были принуждаемы къ отступленію, но въ претій, бывъ подкрѣплены резервомъ, выбили непріятелей изъ укрѣпленной ихъ позиціи. Большая часть Турокъ легла на мѣстѣ, остальные сброшены въ море, и едва ли 500 человекъ успѣли вплавъ достигнуть своихъ судовъ.

Во время сего кровопролитнаго боя, галера Десна содѣйствовала весьма сильно пораженію непріятеля. Завязавъ дѣло съ лѣвымъ крыломъ Турецкаго флота, Мичманъ *Ломбаръ* навлекъ часть онаго на себя и шѣмъ ослабилъ пальбу его по Кибурну. При семъ случаѣ береговыя Россійскія башареи пустили на дно двѣ непріятельскія канонирскія лодки и шебеку, и одну шебеку взорвали на воздухъ.

Симъ заключаются военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ въ кампанію 1787 года. Въ слѣдующемъ году, мы увидимъ блистательные подвиги Принца *Нассау-Зигена* и вмѣстѣ новое доказательство той несомнѣнной истинны, что не въ превосходствѣ силъ, но въ искусствѣ, сопряженномъ съ неустранимостью и благоразумнымъ мужествомъ, должно искать пути къ вѣрнымъ побѣдамъ.

Кампанія 1788 года.

Почти вся первая половина 1788 года проведена въ однихъ приготовленіяхъ къ военнымъ дѣйствіямъ; наконецъ, оныя открылись въ Юнію и начало ихъ было ознаменовано подвигами

Россійскаго флота. Еще въ Маѣ ' сего года, Фельдмаршалъ Князь *Потемкинъ* выступилъ съ Екатеринославскою арміею изъ Ольвiополя для обложенія Очакова, гдѣ тогда находились главныя Турецкія силы. Опасаясь, чибобы крѣпость сія не получила моремъ значительнаго подвоза сѣбспныхъ и военныхъ припасовъ, и тѣмъ не затруднилась бы ея осада, сей Полководецъ далъ повелѣніе Черноморскому флоту: подойти къ Очакову и воспрепятствовать непріятелю, если бы онъ покусился привести въ дѣйствіе подобное намѣреніе. Къ несчастію, сильная буря застигла назначенную для сего эскадру. Начальствовавшій Турецкими морскими силами Капитанъ - Паша *Гассанъ*, флотоводецъ опытный, прославившій свое имя рѣдкимъ мужествомъ, оказаннымъ во время Архипелажской кампаніи, особенно въ Чесменскомъ сраженіи, — умѣлъ воспользоваться несчастнымъ обстоятельствомъ, постигшимъ Россійскій флотъ и явился подъ Очаковъ съ пятнадцатью линейными кораблями и фрегатами и множествомъ мѣлкихъ судовъ. Этогъ случай сильно огорчилъ Князя *Потемкина*: ибо могъ имѣть пагубныя слѣдствія на всю кампанію, но изобрѣтательный умъ Принца *Нассау-Зигена*, не задолго до начала сей войны принятаго въ Россійскую службу съ чиномъ Вице-Адмирала, скоро нашелъ средство пособить сему обстоятельству. Сей человекъ, извѣстный своими приключеніями и дѣятельнымъ участіемъ въ нападеніи на Гибралтаръ, обладалъ въ высочайшемъ степеніи духомъ опваж-

ности и предприимчивости. Онъ подалъ Князю *Потемкину* совѣтъ: за недостаткомъ большаго флота, исправлявшаго въ Севастополѣ свои поврежденія, употребить находившійся въ Днѣпровскомъ Лиманѣ и Херсонѣ. Надобно знать напередъ, что флотъ сей состоялъ изъ кораблей и судовъ, большею частію, почти негодныхъ, такъ что они едва могли противостоять бурной стихіи, не только чтобы участвовать въ сраженіяхъ. Однако же счастливыя послѣдствія оправдали во всей силѣ смѣлую рѣшимость Принца *Нассау-Зигена*.

Юня 6-го флотъ Капитанъ-Паши находился въ Лиманѣ, на пушечный выстрѣлъ отъ Очакова. Желая принудить его къ сраженію, Россійскія эскадры: гребная и парусная подошли къ нему на разстояніе пяти*верствъ, расположась въ линію NO и ZW. Правое ихъ крыло примыкало къ Турецкому берегу. Первою изъ сихъ эскадръ начальствовалъ Принцъ *Нассау-Зигенъ*, а второю Консръ - Адмиралъ *Поль-Жонсъ*, Американскій Корсёръ, отличившійся во время войны за независимость нынѣшнихъ Соединенныхъ Американскихъ областей. Передъ началомъ Турецкой кампаніи, онъ былъ рекомендованъ Французскимъ Правительствомъ Императрицѣ *ЕКАТЕРИНѢ II-й*; когда же открылась война, то Князь *Потемкинъ* поручилъ ему начальство надъ небольшою эскадрою. *Жонсъ* былъ одаренъ всѣми качествами хорошаго крейсера, но не предводителя флота, и потому поприще его въ Россійской службѣ было непродолжительно и неблестательно.

Выше было сказано о сближеніи обоихъ флотовъ 6-го Іюня. 7-го подулъ сѣверозападный вѣтеръ и Турецкій флотъ, наполнивъ паруса, пошелъ, какъ казалось, атаковать Россійскія эскадры. Сіе движеніе началось въ четыре часа утра. Не задолго предъ тѣмъ, Русскіе Адмиралы принуждены были сдѣлать перемѣну въ своей позиціи, именно: Принцъ *Нассау-Зигенъ* оставя на правомъ флангѣ два резерва, состоявшіе: одинъ изъ четырехъ дуббельшлюбокъ, двухъ галеръ и пяти барказовъ, подъ командою Капитана 2-го ранга *Винтера*, а другой изъ четырехъ пловучихъ батарей и двухъ галеръ, подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта *Ахматова*, съ остальною частію своей гребной флотиліи расположился въ линію передъ эскадрою Консрѣ-Адмирала *Жонеса*, которую составляли нѣсколько линейныхъ кораблей, фрегатовъ и разной величины двумачтовые вооруженныя суда.

Едва примѣчено было движеніе Турецкаго флота, какъ на Россійскомъ данъ сигналъ изготовиться къ бою. Открылось однако же, что намѣреніе непріятели состояло только въ томъ, чтобы придвинуться ближе къ Очакову. Желая отрѣзать флотъ Капитанъ-Паши отъ крѣпости, угрожаемой близкою осадой, Принцъ *Нассау-Зигенъ* и *Жонсъ* оправились на лодкѣ, въ сопровожденіи меньшаго отряда мѣлкихъ гребныхъ судовъ, высмотрѣть положеніе Турецкаго флота. Едва успѣли они подойти къ нему на разстояніе двухъ пусечныхъ выстрѣловъ, какъ *Гассанъ-Паша* отрядилъ про-

шивъ нихъ до тридцати разныхъ судовъ. Принцъ *Нассау* не захотѣлъ избѣгать битвы, но какъ силы обѣихъ сторонъ были слишкомъ неравны, то онъ поручилъ Конпрѣ-Адмиралу *Жонесу*, отдать нужныя приказанія парусной эскадрѣ, и прислать къ нему на подкрѣпленіе остальную часть гребной, кромѣ резервоѣв.

Турки повели атаку въ большомъ порядкѣ на правый флангъ Россійской флошиліи. Принцъ *Нассау-Зигенъ* замѣшивъ сіе, подвинулъ впередъ лѣвый и далъ сигналъ атаковать непріятели. Излишняя поспѣшность чепырехъ изъ его галеръ, кои не дожидаясь прочихъ судовъ своей эскадры, двинулись впередъ, произвела сначала нѣкоторую разспройку въ Россійской флошиліи, и остановила огонь двухъ пловучихъ батарей, дѣйствовавшихъ по приближавшемуся непріятелю. Распоряженія *Нассау - Зигена* скоро привели все въ порядокъ. Вышедшія изъ линіи галеры получили приказаніе обождать прочихъ судовъ. Выстрѣлы съ Россійской эскадры принудили было Турецкія суда уменьшить свой огонь, но прибытіе Капшанъ-Паши съ значительнымъ подкрѣпленіемъ еще болѣе усилило оный. Опважный *Гассанъ* развѣзжалъ на кирлангичъ, презирая всѣ опасности, и съ примѣрнымъ хладнокровіемъ ободрялъ своихъ подчиненныхъ. Положеніе Принца *Нассау - Зигена* сдѣлалось весьма сомнительнымъ. Къ счастью для него, остальная часть гребной флошиліи, за которою отправился Конпрѣ-Адмиралъ *Жонесъ*, успѣла прибыть въ пору и доставила ему возможность дать оппоръ слишкомъ япти-

десяти непріятельскимъ судамъ. Первымъ распоряженіемъ его, по прибытіи сего подкрѣпленія, было послать для разорванія Турецкой линіи три дуббель-шлюпки, два бомбардирскія судна, одну галеру и пловучую башарю. Въ самое сіе время, прибылъ къ нему Консръ-Адмиралъ *Жонсъ* и оспался при немъ, а надъ правымъ крыломъ принялъ начальство Капитанъ Бригадирскаго ранга *Алексіано*.

Искусное дѣйствіе Россійской артиллеріи скоро рѣшило дѣло. Взорваніе двухъ судовъ и пожаръ, произведенный на прешьемъ въ непріятельскомъ флотѣ, привели его въ такое замѣшательство, что неопытные, устрашенные Турецкіе экипажи, не взирая на угрозы *Гассанъ - Паши*, открывшаго даже огонь по нѣкоторымъ изъ собственныхъ своихъ судовъ, думали только о своемъ спасеніи и искали онаго въ бѣгствѣ. Разстройство, произведенное симъ въ Турецкомъ флотѣ, было совершенное; прошивной вѣтръ для Россійской эскадры не дозволилъ ей пресѣчь ему опшупленія; но онъ былъ провожаемъ ею почти на выстрѣлъ отъ главныхъ его силъ, стоявшихъ передъ Очаковымъ. Здѣсь бѣгущія суда остановились, а флотилія Принца *Нассау-Зигена* возвращаясь назадъ, заняла прежнее свое положеніе. Жестокое сраженіе сіе продолжалось чешыре часа: съ 7-го почти до 11-го. Потеря побѣдителей въ людяхъ была незначительна, по той причинѣ что непріятельскія орудія дѣйствовали съ бѣльшей высоты, нежели Россійскія. Во время дѣла большая часть Русскихъ

судовъ за противнымъ въпромъ, были буксированы лодками Черноморскихъ козаковъ.

Капитанъ-Паша не могъ быть равнодушнъ къ побѣдѣ, одержанной надъ ввѣреннымъ ему флотомъ, и помышлялъ объ опмщеніи. Еще новое рѣшишельное сраженіе сдѣлалось необходимо для Русскаго флота. Пребываніе Турецкихъ кораблей предъ Очаковымъ и, слѣдственно, возможность снабжать его гарнизоиъ сѣбствными и военными припасами, могли вредить дальнѣйшимъ дѣйствіямъ сухопутной арміи, гоповившейся осаждать сію крѣпость, подъ предводительствомъ самаго Князя *Потемкина*. Около полугода драгоцѣннаго времени прошло безъ всякой важной пользы для Русскихъ; надлежало думать о вознагражденіи сей потери и не медлить. Съ успѣхами флота были сопряжены успѣхи арміи, а слѣдовательно и польза цѣлой кампаніи.

Къ удовольствію Русскихъ, самъ Капитанъ-Паша предупредилъ ихъ желаніе, и доставилъ ихъ флоту новый случай опмчиться на столь знакомомъ ему поприщѣ побѣдъ и чести.

Россійскія эскадры стояли по прежнему въ Днѣпровскомъ Лиманѣ. Нѣсколько дней со стороны Турокъ не было замѣтно никакихъ непріязненныхъ движеній, наконецъ 16-го Іюня *Гассанъ-Паша* рѣшился на новое нападеніе. Сего числа, въ часъ пополудни, корабли и суда его начали сниматься съ якоря и вступать подъ паруса. Это движеніе заставило Русскихъ изготопиться къ бою. Тогда же на корабль *Владимиръ* былъ собранъ совѣтъ изъ флагмановъ

и командующихъ Капитановъ. На совѣщѣ семъ положено было при наступленіи ночи атаковать непріяеля, чему особенно благопріятствовалъ безпорядокъ, сдѣлавшійся въ Турецкомъ флотѣ отъ того, что корабль Капитанъ-Паши на пуши своемъ напкнулся на мѣль и остановился на оной. Суевѣріе Мусульманъ, принявшихъ сей непріятный случай вѣрнымъ предвѣстникомъ неудачи, способствовало много къ усугубленію въ нихъ того страха, который наводилъ на нихъ Русскій флотъ, и который былъ имъ внушенъ первоначально побѣдами Адмирала *Бридалля*, а въ послѣдствіи истребленіемъ ихъ флота при Чесмѣ, завоеваніями въ Архипелагѣ и Моревѣ и высадками въ Египетъ и Сирію. Между тѣмъ, вѣтръ и безъ того проотивный для Русскаго флота, усилился и поднялъ на воду Капитанъ-Пашинскій корабль. Сей неблагопріятный для насъ случай заставилъ Принца *Нассау-Зигена*, отложить нападеніе до удобнѣйшаго времени. Оно представилось, на другой день, 17-го Іюня. Въ ночь на сіе число, вѣтръ совершенно переѣнился и, къ большему счастью для Россійскаго флота, оный былъ усиленъ двадцатью двумя вооруженными канонерскими лодками, прибывшими изъ Кременчуга.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Пажъ Герцога Фридландскаго.

Историческая повѣсть; соч. Тромлица.

(Продолженіе).

Сени встрѣшилъ Пажу въ дверяхъ своей комнаты, и схвативъ его за руку, сказалъ съ улыбкою: опомнишься, другъ мой! сядьте въ эти магическія креслы, сомкните глаза, и насладишься еще разъ сладостными сновидѣніями: когда проснешься, тогда поговоришь съ вами аспрологъ Сени.

Роткирхъ сѣлъ и подалъ аспрологу руку.— „Благодарю васъ!“ сказалъ онъ прогательнымъ голосомъ: „благодарю васъ за все добро, мнѣ оказанное.“

— Только не преждевременно, сынъ мой!— опѣвшиспивовалъ спарикъ: покаръ, который я вамъ подносилъ, и изъ коего вы вѣроятно прихлебывали, содержалъ въ себѣ золотую пинк-

пуру жизни, смѣшанную съ ядомъ. Какъ на-
горный источникъ въ одно и то же время мо-
жетъ подать жаждущему и подкрѣпленіе и
смерть, такъ и любовь есть источникъ слезъ
и радостей. Черпай осторожно и благоразум-
но, и не приглашывай вдругъ того, что раз-
судокъ подаетъ тебѣ по каплѣ. Выслушай,
юноша, мое отеческое наставленіе: я стану
говорить тебѣ сперва, какъ другъ, а потомъ,
какъ человѣкъ, всемъ сердцемъ приверженный
къ Герцогу.

— Ты любишь племянницу Герцога *Фрид-
ландскую*, она любитъ тебя взаимно. Въ швоей
Констеллаціи весело улыбается тебѣ Венера,
она, кажется тебѣ доброжелательствуетъ,
и потому я способствовалъ швоей любви,
сколько было въ моихъ силахъ. Одно мое сло-
во Герцогу, и ты погибъ. Но хопя тамъ на
небѣ весело и ярко свѣшилъ тебѣ швоя боги-
ня, но здѣсь долу она одѣна густымъ мракомъ.
Грозная Сила сполнилъ на стражѣ между по-
бою и племянницею Герцога; бездна, при
каждомъ исполинскомъ шагѣ впередъ сего
отважнаго смершнаго, болѣе и болѣе предъ
побойоу разверзается. — За его полетомъ ты
не можешь слѣдовать; съ восходомъ его
звѣзды—швоя закашится. Подумай объ этомъ
хорошенько. При такихъ обстоятельствахъ
счастіе въ любви тебѣ не можетъ улыбаться.“

Роткирхъ съ поникшею головою, задумчиво
внималъ сію ужасную истину.

—Только тогда, продолжалъ *Сени*, и яспре-
бинные глаза его приспально уставились на

юношу: — когда бы . . . но кто эшаго желать можетъ? . . . Когда бы закапилась звѣзда *Валленштейна*, когда бы онъ, низверженный съ высоты величія, стоялъ къ тебѣ ближе, когда не Короли просили бы руки его дочери, не Князья домогались руки его племянницы: только тогда проспой Силезскій дворянинъ могъ бы придти и смѣло свататься за Графиню *Герцки*. — —

Онъ умолкъ; *Роткирхъ* вперилъ на него неподвижный взоръ.

Доколѣ счастье сопутствуетъ Герцогу *Фридрихскому*, — и да сопутствуетъ оно ему еще долго, — нѣтъ счастья для тебѣ, бѣдный молодой человекъ! — Ты чудною цѣпью прикованъ къ судьбамъ сего мужа. Любимецъ Герцога и его вѣрнѣйшій служитель я долженъ отказаться отъ счастья любви. Моя звѣзда должна померкнуть, какъ скоро звѣзда Герцога взойдетъ и заблещетъ. Эшаго мало: тебѣ обречено упасть вмѣстѣ съ нимъ, какъ скоро онъ съ высоты своей обрушится.

„Но къ чему сія таинственная двусмысленная слова? Я не разумѣю ихъ скрышнаго смысла? сказалъ *Роткирхъ*: развѣ мнѣ предаться опчаянію? Развѣ отказаться отъ счастья, мнѣ благопріятствующаго, потому единственно, что не знаю еще той сокровенной спези, по которой оно мнѣ доступно. — Нѣтъ, *Сени!* вскричалъ онъ, сердце мое говоритъ мнѣ: для меня сія жизнь безъ нее послыла; для соединенія съ нею, не побоюсь никакой опасности.“

— Великодушный юноша! сказалъ аспрологъ, и схватилъ его за руку: потому-то именно, что я ожидалъ отъ тебя эшаго, что знаю твою отважность, твою вѣрность, я хотѣлъ тебѣ, смѣлый плаватель, показать тѣ скалы, о кои твоей челнокъ долженъ разбиться, если ты не будешь искусно имъ править. Прекрасный случай тебѣ представляется, случай, который, какъ цѣлебный елей теперь покажется тебѣ горекъ, за то послѣ будетъ спасителемъ. Слушай, Герцогъ приказалъ вручить тебѣ сіи пятьдесятъ золотыхъ гульденовъ, и велѣтъ ѣхать къ *Арниму*, извѣстному тебѣ по прежнимъ сношеніямъ; онъ приказалъ сказать тебѣ, чтобы ты у него остался, извѣщалъ бы Герцога обо всемъ, что происходитъ въ Саксонской арміи, и возвратился бы къ нему, какъ скоро *Арнимъ* вступитъ въ Прагу. Тогда убійство *дэль-Гуаста* будетъ забыто, и все пойдешь опять на прежній ладъ. —

— „Что же мнѣ дѣлать у Саксонскаго Фельдмаршала?“ Спросилъ изумленный *Роткирхъ*. — Не уже ли быть Герцогскимъ шпиономъ въ неприятельскомъ лагерѣ? —

— Тебѣ не нравится сіе порученіе? спросилъ небрежно *Сени*.

„Нѣтъ!“ сухо отвѣчалъ *Роткирхъ*.

— Я зналъ это напередъ. — Но тебя — не лазутчикомъ посылающъ къ *Арниму*, а для переговоровъ, — попомъ. —

„Что же попомъ?“ вскричалъ пажъ.

— Нашъ повелитель, — да и не мудроно, съ нимъ жестоко поступили на Сеймѣ Регенс-

бургскомъ, — опведя съ шайнственнымъ видомъ молодаго человекѣ въ уголъ, шепнулъ ему на ухо *Сени*: — „нашъ Повелитель намъренъ опложипься опъ Имперашора, и перейти къ Королю Шведскому. —

„Какъ?“ Вскричалъ *Роткирхъ*.

— Точно такъ, мой сынъ! подхвапилъ аспрологъ, и продолжалъ шопомъ: „шочно такъ! Герцогъ имъенъ великіе замыслы; онъ стремится все выше и выше. Онъ сполько опваженъ, что гоповъ домогапья прона, а попомъ. . . .

„Господинъ аспрологъ!“ сказалъ юноша важнымъ голосомъ: „если вы говорите правду, то я долженъ вамъ сказать опкровенно, что сей оборотъ нашихъ дѣлъ мнѣ не нравится.“ —

— Вамъ? Разумѣется — продолжалъ *Сени*: — вы сполько можете потеряпья при этомъ дѣлѣ: вы роете своей любви могилу и, въ добавокъ, подвергаете опасности и честь и жизнь. Онъ умолкъ.

„Спранно!“ сказалъ *Роткирхъ*: „очень спранно! вы меня вводите въ лабиринтъ.“ —

— Гдѣ легко могу подать тебѣ нить, посредствомъ коей найдешь выходъ. — Онъ приспально посмошрѣлъ въ лице пажу, который все еще сидѣлъ въ глубокой думѣ. Останья вѣрнымъ швоему Имперашору, увѣдомъ Кардинала Дидрихштейна обо всемъ, что узнаешь опъ *Арилла*, и *Матильда Терчки* — швоя награда! —

Тутъ *Роткирхъ* поднялъ глаза. „*Матильда Терчки* — моя награда!“ Воскликнулъ онъ съ

жаромъ, и лице его озарилось пламеннымъ восшоргомъ: „*Матильда!* о, господинъ *Сени*, такой награды не ищущъ низкими пущами! Мнѣ сиротѣ, Герцогу былъ вшорымъ опцемъ; Герцогу я обязанъ моимъ воспитаніемъ, ему я всемъ обязанъ, а неблагодарность, господинъ *Сени*, есть самый гнусный порокъ; слышите ли вы, астрологъ Герцога!“ вскричалъ онъ громовымъ голосомъ; — „измѣна и неблагодарность черныя, неизгладимыя пятна въ нашей жизни!“ —

— Благородный человекъ! вскричалъ *Сени*, и обнялъ вышедшаго изъ себя Пажа: „благородный юноша! даже въ шу минушу, когда любовь тебѣ даровала и отняла у тебя все, ты всѣ свои блага приносишь ей въ жертву! Приди къ моему сердцу, вѣрный слуга нашего знаменитаго повелителя! никогда не забуду сего разговора; съ эпой минушы положишь на меня совершенно.—

Роткирхъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на аспролога. Сія быстрая переменна показалась ему сомнительною. Но его искренняя радость, дружескія обѣщанія, родительское благословеніе, увѣщанія, которыя онъ далъ ему на дорогу, пронули юношу. Онъ скоро простилъ аспрологу то, что онъ копя на минушу усомнился въ его вѣрности; привязанность его къ старцу не только не поколебалась сею бесѣдою, но еще болѣе усилилась.

— Теперь пора намъ распаться, *Роткирхъ!* сказалъ наконецъ *Сени*: „у воротъ замка дожидается васъ вашъ служитель съ лошадьми и чемоданомъ; не медлите ни минушы; въ Лейп-

мерицѣ найдете *Арнима*. — Пишите мнѣ отъ времени до времени, и если нужно будетъ кому доставить отъ васъ письмоце, по поручите это мнѣ. —

Онѣ еще разъ его обнялъ. *Роткирхъ* пошелъ, вскочилъ на лошадь, и бросивъ грустный взглядъ на замокъ, поскакалъ по дорогѣ къ *Лейшмерицу*.

— Молодой дуракъ! вскричалъ *Сени*, когда *Роткирхъ* удалился: такъ это плодъ моихъ о тебѣ спараній? — Напрасно выставлялъ я приманку, которою хотѣлъ тебѣ поймать для насъ, я поймалъ тебя для *Валленштейна*. Ну, по крайней мѣрѣ, рыцарь вѣрности, я отнял у тебя силу намъ вредить! ты уже разъ служилъ моей рукѣ кинжаломъ. *Дель - Гцасто*, сей дерзкій наглецъ, который столь часто, столь ядовишо жалилъ меня своимъ язвительнымъ языкомъ, черезъ тебя на всегда онѣмѣлъ. Ты проучилъ гордую, велемудрую *Графиню Терцки*, которая своимъ соколинымъ взоромъ мечтаетъ проникнуть меня насквозь и разрушить волшебный кругъ, къ которому приковалъ я спешнаго *Валленштейна*, какъ ребенка, — того *Валленштейна*, передъ коимъ *Императоръ* и вся *Германія* препещутъ, и котораго я, какъ зыбкую проснь, колыхаю однимъ моимъ дуновениемъ; — ты похоронилъ въ могилѣ ея гордыя надежды: она видѣла, какъ всѣ ея — на облакахъ взгроможденные башни — упали на землю, подобно бумажному змѣю въ рукѣ младенца.

Но еще не все dokonчено! —

Тутъ вошелъ *Готтольдъ Шмалимбахъ*, Камердинеръ Герцога, и прервалъ бесѣду астролога съ самимъ собою. Онъ позвалъ его къ Герцогу.

Сени заснулъ *Валленштейна* еще одѣтымъ. Онъ стоялъ въ своей комнаѣ, необыкновенно ярко освѣщенной, съ закинутыми на спину руками, задумчиво и дико смотря на пылающій каминъ, такъ что долго не замѣтилъ прихода астролога. Сей послѣдній кашлянулъ.

„Хорошо, что вы пришли,“ сказалъ Герцогъ, и *Сени* испугался блѣднаго лица и глубоко впадшихъ глазъ *Валленштейна*.

„Со мною случилось нѣчто чрезвычайное.“

— А что такое, Ваша Свѣшлость? спросилъ астрологъ съ изумленіемъ.

„Нынѣ, въ сей роковой день, въ который лишился я двухъ молодыхъ друзей, я сидѣлъ въ своей комнаѣ, и хотѣлъ въ безмолвномъ уединеніи, еще разъ внимательно осмодрѣть всѣ стороны моего положенія; но при каждой думѣ, при всякой важной мысли представляется мнѣ *Маркизь дель-Гуасто*, и еще! живѣе — *Георгъ Роткирхъ*; я не могу отъ него избавиться, сколько ни стараюсь обратить свои мысли на политическіе предметы. *Роткирхъ*, какъ будто на яву, безпрестанно стоишь передо мною и, какая-то незримая, таинственная сила меня къ нему привлекаетъ. Вы знаете, сколько охотно я слѣдую сему внутреннему зову, который рѣдко меня обманывалъ. Мнѣ неприлично возвращать его: ибо никто не долженъ знать, что онъ по моей волѣ уѣхалъ: — и такъ я принужденъ былъ самъ итти къ нему. Я

долго боролся самъ съ собою, но сила непреодолимая влекла меня; я беру свѣчу, иду одинъ по самымъ опдаленнымъ переходамъ замка, и лишь только отворяю дверь рыцарской залы, вижу: у противоположной двери человека, закутаннаго въ плащъ: два глаза молніей сверкаютъ изъ-подъ надвинутой на лице шляпы. Я хочу идти къ нему: но въ это самое мгновение привожу себя на память, что въ одной изъ боковыхъ комнатъ лежатъ цѣло Маркиза. Это вѣрно духъ его грозно мнѣ являлся. Я нѣсколько минутъ еще стоялъ въ дверяхъ; продолжалъ Герцогъ послѣ крапкого молчанія — и привидѣніе осматривалось неподвижно на своемъ мѣстѣ. Тогда ужасъ овладѣлъ мною, и я воротился.“ —

Сени поспѣлъ догадаться, кто былъ этимъ привидѣніемъ; но почелъ нужнымъ, не выводить Герцога изъ заблужденія; ибо пипанье и усиливашь предразсудки Герцога, было для него весьма важно; онъ воспользовался симъ случаемъ. Разочтя все, астрологъ долго безмолвствовалъ и — казался погруженнымъ въ глубокую задумчивость.

Что же, вы объ этомъ думаете, Г. Сени? — спросилъ его Герцогъ наспоятельно.

Тотъ, чья плѣнь являлась вашей Свѣтлости безъ сомнѣнія былъ вашимъ врагомъ, — и, поелкику въ такомъ мрачномъ видѣ предсталъ онъ вамъ въ залѣ вашихъ предковъ: по вѣрно былъ врагомъ вашей Свѣтлѣйшей фамиліи. — Развѣ привидѣніе не подало вамъ никакого знака? —

„Никакого! оно, превышая обыкновенный ростъ человѣческой, спяло передо мною неподвижно.“ Отвѣчалъ Герцогъ.

—Я вопрошу объ этомъ случаѣ звѣзды, Ваша Свѣтлость! Онѣ должны рѣшить, счастіе ли, или бѣдствіе сіе видѣніе вамъ предвѣщаетъ.—

„Сдѣлайте это, Господинъ *Сени!*“ продолжалъ *Валленштейнъ*: „мой внутренній Духъ предвѣщаетъ мнѣ несчастіе; но знаніе его ничтожно противъ того духа, который въ звѣздахъ къ вамъ вѣщаетъ; спросите его.“ —

„*Сени!*“ сказалъ онъ уходящему: — „узнайте также, могу ли я завтра подъ счастливымъ знаменіемъ возвратиться въ Прагу? пусть не дѣля мнѣ оставаться болѣ.“

Астрологъ ушелъ. Звѣзды позволили оприваться въ Прагу.

Роткирхъ заспалъ въ *Лейпмерицѣ* Фельд-маршала *Арнима* съ Саксонскою арміею. Будучи извѣстенъ сему военачальнику прежними храбрыми дѣлами, онъ былъ ласково имъ принятъ, хотя и не имѣлъ рекомендабельнаго письма отъ Герцога. Генералъ сначала подумалъ, что *Роткирхъ* пріѣхалъ съ изустными порученіями отъ *Валленштейна*; но какъ Пажъ избѣгалъ всего того, что хотя малѣйше могло относиться къ послѣднему свиданію его съ астрологомъ: но *Арниль* увѣрился что *Роткирхъ* не посвященъ въ тайные замыслы Герцога.

Истинная причина его удаленія и разсказъ о смертельномъ поединкѣ съ Маркизомъ, дель-

Часто, причѣмъ однако же ни слова не упомянулъ онъ о *Матильдѣ*, показались Фельдмаршалу невѣроятными, и вообще былъ онъ всегда такъ разспрошенъ и нелюдимъ, что всѣ наконецъ почли его за несчастливца, перзаемаго совѣстью.

Такимъ образомъ *Роткирхъ*, вмѣстѣ съ Саксонскою арміею, все ближе и ближе подходилъ къ Прагѣ.

Однажды внезапно прибылъ *Сесина* въ Саксонскій лагерь. *Георгъ* видѣлъ, какъ онъ пріѣхалъ; видѣлъ, что онъ тайно былъ введенъ въ шашеръ къ *Арниму*, и по долгомъ съ нимъ совѣщаніи, споль же тайно отшуда выпровожденъ. Тогда онъ понялъ, что *Сени* справедливо описывалъ ему отношеніе Герцога къ Императору, что онъ только испытывалъ его, можетъ ли Герцогъ совершенно положиться на его вѣрность. Онъ побрелъ въ гостиницу, явился къ *Сесинѣ*, и попросилъ его, доставить письмо астрологу *Сени*. *Сесина* обѣщалъ. На другой день, говецъ привезъ ему желанный отвѣтъ, и тогда ничто не могло долбе удержать *Роткирха* въ войскѣ *Арнима*. Одинъ, безъ служителей, уѣхалъ онъ въ сумерки изъ его лагеря.

На дворахъ Герцогскаго замка въ Прагѣ была необыкновенная превога. До ста запряженныхъ каретъ и повозокъ стояли совсѣмъ уложенныя, и ожидали знака, чтобы пусшиться въ дорогу. Слуги бѣгали взадъ и впередъ, приносили и укладывали вещи; и даже служительницы Герцогини суешились около пышной, зо-

лстомъ залишой кареты своей повелительницы. Тутъ между лошадьми, кучерами и служителями прокрадывался въ плащъ закушанный человекъ, о которомъ въ суепахъ никто не заботился. Вошедъ въ калишку восточной башни, онъ знакомою дорожкой взобрался на высокую крушую лѣспницу, и прижиды посмучался въ дверь аспролога *Сени*. Она отворилась; вышелъ аспрологъ. — „А! какъ вы почены, любезный другъ!“ сказалъ онъ входящему. — Ровно въ одинадцать часовъ вы хотѣли быть, пришли еще нѣсколько минутъ ранѣе.

„Поперпите немножко, *Роткирхъ*, я сей часъ подамъ условенный знакъ, и посмошрю, будетъ ли опвѣтъ. Садитесь; вотъ вино и хлѣбъ, подкрѣпите себя! „*Роткирхъ* сѣлъ; но кровь его была слишкомъ взволнована, сердце его билось слишкомъ сильно, онъ не могъ ни ѣсть, ни пить; онъ обнялъ *Сени*, искренно поблагодарилъ его за готовность быть ему полезнымъ и, до крайности упомленный, бросился въ креслы. Между тѣмъ аспрологъ пошелъ въ переднюю, и поставивъ маленькую лампу на окно, возвратился въ комнату.

Сени сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ объ *Арнимѣ* и порученіяхъ *Сесины*; Пажъ не могъ отвѣчать удовлетворительно; оспанавливая всѣ свои мысли на одномъ предметѣ, онъ былъ такъ разсѣянъ и встревоженъ, что наконецъ аспрологъ самъ вспомнилъ, что пора посмошрѣть, не видно ли опвѣтнаго условеннаго знака.

И противъ башни горѣла лампа. *Роткирхъ*, помимый страхомъ и любовію, съ стѣсненнымъ сердцемъ пошелъ по знакомымъ переходамъ къ тому флигелю, въ которомъ жила Графиня. — Тихо отворилась дверь библіотеки, тихо схватила его нѣжная ручка и повлекли за собою.

„Куда вы меня ведете?“ спросилъ Пажъ.

— На вспрѣчу вашему счастью, шепнулъ ему женскій голосъ, въ которомъ *Роткирхъ* пошчасъ узналъ голосъ *Іоанны*. Отворился маленькій кабинетъ — *Матильда* упала въ его объятія. —

Іоанна хопѣла удалиться. — „Останься,“ сказала *Матильда*: „нашъ разговоръ не долженъ быть для тебя тайною.“

„Надѣ нами, милый мой, властвуепѣ грозная судьба!“ сказала Графиня: „каждая минута свиданія естъ и минута разлуки. Печаль всегда крадется слѣдомъ за радостью, которая мелькнетъ и исчезнетъ. Поспѣшимъ же, милый *Роткирхъ*, воспользоваться для будущаго симъ минушнымъ свиданіемъ. Знай, что доколѣ мой дядя сіяетъ въ блескѣ багрянницы, онѣ никогда не согласится увѣнчать любовь нашу. И такъ, тебѣ не надобно себя обманывать. Бездна зияетъ между нами. Намъ должно ожидать Посла небеснаго, который перенесетъ бы насъ на крылахъ своихъ, или низвергнущся въ пропасть и погибнущъ!“ такъ говорила она, и лице ея пылало яркимъ румянцемъ. „Я любила васъ съ самаго младенчества, и всегда была увѣрена въ вашей взаимной ко мнѣ

привязанности. Въ груди своей я должна была срыгивать свою любовь: она была безнадежна.

„Но я не могла вѣчно скрывать ее. Женщина слабо обороняется сражаясь съ бурнымъ сердцемъ, съ всеильною Судьбою.

„Подъ пепломъ и шихо горѣлъ во мнѣ сей пламень, пеперь пылаетъ онъ ярко и неугасимо. Я швоя, мой *Георгъ!*“ вскричала она: „швоя на вѣки! Ни время, ни пространство не могутъ разлучить насъ. Твоя жизнь — моя жизнь; швоя смерть — моя смерть!“

Она упала на грудь его.

„*Матильда!*“ вскричалъ юноша: я не переживу, я не вынесу этого блаженства! —

„Будь швердъ, милый другъ!“ сказала она съ жаромъ: „перенеси горестъ разлуки, какъ перенесъ ты радость свиданія — шо и другое шеперь нужно. — Мы ѣдемъ завтра въ Моравію, опшуда въ Вѣну. Мнѣ, какъ будто чудится, что карета, кошорая везетъ меня отсюда, мчися со мною въ опверзшую могилу, что сегодня мы видѣлись въ послѣдній разъ!“

— Я должна вамъ напомнить, сказала *Юанна* любовникамъ, кошорые крѣпко обнялись; что скоро вамъ должно расташься. —

„Знаю!“ возразила *Матильда*, и подошла къ *Роткирху*; „знаю, что должно расташься. Еще одна просьба, любезный *Георгъ*, дай мнѣ руку!“ Онъ ее подалъ. — „Какъ ни будетъ поступать мой дядя съ шобою и со мною, во всякомъ положеніи его славной жизни, въ счастья и несчастья, останься ему вѣренъ.“ —

— Вѣренъ, какъ любви моей! вскричалъ юноша.

— Я достигъ моего единственнаго желанія, *Матильда!* Я знаю, что ты любишь меня, я видѣлъ тебя еще разъ, прижалъ къ моему сердцу, и не имѣю права роптать на судьбу за то, что удѣлила мнѣ столь кратковременное блаженство. Я буду доволенъ моимъ счастьемъ, еслибъ мнѣ и сказали, что сегодня я наслаждался имъ въ послѣдній разъ. Прощай! воскликнулъ онъ, и напечатлѣлъ послѣдній поцѣлуй на ея дрожащихъ устахъ, вырвался изъ объятий возлюбленной, и бросился къ двери.

„Куда?“ встрѣтилъ его громовый голосъ... передъ нимъ стоялъ — Герцогъ. „*Роткирхъ!*“ вскричалъ онъ въ ярости: „такъ-то плашишь ты мнѣ за то, что я любилъ тебя, какъ роднаго сына? Эта твоя благодарность?“ — Герцогъ, увлеченный чувствомъ сныда бросился Герцогу въ ноги; *Матильда* спокойно смотрѣла въ глаза разгнѣванному дядѣ.

„Презрѣнный безумецъ!“ взревѣлъ *Валленштейнъ*, еще болѣе раздраженный унижительною положеніемъ Пажы: „ты лежишь какъ рабъ у ногъ моихъ, а дерзаешь высоко протягивать дерзкую свою руку!“ —

Роткирхъ вспалъ. — „Вонъ!“ крикнулъ Герцогъ, и грозно опозвадось въ высокихъ свѣтахъ залы: „вонъ съ глазъ моихъ, дерзкій глупецъ, вонъ, пока еще я обуздываю гнѣвъ свой.“

Роткирхъ стоялъ неподвижно, мужественно ожидая своей участи.

— Поди отсюда, мой милый! сказала *Матильда* нѣжнымъ, умоляющимъ голосомъ: — поди и сдержи свою кляпву! —

„Я выду когда вы, Графиня, приказываете! опвѣчалъ *Георгъ* поклоняся — и гордо прошелъ мимо Герцога. Сей послѣдній хотѣлъ ужь обнажить шпагу, но *Матильда* удержала его руку.

— „Безумная!“ — вскричалъ Герцогъ — „ты отваживаешься?“ —

— Кто всего лишился, пошѣ на все рѣшается! — возразила *Матильда*, и выпустила руку Герцога: Ваша Свѣшлость! Дѣлайте со мною, что хотите. Моя участь рѣшена съ той минушы, какъ онѣ отсюда вышелъ. Я готова выслушать свой смертный приговоръ! —

„Такъ вопѣ тебѣ брачный вѣнецъ; въ монастырь!“ — вскричалъ Герцогъ задыкаясь отъ гнѣва, сорвалъ съ дрожащей *Юанны* покрывало, и бросивъ его *Матильдѣ* въ лице, послѣшно вышелъ.

— Доколя онѣ живѣ, дополѣ только ты будешь украшать меня,“ вскричала она: съ его смертію, ты послѣдуешь за мною въ могилу! —

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ.

Вступленіе

(Сог. Мицкевича, пер. съ Польскаго.)

Уже сно лѣшъ почти союзъ крешовой
 Въ крови сшраны лзычной ушопаль;
 Уже Прусакъ склонилъ главу въ оковы,
 Иль, бросивъ домъ, полей родныхъ бѣжалъ;
 Но Нѣмецъ вслѣдъ за ищущимъ спасенья,
 И до Липвы просперъ грабежъ, гоненья.

Лишь Нѣменемъ Липовцы ошъ враговъ
 Ошдѣлены; на шомъ изъ береговъ
 Блеспашъ верьхи ихъ капищъ позлащенны,
 И лѣсъ шумишъ, жилище ихъ Боговъ;
 А на другомъ, на холмѣ водруженный,
 Нѣмецкій крешъ вознесъ чело свое,
 Къ Лишавъ просшря обширныя рамена,
 Какъ-бы хошѣлъ, всю землю Палемона
 Съ горы обявѣ, къ себѣ привлечь ее.

Съ шой спороны, шолпы Липовцевъ сивльхъ,
 Покрышыя одеждою медвѣдя,
 Враговъ блюдушъ, ихъ взорами слѣдя,
 Лукъ на плечахъ, въ рукахъ калены спрѣлы;
 Съ другой — ихъ врагъ, въ шеломѣ и бровѣ,
 Вперивъ въ нихъ взоръ, недвижимъ на ковѣ,
 Окопы ихъ безмолено наблюдаешъ,
 И чепки, — зарядивъ ружье, — перебираешъ.

На стражѣ блишельной они у брода.
 Такъ Нѣмень шопшъ, кошорый прошекалъ,
 Поя съ радушіемъ два брашскіе народа,
 Теперь для нихъ порогомъ въ вѣчностъ сшалъ.
 Не переплышь его завѣшны воды,
 Не пошерявъ ни жизни, ни свободы! —
 Лишь, Прусской ясени красой влекомъ,
 Какъ прежде, смѣлою Лишовскій хмѣль дугою,
 По ивамъ, осокѣ пробравшись надъ рѣкою,
 Вкругъ милой обвился на берегу чужомъ.
 Лишь Ковенской дубравы соловьи
 Горы Запущенской съ родными соловьями
 Бесѣды прежнія ведутъ свои;
 А иногда, вспорхнувъ свободными крылами,
 На общихъ ошровахъ слешающеса они.

А люди? — Ахъ! вражда ихъ раздѣляешъ;
 Забыша прежняя пріязнь и дружба ихъ.
 Но иногда и шѣхъ соединяешъ.
 Любовь: я зналъ любовниковъ двоихъ.
 О Нѣмень! близко къ часъ, когда къ швоимъ водамъ
 Низринутся огонь и мечъ несущихъ
 Толны враговъ, и по швоимъ брегамъ
 Поидешъ шопоръ, въ глуши дубравъ цвѣшущихъ;
 Орудій громъ разгонишь изъ садовъ
 Испуганныхъ гостей ихъ соловьевъ:
 Все, что связала цѣпь природы золошая,
 Все разорешъ вражда народовъ злая;
 Два сердца лишь, въ преданьи прошлыхъ дней,
 Пѣснь Вайделоша вновь соединишь шѣсній.

Александръ Глѣбовъ.

Е Е У Ж Ъ Н Ъ Т Ъ.

Ее ужъ нѣшь! вѣшь Юліи со мною! —
 Порочный свѣшь повинула она;
 И всё взяла небесное съ собою. . . .
 И мнѣ въ удѣлъ ошталась скорбь одна.
 Ее ужъ вѣшь! (bis)

Ее ужъ нѣшь! прекраснѣй юной розы,
 Подобно ей она лишь мигъ цвѣла;
 Спрадай, душа! шекише вѣчно, слезы!
 Здѣсь Ангела могила приняла;
 Ее ужъ нѣшь! (bis)

Ее ужъ нѣшь! и . . . чуждѣ желаній!
 Въ кругу друзей безмолвенъ я и сирѣ;
 Ужь прошекли часы очарованій
 Я сердцемъ мершвъ; мнѣ гробомъ цѣлый міръ.
 Ее ужъ нѣшь! (bis)

Ее ужъ нѣшь! пускай гремяшь перуны?
 Пущь лавры реущь Безспрашные земли!
 Къ чему мнѣ жизнь? къ чему дары форшунны?
 Всесильный Богъ! одну мнѣ смершь пошли!
 Ее ужъ нѣшь! (bis)

А. Креницынъ.

1825 г. Богуславль.

КЪ ПОРТРЕТУ А. А. ПИСАРЕВА, Г. ПОПЕЧИТЕЛЯ
МОСКОВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Хвала тебѣ Поэшь, Герой!
Ты шествуешь спезей прямой,
Спезей и чести и добра,
Во славу Россовъ и Царя! —

Ил — ь Ва — ь.

21 Июля 1827.
Горки.

Географическія, Историческія и Тактическія свѣдѣнія, которыя блеснулъ П. П. Свиньинъ въ Октябрьской книжкѣ Отет. Записокъ.

Октябрьскую книжку сего 1828 года, или No 103-й *Отетественныхъ Записокъ*, Издапель сего Журнала, какъ кажеться, предопредѣлилъ на то, чшобы составилъ букеть изъ разнородныхъ погрѣшностей. Ему посчастливилось!

1) На стр. 23-й извѣстныя рыбныя ловли близъ Аспрахани, наименованныя *Эмбенскими* по рѣкѣ *Эмбѣ* — *Павель Петровиъ* называетъ *Ембекскими*. *Штирія* на его языкѣ (стр. 96-я) значитъ: *Иширія*. — Это по части *Географической*.

2) На стр. 160-й, описывая *Браиловскій штурмъ*, *Павель Петровиъ* заставилъ храбраго и распорядительнаго *Генералъ-Маюра Полешку*, бригаднаго начальника 19-й пѣхошной дивизіи, командовать *Козацкимъ полкомъ* и отражать съ нимъ шесть разъ вылазку *Турецкой пѣхопы* изъ крѣпости.

3) На стр. 162, сказавъ о приспущѣ къ крѣпости *Браилову*, который предпринималъ въ 1770 году *Генералъ Глѣбовъ*, ни слова не упомянулъ о штурмованіи оной въ послѣднюю войну при *Императорѣ АЛЕКСАНДРѢ I-мъ*, *Генералъ-Фельдмаршаломъ Княземъ А. А. Прозоровскимъ*. Это по *Военно-Исторической и Тактической* части.

4) На стр. 177-й, *Павель Петрович* влагаеиъ въ уста Генералъ-Маіору Р. . . . . у, слѣдующую рѣчь, будио бы громко имъ сказанную Французскому солдату, который въ него прицѣливался. „*Quelle imprudence ! tu pourra manquer, et ta perte est décidée; approches plutôt de moi et tu ne repentiras pas.*“ Это по части глубокаго знанія во *Французскомъ языкѣ*.

5) На стр. 4-й и 5-й, *Павель Петрович* написалъ: „*Скоро пробѣжали и Таможню съ кучею кораблей.*“ Хотѣлось бы намъ знать, какъ огромно зданіе Аспраханской Таможни, когда въ немъ вмѣщается *куча кораблей*. Оно должно бытъ, по крайней мѣрѣ, величиною съ залу Главнаго Штаба, имѣющую, по измѣренію *Г. Свиньина*, 100 аршинъ вышины, или съ лежанку, на которой ошановился галіотъ и которую любопытные могутъ видѣть въ Кирочной улицѣ. — „*Скоро закрылись и зубчатые стѣны Аспраханскаго Кремля.*“ Въ окрестностяхъ Аспрахани нѣтъ ни одного холма, ни одной высоты, которая бы могла закрытьъ высокій Кремль и высокую колокольню великолѣпнаго Собора. Чѣмъ же онѣ закрылись? Ужь не банею ли, которую принесла вода и поставила на крыльцѣ низменнаго домика въ той же Кирочной улицѣ? — „*Зеленые стѣны камыша, наклоняясь дуновениемъ южнаго вѣтра въ нашу сторону, казались стройными рядами живыхъ существъ, ласково насъ привѣщивавшихъ.*“ Какъ и не привѣщивовать! Въ косной лодкѣ пробѣжать Таможню! можетъ только *Г. Свиньинъ*. Какъ и не привѣщивовать, особливо, слыша *лѣсни* его

гребцовъ (спр. б), „удобляющійся гармонією „своею вою голодныхъ волковъ.“ Такая музыка достойна того, чшобы Г. Булгаринъ написалъ о ней спашейку для *Съв. Пчелы!* — — „Дикіе „клики рыбаковъ способствовали къ совершенію сего, „впрочемъ единообразнаго, путешествія, пріят- „нымъ для меня образомъ.“ Какимъ же обра- зомъ? Клики рыбаковъ не весла, не парусы, не колеса парохода! — Это по часпи *Россійской Грамматики, Риторики и Логики!*

Въ заключеніе, порадуемся шому, что Г. Издапель *Отестественныхъ Залисокъ* началъ оняшь пріобрѣшашь любопышныя спашьи отъ Б. М. Ѳедорова съ замѣчаніями сего ученаго и красно- рѣчиваго писателя. Желашельно, чшобы Г. Сви- нинъ почаще съ нимъ совѣшовался: онъ мо- жетъ переняшь у Г. Ѳедорова много хорошаго. Напр: Г. Ѳедоровъ не допустилъ бы его напи- сать: *велръ, встревоженный изъ логовища, бореніе рыбаковъ съ морскими животными.*

Въ Но 81-мъ С. П. Бургскихъ Вѣдомостей нынѣшняго года, напечатано, чшо у книгопро- давца *Ивана Занкина* въ книжныхъ лавкахъ его вступила въ продажу слѣдующая карта, на сихъ дняхъ вышедшая.

Физическое изображеніе земнаго шара, по проэкціи *Меркатора*, съ полишическою, коммер- ческою и сравнительною таблицею главнѣй- шихъ Государствъ. Издалъ *И. Эйнерлинъ*. СПб.

Сіе изображеніе всего свѣта представлено на большомъ листѣ, на которомъ видѣть можно не только Географическое положеніе всего свѣта, но и каждаго Государства, окрашеннаго особенною своею краскою, равно и принадлежащихъ имъ колоній, такъ, что на одной половинѣ онаго листа обозрѣваемъ Географическое положеніе всего свѣта, а на другой, состояніе означенныхъ Государствъ, въ слѣдующемъ порядкѣ :

Россія. (Имперія)
Швеція и Норвегія.
Нидерланды.
Великобританія.
Португалія.
Испанія.
Франція.
Неаполитанское Королевство.
Швейцарія. (Республика).

Германскій союзъ (кроме Австріи, Пруссіи и Баваріи).
Баварія.
Пруссія.
Австрія (Имперія).
Турція (Имперія).
Соединенные Штаты (Республика).
Бразилія (Имперія).

При чемъ пропавъ каждаго Государства означено въ столбцахъ.

Годъ, основаніе Государства, вѣра.
Имя Царствующаго Государя, годъ рожденія.
Вступленіе на престолъ.
Столица и число жителей въ оной.
Пространство каждаго Государства въ квадратныхъ миляхъ въ Европѣ, Азіи, Африкѣ, Америкѣ, въ Ост-Индіи и вообще.

Народонаселеніе каждаго Государства въ Европѣ, Азіи, Африкѣ, Америкѣ, Вост-Индіи и вообще.
Военныя силы сухопутныя.
Военныя силы морскія.
Государственный доходъ.
Торговля; вывозъ товаровъ изъ каждаго Государства; привозъ товаровъ изъ каждаго Государства.

При одномъ возрѣніи на сію Географическо-Статистическую карту, или таблицу, можно видѣть нынѣшнее состояніе каждаго Государства; — чистота гравировки, оппечатаніе

оной и иллюминировка соизвѣстствуютъ достоинству сей карты или таблицы. Цѣна полагается здѣсь въ С. П. Бургѣ 5 руб., а съ пересылкою во всѣ города 6 рублей.“ — —

Вмѣстѣ съ Г. Издателемъ повторю и я, что при одномъ воззрѣніи на сію Географическую карту, можно удосповѣришься, что Г. Издатель не читаетъ новыхъ путешествій: попому что послѣ двукрашнаго путешествія *Парри*, онѣ дозволилъ себѣ соединить проливомъ Атлантическій Океанъ съ Великобританією, и послѣ путешествія *Биги*, предполагаетъ, что сѣверо-западный берегъ Америки соединенъ съ восточнымъ берегомъ Гренландіи.

Отвѣтъ на письмо Г. Елагина, спрашивающаго: въ Молдавіи или Валахіи находится Турецкая крѣпость Ибраилъ, о которой упоминается въ Но 145 Сѣв. Пчелы 1825 года.

Въ письмѣ своемъ отъ 1-го Октября изъ Пензы, Г. Елагинъ убѣдительно проситъ Издателя Славянина разрѣшить его недоумѣніе и увѣдомить его: въ Молдавіи или Валахіи находится Турецкая крѣпость Ибраилъ, о которой Г. Грегъ упомянулъ въ Но 145 мѣ Сѣв: Пчелы 1825 года? Ему также весьма хочется знать: на правомъ или на лѣвомъ берегу стоить сія крѣпость и была ли когда либо взята Россійскими войсками? Г. Елагинъ весьма основательно

предполагаетъ, что она должна находиться въ недалекомъ разстояніи отъ славной въ нашихъ военныхъ лѣтописяхъ крѣпости Браилова. Мы согласны въ этомъ съ почтеннымъ нашимъ корреспондентомъ и основываемъ свои догадки на томъ, что въ послѣднюю войну съ Турками, бывшую въ Царствование блаженныя памяти Императора АЛЕКСАНДРА I-го, Браиловъ сдался Россіянамъ 3-го Декабря 1809 года, а по удостоверенію Г. Грегга и крѣпость Ибраилъ взята того же числа и года. Слѣдственно: обѣ крѣпости должны быть въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ.

Да ужь не Браиловъ ли Г. Греггъ наименовалъ именемъ Ибраила? Подобныя ишуки нерѣдко у нихъ случаются; на примѣръ:

I. Въ Ошечественныхъ воспоминаніяхъ Сѣв. Пчелы 1828 года сказано, — „что сраженіе Россіянъ съ Турками при Фокшанахъ произошло 1770 года Января 3-го.“

I. А въ Ошечественныхъ воспоминаніяхъ той же Сѣв. Пчелы 1827 года, напечатано, что — „сраженіе съ Турками при Фокшанахъ произошло 1770 года Января 24-го дня.“

*

*

II. Въ Ошечественныхъ воспоминаніяхъ Сѣв. Пчелы 1826 года, поставлено, что — „одержана надъ Французами кровопролитная и замѣтная побѣда при Прейсшъ-Эйлау 1807 года Января 26-го числа (1).“

II. А въ Ошечественныхъ воспоминаніяхъ Сѣв. же Пчелы 1827 года изображено, что — „происходила кровопролитная битва съ Французами при Прейсшъ-Эйлау 1807 года Января 27-го числа.“

*

*

(1) Въ No 135-мъ Сѣв. Пчелы Г. Греггъ оправдываетъ эту неясность тѣмъ, будто бы сраженіе подъ Прейсшъ-Эйлау продолжалось два дня: 26-е и 27-е Января. Согласимся на часъ съ Г. Греггомъ. Но все таки „крово-

III. Въ Ошечештвенныхъ воспоминаніяхъ Сѣв. Пчелы 1825 года, *Г. Грегъ* увѣряеть, что — „происходило побѣдоносное сраженіе Россійскихъ войскъ (подъ командою *Герала Чернышева*) съ Французами при *Циркѣ* 1813 года Января 31-го дня.“

III. А въ Ошечештвенныхъ воспоминаніяхъ Сѣв. Пчелы 1826 года *Г. Грегъ* удословляеть, что — „одержана побѣда надъ Французами при *Циркѣ* 1813 года Января 30-го дня.“

*

*

Просимъ *Г. Елагина* впередъ, для разрѣшенія сего рода вопросовъ и недоумбній, обращаться прямо къ *Гг. Грегъ* и *Булларинъ*. Они найдутъ средство выпутаться съ честью изъ зашруднишельнаго своего положенія.

пролишная битва должна швовала происходить — 26-го числа; а знаменшя побѣда одержана бытъ — 27-го. А у нихъ выходишь на выворотъ: въ первый день одержана побѣда — и побѣда знаменшя; а на другой день происходила сшибка!!?... Оправданіе хуже самой вины!!!

~~~~~

ПОПРАВКА.

Въ 41-й книжкѣ *Славянина*, во второмъ куплетѣ прешій стихъ надобно чипашь:

И, ликомъ плѣнишельныхъ Музь окруженный,

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годѣ.

(Продолженіе.)

Въ 4 часа утра данъ былъ сигналъ и Россійскій флотъ снявшись съ якоря, пошелъ атаковать непріятельскій. Принцъ *Нассау-Зигенъ* повелъ въ дѣло лѣвый флангъ, прошивъ котораго находились главныя силы Турокъ, а правый поручилъ Коншрѣ - Адмиралу *Алексіано*. Атака сія была произведена съ невѣроятною быстротою и мужествомъ. При первомъ огнѣ съ мѣлкихъ Россійскихъ судовъ, флотъ Капитанъ-Паши началъ поднимать паруса для опущенія, и въ сіе время одинъ изъ его кораблей о 64-хъ пушкахъ спалъ на мѣль. Тогда Принцъ *Нассау-Зигенъ* выдвинулъ впередъ двѣ галеры, двѣ дуббель-шлюбки, одну пловучую башарею и двѣнадцать канонирскихъ лодокъ. По произведеніи сего маневра огонь съ обѣихъ сторонъ усилился. Турки съ примѣрною не-

успрашимоспїю болѣе часа выдерживали губительное дѣйствіе Россійской артиллеріи; невозможность пройти парусной эскадрѣ за мѣлководіемъ впередѣ, поддерживала ихъ упорство, но когда вмѣсто ея прибыли нѣсколько гребныхъ судовъ изъ резерва и подкрѣпили передовую линію, тогда сраженіе приняло рѣшительный оборотѣ. Бывѣ атакована новыми силами, частіе Турецкаго флота не могла продолжать сопротивленія и оставя на мѣли корабль свой, обратилась въ бѣгство. Нѣсколько мѣлкихъ судовъ кинулись ихъ преслѣдовать, но непріятель успѣлъ скоро укрыться подѣ стѣнами Очакова. — Въ это же время Русскіе абординовали сѣвшій на мѣль линейный корабль и, взявъ его послѣ жестокаго сопротивленія, предали въ жершву пламени, за немѣніемъ средствъ потушить онаго. Подобная участь постигла и 64-хъ пуш. корабль Капитанѣ-Паши, который также сѣвъ на мѣль во время своего отступленія, продолжалъ еще долго защищаться, бывъ поддерживаемъ огнемъ съ линіи судовъ, споявшихъ подѣ Очаковымъ. Принцѣ *Нассау-Зигенъ* скоро принудилъ ихъ отступить далѣе подѣ стѣны крѣпости и тогда корабль спустилъ флагъ; но какъ не было возможности потушить произведенный на ономъ пожарѣ, то онъ и взлетѣлъ на воздухъ со всѣмъ экипажемъ. *Гассанъ* же Паша еще временно переѣхалъ на другое судно. — Между тѣмъ, какъ всѣ сіи дѣйствія происходили въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ Россійскаго флота, правое его крыло было атаковано превосход-

нымъ числомъ малыхъ судовъ. Контрб-Адмиралъ *Алексіано*, замѣшивъ что Турки намѣревались зайти ему во флангъ, выдвинулъ впередъ одну пловучую батарею, и получивъ въ то же время подкрѣпленіе отъ *Нассау-Зигена*, отразилъ непріятели послѣ самаго упорнаго боя. Къ вечеру, поражение Турецкаго флота было совершенно и оный бѣжалъ въ величайшемъ безпорядкѣ.

Принцъ *Нассау-Зигенъ* опасаясь чшобы опчаяніе не побудило Капитанъ-Пашу,—кошорый по повелѣнію Порты долженъ былъ непременно истребить Россійскій флотъ въ Лиманѣ, на какое либо покушеніе, выстроилъ свои корабли и суда въ линію на пушечный выстрѣлъ отъ Турецкой эскадры.

За часъ до полуночи на Россійской флотилии услышали сильную канонаду. Это было дѣйствіе батареи, поставленной на Кинбургской Косѣ Генераломъ *Суворовымъ* противъ бѣгущаго непріятельскаго флота, изъ коего нѣсколько кораблей и судовъ, отъ замѣшательства сѣли на мѣль. — Узнавъ о семъ, Принцъ *Нассау-Зигенъ* устремился за нимъ въ погоню. Флотилія его, дошедъ до непріятельскихъ кораблей и судовъ, сидѣвшихъ на мѣли, раздѣлилась на двѣ колонны и, образовавъ линію въ видѣ полумѣсяца, такимъ образомъ охватила оныя. Но сего еще не было достапочно. Надлежало выдержать дѣйствіе огня съ стѣнъ Очакова и мѣлкихъ судовъ, подъ нимъ споявшихъ, чшобы приблизиться къ кораблямъ, кои будучи споль сильно поддерживаемы, за-

щищались съ величайшимъ упорствомъ. Около пяти часовъ продолжалась сія новая битва, гдѣ обѣ стороны исшощили всѣ усилія своего мужества; наконецъ, побѣда увѣнчала Россійское оружіе. Экипажи кораблей и судовъ, впашихъ во власть Русскихъ, желая избѣгнуть пльна и пламени произведеннаго брандсуглями, кидались въ воду и всѣ погибали, ибо слишкомъ быстрое печеніе не дозволяло спасать ихъ. По официальнымъ извѣстіямъ того времени, потеря Турокъ въ оба сіи сраженія пльными и убитыми, погибшими въ водѣ и пламени простиралась до 6.000 человекъ; девять кораблей и фрегатовъ взлетѣли на воздухъ, нѣсколько мѣлкихъ судовъ попоплены или взорваны и одинъ 50-ти пуш. корабль въ хорошемъ состояніи, взятъ въ пльнѣ. Кромѣ сего, башаря, устроенная на Кинбурнской Косѣ и содѣйствовавшая ей гребныя суда попопили: два фрегата, одинъ бомбардирскій корабль, двѣ шебеки, галеру и одинъ транспортъ. — Что касается до урона Русскихъ: то онъ не былъ значительнъ, ибо неисправность Турецкой артиллеріи была причиною, что ихъ орудія дѣйствовали съ весьма малымъ успѣхомъ. Потеря побѣдителей, по донесенію *Князя Потемкина*, состояла только въ двухъ Офицерахъ и десяти рядовыхъ убитыми; ранено 11 Офицеровъ и 57 рядовыхъ. Къ общему сожалѣнію, въ одной изъ сихъ битвъ погибъ храбрый Капитанъ-Лейтенантъ *Сакенъ*. Неустрашимый Офицеръ сей командовалъ вооруженнымъ бошомъ и былъ окруженъ несравненно

превосходными силами. Видя неизбежность пѣна или гибели, онѣ приказалѣ командѣ своей искупѣ спасенія вплавь, а самѣ съ зажженнымѣ фителемѣ спустился вѣ Крюйтѣ-камеру. Турки абординовали ботѣ и во множествѣ взошли на него, какѣ черезѣ нѣсколько минутѣ, вмѣстѣ съ нимѣ взлетѣли на воздухѣ. *Сакенѣ* зажегѣ порохѣ и, сохранивѣ честь Русскаго флага, умерѣ геройскою смертію (*).

По разбиши Турецкаго флота, всѣ корабли и суда его, избѣгнувшіе пѣна или испребленія, ушли вѣ море; но черезѣ день, именно 20-го Іюня, *Гассанѣ - Паша* снова явился передѣ Очаковымѣ. 22-го онѣ покушался было спастѣ на Очаковскомѣ фарватерѣ ниже Кинбурна, желая спасти свои суда, запершыя вѣ Лиманѣ, но былѣ ошбитѣ выстрѣлами съ береговыхѣ башарей.

Между тѣмѣ, какѣ сіе происходило подѣ Очаковымѣ, корабельный Россійскій флотѣ, подѣ начальствомѣ Контрѣ - Адмирала *Графа Воиновича*, состоявшій изѣ двухѣ кораблей, десяти фрегатовѣ и двадцати чепырехѣ малыхѣ военныхѣ судовѣ, вышелѣ изѣ Севастополя. Узнавѣ о семѣ обстоятельствѣ, Капитанѣ - Паша вступилѣ 28-го Іюня подѣ паруса и оставя Очаковѣ, ушелѣ вѣ море на встрѣчу *Графу Воиновичу*.

(*) Императрица Екатерина II-я въ награду сего подвига, повелѣла сеспрамѣ *Сакена*, производишь каждой по шри тысячи рублей въ годѣ пожизненнаго пенсіона.

Отсутствие *Гассанъ - Паши* было ознаменовано новою побѣдою надъ опдѣленіемъ его флота, остававшимся при Очаковѣ. Фельдмаршалъ *Князь Потемкинъ* прибывъ подъ сію крѣпость, замѣнилъ, что оставленные при ней Турецкія суда, огнемъ своимъ могли препятствовать ходу осадныхъ работъ. Въ слѣдствіе сего приказалъ онъ Принцу *Нассау* испребишь ихъ. Повелѣніе сіе было исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ. 1-го Іюля, непріятель былъ атакованъ и послѣ осьми-часоваго дѣла, производившагося подъ крѣпостными выстрѣлами, разбитъ совершенно. Двѣ 24-хъ пуш. корветы, одна бригантина, бомбардирскій корабль, кирлангичъ и чешыре галеры были или разрушены или сожжены, а одна галера взята въ плѣнъ. Сверхъ сего на канунъ вышеописаннаго пораженія, Русскія суда, овладѣли двумя канонерскими и двумя транспортными лодками. Такимъ образомъ Турки потеряли всѣ безъ исключенія суда свои, бывшія при Очаковѣ — Принцъ *Нассау* не удовольствовался симъ новымъ поражениемъ непріятельскаго флота; совершивъ оное, обратилъ онъ огонь свой на приморскую часть города, подбилъ нѣсколько крѣпостныхъ пушекъ и во многихъ мѣстахъ выжегъ городское строеніе. Во время всѣхъ вышеозначенныхъ сраженій въ Лиманѣ, особенно отличался Подковникъ Французской службы Графъ *Дамась*, находившійся волонтеромъ при арміи *Потемкина* и въ послѣдствіи бывший Главнокомандующимъ Неаполитанскихъ войскъ при Королѣ *Фердинандѣ IV*. — Іюля 3-го про-

изошло сраженіе близь острова Феодоннесіи между флотомъ Капитанъ - Паши и эскадрою Графа *Воиновича*. — Турецкій Адмиралъ пылая мщеніемъ за поражение свое въ Лиманъ, ашаквалъ *Воиновича* съ неимовѣрною жестокостію. Не взирая на превосходство непріятельскихъ силъ, кои состояли изъ 15-ти линейныхъ кораблей, 8-ми фрегатовъ и 20-ти малыхъ судовъ, и были на вѣтрѣ, Россійскій флотъ неуспрашимо выдержалъ нападеніе. Исправное дѣйствіе его артиллеріи скоро рѣшило сраженіе. Черезъ три четверти часа, корабль Капитанъ-Паши получилъ столь сильныя поврежденія, что долженъ былъ выйти изъ линіи. Совершая маневръ сей, онъ покусился было отрѣзашь два передовые фрегата: 50-ти пуш. Бериславъ подъ командою Капитана 2-го ранга *Саблина* и 40 пуш. Спрѣлу—Капитанъ-Лейтенанта *Нелединскаго*, но былъ отъ сего удержанъ 74-хъ пуш. кораблемъ св. Павломъ, находившемся въ авангардѣ. Командиръ сего корабля Капитанъ Бригадирскаго ранга *Ушаковъ* (*), примѣшивъ намѣреніе Капитанъ - Паши, прибавилъ парусовъ и послѣ непродолжительнаго, но жаркаго боя, принудилъ его поворочить оверштагъ. — При семъ и оба вышеозначенные фрегаты пустили въ ретирующійся корабль сей, весь свой лагъ съ такою силою, что разбили корму его.

Въ непріятельскомъ флотѣ, кромѣ корабля Капитанъ-Паши, одинъ находился подъ Вице -

(*) *Федоръ Федоровичъ*, бывший въ послѣдствіи Адмираломъ и скончавшійся 1817 г.

Адмиральскимъ и одинъ подъ Консръ-Адмиральскимъ флагами. Оба они сражались съ Флагманскимъ кораблемъ Преображеніе Господне, коимъ командовалъ Капитанъ 2-го ранга *Селъвалевъ* и загорались два раза. — Турки во время сраженія дѣйствовали съ великимъ ожесточеніемъ, но не могли пропировоспояшь искусству и храбрости Россійскихъ мореходцевъ. Послѣ пяти-часоваго боя, флотъ ихъ принужденъ былъ уступить побѣду и оставить мѣсто сраженія, пошрявъ одну шебеку, пущенную на дно кораблемъ св. Павломъ. Въ семъ дѣлѣ ошличился славный нашъ Адмиралъ *Д. Н. Сенявинъ*, бывший тогда Капитанъ - Лейтенантомъ. Офицеръ сей, по свидѣтельству Графа *Вонновита*, былъ употребленъ имъ за Флагъ-Капитана, при ошмѣнной храбрости и неустрашимости, съ распоропностію обозрѣвалъ движенія и дѣлалъ приказываемые ему сигналы.

Сраженіе сіе, равно какъ и Лиманскія должны были убѣдить Турокъ, что ни отчаянная, можно сказать, геройская ихъ храбрость, ни превосходство ихъ силъ, не могли восторжествовать надъ мужествомъ воиновъ, кои во всѣхъ обшояшельствахъ умѣли съ честью и славою поддерживать достоинство Русскаго флага, и что вода есть такая стихія, на которой искусство рѣшаетъ участь сраженій.

Частыя сіи пораженія Опшоманскаго флота сильно поколебали надежду Дивана, копорый предписалъ Капитанъ-Пашѣ, по испребленіи Россійскаго флота въ Лиманъ, овладѣть Кин-

бурномъ и Херсономъ, и попомъ отплыть къ полу-острову Крыму.

По окончаніи сраженія при Феодониси, Турецкій флотъ оставался еще нѣсколько часовъ въ виду Россійской эскадры; на другой же день, 4-го Іюля опошелъ нѣсколько къ сѣверу. Графъ *Воиновичъ* опасаясь, чшобы онъ не покусился на Россійскіе берега, держался къ ОЗО. На разсвѣтѣ 5-го числа, флотъ Капитанъ-Паши не былъ въ виду, но за часъ до полуночи показался снова и имѣлъ курсъ къ Симферополю. Графъ *Воиновичъ* послѣдовалъ пересѣчь ему путь и принудилъ поворотить къ югу. Послѣ сего Россійская эскадра держалась подъ малыми парусами въ параллель непріятельскому флоту, но оный продолжалъ свой курсъ въ море и взявъ направленіе къ Варнѣ, скрылся изъ виду. Тогда Компръ - Адмиралъ *Воиновичъ* для наблюденія за нимъ, опрядилъ нѣсколько крейсерскихъ судовъ, а самъ для исправленія своихъ поврежденій, отплылъ къ Херсонисскому мысу.

Разбитіе Турецкаго флота и удаленіе его были важною диверсією для войскъ, облежавшихъ Очаковъ. Но 29-го Іюля онъ появился снова въ виду сей крѣпости и остановился на якорѣ въ 40 верстахъ отъ берега. Слѣдующіе три дня, не былъ онъ совершенно видѣнъ, но 3-го Августа показался опять въ числѣ 15 кораблей, 10 фрегатовъ и множества разныхъ военныхъ судовъ. *Гассанъ-Паша* съ кораблями и фрегатами сего флота расположился въ 20-ти верстахъ отъ Очаковскаго берега; чешыре шебеки и сполько же бомбардирскихъ

кораблей заняли мѣсто между главнымъ флотомъ и островомъ Березанью, а у сего послѣдняго помѣстились мѣлкія суда, какъ-то: кирлангичи и канонерскія лодки.

Такое грозное положеніе Турецкаго флота много затрудняло осаду Очакова, а поному надлежало развлечь его силы и вниманіе. Удобрѣнъ для сего большую эскадру, значило подвергать ее напрасному поврежденію, а полуостровъ Крымъ опасности отъ непріятельскихъ покушеній. Въ слѣдствіе сего, *Князь Потемкинъ* назначилъ экспедицію изъ пяти крейсерскихъ судовъ къ берегамъ Анатолиі. Предпріятіе сіе, гдѣ столь малочисленный отрядъ могъ сдѣлаться жертвою сильнаго флота, предводимаго *Гассанъ-Пашею*, требовало искуснаго, храбраго и распороннаго морскаго начальника. Выборъ Главнокомандующаго палъ на Генеральсѣ-Адъютанта его Шпаба, Капитанѣ-Лейтенанта *Сенявина* (нынѣ Адмирала), копорый съ вышеозначенными пятью судами и вышелъ изъ Севастополя 16-го Сентября. Направя курсъ свой къ югу, *Сенявинъ* прибылъ 19-го того же мѣсяца на видѣ Синопа. Здѣсь отрядомъ его было взято одно судно, нагруженное разными припасами, а другое, послѣ упорнаго сопротивленія, сокрушилось о подводный камень и все на немъ бывшее погибло, кромѣ двухъ раненыхъ Турокъ. На другой день Капитанѣ-Лейтенантъ *Сенявинъ* продолжалъ плаваніе свое вдоль Анатольскаго берега къ городу Воннѣ, главному предмету его экспедиціи. На семь пупи встрѣчилъ онъ при Ту-

реція купеческія судна, изъ коихъ одно сжегъ, а два взялъ въ плѣнъ. На разсвѣтѣ 22-го, отрядъ Капитанъ-Лейтенанша *Сенявина*, при мало-вѣпріи, приближался къ Воннѣ и, сбивъ одну пушку, открывшую съ мыса огонь, сжегъ судно съ пенькою и лѣсомъ. Вечеромъ сожженъ былъ на бѣрегу магазинъ. Отправленные для сего вооруженные барказы прикрывалъ самъ Капитанъ-Лейтенантъ *Сенявинъ*, своимъ судномъ и положилъ на мѣстѣ множество Турокъ, защищавшихъ вышеозначенное спроенте. Не нашедъ у *Вонны*, какъ предполагалось, судовъ приготовленныхъ для перевоза войскъ, отрядъ отправился въ дальнѣйшіе поиски.

24-го Предъ полуночью проходя мимо Керасунды (*), Капитанъ - Лейтенантъ *Сенявинъ* остановился противъ сего города, гдѣ подъ берегомъ находились четыре непріятельскія судна. На другой день они были атакованы. Русскія суда, лежа на шпрингѣ дѣйствовали столь удачно, что въ короткое время прогнали непріятели, съ береговыхъ батарей и съ вышеозначенныхъ четырехъ судовъ. На одномъ изъ сихъ послѣднихъ, взятомъ въ плѣнъ и послѣ сожженномъ, было найдено значительное количество сѣвспныхъ и военныхъ припасовъ, а остальные при были разбишы и пощоплены. Послѣ сего дѣла, 26-го Сентября, Капитанъ - Лейтенантъ *Сенявинъ* отплылъ назадъ въ Севастополь. На семъ обратномъ пути, взялъ онъ

(*) На большей части Географическихъ картъ называемаго неправильно Гересиндою или Гересиндомъ.

еще одно Турецкое судно, но какъ 3-го Октября сдѣлалась весьма сильная буря и повредила на ономъ весь шакелажъ, по и должно было попопизъ его.

Октября 6-го Капитанъ-Лейтенантъ *Сенявинъ* прибылъ благополучно въ Севастополь, „исполнивъ, — по донесенію *Князя Потемкина*, — съ челѣхомъ, возложенное на него дѣло; разнесши страхъ по берегамъ *Анатольскимъ*, сдѣлавъ довольныя пораженія непріятелю, истребивъ многія суда его, положивъ ему прелону въ перевозѣ войскъ и возвратясь съ лѣвными и значною добычею.“ Орденъ св. *Георгія* 4-го класса былъ Капитанъ-Лейтенанту *Сенявину* наградою за сію экспедицію. — *Князь Потемкинъ* во время его отсушствія, сожалѣлъ неоднократно, что пославъ его съ столь ничтожными силами, можетъ быть обречь на гибель; но искусное соображеніе, рѣшимость и хладнокровіе въ опасностяхъ, сохранили сего Офицера для славы Россійскаго флага.

Между тѣмъ, Капитанъ-Паша, оставаясь съ флотомъ своимъ при *Березани*, занимался высадкою войскъ на сей островъ и укрѣпленіемъ онаго. Наконецъ 4-го Ноября, онъ снялся съ якоря и ошплылъ къ *Константинополю*. По его удаленіи, *Князь Потемкинъ* далъ приказаніе овладѣть *Березанскими* укрѣпленіями и возложилъ сіе дѣло на *Войсковаго Судью Черноморскихъ козаковъ*, *Подполковника Головатого*. Предпріятіе сіе совершено козаками частію на лодкахъ, частію по поясъ въ водѣ, при чемъ они были подкрѣплены канонерскими лодками, состоявшими подъ начальствомъ Бригадира

Рибаса (въ послѣдствіи Адмирала). Дѣло сіе принадлежитъ къ числу самыхъ отважнѣйшихъ, но какъ оное входитъ болѣе въ составъ военныхъ дѣйствій сухопутныхъ войскъ подъ Очаковымъ, то подробностей его и должно искасть въ описаніи осады сей важной крѣпости.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ ВОЙНЫ СЪ ГОРЦАМИ И ПЕРСИАНАМИ.

Тринадцатое письмо Генерала отъ Инфантеріи Князя Циціанова къ Генералу В., отъ 2-го Сентября 1804 года, при блокадѣ крѣпости Эривани.

Сараповскаго Мушкетерскаго полка Маіоръ *Ходжаевъ* донесъ мнѣ, что подъ укрѣпленіе *Караклисъ*, содержимое имъ съ 400 чел. гарнизона подходилъ Царевичъ *Александръ* съ 6 п. войскомъ и стрѣлялъ изъ фалконетовъ и ружей, но безъ всякаго вреда и по двухъ выстрѣлахъ сдѣланныхъ изъ пушки въ его толпу, отступилъ. На другой день по полученіи сего извѣстія, узнавъ отъ бѣжавшаго изъ непріятельскаго войска *Армянина*, что изъ *Тифлиса* въ *Бомбакъ* идетъ назначенный сюда провіантскій транспортъ, командировалъ я для встрѣчи оного *Тифлійскаго* Мушкетерскаго полка Маіора *Монтрезора*, по извѣстности ему *Бомбакъ*.

ской провинціи, гдѣ онъ съ баталіономъ своимъ находился до войны болѣе года и удерживалъ волненіе шамошнихъ Татаръ. Въ прикрытіе ему даны были изъ полковъ: Кавказскаго Гренадерскаго Прапорщикъ *Верещанинъ*, унтеръ-офицеровъ 2, барабанщикъ 1 и рядовыхъ 36; Тифлійскаго Мушкетерскаго — Поручикъ *Ладькинъ*, унтеръ-офицеръ 1 и рядовыхъ 15; Саратовскаго Мушкетерскаго — Прапорщикъ *Чиреза* 2-й, унтеръ-офицеровъ 2, барабанщикъ 1 и рядовыхъ 30; 9-го Егерскаго и Нарвскаго Драгунскаго по одному унтеръ-офицеру и 10 рядовыхъ; всего же Оберъ-Офицеровъ 3, унтеръ-офицеровъ 7, барабанщиковъ 2, рядовыхъ 101 и одинъ прехъ-фунтовый единорогъ. При семъ, Маіору *Монтрезору* приказано было опасныя мѣста проходить ночью: ибо всѣ окрестности окружающыя непріятельскія конныя партіи. Но 30-го Августа полученъ мною отъ *Ходжаева* рапортъ, что 22-го числа, пришелъ къ нему раненый Армянинъ и увѣдомилъ, что посланная отсюда команда съ пушкою съ Маіоромъ, неизвѣстно ему какимъ, по выходѣ своемъ изъ Эривани, преслѣдована была Персіанами въ числѣ 600 чел. Маіоръ сей дѣлалъ противъ нихъ отпоръ до мѣста Сарала, что въ 10 верстахъ отъ Караклиса, но здѣсь 21-го: встрѣтилъ его Царевичъ *Александръ* съ своимъ войскомъ, разбилъ отрядъ, взялъ пушку и убилъ нѣсколькихъ солдатъ и самаго Маіора. Несчастіе сіе подтверждено выѣжавшимъ сегодня изъ *Бабаханова* лагеря Армяниномъ, — который также подвѣшеписаннымъ прикрытіемъ возвращался

въ Бомбаки и былъ полоненъ. По показаніямъ его, 15 чел. солдатъ, кои были переранены, взяты въ плѣнъ, а всѣ прочіе пали на мѣстѣ битвы.

Донося съ стѣсненнымъ сердцемъ о семъ несчастномъ происшествіи *Государю Императору*, я поставилъ долгомъ присоединить, что храбрый и, по многимъ моимъ порученіямъ, оказавшій себя достойнѣйшимъ Офицеромъ, Маіоръ *Монтрезоръ*, пренебрегши непріяшелемъ, проходилъ оное дефиле днемъ и при атакѣ его споль превосходною силою, до 6 м. просширавшеюся, въ началъ сраженія, былъ онъ (по показанію помянушаго плѣнника) тяжело раненъ, и за тѣмъ вскорѣ убитъ, предпочтя лучше положить себя и команду, нежели отъдать пушку.

Имѣю честь бысть, и проч.

~~~~~

Четырнадцатое письмо Генерала отъ Инфатерн Князя Циціанова, къ Генералу В., отъ 14-го Сентября 1804 года изъ деревни Караклисъ, Болбакской провинціи.

Имѣю честь представить В. В. Пр. дневную записку о происшествіяхъ въ моемъ опрядѣ, случившихся со дня отступленія войскъ отъ Зриванской крѣпости до прибытія въ Караклисъ, ш. е. съ 4-го по 15-е Сентября.

Дневная записка.

Съ 3-го на 4-е Сентября, по пробитіи вечерней зори, начались приутопвленія къ оста-

вленію Эриванскаго форштапа , что и исполнено на разсвѣтѣ. Къ вечеру отрядъ прибылъ къ деревнѣ Кавагири , бывъ на семъ пути , — 8 верстѣ , — перевозимъ непріятельскими парціями. Тамъ заспали мы уже егерей, шедшихъ по правому берегу Занги. Ночью непріятель занявъ высоты, производилъ по лагерю пальбу изъ фалконетовъ, но безвредную.

5-го. Отрядъ имѣлъ маршъ до Эчміадзина, — 12 верстѣ. — На маршѣ семъ перевозимы были непріятельскими парціями и набздниками, причѣмъ ранены: Козачій Офицеръ и рядовой.

6-е число Сентября употреблено на доводствіе войскъ провинпомъ, найденнымъ въ Эчміадзинскомъ монастырѣ и на приутопленіе монастырскаго причета къ выходу при отрядѣ съ остальнымъ церковнымъ богатствомъ, дабы оное не впало въ руки Персіанъ. Въ сей день оставшіе отъ отряда, назначеннаго для прикрытія фуражировавшихъ, и ашакованнаго непріятелемъ : одинъ егеръ и козакъ были убиты, три казенные деньщика и егеръ ранены и одинъ барабанщикъ захваченъ въ плѣнъ. Такое несчастіе, постигшее 9-й егерскій полкъ, случилось въ ономъ, во всю нынѣшнюю кампанію въ первый разъ; при покойномъ же Шефѣ Полковникъ *Цеханскомъ*, не токмо подобнаго не произошло, но и лошади ни одной не было отогнано.

7-го числа, маршъ до рѣки Корни, — 10 верстѣ. — Здѣсь, равно какъ и на походѣ, непріятель продолжалъ насъ беспокоить.

8-го числа, при выступленіи отряда изъ лагеря и на маршъ до другаго при шой же рѣчкѣ, — 9 верстѣ, — Персіяне очень сильно насъ беспокоили. При отраженіи ихъ съ каменистыхъ бугровъ, у насъ были ранены: одинъ Оберъ-Офицеръ и 10 рядовыхъ.

9-го. Маршъ до рѣчки Корниже, противъ горы Чибинлу, — 13 верстѣ. — Непрiатель преслѣдовалъ насъ, также и зажигалъ сѣнь, что однако же не причинило вреда отряду, и только одинъ солдатъ Тифлійскаго полка, ошдѣлившійся отъ отряда, убитъ.

10-го. Маршъ до рѣчки Чибинлу — 10 верстѣ. — Преслѣдовавшій насъ непрiатель нападалъ сильнѣе, бывъ подкрѣпленъ *Пиръ-Кули-Ханомъ*, который возвращаясь съ 4-мя п. человекъ изъ Бомбака. Узнавъ о моемъ приближеніи, онъ засѣлъ было на одной горѣ, но наши фланкеры, мною отряженные, скоро его отшуда сбили. Послѣ сего онъ показывалъ видъ, что намѣренъ встрѣтить насъ въ узкой дефилеѣ, мимо батареи коей намъ лежала дорога, но проспоявъ въ сей позиціи не болѣе получаса, пошянулся назадъ къ Эривани, и въ продолженіе ночи решировался съ такою поспѣшностію, что на другой день и не показывался.

11-го. Маршъ до раззоренной деревни Абарани, — 12 верстѣ.

12-го. Маршъ 13 верстѣ въ Бомбакскую границу, не доходя до деревни Ортнай.

13-го. Маршъ до рѣчки Бомбаки, — 15 верстѣ, — между деревнями Гамамла и Сарала. Сюда высланъ былъ изъ Караклиса для отряда провіантъ.

14-го Сентября, опрядь прибыль къ Кара-
клицу, перешедь 12 верстѣ.

Имѣю честь быть, и проч.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Пажь Герцога Фридландскаго.

Историческая повесть; соч. Громица.

(Окончаніе.)

На другое утро Герцогиня отправилась изъ Праги въ Вѣну; вслѣдъ за нею Графиня *Герцки* съ дочерью, которая принуждена была расстаться съ своею несчастною подругою, *Іоанною*. Онѣ уже послѣ никогда не видались. Расперзанное сердце *Матильды* желало въ святыхъ стѣнахъ монастыря обрѣсти безмятежное убѣжище. Первая и единственная любовь ея преждевременно привела ея на край могилы. По утру въ день отбѣзда, Герцогъ долго говорилъ съ Графинею, увѣдомилъ ее обо всемъ, что произошло на канунѣ, и сообщилъ ей свою волю касательно *Матильды*. Графиня не безъ внутренней досады внимала словамъ своего зятя; ибо удаленіе дочери въ монастырь совсѣмъ не согласовалось съ ея горделивыми планами.

Матильда терпѣливо ожидала своей участи, и смиренно перенесла материнскій гнѣвъ. Она ни мало не заботилась о блестящихъ видахъ

своей честоплюбивой матери, и съ безмолвною покорностию выслушивала угрозы свѣплѣйшаго дяди. Она понимала, что бездна, опдѣляющая ее отъ возлюбленнаго, непереходима, и потому монастырская келья была ей вѣ тысячу крашѣ милѣе, нежели бракъ съ постылымъ.

Роткирхъ, убитый горестию, отправился вѣ Силезію къ своей матери. Онъ удосповѣрился, что *Сени* измѣнилъ ему, что сей коварный Италіянецъ погубилъ его и *Матильдино* счастье. Но тоска по возлюбленной не давала ему покоя на родинѣ; просьбы печальной матери не могли удержашъ его: онъ побѣжалъ вѣ Вѣну, куда незадолго прибыли Герцогиня и Графиня *Терцки*. Всѣ его старанія увидѣться съ *Матильдою* были тщешны. Однажды только посчастливилось ему увидѣть ее вѣ церкви, подлѣ ея матери. Блѣдно было лице ея; поблекли розы молодости. Она узнала его, когда онъ, закутанный вѣ плащѣ, припаился противъ нее за колонною. Одинъ только разъ глаза ея встрѣтились съ его глазами, и опустѣлое сердце его снова озарилось лучемъ счастья. Сей взглядъ былъ единственнымъ подаркомъ судьбы. И старая Графиня *Терцки* его замѣшила. Она немедленно съ *Матильдою* вышла изъ церкви, и вѣ томъ же самый вечеръ письменно его извѣстила, что если онъ томъ же часѣ не оставишъ Вѣны и осмѣлится искать случая видѣть ея дочь; то *Матильда* будетъ немедленно заперша вѣ монастырь, отъ его наглыхъ поисковъ.

Въ потѣ же день *Георгъ* уѣхалъ изъ Вѣны, и отказался отъ всѣхъ надеждъ.

Вскорѣ опять загремѣла военная труба въ Императорскихъ областяхъ. Высоко развѣвались *Валленштейновы* знамена въ Инаимѣ. Еще разъ явился Герцогъ *Фридрихъ* Генералиссимусомъ арміи, имѣ самимъ созданной, и спарые воины со всѣхъ сторонъ спекались къ знаменамъ того вождя, коему до сихъ поръ повсюду сопутствовала побѣда. И *Роткирхъ*, покинувъ родину, отправился въ Инаимѣ. Онъ письменно просилъ у Герцога позволенія пролить за него свою кровь, и если онъ не достоинъ сопровождать высокую особу его: то, по крайней мѣрѣ, будетъ служить въ рядахъ его арміи. *Валленштейнъ* въ обидныхъ выраженіяхъ отказалъ ему въ сей просьбѣ. Сени опасался пылаго характера юноши, и потому употреблялъ всѣ средства изгнать его изъ сердца *Валленштейна*.

Но ни холодный отказъ Герцога, ни спрожайшее его повелѣніе, никогда ему не показались на глаза, не удержали *Роткирха*, слѣдовать переодѣвшись за арміею. Уже Герцогъ въ шуму военныхъ дѣйствій позабылъ своего Пажу, полагая, что онъ находится отъ него далеко, какъ вдругъ отъ разныхъ военачальниковъ получилъ донесеніе, что *Роткирхъ* показывается во многихъ мѣстахъ и почти при каждомъ сраженіи, особенно же часто при *Исолани* и его *Кроакахъ*. Герцогъ молчалъ, и, казалось, не обратилъ на это вниманія. Однажды же, когда Пажъ, въ жаркомъ дѣлѣ въ верхнемъ

Пфальцъ очень близко проскакалъ мимо Герцога, и кто-то обратилъ вниманіе его на *Роткирхъ*; онъ, казалось, не хотѣлъ его замѣшить, и вся армія наконецъ подумала, что *Роткирхъ* исполняетъ какія нибудь шайныя порученія Герцога. Но молчаніе его имѣло совсѣмъ иную причину. Онъ зналъ испытанную вѣрность Пажа, его сыновнюю, безпредѣльную къ нему преданность, которая походила почти на обожаніе; часто, когда онъ припоминалъ себѣ, что все его пресупленіе есть безумная спрасъ, но прежде къ нему благоволеніе въ немъ пробуждалось, и сердце его готово было простить прѣступокъ молодости. Но коварное наушничество астролога и извѣстія, что *Матильда* все еще съ непоколебимою вѣрностію привязана къ Пажу, скоро опять перемѣняли его благорасположеніе; но онъ терпѣлъ его около себя, и не препятсывовалъ ему бросаться въ опасности. Однажды, когда Герцогъ завернулъ за уголъ лѣва, и *Роткирхъ* нечаянно съ нимъ встрѣтился: то онъ едва преодолѣлъ желаніе подозвать его къ себѣ, и съ тѣхъ поръ, казалось, съ удовольствіемъ слышалъ, что Пажъ находится въ близи его.

Валленштейнъ выступилъ подъ *Нюрнбергъ*, на встрѣчу Королю *Густаву-Адольфу*. Долго стояли обѣ арміи одна противъ другой въ наблюдательной позиціи. — Наконецъ, Король атаковалъ укрѣпленный лагерь *Валленштейна* въ *Альтенбергѣ*; черезъ засѣки повелъ онъ полки свои къ непріятельскимъ окопамъ. Среди огня и пушечнаго дыма Герцогъ стоялъ непоколебимо

съ своимъ войскомъ, и приспа орудій изрыгали на Шведовъ смерть и гибель. Сей день долженъ былъ увѣнчашь рѣшительною побѣдою одного изъ сихъ славныхъ военачальниковъ.

На колокольнѣ сельской церкви, въ споронѣ отъ поля битвы, стоялъ *Сени*, и въ подзорную трубу смотрѣлъ на сраженіе. Конница, которая поспроилась передъ деревнею, служила ему защитою отъ всякой опасности. Съ безпокойствомъ замѣчалъ онъ ходъ дѣла. Онъ зналъ всю важность сего рѣшительнаго дня. Храбрые Шведы неуспрашимо пробивались сквозь лѣса и засѣки, но щещно приступали къ окопамъ, обороняемымъ огненными жерлами. Шесть разъ они кидались на приступъ, и шесть разъ были отражаемы. Только въ одномъ мѣспѣ, прошивъ древняго замка, гдѣ начальствовалъ мужественный *Бернгардъ Веймарскій*, колебалась побѣда. Онъ овладѣлъ высокою. Но въ этотъ день счастье не благоприятствовало Шведамъ. И сію позицію, попоками крови купленную, *Бернгардъ Веймарскій* принужденъ былъ оставить. Король *Густавъ-Адольфъ*, впервые остановленный на своей побѣдоносной дорогѣ, напрасно пролилъ въ этой битвѣ кровь своихъ храбрыхъ воиновъ.

Астрологу пріятно было смотрѣть издали на храбрые подвиги, движеніе и сшибку сражающихся арій. Изрѣдка только пушечные выстрѣлы провожали отраженныхъ Шведовъ, которые, отступая въ грозномъ порядкѣ, расположились лагеремъ при *Фюрштѣ*. Имперская ар-

мія осталась вѣ своей позиціи: раненыхъ отвезли съ поля сраженія, убитыхъ схоронили, но вѣ лагерѣ гробовое безмолвіе не скоро смѣнилось радостными кликами бранной жизни.

„Спранно!“ — сказаль самѣ себѣ *Сени*: „спранно! что Я, споль ничпожная пылинка, вѣ семѣ ужасномѣ кровопролитіи многихъ пысячъ что, можетѣ бытъ, Я одинѣ причиною, что обѣ сіи арміи сражались съ такимѣ ожесточеніемѣ. Еслибѣ я не покорила высокоумѣрнаго *Валленштейна* мнимому могуществу звѣздѣ, еслибѣ не употребилѣ всѣхъ средствѣ, чтообы оковать крылья его предприимчиваго духа суевѣріемѣ и предрасудками: то можетѣ бытъ, обѣ арміи стояли бы теперѣ вѣ дружескомѣ согласіи предѣ врагами Вѣны. Трепещала бы теперѣ древняя столица Императоровѣ, поколебалась бы наша древняя вѣбра. —

„Мое дѣло сей кровавый день! Мое дѣло!“ воскликнулѣ онѣ вѣ гордомѣ упоеніи восторга.

— Твое дѣло! Конечно швое, Сашана! — услышалѣ онѣ за собою. Сильный ударѣ по плечу пробудилѣ его изѣ гордыхъ думѣ; вѣ испугѣ онѣ оглянулся и увидѣль передѣ собою *Георга Роткирха*, вѣ плащѣ простаго рейцара. — Твое дѣло, великій властитель звѣздѣ! Слушай! воскликнулѣ онѣ, и глаза его молніей сверкали на дрожащаго старца: пы часто смотрѣль на звѣзды и по печенію ихѣ предсказывалѣ дуракамѣ будущее; теперѣ. . . Онѣ схватилѣ аспролога за грудь, и высоко поднялѣ его на воздухѣ: „теперѣ посмотри вѣ глубину, поищи тамѣ земныхъ почекѣ, и сос-

павъ себѣ свой гороскопѣ. Испугался? кайся, бездѣльникѣ.“

Сени молчалъ.

— Говори! повторилъ раздраженный *Роткирхъ*, пошряхивая спарика могучею рукою: — предсказывай свою участь! Спарецъ висѣлъ между небомъ и землею.

„Мой часъ еще не ударилъ, я не умру опѣ швоей руки!“ вскричалъ, не смотря на опасность, *Сени* съ бодрымъ духомъ: „швоя юность увянетъ скорбе, нежели моя старость. Выпусти же меня! Ты зашѣялъ пущное! если рука швоя и сброситъ меня съ колокольни: я ошпанусь невредимъ; но тебѣ я вижу шамъ внизу изувѣченнаго.“

— Фарисей! вскричалъ *Георгъ*, и толкнулъ аспролога къ стѣнѣ: „что я тебѣ сдѣлалъ, что сдѣлала тебѣ *Матильда*? За что ты погубилъ насъ? —

„*Георгъ Роткирхъ!*“ сказалъ аспрологъ, поднимая свою упавшую подзорную трубу и заботливо ее разсмащивая: „слѣпо мчишься ты туда; куда влекутъ тебя швои шпрасши. Я слѣдую путемъ, который звѣзды мнѣ указываютъ. Онѣ велѣли мнѣ разорвать вашу любовь. Я слѣпо выполнилъ повелѣнное Небомъ.“

— Еслибъ и я слѣпо повиновался влеченію шпрасши, возразилъ *Роткирхъ*: шо ты лежалъ бы теперь, разбишый, на каменномъ помостѣ Церкви! —

„Эшаго не могло быть!“ отвѣщствовалъ аспрологъ съ удивительнымъ спокойствіемъ: написаннаго въ книгѣ судебъ, не можешъ пере-

мѣнишь свое безумное бѣшенство. Ты упадешь на помостѣ сего храма и будешь изувѣченъ, а не я. И такъ, любезный *Роткирхъ*,^с сказалъ онъ съ припворною искренностію: умоляю тебя, оставь сіе мѣсто. Я жду Герцога, онъ скоро сюда будетъ. Ты знаешь его вспыльчивость. — Это будетъ для тебя неприятная встрѣча. Если я тебя огорчилъ, по повѣрь мнѣ: высшія Силы мнѣ это повелѣли, а не мое сердце! Не медли, мой сынъ!^с

Роткирхъ окутался въ плащъ, и сказалъ рѣшительно: я намѣренъ ожидать здѣсь Герцога и своей участи! Онъ сѣлъ подлѣ астролога на камень, и задумчиво играя золотою бахромою военной перевязи, подаренной ему *Матильдою*, онъ непримѣнно до того погрузился въ сладостныя грезы минувшаго, что помные глаза его, наконецъ, весело взглянули на небо, какъ будто благодаря его за неожиданное счастье.

Сени разсматривалъ его пристально. Еще не совсѣмъ закоренѣло въ злобѣ его коварное сердце, и небесный взоръ и ясная улыбка непорочнаго юноши его пронули, проникли до глубины души. Онъ безмолствовалъ, и не хотѣлъ вывести его изъ приятныхъ мечтаній; онъ въ сію минушу сострадалъ о добромъ молодомъ человѣкѣ, который, спѣсивъ все свое земное блаженство въ обольстительный образъ фантазіи, вскорѣ долженъ былъ пробудиться для новой горести, для новыхъ терзаній.

„*Сени!*“ сказалъ наконецъ *Роткирхъ*, и весело взглянулъ на шарца: „Герцогъ не ѣдетъ,

и едва ли сегодня приѣдешь; холодно, и вѣтеръ рѣзкій свищетъ въ щели вѣтхой церкви; подите съ Богомъ, — вы можете здѣсь простудиться.“

Сени всмалъ, посмошрѣлъ съ умиленіемъ въ благородное, болѣзненное, но вмѣстѣ и радостное лицо юноши. Онъ посмавилъ опять на полъ кружку съ виномъ, подошелъ къ *Роткирху*, и пропянувъ къ нему руку, сказалъ: мы распаемся друзьями, *Роткирхъ*?

„Нѣтъ, Господинъ Сени,“ отвѣчалъ *Георгъ* съ гордостью: „врагами! Никогда мы не можемъ быть друзьями. — Но я прощаю вамъ все зло, которое вы мнѣ сдѣлали.—Желаю вамъ покойной ночи!“

Аспрологъ ушелъ. *Роткирхъ* закутался въ плащъ, сомкнулъ глаза, и воображеніе сплело ему прелестный вѣнокъ воспоминанія изъ бѣдъныхъ цвѣтшавъ его жизни.

Такъ заспало его слѣдующее утро. Еще стоялъ онъ на колокольнѣ, обозрѣвая и лагерь Герцога *Фриландскаго* и позицію Шведовъ при *Фюртѣ*. Онъ восхищался карпиною восходящаго солнца, посмошрѣлъ внизъ съ высокой колокольни, и вздрогнулъ, вспомнивъ слова аспролога, который предсказалъ ему, что онъ, разбитый, будетъ лежать на каменномъ помостѣ.

„Нѣтъ!“ вскричалъ онъ, и лицо его озарилось веселою улыбкою:—„здѣсь не заспигнешъ меня Ангелъ смерти, и не свергнешъ меня внизъ. Если скоро умру, какъ это я самъ пред-

чувствую: по умру, исполняя послѣднюю просьбу *Матильды*.”

Тутъ увидѣлъ онъ кружку съ виномъ, оставленную для него аспрологомъ. Природа всхулилась за права свои; жажда его помила, онъ налилъ вина въ оловянный покаль, поднесъ его къ устамъ, но вдругъ задумался. „Не уже ли мстительный Ишаліанецъ подсластилъ мнѣ вино?“ сказалъ онъ самъ себѣ: „не уже ли оно оправлено, и сія колокольня будетъ мнѣ могилою? О чемъ же думаешь? Тогда все кончилось!“ сказалъ онъ съ веселымъ спокойствіемъ, выпилъ покаль, и посмотрѣлъ на прекрасный міръ вокругъ себя. На глазахъ его невольно навернулись слезы — грустно показалось ему разлучиться съ юною, едва расцвѣтшею жизнію. „Разсваваться тяжело!“ воскликнулъ онъ, — „тяжело разсваваться съ любовью и жизнію!“ — Тутъ упреннй въперокъ дохнулъ на него холодомъ, онъ вздохнулъ, дрожь пробѣжала льдомъ по всему тѣлу. „Не уже ли это оцѣпенѣніе смерти?“ подумалъ онъ самъ въ себѣ: „не уже ли я дѣйствительно оправилъ себя виномъ аспролога?“

Въ сію минушу послышался ему шумъ внизу, подлѣ самой церкви; — онъ посмотрѣлъ осторожно съ колокольни. Это былъ отрядъ Веймарскихъ всадниковъ, которые примчались изъ-за деревни.

„Взойдемъ на колокольню! сказалъ одинъ изъ нихъ, — „откуда можно обозрѣвать всѣ окрестности.“ *Роткирхъ* вспомнилъ слова *Сени*, и выхватилъ пистолетъ изъ за пояса. Но

командиръ запрешилъ всходить. „Это насъ слишкомъ долго остановитъ,“ сказалъ онъ: „поѣдемъ въ лѣсу.“ Опрядъ изъ спа всадниковъ пошянулъ вдоль горы по шропинкѣ къ небольшому кустарнику, который въ долину примыкалъ къ лѣсу.

Сии непріятельскія движенія заставили *Роткирха* все забыть. Онъ хотѣлъ уже сойти къ своему вѣрному Венгерскому коню, оставленному имъ въ ближайшей жижины; дабы извѣстить своихъ пріятелей Кроатовъ, засѣвшихъ въ ближайшемъ кустарникѣ, объ угрожающей имъ опасности, — какъ вдругъ замѣтилъ, что небольшое число всадниковъ, выѣзжая изъ лѣса со стороны Императорскаго лагеря, беретъ направленіе къ засадѣ Шведовъ. Онъ началъ внимательно всматриваться и узналъ, что это былъ Герцогъ съ небольшою свитою.

Опрометью бросился онъ съ лѣспницы колокольни, прямо къ своему вѣрному коню; быстро осѣдлавъ его, но еще быстрѣе помчался съ горы въ равнину. Герцогъ и свита его уже окружены были Веймарскими всадниками. Выстрѣливъ изъ обѣихъ пистолетовъ въ пылу непріятели, завопилъ онъ громкимъ голосомъ, какъ будто нѣсколько сотъ человекъ прискакало на помощь Цесарцамъ—и съ мечемъ въ рукѣ бросился въ средину изумленныхъ непріятелей. Они не устояли противъ бѣшеннаго его напора, и онъ пробился до самого Герцога. Онъ махалъ саблею во всѣ стороны; и съ неистовымъ опчаяніемъ оборонялъ своего повелите-

ля, который воспользовавшись симъ случаемъ, освободился опѣ окружавшихъ его враговъ и поскакалъ въ деревню.

Кроаши прилепѣли къ нему на помощь; Веймарская конница обратилась въ бѣгство, и раненый Венгерскій конь понесъ своего всадника по дорогѣ въ деревню. У самой церкви сей вѣрный товарищъ молодого Героя, грянувшись мерпвый на земь. *Роткирхъ*, покрытый ранами, лежалъ подлѣ него.

Пришедъ въ себя, *Георгъ* увидѣлъ себя въ великолѣпномъ шатрѣ. Хирургъ, который, казалось, сидѣлъ подлѣ него, въ сію минуту удался. Слабо билось сердце молодого Героя, голова его была перевязана, многія раны на изрубленномъ лицѣ причиняли ему жестокую боль; онъ, какъ будто проснувшись опѣ тяжкаго сна, опомнился и озирался кругомъ неподвижнымъ, тусклымъ взоромъ.

Тутъ вмѣстѣ съ Хирургомъ вошелъ въ палатку Герцогъ *Фридрихъ*. „Онъ живъ! сказалъ онъ: это мнѣ пріятно. — Спросите о его имени!“ Онъ подошелъ къ одру раненаго.

Послѣдняя искра жизни вспыхнула въ *Роткирхѣ* при видѣ своего повелителя. Онъ хотѣлъ прощипнуть къ нему руку, но она была ранена и крѣпко подвязана.

— Кто вы, молодой человекъ, спросилъ Хирургъ, — споль великодушно принесшій себя въ жертву Его Свѣщности? Говорите, кто вы? —

Очень было прискорбно *Роткирху*, что Герцогъ не узнаеть его. Онъ молчалъ. —

„Говорите!“ сказалъ Герцогъ съ благоволеніемъ: „славныя раны такъ обезобразили ваше лице, что никто васъ не узнаеть.“

— *Георгъ Роткирхъ!* сказалъ юноша слабымъ голосомъ.

„Ты *Георгъ Роткирхъ*, мой вѣрный Пажъ, котораго я въ гнѣвъ своемъ оскорбилъ столь жестоко?“ воскликнулъ Герцогъ: „ты за меня умираешь?“

— Я исполнилъ повелѣніе *Матильды Терци* и желаніе моего сердца! — Какая нестерпимая боль! вскричалъ онъ — и съ симъ словомъ грудь его поднялась; перевязка развязалась, кровь полилась ручьями. — Возвратите ей шарфъ, сказалъ онъ тихо Герцогу, который наклонился къ умирающему: скажите ей, что онъ за васъ обогреть моею кровію. — Погребите меня въ Гичинъ, и берегитесь коварнаго.... Послѣднее слово его замерло въ глубокомъ вздохѣ — онъ преславился.

Тогда слезы, можетъ быть, первыя слезы навернулись на глазахъ *Валленштейна*. — „Онъ былъ достоинъ моей пріязни, достоинъ умереть въ моихъ объятіяхъ!“ сказалъ онъ расшоганнымъ голосомъ: „немногіе согласятся умереть за меня такою геройскою смертію.“

Въ силу его послѣдняго желанія, *Роткирхъ* погребенъ въ монастырѣ близъ Гичина. Вскорѣ, и на то же кладбище, переселилась *Матильда Терци*. „Его жизнь была моею жизнью, его смерть — моя смерть!“ были послѣднія слова

умирающей спрадалицы, кошорая, будучи вѣрна
своей кляшвѣ, послѣдовала за нимъ вѣ могилу.

Съ Нѣм. В. Тило.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЧУВСТВА ПРЕДЪ ГРОВОМЪ
ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ.

Въ ночь наканунѣ погребенія шѣла Ея Величества.

И шакъ Твой гробъ съ мольбой объемаю!
И шакъ покинула Ты землю,
Небесно - чѣсная душа!
Какъ Божій Ангель соверша
Межъ нами пушь благошворящій,
Какъ день, безъ облакъ заходящій,
Ты удалилася ошь насъ!...
Неизъяснимый смершнѣй часъ!
Еще досель не посшигаемъ,
Чшо на землѣ Тебя ужъ нѣшь!
Товой былъ шакъ украшенъ свѣшь!
Еще шакъ шѣсно мы сливаемъ
Тебя со всѣмъ, чшо въ мѣрѣ ешь
Намъ драгоцѣннаго, слышаго,
Еще привычкою обрѣшь;
Все мнимъ Тебя среди земнаго...

А Ты?... О, каждому изъ насъ
 Чашь жизни умерла съ Твоею!
 Съ Твоей ошшедшею душою
 Какой-то милый свѣщъ угасъ,
 Кошорымъ сердце ободрилось,
 Въ кошоромъ шаинство являлось
 Свяшаго Промысла ему!
 Твоею радуясь безпечно,
 Мы жизнь Твою считали вѣчной...
 И вдругъ ко гробу Твоему
 Идемъ на вѣчную разлуку!
 Твою ль цѣлуемъ мы въ слезахъ
 Досель подашельницу благъ,
 Теперь безчувшвенную руку?
 Ты ль въ багряницѣ, подъ вѣнцомъ
 Съ симъ безошвѣшшвеннымъ лицомъ
 На гласъ любви, на гласъ печали?
 Такою ль мы Тебя видали?...
 Сей погребальный оиміамъ;
 Сей образъ, видащійся шамъ;
 Сія возвышенная рака,
 Среди шаинственнаго мрака
 Намъ предшоящая въ лучахъ,
 Блистанье гробоваго Трона;
 Главы лишенная Корона,
 Порфира, падшая на прахъ...
 Невыразимое видѣнье!
 Трепещеть здѣсь воображенье
 Предъ зрѣлищемъ небышя!
 Но... здѣсь въ молчаньи ночи, я
 Сходящій Ангеломъ на землю
 Ушвѣшвыи, сладкій голось внемяю:

Не возмущайтесь душой!

О эшо Ты! сей голосъ Твой!...

Заушра пышность сей гробницы,

Сей прахъ разрушенной Царицы,

Земль ва вѣки опдадутъ!

Но чшо же, чшо въ ней погребутъ!

Лишь гробъ, лишь скрытое во гробъ,

Лишь смерти безъимянный знакъ!...

Въ земной шаиншвенной ушробъ

Опъ глазъ сокроешь вѣчный мракъ,

Одинъ лишь видъ уничтоженья!

Одинъ символъ небышя!,..

Но жизнь прекрасная Твоя

Символъ прекрасный Провидѣнья....

Межь нами будешь, какъ была,

Она жива, чиста, свѣшла,

Вспоминьемъ благодашна,

И сердцу вѣчно безушрашна! —

Въ рѣшишельный прощанья часъ

Съ невыразимымъ умиленьемъ,

Съ любовію, съ богошвореньемъ

Я падаю въ послѣдній разъ

Передъ гробницею Твоею!

О! я дерзаю передъ нею

За всю опчизну говоришь,

И въ голосъ мой соединишь

Всѣ голоса, въ сіе мгновенье,

Въ одно слянные моленье!

Благодаримъ! благодаримъ

Тебя за жизнь Твою межъ нами!

За Тронъ Твой, Царскими дѣлами

И сердцемъ благосшнымъ Твоимъ

Украшенный, превознесенный!
 За образецъ, Твоей явленный,
 Божественныя чистоты!
 За прелесть прошкой прототы
 Среди блистанья Царской славы!
 За младость дѣвъ, за жизнь дѣшей,
 За чистыя, душой Твоей,
 Полѣтка сохранены нравы,
 За благодать, съ какою Ты
 Спѣшила въ душевный мракъ больницы,
 Въ пріющъ сирадающей вдовицы
 И въ колыбели сироты!...
 Съ Твоей часъ жизни погребая,
 И Машеръ милую свою
 Въ Тебѣ могилѣ уснупая,
 Въ минушу скорбную сію,
 Въ единый плачь сліясь сердцами,
 Всѣ предъ Твоею говоримъ:
Благодаримъ! благодаримъ!
 И впуки повпоряшъ за нами
 И съ ними свѣшъ: *благодаримъ!*

Жуковский.

Письмо къ Графу Д. И. Хвостову, изъ Архангельска, отъ 10-го Октября.

Извините, проспите меня, что я такъ долго не писалъ къ В. С. и не благодарилъ васъ за весьма пріятный для меня даръ: ваши Лирическія шворенія. Я читаю ихъ шеперь вмѣстѣ съ Одами *Ломоносова*, Оды по двѣ въ день, *Ломоносова* по утру, ваши ввечеру. Читаю большею частію вслухъ. Покойникъ *Ганинъ* увѣрялъ меня, что онъ единственно для моціона писалъ Драмы; а я для моціона декламирую, вспомнивъ, что это средство, именно для моціона же, предлагаетъ нашей братьи ученый Докторъ *Витъ* во всѣхъ изданіяхъ Тракташа своего о Гемороѣ. Ваши Лирическія Стихотворенія напечатаны прекрасно; въ изданіи же сочиненій *Ломоносова* (in 8°, 1803) копия лишеры *Шноровскія* и очень хороши; но корректоръ видно былъ невѣжда, не спавилъ въ иныхъ мѣстахъ со всѣмъ знаковъ препинанія и не означилъ подробно въ оглавленіи Одъ шоржешшвенныхъ, а надписи на разные случаи списаны шупъ съ величайшею шочностію. Пора бы сдѣлать хорошее изданіе швореній *Ломоносова*; неполное, но избранное и съ комменшаріями. Да надъ этимъ надобно посидѣшь, а комменшаріями немногіе любяшь и могутъ у насъ занимашься.

Присланныя, при послѣдней запискѣ В. С., печатныя ваши Спихотворенія роздалъ я всѣ безъ остатка здѣшнимъ любителямъ Поэзіи, въ томъ числѣ нѣсколькимъ семинаристамъ и кантонистамъ, копорыхъ благодарности изъяснить не въ силахъ. Сдѣлайте, добрый Графъ, доброе дѣло, подарите для здѣшнихъ учебныхъ заведеній нѣсколько экземпляровъ хоть прежнихъ изданій, и пришлите сюда съ окказією въ мое распоряженіе. Архангельская Гимназія имѣетъ довольно хорошую библіотеку, Семинаріи еще не знаю, а Военно-сиротское отдѣленіе, котораго Командиромъ сдѣланъ недавно прѣбывавшій сюда давнишній мой пріятель, человекъ испинно благонамѣренный и любящій просвѣщеніе, приметъ съ благодарностію копия и шарыя, но полезныя книжки, въ копорыхъ крайне нуждается. Жаль, что моя библіотека въ Петербургѣ.

Написалъ я вскорѣ послѣ моего прѣзда сюда въ Альбомъ *Г-жѣ Лазаревой* на ея опѣвѣздѣ:

Счастливаго пуши!

Дай Богъ дождашь вамъ шуда благополучно.

А намъ (*) безъ васъ, какъ будешь скучно!

Нѣтъ, дамы намъ шакой, какъ вы, здѣсь не найши,

Наказываешь Богъ васъ видно за грѣхи!

Кому прикажеше чишаешь (**) шеперь сшихи?

Любительницѣ лишерашуры

(*) Мнѣ и Губернатору *Изм.*

(**) *И. Я. Бухаринъ* очень хорошо чишаешь сшихи, особенно писанныя простымъ и среднимъ слогомъ: *Изм.*

Россійской здѣсь изъ Нѣмокъ нѣшту ;

Изъ Русскихъ шакже нѣшту.

При шомъ же по секрету

Слажу я вамъ :

Здѣсь много женщинъ, мало дамъ.

„Ошибибься дѣло человѣческое, а не признавашься въ грѣхѣ дѣло дьявольское;“ сказалъ ПЕТРЪ Великій. Согрѣшилъ и я по невѣденію, аки человѣкъ ; но не хочу бытъ упоренъ, подобно дѣволу. Довольно здѣсь и дамъ, да какія миленькія, умненькія ! Многія изъ нихъ спрашно любящъ Русскую Словесность и очень начипаны. Здѣсь не спыдяпся бздипъ на вечерокъ въ гости съ работою. Дамы и дѣвицы усядущь около спюлика въ кружокъ ; одна вяжетъ филе, другая кошелекъ, претья вышиваешъ по канвѣ, и ш. д. Кто нибудь чипаешъ, а онѣ слушающъ. И я имѣлъ честь чипать прелестнымъ Басни *И. А. Крылова* и *Идилліи В. И. Панаева*. Вы знаете, Графъ, что я не играю въ каршы : единспвенная игра моя въ вопросы и отвѣшы. Случалось нѣсколько разъ мнѣ, играшъ здѣсь въ эту игру съ дамами и дѣвицами, и хопя я почши всегда писалъ отвѣшы свои стихами (мы вѣдь Поэты съ вами) ; но спыдно сказать, а грѣхѣ ушайшъ — скажу, такъ и бытъ : стихи мои часшо, очень часшо уступали въ остроушъ и замысловатости дамской прозѣ.

12. Пятница.

Вчера давали у насъ въ Благородномъ Собраніи балъ. Волъ уже это претій балъ при мнѣ,

а я не былъ еще ни на одномъ. Въ почтовые дни не до баловъ. И что мнѣ шамъ дѣлать? Въ карты я не играю, а шанцовать и съ молодую не шанцовалъ.

Съ 4-го нынѣшняго мѣсяца стала у насъ зима, а со вчерашняго дня поползла. Вотъ какъ непостоянна погода и на сѣверѣ. Давно ли мелькали по улицамъ сани? Опять появились дрожки. Почернѣли дороги, почернѣли, покраснѣли опять на домахъ крыши, почашія влагу, однако не смольную—только и слышишь капъ, капъ, да карканье воронъ.

Съ какимъ неперлвнѣемъ ожидаемъ мы всякой разв Петербургской почты, особенно съ шѣхъ поръ, какъ началась побѣдоносная война съ Басурманами. Жаль, что нельзя поговорить шеперь о военныхъ дѣйствіяхъ съ Княземъ С. А. Хилковымъ и незабвеннымъ Преосвященнымъ Тверскимъ *Амросіемъ*. Исторію войны 1812 года знаетъ онъ такъ, какъ бы писалъ ее. Примѣрный Архіерей (*)!

(*) Рѣчь, произнесенная Преосвященнымъ Архіепискомъ *Амросіемъ* въ Казанскомъ Комитетѣ Библейскаго Общества 12-го Марта 1823, въ которой превосходнымъ образомъ доказана польза, отъ Христіанской Религіи происшедшая, расхвалена въ *Revue Encyclopédique* и ошлично принята въ Парижѣ. Бывшіе въ то время шамъ наши Галломаны спрашивали съ изумленіемъ другъ друга: *Mais, qui est ce père Ambroise, qu'on loue tant?* А у васъ и не знаютъ этой рѣчи, не знаютъ многихъ превосходныхъ его поученій, потому что они, или не напечатаны, или напечатаны, но въ маломъ числѣ экземпляровъ. *Изм.*

Онъ истинный поборникъ вѣры;
 Но не ханжа и не сердись,
 Какъ Фарисей-лицемѣры.
 О всемъ умно какъ говоришь,
 О всемъ какъ здраво разсуждаешь,
 И не педаншь, хошь много знаешь.

Съ опличнымъ почитаніемъ и душевною
 преданностію имѣю честь быть всегда,

В. С.

покорнѣйшимъ слугою

А. Измайловъ.

Молодецкіе промахи Издателя Московскаго Телеграфа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

„На второй страницѣ прибавленія къ М. Т. напечатано, будто бы въ Дамскомъ Журналѣ есть какія-то чувствительныя сшашьи о брашьяхъ *Леманахъ*: чувствительное неуваженіе къ испивѣ! въ Д. Ж. никогда ничего не было о брашьяхъ *Леманахъ*! Вошь какъ вѣрны депеши *Московскаго Телеграфа*.
Князь Шаликовъ.

Подобно какъ въ водѣ и деревья и дома кажутся намъ опрокинутыми, а люди къ верху ногами: такъ въ М. Т. всѣ сужденія объ Авпорахъ и книгахъ являющся на выворотѣ. Въ 15-й книжкѣ, окончивъ разборъ Англійскихъ новыхъ книгъ, кошорый, по какой-то недовѣдомой причинѣ, таинственной симпатіи, или по со-

чувствію, весьма похожѣ на разборы, помѣщаемые въ *Révue Encyclopédique* и *Révue Britannique*, и нещадно разбраня Испанскій переводѣ *Виргиліевыхъ Георгикъ*, вдругѣ (стр. 420) бросился на Русскую Липерашуру и прямо на Лирическія Стихотворенія Графа *Хвостова*. Мы не намѣрены здѣсь ни вступаться за сего Писателя, ни выславлять его красотѣ: о вкусахѣ спорить не лзя! Мы хопимѣ только уличить *Г. Полеваго* въ неосновательности, съ которою прочитываетѣ онѣ книги, имѣ крипикуемыя.

1-е. Онѣ увѣряетѣ, что Стихотворенія Графа *Хвостова* напечатаны въ типографіи Академіи Наукѣ, между тѣмѣ, какѣ на заглавномѣ листѣ крупными, чешкими буквами выславлено: печатано въ типографіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Россійской Академіи.

2-е. Онѣ упомянулѣ только, что сей Поэтѣ современникѣ *Державинцу*. Нѣтъ, онѣ шакже современникѣ *И. И. Дмитріевцу, Калнистцу, Княжичинцу, Князю И. М. Долгоручковцу* и многимѣ другимѣ славнымѣ стихотворцамѣ.

3-е. Онѣ называетѣ Князя *Шаликова—Петромѣ Ивановисемѣ*, а черезѣ строку *Петромѣ Алексеевсесемѣ*.

4-е. Онѣ замѣнилѣ, по своему произволу, стихѣ Князя *Шаликова* стихомѣ собственной фабрики.

5-е. Онѣ позволяетѣ себѣ шуточки, кошоры не у мѣста въ рецензіи на книгу, сочиненную человекомѣ почтеннымѣ по своимѣ лѣтамѣ, чину и заслугамѣ Отечеству. Весьма желательна, чтобы *Г. Полевой* объяснилѣ,

въ какомъ смыслѣ, — послѣ сдѣланнаго имъ вопроса : „что сказать о самыхъ сочиненіяхъ Графа Д. И. Хвостова?“ — онъ привелъ слѣдующіе два стиха :

Все шопъ же онъ; все шопъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный.

Г. Полевой, записавшись въ литераторы, вступилъ въ такой кругъ, въ кошоромъ надобно ему познакомиться съ вѣжливостью, прислушиваться къ хорошему шону и поучиться наблюдать приличіе не только въ разговорѣ, но и на письмѣ.

W.

Москва.

Отвѣтъ Г. Полковнику Бурцову на статью, помѣщенную или въ № 16-мъ Тифлисскихъ Вѣдомостей.

Въ № 16 Тифлисскихъ Вѣдомостей, Г. Полковникъ Бурцовъ извѣявляетъ свое неудовольствіе Редактору Русскаго Инвалида и Издателямъ Сѣв. Псалы.

Первый (ш. е. Редакторъ Р. И.) описываетъ обратно въ Тифлисъ къ Г. Полковнику Бурцову его неудовольствіе : ибо по справкѣ оказалось, что въ официальномъ Извѣстіи, которое прислано было въ Редакцію для напечатанія въ Военныхъ Вѣдомостяхъ, ясно написано : 1.000 сажень, а не 400 сажень, какъ того пребуешъ Г. Бурцовъ.

Предоставляемъ самимъ Гг. Издателямъ Сѣв. Пчелы просить извиненія, или оправдываться.

Оттолбъ, то штурмъ Ахалциха произведенъ 15-го Августа, въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы, а въ Сѣв. Пчелѣ — сіе кровопролитное дѣло происходило 16-го числа.

Въ № XVI-мъ Тифлисскихъ Вѣдомостей Г. Полковникъ Бурцовъ поправляетъ ошибку, замѣченную имъ въ Сѣв. Пчелѣ, въ которой напечатано, будто бы штурмъ Ахалциха происходилъ 16-е Августа, между тѣмъ, какъ онъ дѣйствительно произведенъ 15-го числа, въ праздникъ Успенія пресвятыя Богородицы.

Весьма благодарны Г. Б. за сію поправку. Если бѣ военные люди чаще дѣлали такіе замѣчанія: то заставили бы Гг. Издателей сей газеты быть осмотрительнѣе. А по Г. Грегъ печатаетъ ошибочно годы, мѣсяцы и числа, въ которыхъ дано какое нибудь сраженіе, взятъ городъ, или одержана побѣда надъ непріятелями Россіи. Этого мало! Онъ искажаетъ названія самыхъ знаменитыхъ битвъ. Напр. Г. Грегъ — Брѣвненскую побѣду называетъ побѣдою при Латорьерѣ (1); уверяетъ, что дѣло лодь Брѣвненою (2)

(1) Сѣв. Пчела 1825 г.

(2) Тамъ же. Въ Русскомъ Ивалидѣ напечатано, что сіе сраженіе дано 14-го Января; но съ перваго взгляда видно, что это описка: ибо это единственный промахъ въ дневникъ Ошечесшевныхъ воспоминаній.

происходило 17-е Января 1813 года, тогда какъ всякому извѣстно, что сіе славное сраженіе, въ которомъ разбины Французы, бывшіе подъ предводительствомъ самаго Наполеона, дано 20-е Января и называется побѣдою при Бриеннѣ. Такъ наименовалъ его Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I-й въ письмѣ къ Августѣйшей Своей Родительницѣ (3).

Если вѣришь *Г. Грегю*: то весь рядъ Опе-
чественныхъ воспоминаній, печатаемыхъ въ Р. И. состоишь изъ описокъ, опечатокъ, по-
грѣшностей, ошибокъ, недосмотровъ, прома-
ховъ, нелѣпостей; но всё онѣ существующѣ
въ одномъ его воображеніи. Вся бѣда состоишь
въ томъ, что — „хотя образованные люди
„сами могутъ видѣть: кто правъ и кто вио-
„вапъ въ литературныхъ спорахъ; но не всё
„образованные чинатели возмутъ на себя
„трудъ сличать спашь, разсѣянные по Жур-
„наламъ (4).“

(3) См. Слѣв. Почту 1813 года, № 12.

(4) См. Анши-Телеграфъ, изд. А. И. Писаревыхъ стр. 5.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годъ.

(Продолженіе).

Кампанія 1789 года.

Экспедиціею Капитанъ-Лейтенанта *Сенявина* на Анапольскіе берега и нѣсколькими частными дѣйствіями гребныхъ судовъ подъ *Очаковымъ*, заключаются подвиги Россійскаго флота въ кампанію 1788 года. Въ слѣдующемъ году, они не представляють ничего блистательнаго, и ни чье имя не гремѣло въ продолженіе онаго на водахъ, прославленныхъ побѣдами Принца *Нассау-Зигена*. Всѣ дѣйствія Черноморскаго флота ограничиваются крейсерованіемъ нѣсколькихъ Россійскихъ судовъ, посланныхъ Контръ-Адмираломъ *Графомъ Воиновичемъ*. Суда сіи, числомъ осмнадцать, состояли подъ начальствомъ Лейтенантовъ: *Бардаки* и *Глази* и вышли изъ Севастополя 18-го Апрѣля. Въ продолженіе своего плаванія около Румелій-

скихъ береговъ и устья Дуная, успѣли они взять и истребить нѣсколько Турецкихъ купеческихъ судовъ; но главнымъ подвигомъ сей экспедиціи было дѣло при мысѣ Каракерманъ, 21-го Апрѣля. Здѣсь вышеозначенные крейсера успѣли, подъ жесточайшимъ огнемъ непріятеля, высадить на берегъ десантъ, подъ начальствомъ Маіора Чалони. Храбрый сей Офицеръ, съ отрядомъ изъ 600 сухопутныхъ солдатъ и мапросовъ, опрокинувъ многочисленныя толпы Турецкой пѣхоты и конницы, равно какъ и сильное подкрѣпленіе, посланное къ нимъ на помощь, предалъ огню нѣсколько мечетей и множество домовъ, истребилъ пятнадцать мѣльницъ и пять магазиновъ съ сѣбѣспынными припасами. Сверхъ сего, онъ овладѣлъ двумя пушками и взялъ значительную добычу. —

Бездѣйствіе Россійскаго Черноморскаго флота въ 1789-мъ году, было вознаграждено въ слѣдующую кампанію. 1790 годъ, когда Графъ *Вонновитъ* былъ уже смѣненъ Конпрѣ-Адмираломъ *Ушаковымъ*; принадлежишь къ числу блистательнѣйшихъ эпохъ въ Исторіи нашихъ морскихъ походовъ. Хотя въ продолженіе сего времени, какъ и во всю вѣ пору, такъ называемую *Потемкинскую* войну (*), по имени Главнокомандовавшаго Россійскими арміями и Черноморскимъ флотомъ, не происходило на водахъ Чернаго моря сраженій столь рѣшительныхъ, какъ *Чесменское*; но они показали Туркамъ прево-

---

(*) Первая Турецкая война извѣстна подъ именемъ *Русско-Турецкой*.

сходство надѣ ними нашего оружія и поддержали шотѣ перевѣсѣ, который Россійскіе флоты приобрѣли надѣ Општоманскимѣ, со времени славныхъ побѣдѣ, одержанныхъ Графомѣ Орловымѣ въ Архипелагѣ. Кѣ сему же 1790 году принадлежатѣ первыя, блистательныя дѣйствія Россійской гребной флотилии на Дунаѣ, подѣ предводительствомѣ искуснаго Генерала *Гибаса*.

Кампанія 1790-го.

Смерть Султана *Абдуль-Гамида*, возведшая на Престолѣ Општоманской Имперіи *Селима III*, не привела кѣ концу войны, продолжавшейся уже слишкомѣ два года. Напрошивѣ, она возгорѣлась сѣ новою силою и сѣ новымѣ ожесточеніемѣ со стороны Турокѣ. Сему способствовали особенно спаранія нѣкоторыхъ Европейскихъ Дворовѣ, взиравшихъ сѣ зависію на быстрое возвышеніе Россіи и на новыя успѣхи ея оружія. —

Сѣ весною 1790 года открылись дѣйствія Черноморскаго флота и начались при Анапольскихъ берегахъ, куда Князь *Потемкинъ* отрядилѣ эскадру, подѣ начальствомѣ Коншрѣ-Адмирала *Ушакова*, для поисковѣ надѣ непріятелемѣ. —

Ушаковъ оставилѣ Севастополь 16-го Маія, и вышелѣ въ море сѣ тремя линейными кораблями, чепырьмя фрегатами, однимѣ репешичнымѣ и одиннадцашю крейсерскими судами. При семѣ, не излишнимѣ будетѣ замѣпить, что корабли и суда наши, составлявшіе въ шо вре-

мя Черноморскій флотъ, еще не обшивались мѣдью, а посему подводная ихъ часпъ много перпѣла отъ водяныхъ червей и ракушекъ, что самое, покрывая ихъ корою, дѣлало тяжелыми на ходу. Турецкій же флотъ бралъ надъ нимъ преимущество по своей легкости и вообще состоялъ изъ кораблей новыхъ, строенныхъ искусными Французскими мастерами, коихъ Порта вызвала къ себѣ послѣ несчастнаго для нея Чесменскаго боя, показавшаго на опытѣ невыгоду прежняго способа, употреблявшагося при построении ея кораблей.

Консрѣ-Адмиралъ *Ушаковъ*, держа въ плаваніи своемъ курсъ къ Югу, прибылъ 21 Маія на видѣ береговъ Анатолиі. Вечеромъ того же числа, опрядилъ онъ впередъ нѣсколько крейсеровскихъ судовъ, кои приближаясь къ Синапу, овладѣли стоявшимъ у восточнаго берега сего города двумя транспоршами. Дѣйствіе сіе обратило на нихъ огонь непріятельскихъ укрѣпленій. Консрѣ-Адмиралъ *Ушаковъ* замѣтивъ сіе, сдѣлалъ сигналъ наполнить паруса и идти на Синапскій рейдъ. Пришедъ на оный, уже ночью, эскадра увидѣла подъ крѣпостью два фрегата, и заперла ихъ, расположась въ самомъ устьѣ залива, а на разсвѣтѣ вошла въ средину онаго. Здѣсь замѣнилъ Адмиралъ, что въ гавани, кромѣ вышеозначенныхъ двухъ фрегатовъ, находились еще девять разныхъ судовъ на якорѣ и одинъ вновь спроевшійся линейный корабль. Эскадра рѣшилась было атаковать ихъ, но маловѣтріе, бывшее отъ О, воспрепятство-

вало привести сіе въ исполненіе. Однако же, не взирая на сіе непріяшное обстоятельство, Консрб-Адмиралъ *Ушаковъ* удачнымъ огнемъ и различными движеніями своего флота, привелъ непріяшельскія суда въ сильное замѣшательство. Оно было еще болѣе увеличено пальбою съ корабля Св. Георгія, который отважно пройдя далѣе въ бухту, открылъ по Турецкимъ судамъ и береговымъ укрѣпленіямъ жестокою канонаду.

Въ продолженіе сего времени, крейсерскія суда, подъ прикрытіемъ двухъ фрегатовъ и рѣпечичнаго судна, разсыпавшись по близлежащимъ берегамъ, захватили въ плѣнъ восемь, и пустили на дно четыре непріяшельскія судна. При семъ случаѣ, множество Турокъ, кинувшихся для своего спасенія на барказы, были убиты или пощоплены. Сто изъ нихъ, обоюго пола, и болѣе пятидесяти Грековъ, захвачены въ плѣнъ. Сверхъ сего, крейсера нашли на взятыхъ ими судахъ нѣсколько Черкешенокъ и Черкесовъ, коихъ везли для продажи въ Константинополь, и двѣнадцать военнопленныхъ Русскихъ солдатъ. Самыя же суда сіи были нагружены пшеницею, и какъ обстоятельство не позволяли взять ихъ съ собою, то Адмиралъ, приказавъ сгрузить запасъ сей на свою эскадру, велѣлъ сжечь ихъ въ виду Синапа. 24 флотъ снялся съ якоря и отплылъ держась подлѣ береговъ къ Самсуну. На пути семъ онъ встрѣшилъ два Турецкія судна и затопилъ ихъ. 25-го крейсера получили приказаніе втѣнуться въ Самсунскую бухту. За ними послѣдовала

шуда и вся эскадра, но какъ въ семь мѣстѣ не нашлось ни одного военного судна, по *Ушакову*, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, поплылъ къ Анапѣ, на видѣ коей и прибылъ вечеромъ 29-го. Замѣшивъ, что подъ сею крѣпостію находился одинъ линейный корабль и семь разныхъ военныхъ судовъ, командующій эскадрою пошелъ атаковать ихъ. Однако, наступившій вѣтеръ шпиль, принудилъ его оплостить сіе намѣреніе и стать на якорь. — На другой день утромъ, по прочисткѣ густаго тумана, одинъ непріятельскій кирлангичъ отдѣлился отъ прочихъ судовъ, для обозрѣнія Россійскаго флота, и вѣтеръ опять возвратился подъ крѣпость. За два часа до полудня подулъ шихій NNO вѣтеръ и оставилъ Турецкія суда на вѣтерѣ. Эскадра Контръ-Адмирала *Ушакова* снялась съ якорей и старалась, лавируя, подойти къ нимъ; но противное печеніе принудило ее снова стать въ прежнее положеніе. — Въ слѣдующій день *Ушаковъ* повторилъ свое покушеніе. Проходя мимо Анапскаго мыса, онъ былъ встрѣченъ съ него пушечною пальбою; но по дальности разстоянія, выстрѣлы сіи его не достигали. Между шѣмъ Турецкія суда, оборонясь шпрингами къ приближающейся эскадрѣ, открыли по ней огонь изъ пушекъ, однако и здѣсь ядра ихъ далеко не долетали до цѣли. Вечеру посланы были съ флота для промѣра глубины шлюбки. Турецкій кирлангичъ, отдѣляясь впередъ, возпрепятствовалъ было имъ своимъ огнемъ, но выстрѣлы съ Флагманскаго корабля Россійской эскадры скоро принудили

его удалишься.—На разсвѣтѣ, Турецкій линейный корабль и одинъ фрегатъ, на канунъ довольно сгруженные, стояли подлѣ берега, подъ защитою вновь устроенныхъ баатарей. Какъ по сдѣланному шлюбками промѣру, фарватеръ Анапской бухты оказался мѣлкимъ на значительномъ пространствѣ, но Констрѣ-Адмиралъ *Ушаковъ* опдалъ приказъ тянуться въ нее завозами и спараться жечь Турецкія суда бранскугелями. Въ полночь вся Россійская эскадра придвинулась къ непріятельской и открыла по ней канонаду. Турки отвѣчали съ живостію, но безъ вреда и только съ однихъ береговыхъ баатарей. Огонь сей продолжался всю ночь, а предъ разсвѣтомъ Адмиралъ далъ эскадрѣ приказаніе оптянуться. При наступленіи дня, Турки съ баатарей своихъ, съ корабля и со всѣхъ судовъ открыли пальбу по Россійскому флоту, но выстрѣлы ихъ уже до него не достигали. Не видя возможности причинить непріятельской эскадрѣ подъ Анапою большаго вреда, и припомъ, имѣя надобность поспѣшать на соединеніе съ остальною, главною частию флота, уже стоявшаго въ готовности при Севастополѣ, Россійскій Адмиралъ поспѣшилъ къ сему порту, и прибылъ туда 5 Іюня.

Болѣе года времени, проведеннаго въ бездѣйствіи Россійскимъ и Опшоманскимъ флотами, дали первому изъ нихъ возможность исправиться и усиливаться. Правительство Турецкое, рѣшась дѣйствовать всѣми силами, снарядило многочисленный флотъ, и отправилъ его для завоеванія Крымскаго полуострова

Въ исходѣ Іюня, флотъ сей показался въ виду Россійскихъ береговъ, и *Князь Потемкинъ* далъ *Ушакову* повелѣніе выдти ему на встрѣчу. Адмиралъ сей оставилъ Севастопольскій рейдъ 2-го Іюля, съ девятыю линейными кораблями, шестью фрегатами, однимъ репепичнымъ и десятию крейсерскими судами и двумя брандерами. Іюля 8-го между симъ флотомъ и Турецкимъ произошло сраженіе противъ Еникольскаго мыса и устья Кубани. Непрiятель имѣлъ осмнадцать кораблей, тридцать шесть фрегатъ, бомбардирскихъ кораблей, шебекъ, бригантинъ, кирлангичей, и еще нѣсколько малыхъ судовъ, и не взирая на сіе превосходство, пошерпѣлъ сильное пораженіе. Вотъ обстоятельство сего дѣла. Россійскій флотъ споялъ на якорѣ у Таманскаго полуострова. Въ десятомъ часу утра показался Турецкій и шелъ прямо на него отъ НО, подъ всѣми парусами. Консрѣ-Адмиралъ *Ушаковъ* сдѣлалъ сигналъ сниматься съ якорей и построиться въ линію бапаліи лѣваго галса. Непрiятель находился на вѣтрѣ и спускаясь, велъ атаку свою на авангардъ, которымъ начальствовалъ Капитанъ Бригадирскаго ранга *Голенкинъ*. Въ полдень флоты сблизились; первый выстрѣлъ былъ произведенъ Турками и послужилъ сигналомъ къ общему сраженію. Авангардъ Консрѣ-Адмирала *Ушакова* выдержалъ сильный огонь непрiятеля, и скоро показалъ ему превосходство Русской Аршиллеріи. Капитанъ-Паша между тѣмъ безпрерывно усиливалъ свою атаку, подкрѣпляя ее новыми

кораблями и шѣми изъ прочихъ судовъ, кои имѣли большія орудія. —

Чтобы прекратить дальнѣйшее дѣйствіе сей атаки, *Ушаковъ* сдѣлалъ сигналъ: фрегатамъ своимъ выйти изъ линіи для составленія резерва, а линейнымъ кораблямъ сомкнуть дистанціи и, по исполненіи сего, поспѣшилъ съ кордебаталією приблизиться къ непріятелю. Перебѣнившись въ сіе время на четыре румба вѣтръ, способствовалъ Россійскому Адмиралу подойти къ Турецкому флоту на такое разстояніе, что онъ могъ бить его карсечными выстрѣлами малыхъ пушекъ. — Передовые непріятельскіе корабли, приведенные въ замѣшательство симъ маневромъ, начали поворачивать оверштагъ, а бывшіе за ними надвѣтренные, находясь въ дыму, не скоро замѣтили разбитіе первой своей линіи, и потому во флотъ ихъ произошелъ большой безпорядокъ.

Флагманскій корабль Рождество Христово и корабль Преображеніе Господне, передъ которыми непріятель поворачивалъ оверштагъ, наносили ему величайшій вредъ жестокимъ и непрерывнымъ своимъ огнемъ. Болѣе прочихъ потерпѣли отъ него три корабля, изъ коихъ одинъ былъ Вице-Адмиральскій. На семъ послѣднемъ былъ сбитъ флагъ, и посланною для поднятія его шлюбкою доставленъ къ Командующему Россійскою эскадрою. Корабль Турецкаго Консрѣ-Адмирала загорался два раза отъ дѣйствія Русской Аршиллеріи, но оба сіи раза успѣвали тушить пламя. — Капитанъ-Паша, за-

щищая разбиные свои корабли, съ остальною частію флота спустился подъ вѣтръ, и проходя Конпръ-галсомъ вдоль Россійской линіи, подверженъ былъ непрерывному и сильному дѣйствию ея огня. При семъ случаѣ, одинъ изъ Турецкихъ кораблей упалъ за оную. Корабль Георгій покушался было къ нему приблизиться, но большая часть Турецкаго флотъ начала спускашся къ нему на помощь.

Жестокое и непрерывное сіе сраженіе продолжалось до 5-ти часовъ вечера. Въ сіе время Конпръ-Адмиралъ *Ушаковъ*, будучи уже на вѣтръ, сдѣлалъ сигналъ всему авангарду поверопишь оверштагъ, кораблю своему быть передовымъ, а всѣмъ прочимъ, не наблюдая своихъ мѣстъ, съ возможною поспѣшностію войши въ его кильватеръ. Какъ отъ маневра сего устроилась весьма скоро линія на правый галсъ, на вѣтръ у непріятели, то онъ, бывъ приведенъ симъ еще въ большее замѣшательство, принужденъ былъ спроить свою линію подъ вѣтромъ и, прибавляя парусовъ, растягивать ее пропивъ Россійской, закрывая при томъ поврежденные свои корабли. — *Ушаковъ* старался, подавшись впередъ, ударить на непріятельскую линію всѣми силами; но легкость хода Турецкихъ кораблей, послужила имъ отъ сего спасеніемъ. Капитанъ-Паша нѣсколько разъ старался выигрывать вѣтръ, но всегда безуспѣшно, и наконецъ обратился въ совершенное бѣгство. Командовавшій Россійскимъ флотомъ преслѣдовалъ бѣгущихъ на всѣхъ парусахъ и спускала на нихъ сколько возможно ближе, но за совер-

шенною темною и за неизвѣстностію курса, взяшаго непріятелемъ, не могъ достигнуть ни одного изъ его кораблей.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ ВОЙНЫ СЪ ГОРЦАМИ И ПЕРСИАНАМИ.

Пятнадцатое письмо Генерала отъ Инфантеріи Князя Циціанова къ Генералу В., отъ 15-го Сентября 1804-го года, изъ деревни Караклисъ, Бомбакской провинціи.

Прибывъ къ Караклису вчерашній день съ большими затрудненіями, по великому числу больныхъ и по изнуренію лошадей, я нашелъ, что въ одинъ день со мною пришедшій сюда провіантской транспортъ, присланный Генералъ-Лейтенантомъ Княземъ Волконскимъ, можетъ стать едва на полмѣсяца. Хотя и хотѣлъ бы я поспѣшить для утишенія бунтовъ, возникшихъ въ Грузіи и для преслѣдованія Александра Царевита, собиравшаго Тамаръ въ Самхетіи, но долженъ остановиться для перепеченія провіанта. Послѣ завтра, по затруднительной и гористой дорогѣ, пойду къ Тифлису, оставляя для обороны здѣшней пограничной провинціи весь Саратовскій мушкетерскій полкъ; подъ прикрытіемъ коего, учреждаю здѣсь временный лазаретъ, ошобравъ отъ всѣхъ

полковъ больныхъ, дабы они дорогою не были приведены въ худшее состояніе. По тяжкой болѣзни Маіора *Ульрихна* прикомандировалъ я къ временному командованію симъ полкомъ, до прибытія Шефа Тифлискаго мушкетерскаго полка, Маіора *Рсбиндера*, ввѣривъ ему какъ оборону границы, такъ и временный лазаретъ, оставя пошребную сумму денегъ на содержаніе онаго.

Донеся о семъ В. В. Превосходительству, имѣю честь бысть, и проч.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

---

*Размышленія при гробѣ Блаженной памяти
Государыни Императрицы МАРИИ
ФЕОДОРОВНЫ, во время отпѣванія тѣла
ЕЯ въ Петропавловскомъ Соборѣ, 13-го
Ноября 1828-го года.*

Желанная! Тебя ли зримъ во гробѣ? Тебя ли, въ скорби безпредѣльной, сопровождаемъ во страну вѣчности? Тебѣ ли воскуряются еими-амы сердець въ плачевныхъ пѣсняхъ погребенія? Твой ли это одрѣ покоя, на немъ же опочи, и восходъ его багрянь, на коемъ повергаются предъ Тобою чада Твоя, упоенная слезами въ сытость? Твой ли это Ангело-подобный ликъ, сіявшій нѣкогда крошкимъ величіемъ, и едва сохраняющій шеперь нѣкоторое только выраженіе свое, и слабый признакъ? Твои ль это машернія длани, всегда проспершыя къ сиру и убогу, нынѣ неподвижно лежація при кладныхъ персяхъ Твоихъ? Твои ль это уста, запечатаванныя вѣчнымъ безгласіемъ, но нѣкогда дышавшія неподражаемою привѣпливостію,

радушiемъ, благоспiю? Твои ль эшо потухшiе взоры, въ коихъ всегда отражался лучъ милосердiя небеснаго, сiи благiе взоры, копорые и во дни престарѣнiя Твоего не пресшавали еще горѣшь огнемъ вдохновенiя, подобно сiяющему весеннему упру? Твоя ль эшо улыбка, умершая на устахъ, но нѣкогда нѣжная, веселившая и старцевъ и молодыхъ, и спрадальца подъ бременемъ несчастiй, и пресытившагося во благихъ мiра сего? Твое ль заснуло здѣсь сердце, всегда живое въ вѣрѣ къ Богу, и полное любви къ ближнему? Желанная! Тебя ли зримъ во гробѣ? Тебѣ ль поемъ исходное?

Къ несчастiю, эшо не сонъ, эшо не призракъ, коимъ бы можно было обманывать скорбь нашу копя на нѣкоторое время. Неисповѣдимыя опредѣленiя судебъ свершились; часъ грозный и роковой насталъ, и Вѣщносная Матерь наша, преклонивъ Царственную выю Свою подъ ударъ смерти, подобно класу зрѣлому, преклоняющему главу свою подъ серпъ жателя, *снишла во гробъ, яко лишница созрѣлая, и во время жатая.* Не стало МАРИИ: и по что? — Не постави, о Боже, во грѣхъ избытка сердца, въ скорби бесѣдующаго, ниже причти глаголы сiи къ глаголамъ хулы и невѣрiя! — По что духъ утѣшитель, духъ спасающiй не спѣшитъ пролить елея ошраднаго на раны глубокiя? По что не речешъ къ намъ: *не члре МАРИЯ, но слить?* — Не стало Избранной въ тысящахъ: и кто замѣнитъ намъ великую и невозвратную потерю нашу, заключившую въ гробѣ семъ блаженство тысящей и шемъ? — Не стало Великой въ же-

нахъ: и сколь тяжко измѣнили намъ собственныя надежды наши? — Ибо давно ли Жена благословенная, Жена святая блиспала, подобно божеству, въ Діадимъ своей среди ликующихъ, преданныхъ, Ей Россовъ? Давно ли была предметомъ обожанія нашего и любви, обратившихся теперь въ предметъ общаго сѣшования и плача? Давно ли, вмѣстѣ съ нами, радостно внимала кликамъ побѣдъ, сопровождаемымъ звуками трубъ и кимваловъ? Давно ли сіе Величество земное въ смиренномъ благоговѣніи преклонялось предъ величествомъ небеснымъ, *созоршимъ ны побѣдители*, умоляя благость Его, да паче и паче благословишь, и озаритъ любезное Опечество наше новыми блиспашельными лучами могущества и славы? О! незабвенны будутъ для насъ минуны пещельхъ, колѣннопреклонныхъ моленій сихъ! — Давно ли радость побѣдную, съ шумомъ пронесенную по стогнамъ и распутіямъ града ПЕТРОВА, живо чувствовала Она, и еще живѣе раздѣляла оную съ добрымъ Русскимъ народомъ? — Ахъ! и мы ирещемъ при мысли сей, можешь быть, преступной предъ Богомъ; не бѣ ли по радость содѣлалась и причиною шоликихъ слезъ и печали! — Давно ли обрадованная, щастливая Машеръ имѣла сладостное, и уже послѣднее въ жизни сей утѣшеніе—прижать къ бѣющемуся сердцу Своему Вѣценоскаго Сына, Опца Опечества нашего, возвратившагося отъ славы побѣдъ, почти прямо—къ торжеству смерти, столь мало ожидаанной, и столь много у насъ похипившей? — Давно ли

тысячи голосовъ и сердецъ, еще колебавшихся между сомнѣніемъ и надеждою, о выздоровленіи *Государыни*, пламенно умоляли Владыку живоша и смерти, да, не въ конецъ прощивается на ны, воздвигнешь ошъ ложа озлобленія, и возвратишь намъ Августѣйшую Матерь? — Давно ли бысть сіе во огию нашу? и — увы! Во слѣдъ за побѣдными восклицаніями, надлежало раздашья повсюду гимнамъ надробнымъ! мгновенно умолкли гласы празднующихъ; зашпили пимпаны радованія: лишь цѣвница плачевная пошрясала душею и сердцемъ. Все пришло въ необыкновенное движеніе, все смушилось и содрогнулось при вѣспи сей громовой: „МАРІЯ скончалась! Мать-благодѣтельница наша преjde ко опцемъ своимъ!“ Вездѣ вопль и стоны, повсюду скорбь и отчаяніе: изъ всѣхъ очей лились слезы непритворныя. Все облеклось въ одежду печали, и самое безмолвіе, погруженныхъ на сей разъ въ думу мрачную, ни сколько не уступало рыданіямъ осиротѣвшихъ. Тщешны были и мольбы наши ко Всевышнему; все кадило наше предъ Нимъ. Тщешны были желанія многихъ, да соблюдетъ драгоцѣнная жизнь *Государыни* съ ущербомъ собшвенныхъ дней ихъ. Господь не благоволилъ услышать насъ въ день скорби нашей, но посла на землю Ангела Своего, и — се! какъ бы въ изобличеніе плѣна и суешы мірской, Родная наша возлегла на одрѣ смершномъ!

Какое шрогательное и поучительное зрѣлище! Какой великій урокъ Царямъ и Царшвамъ! — Приди смершный, кпо бы шы ни

былъ, приди, и присѣдя въ молчаніи гробу, се-
му, познай свое ничтожество, и оплачь меч-
ты жизни сей со всѣми обаятельными ея пре-
лестями. Познай, что *всѣ теловѣцы земля и ле-
лель*, и что, какъ носящія багряницу, и едва
прикровенные вретницемъ убогимъ, какъ шопъ,
чья пища соспоитъ изъ куска хлѣба, слезами
размоченнаго, пакъ и шопъ, кто изъ чаши
блаженства земнаго *льль вселѣе, яко боду*, —
равно сидупъ во гробъ, и смѣшаются въ од-
ной могилѣ. Познай, что по мѣрѣ того, какъ
мы человекѣ наимѣнѣ думаемъ о смерти, за-
предѣльная гостья сія, не спрашивая ни о ча-
сѣ, ни о времени, внезапно являешся къ намъ
яко пасть въ нощи, и поражаетъ насъ яко мол-
нія. — Сиди у сей дски гробовой, и мысли, что
скорѣе можно замѣшпшь слѣды орла, паряща-
го въ небесахъ, нежели измѣришь печеніе жиз-
ни человекской, съ удивительною быстротою
увлекаемой въ бездну вѣчности. Сиди и раз-
мышляй: *Вотъ наша жизнь! Мнѣ вгеразь; днесь
тебѣ*. Сиди и вопрошай себя самага: что зна-
читъ теперь сія ушварь Царская, украшающая
Останки брениа? — Что Діадима на главѣ вѣн-
чанвой, но покоренной въ *лѣнь смерти*? — Увы!
Это украшенія лѣпотныя, непринадлежація
болѣе Царицѣ бездыханной! И совлеченное одѣ-
яніе плоти *Ея* не надолго займетъ взоры на-
ши: еще нѣсколько минуиъ — и земля сок-
роетъ землю.

Такъ! обожаемая *Государыня* наша сверши-
ла земное прехожденіе Свое. Спени и рыдай
Россія; но слезы наши не оживятъ уже смѣ-

Отрывокъ, который заключаетъ вступительное тненіе о сущности, предѣлахъ и пользѣ Статистики.

При имени любви къ Отечеству, да цвѣтущѣ сила и крѣпость въ душахъ вашихъ, юные сыны Отечества! — Съ благоговѣйнымъ восхищеніемъ увидите вы Государство (*), сотворенное умомъ божественнымъ Великаго ПЕТРА, распространенное и украшенное безсмертною ЕКАТЕРИНОЮ, возвеличенное и прославленное утѣхою человечества — Благословеннымъ АЛЕКСАНДРОМЪ, — Государство, находящееся въ блаженнѣйшемъ сословіи *цѣлѣющихъ обществъ*, Государство, въ которомъ солнце никогда не закатывается, котораго предѣлы съ полуночи и востока ограждены обширными Океанами, съполудня неизмѣримою цѣпью горъ, степями и морями, гдѣ Арарапъ — свидѣтель спасенія рода человеческого, и гдѣ простирая за Дунай, препенущая Имперія Опшомановъ ожидаетъ жребія своего отъ манія десницы *мудраго* НИКОЛАЯ; на западъ — Австріецъ, Прусакъ и Шведъ — союзники, друзья и кровные! — Вамъ предсавится земля, пространствомъ въ двѣ крашы слишкомъ большая цѣлой Европы, содержащая въ себѣ всѣ климаты, всѣ произведенія оныхъ, множество судоходныхъ рѣкъ;

(*) Сочинишелью назначено преподавать Спатастику и Исторію Государства Россійскаго. Самое чшеніе было обращено къ Сшуденшамъ Московскаго Университеша.

рыбныхъ и соляныхъ озеръ, гдѣ горы открываютъ сокровища камней и металловъ, земля, кою одной трети неудобна для населенія, но кою другая въ состояніи питать до 600 мил. жителей. Вы узнаете народъ, могущественнѣйшій въ мірѣ, до 58 милліоновъ простирающійся и ежегодно возрастающій въ числѣ своемъ, составленный изъ разныхъ племенъ разныхъ вѣрѣ и языковъ, но среди коихъ 48 милліоновъ союжены единствомъ вѣры, законовъ, языка, нравовъ и учреждений, — народъ, огражденный правами и преимуществами сословій, — народъ великодушный, сострадательный, дружественный, откровенно услужливый и вѣжливый, признательный, гостеприимный, трудолюбивый, удивительно переимчивый, добрый и любезный, народъ чудный, котораго непоколебимая твердость въ вѣрѣ праотцевъ, безпредѣльная преданность къ законнымъ Государямъ, неизбывная любовь къ странѣ опечесненной — сильнѣе и ужаснѣе побѣдоноснаго оружія его, проекашаго отъ края Океана Восточнаго до предѣловъ Западнаго, отъ льдистыхъ равнинъ Сѣвера до знойныхъ степей Юга, — страшнѣе флотовъ его, гремѣвшихъ на моряхъ Балтійскомъ, Черномъ, и Средиземномъ — и безопасно, подъ щитомъ высокой науки, плававшихъ вокругъ цѣлаго свѣта. Вы узнаете народъ, долго неизвѣстный Европѣ, пребывавшій грубымъ, болѣе Азіятскимъ, нежели Европеевскимъ, но который менѣе, нежели въ печеніе полушора столѣтія, шагнулъ на степенъ гражданскаго образованія и просвѣщенія, во мно-

гихъ отношеніяхъ равную, а въ нѣкоторыхъ и высшую образованнѣйшихъ Государствъ нашей части свѣта, немалыми вѣками достигавшихъ сей степени. Вы будете предъ Верховною Властію Самодержавною, сообразною и самой природѣ и свойству Имперіи, Главою законовъ, представляющею благо подданныхъ единственнымъ и важнѣйшимъ своимъ благомъ; всегда желающею лучше простить десять преступныхъ, нежели наказатъ одного невиннаго. Предъ вами будутъ открыты всѣ вѣщи Государственнаго управленія, дѣйствующаго по единой и непремѣнной волѣ закона, не дерзающаго измѣнить и единой черты онаго — закона кропкаго и человеколюбиваго, ограждающаго неприкосновенность лицъ и собственности. Ни грозный и мучительный видъ тайныхъ и явныхъ изпязаній, ни окровавленная сѣкира палача не поразятъ ужасомъ юныхъ сердецъ вашихъ!... Такова Россія, дражайшее Отечество наше! — Какое обширнѣйшее поприще для служенія ему открыто истиннымъ сынамъ Отечества! какіе важнѣйшіе подвиги призываютъ ихъ къ благопаторнымъ дѣйствіямъ! — Долго, долго — многія столѣтія наше Отечество можетъ еще иссочать и млеко и медъ, подобно странѣ Обѣщанной! Мы желали бы ему жизни вѣчной и благоденственной, есѣли бы во вселенной могло быть что-либо вѣчнымъ кромѣ, Бога и души человеческой.

Здѣсь предѣль нашихъ размышленій: остановимся, любезные слушатели — и, подобно внимательному, нехладнокровному путешест-

веннику, бросимъ послѣдній взглядъ на мѣста, близкія сердцу. Сущность, свойство и польза Стаписпики рѣшительно убѣждающъ насъ въ важности изученія науки; сіе изученіе спаво-вился болѣе важнѣйшимъ, когда оно относится къ познанію силъ того Государства, котораго мы члены, коему обязаны и бытіемъ своимъ и благосостояніемъ, котораго благосостоянію должны мы содѣйствовать по конецъ дней своихъ, отъ котораго ожидаемъ всего къ познанію Отечества, коего и дымъ, по выраженію пѣснопѣвца, сладостенъ и приятенъ для насъ. Теперь помыслите сами, сколь многозначительнъ и вмѣстѣ радостенъ трудъ вашъ! Какая завидная участь, достойная человека - Гражданина, быть полезнымъ Отечеству! Теперь размыслите, съ какими священными чувствованіями должны вы вступать въ сей храмъ наукъ, малое отечество ваше, подъ сѣнь котораго привела собственная ваша любовь къ наукамъ! — Съ пламенникомъ оной любви, украшенные сокровищами различныхъ знаній, драгоценнѣйшими сребра и золота, достойно начнете вы поприще общественнаго служенія. Не рѣдко, во время земнаго странствованія, не рѣдко будете обращать признательные и умиленные взоры свои къ мирной обители просвѣщенія, а особливо, когда прелести міра спавнутъ искушать ваше мужество. Бодрствуйте: вы находитесь въ чистилищѣ добродѣтели! Оживляйте въ глубинѣ сердецъ вашихъ истину всѣхъ вѣковъ, истину самой природы; *Vires unitae agunt* —

Соединенныя силы дѣйствуютъ! — Не лѣзя работашь двумъ господамъ: и добродѣтели и спраснямъ, и благу общему и корысти собственной. Не первая ли превосходнѣе впо-рыжъ, какъ цѣль, какъ честь, какъ слава наша! Да сохранишъ васъ Духъ истины всегда на пути непорочности и правды!

Щедритскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Ясный мѣсяцъ
 Не свѣши,
 Не гляди
 Въ мой печальный шеремъ

* * *

Свѣшлый мѣсяцъ
 Удались,
 Удашись

За дѣса и горы.

*

Я наплачусь
 Мъ въ ноци,
 Сидючи

Въ шеремъ высококъ.

* *

Вспомяну ль я
 При шокѣ,
 О дружкѣ!
 И въ слезахъ я молвлю:

* * *

„Ты въ чужой, другъ,
 „Сторонѣ,
 „Обо мнѣ
 „Вспомни хоть разочикъ.

* * *

„Безъ тебя вѣшь
 „Ясныхъ дней!
 „Поскорѣй
 „Прилеши, голубчикъ!

* * *

Ясный мѣсяцъ
 Не свѣши,
 Не гляди
 Въ мой печальный перемъ.

* * *

Я наплачусь
 И въ ночи,
 Сидючи
 Въ шеремѣ высокомъ.

Н. Бушмакинъ.

Х А М Е Л Е О Н И С Т И К А .

*Три, противорѣчація одно другому, мнѣнія
Издателей Сѣверной Пчелы о Словарѣ И. И.
Татищева.*

(Продолженіе сѣтырнадцатое.)

„Я долженъ много исписатьъ бумаги, если взду-
маю пересчитать всѣ ваши странныя проти-
ворѣчія.

Прибавленіе къ М. Т. 1825, стр. 39.

I.

*Похвала Французско - Россійскому Словарию, изда-
нному Г. Глазұновымъ. Сѣв. Пчела. 1825, No. 111.*

„Первое изданіе сего Словаря напечатано
въ 1786 году, стараніемъ покойнаго книгопро-
давца и типографщика *И. И. Вейтбрехта*, удо-
стоившагося получить вспомошествованіе отъ
щедротъ **ЕКАТЕРИНЫ** Великой. Сіе изданіе
состояло изъ двухъ частей въ 4-ю долю ли-
ста, и вскорѣ было раскуплено. Второе изда-
ніе исправлено и дополнено было *И. И. Тати-
щевымъ*, и напечатано въ Типографіи *Вейтбрехта*
же въ 1798 году. Наконецъ и сіе изданіе разо-
шлось. Одинъ изъ старшихъ Россійскихъ кни-
гопродавцевъ, *Иванъ Петровичъ Глазұновъ*, пред-
принялъ новое изданіе Словаря *И. И. Татищева*,
и желая способствовать по возможности
общей пользѣ, пригласилъ многихъ Филологовъ,
содѣйствовать ему своими трудами и совѣ-
тами. Множество новыхъ словъ прибавлено;

нѣкоторыя Французскія слова и цѣлыя рѣченія переведены вновь; шехническія выраженія, заимствованныя изъ послѣдняго изданія Словаря Французской Академіи и Словаря Бюафлова, примѣнены къ Русскимъ: словомъ, одни прибавленія пропиту прежняго изданія занимають болѣе 800 страницъ мѣлкой печати. *Г. Глазуновъ* не жалѣлъ никакихъ издержекъ на усовершенствованіе сей полезной и даже необходимой книги, не только при воспитаніи юношества, но и для каждаго, занимающагося Французскою Словесностію. Нынѣшнее изданіе Словаря *Татищева* не только есть *первое въ своемъ родѣ твореніе*, но можно сказать *единственное*. *Весьма цѣбренная цѣна* (40 рублей за четыре тома), и *удобность получить оный во всѣхъ концахъ Имперіи* (за пересылку ничего не прилагается), безъ сомнѣнія вскорѣ введутъ сей Словарь въ общее употребленіе. Мы желаемъ сего отъ всего сердца, ибо каждое полезное предпріятіе достойно вознагражденія со стороны Публички, и книгопродавецъ, употребляющій свой капиталъ на изданіе полезныхъ учебныхъ книгъ, заслуживаетъ благодарность своихъ соотечественниковъ. Полагая первымъ и ненарушимымъ правиломъ, быти безпристрастнымъ въ сужденіяхъ нашихъ о вновь выходящихъ книгахъ, мы съ удовольствіемъ пользуемся симъ случаемъ, чтобы рекомендовать нашимъ читателямъ сей Словарь, и увѣрены, что симъ окажемъ услугу всѣмъ, нуждающимся въ сочиненіяхъ сего рода. *Ф. Б.*

Издатели Сѣв. Италы въ N. 137, 1827 года сей газеты возсѣлчиваютъ Московское изданіе сего Словаря И. И. Татищева; налегатанное книгопродавцами Селивановскимъ и Ширяевымъ.

„Читатели журналовъ, говорящъ Г. Грегъ и Буларидъ, безъ сомнѣнія помнятъ споръ между Г. Глазуновыми и Московскимъ Телеграфомъ, по случаю изданія сего Лексикона, ядѣсь въ С. Петербургѣ. Въ М. Т. оспоривали Г. Глазуну право изданія и оуждали оное. Не касаясь перваго предмета, и вѣря предисловію Г. Глазуновыхъ, гдѣ сказано, что они купили право на изданіе у Г. Вейтбрехта, мы не согласны были съ М. Т. на щетъ достоинства изданія Г. Глазуновыхъ. Въ М. Т. при оужденіи Словаря Татищева, изданнаго Г. Глазуновыми, въ то же время похваляли сей самый Словарь, который намбревались печатать Г. Ширяевъ и Селивановскій. Придерживаясь пословицы: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки, мы замблили, что нельзя хвалить книги, особенно Словаря, предъ намечаніемъ: ибо такая похвала можетъ показаться пристрастною. Наконецъ, появился Словарь Татищева, изданный Г. Селивановскимъ и Ширяевымъ. Въ М. Т. похвалили оный, и мы, руководствуясь всегда истиною, не только не намбрены спорить; но съ радостью пользуемся случаемъ согласишься въ мнѣніи съ М. Т. — Изданіе богатое и чрезвычайно красивое: буквы прекрасныя, печать чешкая, расположеніе словъ въ при столбца весь-

ма удобное для прискиванія; кромѣ того, противу перваго изданія прибавлено до 7,000 словъ. Однимъ словомъ: *ничею не остается желать отъ сего изданія*. Спранно полько; что Петербургское изданіе Словаря *Титицева Г. Глазунowych* — названо *третьимъ*, а выходящее, теперь въ Москвѣ — называется *вторымъ* изданіемъ. Для Господь спрогихъ Библиографовъ это головоломная загадка, а для наблюдателя нравовъ поучительное замѣчаніе. Онъ этаго совмѣстничества однакожъ Публика ничего не понѣрjala; напрошивъ того, выиграла новое и прекрасное изданіе полезной книги. Дай Богъ, чтобъ такимъ образомъ кончились всѣ совмѣстничества, п. е. общею пользою. Мы весьма сожалѣмъ, что не знаемъ цѣны Словаря, изданнаго Гг. *Селивановскимъ* и *Ширлевымъ*; говорятъ, что онъ будетъ продаваться весьма и весьма дешево. За это, другое спасибо Гг. Издателямъ! — Мы предсказываемъ самый блестящій успѣхъ изданію Гг. *Селивановскаго* и *Ширлева*: его раскупятъ, какъ конфекты; да и какъ не купить того, что полезно, хорошо и дешево.“ — *Ө. Б.*

Казалось, что уже все сказано — и печаташь новаго о сихъ двухъ книгахъ нечего! *Ө. В.* руководствуясь всегда истиною, сперва съ удовольствіемъ рекомендовалъ своимъ читателямъ Словарь *Г. Глазунова*, какъ пвореніе, не только въ своемъ родѣ *первое*, но и *единственное*. Онъ долго не соглашался съ Издателемъ *М. Т.*,

который еще прежде, чѣмъ Словарь Г. Селивановскаго и Ширяева былъ оппечатанъ, безъ памяти его расхваливалъ и опзывался весьма худо о Словарѣ Г. Глазцова. Наконецъ, явился споль долго ожидаемый Словарь Г. Ширяева! Ф. В. руководствуясь истиною, нашелъ: 1) что сіе изданіе богато и чрезвычайно красиво; 2) что буквы прекрасныя; 3) что печать чешкая; 4) что расположеніе словъ въ при спольца весьма удобно для пріискиванія; 5) что прибавка 7,000 новыхъ словъ даетъ рѣшительное превосходство сему Словарю предъ Словаремъ Глазцова; 6) и что, однимъ словомъ: *ничего не остается желать отъ сего изданія.*

Публика, которая долго недоумѣвала, долго не знала, кому вѣрись: Издателю ли М. Т., который превозносилъ Словарь Ширяева, или Издателямъ Сѣв. Пислы, которые изъ всѣхъ силъ расхваливали Словарь Глазцова, очень обрадовалась, что, наконецъ — обѣ стороны единогласно и торжественно опдали преимуществу Московскому изданію передъ Пешербургскимъ.

Кшо могъ бы опгадашъ, чѣмъ кончилась шревога?

Вдругъ, совсѣмъ неожиданно въ Но. 120 Сѣв. Пислы, явилось новое, совершенно пропиворѣчащее вышеписанному, мѣбніе о сихъ Словаряхъ. Признаюсь, что я самъ, какъ ни привыкъ видѣшь *хамелконистику* въ сужденіяхъ о книгахъ Г. Грета и Буларина, я самъ былъ пораженъ симъ новымъ опзывомъ о Словарѣ Ширяева и о Словарѣ Глазцова, опзывомъ, при которомъ Издатели Сѣв. Пислы, безъ сомнѣнія,

руководствовались одною истиною: ибо они поставили себѣ правиломъ: быть безпристрастными въ сужденіяхъ о вновь выходящихъ книгахъ. Выписываемъ его подлинникомъ.

3.

Издатели Сѣв. Пчелы, взвѣсивъ достоинства обѣихъ изданій Словаря, составленнаго И. И. татищевымъ, объявили (1), что они во всемъ равны.

„Споръ между Г. Глазцовымъ (съ одной стороны) и Гг. Селивановскимъ и Ширлевымъ (съ другой) коснулся и Литературнаго достоинства двухъ Лексиконовъ: многіе Крипики (2) спарались доказать, что изданный Г. Глазцовымъ никуда не годится. Теперь, получивъ остальной томъ изданія Гг. Селивановскаго и Ширлева, скажемъ, что сіи два Лексикона могутъ стоять почти на равной степени: только изданіе послѣдняго красивѣе и исправнѣе (3). Въ нынѣшнемъ, найдемъ по крайней мѣрѣ, столькоже не исправностей, сколько и въ прежнемъ.

„Мы замѣтили сіи ошибки, говорящъ въ заключеніи Гг. Грегъ и Буларинъ, бросившіяся намъ въ глаза при первомъ на Лексиконъ взглядѣ (4) не для того, чтобъ унизить трудъ почтеннаго Издашеля, а только, чтобъ показать,

(1) Сѣв. Пчела 1828 года, No. 120.

(2) Въ томъ числѣ мы видѣли выше и Гг. Грегъ и Буларина.

(3) Исправнѣе, какъ будто это бездѣлица! А куда же дѣвались 7,000 новыхъ словъ Словаря Ширлева, дешевизна удобность приискиванія, сеткалъ печать, красивыя буквы? Видно, что Словарь единственный одержалъ побѣду надъ Словаремъ, послѣ кошораго намъ нисего желать не оставалось.

какъ тяжело въ подобномъ дѣлѣ избѣжать: промаховъ, и какъ несправѣдливо поступали пѣ, которые, по такимъ же ошибкамъ, унижали Лексиконъ, изданный Г. Глазуновымъ.,

Да вы первые унижали его, а возвышали изданный Г. Ширяевымъ; не уже ли вы забыли то, что вы сказали о послѣднемъ въ No. 137, 1827 года вашей газеты? Издашеть Славянина давно уже замѣнилъ, что у васъ слаба память, и для напоминовенія, какъ вамъ, такъ и почтенной Отечественной Публикѣ, онъ придумалъ новую обличительную статью, подъ названіемъ: *Хамелсонистка*. Очень вѣрю, что она не сладка для Г. Грета и Булгарина; какое лѣкарство сладко? Есть на эшотѣ случай Русская Пословица: *клинь клиномъ выбиваютъ*.

Въ пословицахъ народа—умъ живетъ!

Пенза.

Елагинъ.

(4) Чтобы отыскать по одному ошибочно предложенному слову съ разныхъ буквъ начинающемуся, необходимо надлежало внимательнѣе перечислять весь Словарь, даже бросаешь съ конца книги на другой, и взадъ и впередъ. Вошь сіи слова: *Vinade, Sianis, Napoléon-d'or, Maitrise, Marin, Romantique, préface*.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годъ.

(Продолженіе).

Погоня за Турецкимъ флотомъ продолжалась всю ночь, Капитанъ-Паша далъ строгое повелѣніе не поднимать фонарей, и на разсвѣтъ Россійская эскадра уже не видала непріятеля.

Турки потерпѣли много въ сраженіи 8-го Іюля. Кромѣ поврежденій въ такелажѣ и въ корпусахъ, корабли ихъ потерпѣли значительныя потери въ людяхъ: ибо имѣли на себѣ великое множество десантнаго войска, между копорымъ губительный огонь Россійской артиллеріи произвелъ ужасное опустошеніе. Доказательствомъ, съ какимъ отчаяніемъ дрались Турецкіе экипажи можетъ служить слѣдующій примѣръ. Подлѣ Капитанъ-Пашинскаго корабля одинъ карлангичъ былъ такъ сильно избитъ, что началъ итти на дно. Для спасенія его команды *Ушаковъ* велѣлъ отправить къ

нему нѣсколько шлюбокъ, но едва онѣ подошли на близкое разстояніе, къ погибавшему судну, какъ были встрѣчены съ непріятельскихъ кораблей каршечнымъ огнемъ и, такимъ образомъ принуждены возвратиться назадъ, а кирлангичъ пошонулъ со всѣмъ экипажемъ. —

Во время бѣгства Капитанъ-Паши, наиболѣе поврежденные его корабли, не имѣвъ возможности держаться съ флотомъ, спустились къ Синапу, нѣсколько мѣлкихъ судовъ пошонули, оспальныя же направили курсъ къ Румелійскому берегу и исправлялись починкою при устьяхъ Дуная. — Флотъ *Ушакова* возвратился въ Севастополь. Побѣда сія, одержанная столь немногочисленнымъ нашимъ флотомъ, надъ несравненно превосходными Турецкими морскими силами, была первою важною побѣдою Россіянъ на Черномъ морѣ. Кромѣ того, что положила начало славы *Ушакова*, какъ искуснаго и неустрашимаго флотоводителя, она показала, что могутъ сдѣлать люди, предводимые искуснымъ Адмираломъ и, что всего важнѣе, защитивъ Тавриду отъ покушеній непріятеля, уничтожила дерзкую надежду Опшоманской Порты. —

Конецъ слѣдующаго мѣсяца былъ ознаменованъ новымъ поражениемъ Турецкаго флота, въ открытомъ морѣ, въ 40 верстахъ отъ берега. — Консръ-Адмиралъ *Ушаковъ*, исправивъ въ Севастополь поврежденія своего флота, крейсеровалъ съ нимъ между полуостровомъ Крымомъ и Восточнымъ берегомъ Бессарабіи. По утру 28 Августа, онъ находился между

острова Тендры и Гаджибей (нынѣшней Одессы) и примѣшилъ непріятельскій флотъ, состоявшій изъ сорока осми вымпеловъ. Въ семъ числѣ было 15 линейныхъ кораблей и почти столько же фрегатовъ. На сей разъ, Россійскій Адмиралъ рѣшился не выжидать нападенія непріятельскаго, но предварить оное. Флотъ его находился на вѣтрѣ и, спустясь къ Турецкому на малый пушечный выстрѣлъ, атаковалъ его всею своею линією. Турки выдержали атаку съ рѣдкою храбростію и сраженіе загорѣлось во всей силѣ. Флотъ *Ушакова*, по сигналамъ съ Флагманскаго корабля Рождества Христова, спускаясь безпрестанно къ непріятельскому, поражаъ его жестокимъ огнемъ. Болѣе всѣхъ наносилъ Туркамъ вреда самъ Контръ - Адмиралъ *Ушаковъ*. Корабль его, превосходившій всѣ прочіе и постройкою и дѣйствіемъ артиллеріи и легкостію хода, весьма сильно повредилъ и выбилъ изъ линіи, опчаянно ему сопротивлявшіеся при корабля, изъ коихъ одинъ былъ подъ флагомъ Реалъ - Бей (Контръ - Адмиралъ). Сей успѣхъ принудилъ Россійскіе корабли нѣсколько согнуть свою линію, угломъ къ непріятелю. Корабль Рождество Христова, составившій оконечность онаго, вѣззался почти въ средину Турецкаго флота и угрожалъ отдѣлится отъ него корабль Капитанъ - Паши и еще другой — подъ ординарнымъ вымпеломъ. Опасаясь бытъ совершенно отрѣзаннымъ, Турецкій Адмиралъ оставилъ немедленно свое мѣсто и, при семъ отступленіи,

увлекъ за собою всю остальную часть своего флота.

При уклоненіи подъ вѣтръ Капитанъ-Паши, *Ушаковъ* поспѣшилъ подойти подъ его корму и, стрѣляя залпами вдоль всего корабль, произвелъ на немъ сильныя поврежденія. Въ слѣдъ за симъ, по сигналу командовавшаго Россійскою эскадрою, всѣ корабли и суда ея, оборотясь по вѣтру, усстремились на непріяшеля, предавшагося совершенному бѣгству. Турки неупомимо опстрѣливались и огонь, съ обѣихъ сторонъ, продолжался до самой темной ночи. Тогда для предостереженія своихъ передовыхъ кораблей и мѣлкихъ судовъ, Контръ-Адмиралъ *Ушаковъ* сдѣлалъ имъ сигналъ поднять фонари, а самъ остановился на якорѣ, въ ожиданіи разсвѣта. Сему послѣдовала и присоединившаяся къ нему, остальная часть его флота.

На разсвѣтѣ 29-го, Турецкій флотъ былъ усмотрѣнъ въ разсѣяніи бѣгущимъ на вѣтръ подъ всѣми парусами. Едва на Россійской эскадрѣ замѣтили сей безпорядокъ, какъ *Ушаковъ* сдѣлалъ сигналъ погони. При совершеніи оной, Турки потеряли два корабля и три малыя судна, кои всѣ находились подъ вѣтромъ и понесли значительныя поврежденія. Одинъ изъ сихъ кораблей имѣлъ 70 пушекъ и 600 чел. экипажа, и бывъ въ скоромъ времени исправленъ, въ слѣдующемъ году подъ названіемъ *Іоанна Предтечи* уже участвовалъ въ пораженіи Турецкаго флота. Другой о 80 пушкахъ былъ лучший изъ всѣхъ кораблей Капитанъ - Паши. Плавъ его былъ неизбеженъ, но какъ онъ нахо-

дился отъ нашего флота впереди, на вѣспрѣ и во время своего бѣгства ожидалъ себѣ помощи, по сѣ проходившими его подъ вѣспромѣ Россійскими кораблями, дрался отчаянно. Команда его тогда только спустила флагъ, когда Адмиралъ *Ушковъ*, слѣдовавшій за передовыми кораблями своей эскадры, обратилъ весь свой лагъ прошивъ его носа. Къ сему времени сдѣлался крѣпкій вѣспрѣ. Отъ сильныхъ шкваловъ вышеозначенный корабль поперялъ фокъ- и гротъ-мачту; корпусъ его, совершенно разспрѣлянный, началъ заливаться водою, а отъ брандскугеля, упавшаго подъ вадеръ линією между обшивными досками, показалось пламя. Для прекращенія пожара и желая спасти экипажъ, *Ушковъ* послалъ отъ себя шлюбки; но быстрое распространеніе огня, дозволило имъ сvezти сѣ корабля только флагъ, Чиновниковъ и казну Капитанъ-Паши. Корабль сгорѣлъ въ виду всего Турецкаго флота.

При возвращеніи шлюбокъ, посланныхъ на помощь къ погибавшему кораблю, вѣспрѣ усилился до такой степени, что шквалами его, онѣ едва не были опрокинуты и сѣ великимъ трудомъ достигли до своего флота. Буря сія, разсѣявъ малыя суда Россійской эскадры, была причиною, что она не могла продолжать своего преслѣдованія. Къ тому же оба флота имѣли споль значительныя поврежденіе въ мачтахъ и парусахъ, что и нашему было бы опасно держать далѣе въ море.

По упишеніи шпорма, Контръ - Адмиралъ *Ушаковъ* собравъ разныя отдѣленія своей эскадры и взятыя въ плѣнъ корабль и суда, пошелъ къ Гаджибею, а флотъ Капишанъ-Паши, пользуясь попутнымъ ему вѣтромъ, взялъ курсъ къ своему берегу. Въ семъ обратномъ плаваніи, нѣсколько Турецкихъ судовъ, сильно поврежденныхъ, пошли на дно и въ томъ числѣ 74 пушечный корабль Арнаутъ-Асанъ-Капишана.

Сими двумя пораженіями морскихъ силъ Опшоманской Порпы, не оканчивающаго подвиги Россійскаго флота въ кампанію 1790 года. Дѣйствія гребной флотиліи Генерала *Рибаса* на Дунаѣ, принесли сколько чести нашему флагу и сколько способствовали успѣхамъ сухопутной арміи, что не упомянуть о нихъ, значило бы умолчать объ одной изъ славныхъ эпохъ, въ исторіи нашего Черноморскаго флота.

Въ то время, какъ Контръ-Адмиралъ *Ушаковъ* своими побѣдами поддерживалъ честь Русскаго флага, армія Князя *Потемкина* спояла праздно между Днѣспромъ и Дунаемъ. Болѣе половины 1790-го проведено ею въ совершенномъ бездѣйствіи, и первое извѣстіе съ театра войны пришло въ Петербургъ только 30 Іюля. Но и сія реляція содержала въ себѣ описаніе экспедиціи *Ушакова* къ берегамъ Анаполіи. Послѣдовавшія за нею: 30 того же мѣсяца и 21 Сентября, содержали извѣстія объ однихъ морскихъ побѣдахъ: именно объ одержанныхъ надъ Турецкимъ флотомъ при Еникольскомъ проливѣ и въ 40 верстахъ отъ Гаджибея и острова Тендры. Наконецъ, Декабрь возвѣстилъ жи-

шеламъ Сѣверной столицы Россіи объ успѣхахъ сухопущнаго войска. Но и здѣсь главное участіе въ оныхъ имѣлъ гребной Черноморскій флотъ, состоявшій подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Рибаса*, который принялъ оное по желанію Князя *Петелкина*, послѣ взятія штурмомъ Гаджибейскаго замка, совершеннаго имъ 14 Сентября 1789 года въ виду, и даже подъ огнемъ многочисленнаго Турецкаго флота.

За неимѣніемъ иныхъ источниковъ къ описанію всѣхъ достопамятныхъ дѣйствій гребной флотиліи Генерала *Рибаса*, мы принуждены ограничиться выпискою изъ донесеній о семъ Князя *Петелкина*.

„Для облегченія дѣйствій сухопущныхъ войскъ у Дуная, Генералъ-Фельдмаршалъ приказалъ гребной флотиліи Черноморской, подъ командою Генералъ-Маіора *Рибаса*, присовокупя лодки вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ войши въ Дунай. Прошивные вѣтры удержали флотилію въ проливѣ Очаковскомъ до 13 Октября, а въ сей день при способномъ вѣтрѣ она выступила въ назначенный путь, и 18-го числа при устьяхъ Дѣлпровскихъ соединилась съ лодками козачьими Черноморскими. Тупъ командующій флотиліею Генералъ-Маіоръ *Рибасъ*, отрядя всѣ свои лодки и двѣнадцать лансоновъ изъ флотиліи въ Килійскій проливъ, приказалъ имъ поспѣвать къ Килии, а самъ съ флотиліею направилъ путь держася къ морю.

„По достиженіи урочища Кишлау, Флотилія ошановилась на якорѣ въ семи верстахъ отъ Суннинскаго пролива. На разсвѣтѣ 20-го

числа, Генераль-Маіоръ *Рибасъ* усмотрѣлъ въ Сунинскомъ проливѣ за башареями двадцать три судна непріятельскія. Чтобы овладѣть башареями, при устьѣ сего пролива споявшимися, онъ послалъ на берегъ высадку изъ тысячи гренадеръ Днѣпровскаго приморскаго гренадерскаго полка. При сближеніи судовъ къ берегу, вѣтръ весьма усилился, но рвеніе войскъ нашихъ было столь пламенно, что они, пренебрегая жизнью, бросались въ воду и сохраняя одно оружіе, вплавъ достигали берега. Въ семъ случаѣ невозможно было высадить болѣе 600 человекъ.

„Командующій высадкою Подполковникъ *Рибасъ*, (*) видя, что непріятель началъ уже его опкрывать и что флотилія, по прошивности вѣтра, не могла служить ему пособіемъ, пошелъ атаковать башареи. Въ продолженіе сего похода непріятель, скрываясь въ камышахъ, производилъ ружейную пальбу, на которую *Рибасъ* не отвѣчалъ, стараясь открыть его, прогнать и, вмѣстѣ съ нимъ, взойши на башарею; но въ сіе время двадцать два непріятельскіе лансона у берега споявшіе, производили жестокою по немъ канонаду.— Подполковникъ *Рибасъ* подошедъ ближе, увидѣлъ себя подъ шлемъ перекрестными выстрѣлами: съ лансоновъ и съ двухъ башарей на обоихъ берегахъ Дуная пославленныхъ. Онъ остановился въ закрытомъ мѣстѣ и ожидалъ ночи, а въ двенадцать часовъ пошелъ впередъ. Турки едва его примѣ-

---

(*) Родной братъ Генераль-Маіора *Рибаса*.

пили, какъ давъ одинъ залпъ картечью, бросились на лодки, бывшія у нихъ уже въ готовности и поплыли къ лансонамъ. — Подполковникъ *Рибасъ*, по занятіи батареи, приказалъ оборонить орудія и палиль по удаляющимся лансонамъ. Во время сей переспрѣлки самое большое Турецкое судно было взорвано на воздухъ.

„Между тѣмъ, непріятельская на западномъ берегу батарея производила на насъ непрерывный огонь, и какъ было примѣчено, что взятая нами не могла прошивъ нее дѣйствовать: то, при всей живоспи непріятельскаго огня, пушки нашей батареи были поворочены и открыли по немъ столь сильную пальбу, что онъ вскорѣ умолкъ совершенно. На разсвѣтѣ Подполковникъ *Рибасъ* отправилъ отрядъ на оставшихся Турецкихъ лодкахъ для занятія западной батареи. Сіе исполнено было весьма скоро и удобно: ибо непріятель, безъ дальняго сопротивленія, оставилъ батарею и побѣжалъ въ камыши. Здѣсь взято у него семь транспортныхъ судовъ, на батареяхъ принадлежалъ пушекъ, и на одномъ суднѣ шесть; также нѣсколько снарядовъ и сѣвсныхъ припасовъ. Съ непріятельской стороны уронъ неизвѣстенъ, а найдено убитыхъ и пощонувшихъ до пятидесяти тѣлъ. У насъ убито шесть, ранено девять гренадеръ. Между тѣмъ, вѣшеръ спалъ ослабѣвшъ и флосилія около вечера вошла въ Дунай благополучно:

„Лодки Черноморскихъ козаковъ, подъ командою Войсковаго Судьи Полковника *Голо-*

ловатаго, съ присоединенными къ нимъ двенадцатью лансонами 19 Октября, войдя въ Килійское устье, благополучно прибыли 23 числа къ Килии, и при сей крѣпости расположились.

„По вступленіи въ Дунай Суннинскимъ устьемъ и проливами Килійскими обѣихъ частей флотиліи Черноморской, Генераль-Фельдмаршалъ приказалъ соединить оныя Генераль-Маіору *Рибасу*, отъ кошораго и поручено флота Капитану 1-го ранга *Ахматову* съ опрядомъ судовъ очистишь ходъ мимо Тулчи. Сей Офицеръ, приближась 6-го Ноября на видъ сего города, встрѣченъ былъ семнадцатью неприятельскими судами, которыя произвели на его передовыя, весьма жестокій огонь. Не взирая на сіе, опрядъ нашъ подвигался впередъ, опѣвшествуя споль удачно, что вскорѣ два неприятельскія судна были взорваны, а прочія обращены назадъ и принуждены тянулься вверхъ подлѣ острова бичевою. Флотилія преслѣдовала неприятеля, производя по немъ стрѣльбу съ передовыхъ судовъ; и тогдаже посланы для абордированія его шесть вооруженныхъ шлюбокъ и двѣ канонерскія лодки, подъ командою Капитана *Родена* и Гвардіи Прапорщика *Терскаго*, а для очищенія по берегу пуши нашимъ бечевникамъ, высажены пятьдесятъ гренадеръ. Неприятель, увидя сію пѣхоту, шопчасъ поворошилъ суда свои къ машерому берегу; но при семъ проходѣ подвергъ себя всей жестокости нашего огня. Тутъ опбита у него канонерская лодка, съ кошорой Турки успѣли уйти въ камыши.

„Между шѣмъ, суда наши гнавшіяся за непріяпельскими, взяли изъ нихъ еще при. Наспупившая ночь закрыла прочія; однакоже темнота ея не возпрепятствовала флота Капитану *Ахматову* отправить въ слѣдъ за бѣгущимъ непріяпелемъ два отряда судовъ. Турки, въ страхъ и отчаяніи, начали подрывать собственныя свои суда, причемъ много самихъ ихъ погибло. Вышедшіе же на берегъ зажгли селеніе, около Тулчи бывшее, и удалились въ спешь, такъ какъ и конница Турецкая и Татарская, которая съ своимъ Ханомъ близъ Тулчи находилась. На разсвѣтѣ 7 Ноября флотилія подошла къ Тулчѣ. Замокъ занятъ гренадерами, подъ командою Подполковника *Рибаса*. Здѣсь въ добычу досталось, сверхъ отбитыхъ на канунѣ: одно военное судно и транспортныхъ и прочихъ малыхъ прицать восемь; въ замкѣ найдено: пушекъ десять, пороху двѣсти сорокъ бочекъ, и немалое количество разныхъ военныхъ снарядовъ. Весь берегъ подъ Тулчею покрытъ былъ членами разорванныхъ непріяпельскихъ судовъ. — Турокъ убито болѣе ста, съ нашей же стороны не потеряно ни одного человека.

По занятіи Тулчи, отправлена по берегу партія подъ прикрытіемъ трехъ лансоновъ. Она прошла по Дунаю болѣе сорока верстъ; непріяпель вездѣ бѣжалъ, и только въ одномъ мѣстѣ имѣлъ небольшую схватку, гдѣ убито у него десять человекъ. Посланная партія возвратилась благополучно. Генералъ-Маіоръ *Рибасъ* тотчасъ отправилъ отрядъ судовъ въ

мысу Чашалъ, для пресѣченія сообщенія между Исакчи и Измаила. Сей отрядъ перехватилъ на пути своемъ при небольшія Турецкія суда, въ Измаилъ шедшія, на коихъ взято въ плѣнъ одинадцать человекъ.

„По разбитіи и испребленіи непріятельскихъ судовъ у Тулчи, и по овладѣніи симъ городомъ, флопилия Черноморская, поднявшись къ мысу Чашалу, взяла тамъ свою позицію, которою и пресѣчено все сообщеніе Измаилу съ правымъ Дунайскимъ берегомъ. Опшуда Генералъ, Маіоръ *Рибасъ* отрядилъ двѣ дивизіи къ Исакчѣ, подъ командою флота Капшанъ-Лейпенаша *Литке* и Подполковника *Рибаса*. Слѣдую съ великимъ трудомъ вверхъ по рѣкѣ прошивъ сильнаго спремленія, прибыли они наконецъ къ Исакчѣ 13 Ноября. Непріятель встрѣтилъ ихъ сильною канонадою, какъ съ сухаго пути, такъ и съ флопилии, состоявшей изъ одной шаипти, одного кирлангича и тридцати лансоновъ. Но когда отрядъ нашъ, приближась на половину пушечнаго выстрѣла, открылъ жестокій и непрерывной огонь свой и зажегъ непріятельскую флопилию, нѣкоторыя же суда наши обошедъ пропивулежащій Исакчѣ островъ, зашли ей въ тылъ; но непріятель, приведенный симъ въ большое замѣшательство, искалъ спасенія въ бѣгствѣ, брося суда, прибрежныя бапареи и обширный замокъ, который и занялъ пошчасъ высаженными на берегъ войсками. Двадцать два лансона сожжены, прочія же всѣ суда достались намъ въ руки. Въ замкѣ найдено множество всякаго рода ка-

наповѣ, полошенѣ, якорей и значное количество пороха. Сверхѣ артиллеріи на завоеванных судахѣ, взято еще на берегу мѣдных пушекѣ тридцать три и вѣ шомѣ число восемь на весьма хорошихѣ полевыхѣ лафетахѣ и одна двенадцати - пудовая мортира, множество чугунныхѣ орудій, провіантскіе магазины и лавки съ сѣбѣспными всякаго рода припасами и овощами. Взято также семь флаговѣ ординарныхѣ и одинѣ Сераскирской.

„Количество снарядовѣ и припасовѣ всякаго рода какѣ сухопутныхѣ, такѣ и флотскихѣ, пріобрѣтенныхѣ при Исакчѣ, превосходитѣ вѣроятность. Сіе мѣсто наполнено магазинами, изѣ которыхѣ всегда арміи Турецкія, Измаилѣ и прочія крѣпости имѣли свое снабженіе.

„Когда флотиліи повелѣно было отѣ Генералѣ-Фельдмаршала войти вѣ Дунай, вѣ самое поже время предписано и флоту Севастопольскому, для обезпеченія сего предпріятія, слѣдовать кѣ Дунайскимѣ устьямѣ и предѣ оными расположиться. Контрѣ-Адмиралѣ *Ушаковѣ* сіе исполнилѣ, показавшись съ флотомѣ предѣ устьями Дуная, вѣ то время какѣ Генералѣ-Маіорѣ *Рибасѣ* атаковалѣ батареи, входѣ вѣ сію рѣку оборонявшія. Флотѣ, осмываясь вѣ семѣ положеніи, отправлялѣ для обозрѣнія и поисковѣ кѣ непріятельскимѣ берегамѣ легкія свои суда. Два изѣ нихѣ: Климентѣ Папа Римскій и Фениксѣ, усмотря плывущій близѣ Варны думбасѣ, погнались за онымѣ и, при сдѣланномѣ отѣ него сопротивленіи, ушопили.

Спасены съ онаго принадлецать Турокъ, въ помѣ числѣ Комендантѣ Сунинскаго укрѣпленія съ его сыномъ, бѣжавшіе при взятіи башарей Сунинскихъ.

Вскорѣ послѣ того взято еще помянутыми Крейсерами другѣе судно Соколова, идущее изъ Константинополя къ Дунаю съ разными овощами.

Оба Крейсера съ сею добычею благополучно прибыли въ гавань Севастопольскую, а какъ поздность времени не позволяла болѣе флоту держаться въ морѣ: то Контръ-Адмиралъ *Ушаковъ*, въ слѣдствіе даннаго ему отъ Главнокомандующаго повелѣнія, для нанесенія вящаго непріятелю страха, прошедъ на видъ Румельскихъ береговъ, 15 Ноября возвратился въ Севастополь.“

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

О необходимости изученія Законовъ Оте- ственныхъ (*).

Если важно, драгоценно приобрѣтеніе познаній въ законахъ знашійшихъ чуждыхъ народовъ; но сколько полезно, даже необходимо знаніе законовъ Отечественныхъ, подъ благопворною сѣнію которыхъ мы родимся, живемъ, дѣйствуемъ, получаемъ награды и опличія, достигаемъ возможнаго счастья, словомъ—наслаждаемся всѣми плодами гражданственности! Сіи по законы должны бытъ неизгладимо напечатлѣны въ умахъ и памяти всѣхъ гражданъ. И что можетъ бытъ драгоценнѣе пѣхъ знаній, которыя научаютъ насъ ограждать свою

(*) Отрывокъ изъ вступительной Лекціи: *о сущности и пользѣ законовъ вообще, и о необходимости изученія законовъ Отечественныхъ*, читанной въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Иларіономъ Васильевымъ, Адъюнктъ - Профессоромъ Россійскаго Законоуѣднія, Синдикомъ Правленія Университета, Секретаремъ училищнаго Комитета и Дѣйствительнымъ Членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

честь, доброе имя—личность, съ кою соединено политическое бытіе наше? Что полезнѣе тѣхъ правилъ, которыя даютъ намъ способы къ защищенію правъ своихъ собственныхъ и правъ ближняго?—Оградить отъ приписаній слабого, оправдать невиннаго — есть торжество души благородной, возвышенной! А умѣть охранять законнымъ образомъ имущество, собственность: развѣ не есть черта, достойная соревнованія? — „Приобрѣсть имѣніе можетъ всякой, упошребя къ тому множествосредствъ; сказалъ знаменищій нашъ Правовѣдецъ; а удержавъ и оберегавъ оное отъ обидъ и завладѣній, можемъ посредствомъ только знанія правъ своихъ собственныхъ и правъ другаго (1).“ И такъ, да приобретается слава знаніемъ защищать дѣло и рѣшать споры: что можетъ быть славнѣе и достойнѣе мудраго, какъ уничтожить правильно тяжбу и оградить престолъ правосудія великими добродѣтелями (2)!

Раскройте, Любезные Слушатели! льщиписи всѣхъ вѣковъ и народовъ, увидите, что Цари-Законодатели, торжественно объявляли въ своихъ постановленіяхъ, чтобъ граждане спарались знать законы, которые защищаютъ ихъ личность, охраняютъ собственность, даютъ права и ошличія и щедро вознаграждаютъ за подвиги блистательные. Политическое

---

(1) Проф. Н. Н. Сандуновъ въ рѣчи: о способѣ учить и учиться Россійскому Законовѣдѣнію.

(2) Смолш. *Конфуція*, Та-Гіо. Кн. I, стр. 12. — Зороастръ, *Конфуцій и Магомедъ*, соч. *Пасторета*, ч. II, стр. 217.

знаніе правленія, гражданское любомудріе, право общественное, всеобщее и частное законоискусство, словомъ—подъ какимъ бы именемъ не означали мы науку, наставляющую людей вести себя благоразумно въ обществѣ, въ отношеніи гражданъ управляющихъ или подвластныхъ, владычествующихъ или повинующихся: сія наука—есть главная, наиважнѣйшая (3). „Первѣйшее ученіе, которымъ Правительство должно просвѣтити народъ“ сказалъ *Бентамъ* — „есть знаніе законовъ (4).“ Воспитаніе юношей, говоритъ Великій *Монтескье*, должно быть основано на законахъ: они приуготовляютъ истинныхъ гражданъ (5). Такъ у древнихъ Персовъ, законовѣдніе составляло главный предметъ воспитанія; такъ у Римлянъ, сихъ грозныхъ обладателей полусвѣта, коихъ законы, озаривъ политическимъ свѣтомъ Европейскія Державы, спяжали славу безсмертную, у Римлянъ — обязанъ былъ каждый юноша знать наизусть законы XII таблицъ. Въ дражайшемъ отечествѣ нашемъ, въ Россіи, которая споль же славна побѣдами, какъ и законами, которая смѣло можетъ гордиться превосходствомъ своихъ узаконеній, Августѣйшіе Законодатели ея, всегда убѣждали вѣрноподданныхъ въ необходимости изученія законовъ отечественныхъ. Разсмотримъ дре-

(3) *Бертрандъ*, основ. всеобщ. нрав. или гражд. долж. чело-
в.; М. 1796, кн. III, гл. I, стр. 220 и 221.

(4) *Бентамъ*, о Гражданскомъ и Уголовномъ Законопол.
Т. III, Ч. IV, гл. 19.

(5) *Esprit des Lois*, Т. I, liv. IV, ch. I.

нѣйшіе кодексы наши — Уложение Іоанна III, Судебникъ Іоанна Грознаго, Уложение Царя Алексѣя, — и познаете волю Моѳарховъ. Мудрый преобразовашель Россіи, Великій ПЕТРЪ порожественно объявилъ: „пренебреженіе указовъ, опаснѣ всякой измѣны, и ведешъ все къ общему разспройсѣву и гибели (6).“ И пошому, державною рукою начерпалъ: *дабы никто невѣдѣніемъ законовъ не отоваривался* (7).

Исполнительница благихъ его намѣреній и исполинскихъ предпріятій, ЕКАТЕРИНА Премудрая подпвердила: „что всѣ узаконенія и установленія каждому гражданину, живущему, съ прочими въ обществѣ, какъ въ разсужденіи его самаго, пакъ въ разсужденіи его имѣнія и обязашельсѣствъ — приносятъ пользу и безопасность (8).“ Она же постановила, что никто не будетъ опредѣленъ къ Гражданской должности безъ юридическихъ познаній. И пошому, молодые дворяне должны научаться знанію законовъ своей земли и образа судопроизводства; ибо таковыиъ преимущество всегда отдастся при выборѣ и опредѣленіи въ почетнѣйшія мѣста гражданскихъ должностей (9). Сія Великая Государыня, желая образовашъ въ законахъ отечественныхъ и средній классъ народа, повелѣла купцамъ и мѣщанамъ отдавашъ дѣшею своихъ въ сей знаменитый храмъ просвѣщенія (10),

(6) Указ. Февраля 1718 года.

(7) Указ. 24 Января 1722.

(8) Начерт. Прозк. нов. Улож. 8 Апрѣл. 1768, ч. II.

(9) Высоч. Конф. Шшап. С. П. Б. губерніи 1780 Янв. 1

(10) Въ Императорскій Москов. Университетъ.

въ коемъ и тогда уже введена была наука о законахъ Государства Россійскаго (11); и сверхъ того предназначила, чшобы при Московскомъ Университетѣ, С. Петербургской Академіи Наукъ и при Казанской Гимназіи, находясь на казенномъ содержаніи спо восемьдесятъ юношей, дѣши Канцелярскихъ служителей, купцовъ и мѣщанъ, обучались, кромѣ разныхъ наукъ, преимущественно законамъ ответственныиъ (12). Наконецъ *ЕКАТЕРИНА II*, стараясь усстроить вънутреннее Государственное управление и поставивъ въ судилищахъ истинныхъ хранипелей законовъ и блюстителей правды, повелѣла: „всѣ судебныя мѣста наполнишь достойными въ знаніи и честными людьми (13).“ Сдѣлайте, вѣщаетъ Великая Законодательница, чшобъ люди боялись законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялися (14). Ибо страхъ законовъ — спасителенъ (15)! — Такъ премудрая *ЕКАТЕРИНА* высоко цѣнила науку Россійскаго Законовѣдѣнія!

Благословенный Императоръ *АЛЕКСАНДРЪ*, желая болѣе даровать способовъ къ приобрѣтенію знаній въ правахъ отечественныхъ, образовалъ въ С. Петербургѣ Высшее Училище Правовѣдѣнія (16), и учрежденіями о народномъ

(11) См. мѣшописецъ Царствован. *ЕКАТЕРИНЫ II*, С. П. Б. 1801, Ч. I, стр. 64.

(12) Ibid. стр. 64.

(13) Ibid.

(14) Наказ. Ком. о соч. Прозк. нов. Улож. 1767, Юля 30, пун. 58 и 244.

(15) *Бекхарій* — о пресшупл. и наказ.

(16) Оно учреждено Императоромъ Павломъ I-мъ, подъ именемъ *Юнкерской школы*, 1-го Января 1797 года,

просвѣщеніи, возбуждалъ вѣрноподданныхъ къ спяжанію свѣдѣній въ законахъ, безъ кошпыхъ и самымъ даже Гражданскимъ Чиновникамъ преграждено достиженіе высшихъ чиновъ (17). И кто изъ Россіянь, любезные слушатели! не помнитъ изрѣченной Августѣйшимъ *АЛЕКСАНДРОМЪ* истины, что въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства (18)!

Не по ли вѣщаетъ намъ и Августѣйшій Братъ Его, Императоръ *НИКОЛАЙ!* — „Правый „судъ, воинскія силы, разныя части внутренняго управленія, — все пребуетъ, все зависитъ отъ ревностныхъ и знающихъ исполнителей (19):“ вопль гласъ Монарха. Всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, достигая къ престолу путемъ законнымъ, для всѣхъ отверстимъ, приемлется Самодержавною властію съ благоволеніемъ (20). Его благодатному царствованію, громкими побѣдами и мудрыми законами ознаменованному, свыше предоставлено довершить благое желаніе *ПЕТРА, ЕКАТЕРИНЫ, АЛЕКСАНДРА* — и пятидесяти осми милліонамъ гражданъ, могущему скипетру Его подвластныхъ — даровать общее *Уложеніе*. Гдѣ не видимъ опеческой заботливости досто-

которая въ 1805 году преобразована въ Училищъ Правовѣдѣній. — Сос.

(17) Высоч. Указ. 6-го Августа 1809 года.

(18) Высоч. Раскр. 2-го Іюня 1801 года.

(19) Маниф. 13-го Іюля 1826.

(20) Ibid.

славно царствующаго надъ нами Монарха? Что прежде совершалось въками, то нынѣ шворится въ немногіе годы. Въ шрехъ-лѣпнее Царствованіе Мудраго НИКОЛАЯ усмапри-ваемъ исполинскіе успѣхи во всѣхъ частяхъ Государственнаго управленія. Исчисляшь ли всѣ уставы, законы и учрежденія, ко благу Россіянъ, въ Его правленіе обнародованные? Упоминашь ли о томъ, что историческая часть законовъ отечественныхъ, часть обширная, многотрудная — уже совсѣмъ окончена (21); что сводъ дѣйствующихъ законовъ быстро достигается своей цѣли? Говоришь ли о томъ, что въ разныхъ городахъ Имперіи, для дѣшей канцелярскихъ служителей, открыты училища, въ коихъ введено преподаваніе Россійскаго Законовѣдѣнія (22)? Но предметы сіи столь важны и благодѣшельны, столь близки къ сердцу каждаго Русскаго, что върояпно они всегда живо представляются предъ умственными очами вашими, любезные Слушатели, и никогда не истребятся изъ памяти вашей. И кто изъ Россіянъ съ чувствомъ вѣрноподданческаго благоговѣнія не усмапри-ваетъ желанія Государя правосуднаго, распро-спранить способы къ изученію законовъ отечественныхъ, обогатить судилища испинно-полезными Членами и, наконецъ, видѣшь отечество наше на самой высшей степени счастья и славы (23)!

---

(21) См. Высоч. Постановлен. и Рескриптъ, о занятіяхъ 2-го Отдѣлен. Государ. Канцел.

(22) Устав. 1828 года Февраля 16-го.

(23) Маниф. 13-го Іюля 1826 года.

Вотъ благодѣшельныя мѣры, приѣмлемыя Августѣйшими Монархами, для доставленія вѣрноподаннымъ способа, къ изученію законовъ; мѣры — которыя ясно и сильно говорятъ въ пользу науки Россійскаго Законодѣнія! — И такъ, оубъ васъ, юные сыны Отечества! сердце Царево ожидаетъ просвѣщенныхъ, дѣятельныхъ и достойныхъ Правителей по всѣмъ отраслямъ Государственнаго служенія. Въ васъ Отечество надѣется имѣть благонамѣренныхъ, ревностныхъ исполнителей законовъ. И сей древнѣйшій разсадникъ высшаго просвѣщенія, обогащающій Отечество доблестными сынами, принялъ васъ подъ благошворный кровъ свой, указуя и открывая всѣ способы къ истинному образованію Вашему. И не уже ли вы измѣните ожиданіямъ Государя и Отечества! Не уже ли кто изъ васъ омрачитъ честь и славу сего знаменитаго храма наукъ? Нѣтъ! любезные Слушатели, ваше вниманіе, ваши взоры краснорѣчиво говорятъ, что въ васъ не погаснетъ пошъ священный огонь любви къ законамъ, который всегда пылалъ въ сердцахъ достойныхъ питомцевъ сего Университета; что вы, пользу и важность изученія законовъ отечественныхъ, докажете еще болѣе—своими подвигами и заслугами, достойными славы имени Русскаго.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

РЫЦАРЬ РОГДАЙ.

„Твои неушомимы ноги,
 Конь добрый, вороной!
 Уже вблизи конецъ дороги:
 Несись, несись спрѣлой!

*

„Людмила, дѣва молодая,
 Теперь глядишь въ окно,
 Любовью пламенной сгарая,
 Рогдая ждешь давно.

*

„Любовью пламенной счастливымъ,
 Людмилу я люблю,
 И сердца пылкіе порывы
 Я съ нею ушолю!

*

„Несись! вблизи конецъ дороги —
 Опреди луву!
 Несись, несись, конь быстрогой,
 Въ лѣсную глубину!“ —

*

При лунномъ свѣтѣ, средь дубровы,
 Несется конь спрѣлой,
 Сверкающъ искрами подковы
 И пылъ вспаешъ горой!

*

На рыцарѣ шоломъ блискаешь ;
 Броня огнемъ горитъ ;
 Палашъ о шпоры ударяешь —
 Гремить спаль и звучишь !

*

Лице пылаешь подъ забраломъ,
 И сердце подъ броней
 Любовнымъ обнялося жаромъ....
 Несешься вороной !

*

Луна плывешь, луна сияешь....
 Вошь замокъ вѣковой
 На каменной скалѣ сверкаешь....
 Несешься конь спрѣлой !

*

Вошь дѣва — прелеснь молодая
 Спотишь, ждешь подъ окномъ —
 И сердце замерло Рогдая,
 И зорь блеснуль огнемъ !

П. Кудряшевъ.

Оренбургъ.

2.

А Л Ъ С А Н Д Ъ.

Альсандъ безвременно узналъ
 Невѣрность милыхъ наслажденій,
 Обманъ прелесныхъ упоеній
 И болѣ ихъ — оя не искалъ !
 На зовъ любви, чешей и счастья,
 На зовъ волшебный сладоспращья

Не опкликалось сердце въ пемь, —
 Оно, забытое лучемь,
 Давно померкшихъ упованій —
 Тоскливо билося въ груди,
 И сквозь шуманъ былыхъ спраданій,
 Не зрѣло счастья впереди.
 Аьсанда свѣшлыя мечшанья,
 Подъ ѣдкимъ холодомъ годовъ:
 Какъ смѣхъ — подъ пляжесшью оковъ,
 Какъ гроба вѣчное молчанье
 Въ груди ошпыли молодой! —
 Тянулись дни его тоскливо...
 И время съ грустнїю нѣмой
 Передвигало ихъ лѣниво.
 Такъ бѣгъ спремишельный ручья,
 Порывный вѣшрь ошановляешъ,
 И ошблескъ свѣшлаго въ немъ днѣ
 Буграми влаги пошѣмняешъ.

Напрасно кругъ младыхъ друзей
 Манилъ Аьсанда въ пиръ радушный, —
 Къ судьбѣ и къ людямъ равнодушный,
 Въ шолпѣ смѣющихся гостей,
 Онъ только горько улыбался
 На шумъ обманчивыхъ спрасшей,
 И — съ сердцемъ грустнвымъ, удалялся.
 Не могъ Аьсанда обманушь
 Невѣрный голосъ наслажденья,
 Ни ранъ сердечныхъ зашпанушь,
 Ни расшревожишь усыпленья.
 И долго, одинокій, жиль,
 Спрашася вновь судьбѣ ошравы...

Разъ онъ задумчиво бродилъ
 По влажной зелени дубравы;
 Еще тогда края небесъ
 Не олашилися зарею,
 Дремалъ покойно черный лѣсъ,
 И легкіе пары спруею
 Вкругъ корней сплалися древесъ.
 Межъ соплепешными кустами
 Заливъ озерный — чужь сверкаль;
 А на пригоркѣ, надъ водами
 Лѣнливо лисья опряхаль, —
 (Какъ дѣва сонная кудрями),
 Дубравы царь, вѣшисный клень...
 Аьсандъ идешъ. — Чшо жъ видишь онъ?
 Близъ клена Муза молада,
 Рукой склонясь на мшистый пень,
 Въ шуманѣ вся . . . вспрѣчаешъ день. . .
 Фіалку въ локовъ заплепаш.
 Видна въ ея движеньяхъ лѣнь
 И на челѣ слѣдъ думъ высокихъ —
 Она поешъ — и пѣсня ша —
 Какъ жаръ любви, иль какъ мечша
 Врачуешъ недугъ ранъ глубокихъ
 Въ груди Аьсанда, — ранъ жесшюкихъ! —
 У ногъ прекрасной, средь цвѣшовъ
 Онъ зришь свирѣль въ росѣ сверкаешъ,
 Она съ дыханьемъ вѣшерковъ,
 Волшебнымъ говоромъ играешъ! —
 Аьсандъ заслушался — забылъ
 Печаль души, и грусь, и муки;
 И съ каждымъ ушромъ — приходилъ
 Внимашъ вѣшисельные звуки,

Свирѣль онъ вымолилъ попомъ
У дѣвы доброй и прекрасной.
И часно послѣ, за холмомъ
Незримый ея, голосъ спрашпной
Сливалъ съ ея напѣвомъ онъ.
Ихъ пѣснь надъ озеромъ звучала,
И Бога водъ недолгій сонъ
Еще надолго услаждала.
Въ заливѣ дымномъ рыбаки,
Видали часно ихъ надъ брегомъ —
И, упоенные напѣвомъ,
Бросали мрежи, челноки.

М. Глинка.

С М Ъ С Ь.

Приятная новость объ Издателъ Моск. Телеграфа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

C'est du nord aujourd'hui que nous vient la lumière.
Voltaire.

Издашель М. Т. написалъ или перевелъ (*) жизнь Нѣмецкаго Писателя Жанъ-Поля-Рихтера и напечаталъ въ No XIV-мѣ Телеграфа. Въспѣ, какъ описанъ имѣ характеръ и слогъ сего Германца. „Жанъ-Поль-Фантазень, блестящъ и многообразенъ. Слогъ его столь необыкновененъ, оригиналенъ, облеченъ въ формы шакія спранныя, что переводить сочиненія Ж. П. невозможно ни на какой языкъ: въ самой Германіи изданъ особенный словарь для чипающихъ Ж. Поля. — Жанъ-Поль, сперва *логитасмый за сумасшедшаго*, былъ признанъ геніальнымъ писателемъ, въ копоромъ соединяются почти не-

(*) Мы увѣрены, что это собственное швореніе Н. А. Полевова, копорое онъ изъ скромности называешь переводомъ „Слогъ естъ человекъ“ сказала Бюффонъ. А въ этой сшашъ слогъ обличаешь Автора: всѣ характеристическія черты его: шемноша выражений, запушанность, кудро-слово-извистія, поверхностныя знанія, преувеличеніе, шонъ самонадѣянности, доводы, кои никуда не доводяшь. Чѣмъ больше объ этомъ разсуждаю, шѣмъ больше удословѣряюсь, что Г. Полевой поклепалъ сею пьесою Деривеа и что это издѣлье собственной его мануфактуры.

сообразныя крайности : оригинальность, часто доходящая до странности, глубокость мыслей и удивительная народность. — Жанъ - Поль былъ роста высокаго; но наружность его представляла собою что-то споль же безлорядное, какъ и члъ его. Огненный, пылкій, даже буйный; онъ былъ приномъ кротокъ, челоѡколюбивъ и проспосердеченъ. — Всю жизнь, при всей швердости и опредѣленности характера, онъ сохранилъ кротость и перибливость свою. Трудно было найти челоѡка съ такою силою воли и шакою умбренностию, пылкостию и кротостию. — Мы могли бы многое сказать о его книгѣ *Введснїе въ Эстетику*, если бы намъ позволяли предѣлы журнальной спашьи; чтение сей книги, вброяшно, изумило-бы многихъ почтенныхъ критиковъ нашихъ, и перевернуло всѣ ихъ идеи, если только они были-бы въ силахъ понять, что гитаютъ. — Судимый по Уложенью обыкновенной критики, Жанъ - Поль всего скорѣе можетъ быть осужденъ какъ миспикъ, какъ мечшатель, какъ дерзкій нововодитель. Съ перваго взгляда онъ представляется необыкновеннымъ явленїемъ : видише челоѡка, у кошораго, отличїе отъ другихъ соспавляетъ ремесло, и самый слоѡ Жанъ-Поля для критики, особливо грамматической, настоящей оселокъ, изоощряющїй шупое оружіе. Не то, что-бы Ж. П. не зналъ грамматики, не то, чтобы онъ презиралъ ее, но онъ раздвїгаетъ предѣлы языка далѣе всѣхъ границъ. Безъ всякой разборчивости громоздитъ онъ вводныя предложенїя, междометїя, подставочныя фразы, выдумываетъ сотни новыхъ словъ, измѣняетъ старыя, спавитъ,

связываетъ, соединяетъ такимъ образомъ, что образуются періоды *самые неправильные и фразы странныя, разнородныя, безконечныя*. Все это *перелестено съ фигурами, мешафорами, намеками, взятыми со всѣхъ концовъ вселенной, перемѣшано съ эпиграммами, ироническими восклицаніями, каламбурами — и даже бранью: это безконечный хаосъ, гдѣ все темно, разнообразно, смѣшано*. Всѣ творенія *Жанъ - Поля*, важныя и забавныя, кажется, *перемѣшаны въ какой-то формѣ уродливости*. Ни одинъ рассказъ не обойдется безъ множества безконечныхъ оговорокъ, безъ скачковъ быспрыжковъ и неожиданныхъ, опъ чего *Авторъ идетъ вавилонами*, опличными опъ всего, что вы знаете. Среди спранныхей, среди шумнаго смяненія въ его твореніяхъ всегда тишина. — И послѣ всѣхъ сихъ прошиворбчій, несообразностей, сбивчивостей, послѣ опредѣленій, которыя ясны, какъ дважды два — пять, какъ круглый треугольникъ, какъ пудъ мѣрою въ аршинъ, *Н. А. Полевой* называетъ хвалимага имъ Писателя — *геніальнымъ, колосомъ чмственнаго міра*, который живетъ въ гуморизмѣ, какъ въ своей родной стихіи, и низпроверяетъ цѣлый міръ, какъ будто коробочку съ конфекшами, у котораго — *мѣсяць*, непослушный спутникъ земли, буншуетъ и бомбардируетъ землю, *Марсъ гитаетъ проловѣдь планеты!!!* — Скажите по совѣспи, Милостивые Государи, не *Шехеразадины* ли это Арабскія сказки, не продолженіе ли Алкорана? Чшо же касается до языка, на какомъ вся эта *дисъ* писана — вы оспааетесь въ недоумѣніи: я васъ извѣ

него выведу. Это ученый Арабскій языкъ, смѣшанный съ разговорными нарѣчіями—*Еменскимъ*, *Неджедницкимъ*, *Геджацкимъ* и *Гадрамантическимъ* и съ небольшою приправою нарѣчій, коими говорятъ племена: *Гудеаль*, *Фарасси*, *Темилиты*, *Тайиты*, *Аседыты* и *Набатен*, жителя каменистой, пустынной и счастливой Аравіи.

Нѣтъ ничего невозможнаго для смертныхъ!

сказалъ Гораций — и послѣ того, какъ *Г. Полевой* сдѣлался Издателемъ Энциклопедическаго Журнала, изыскателемъ опечистившихъ древностей, испорикомъ, романистомъ, стихопворцемъ, крипикомъ, всемірнымъ археологомъ, нумизматомъ, государственно-политическимъ хозяиномъ, грозой географовъ, исправителемъ ландкартъ, чершежей, эстамповъ, рисунковъ, судьей театральныхъ представлений и драматическихъ пьесъ, не мудрено, что онъ прославился, какъ сказочникъ—въ Меккѣ, и какъ поэтъ — въ Мединѣ. Онъ самъ гениальный писатель!

IV.

Москва.

*Письмо къ Издателю Славянина изъ Одессы
отъ 30 Октября 1828 года.*

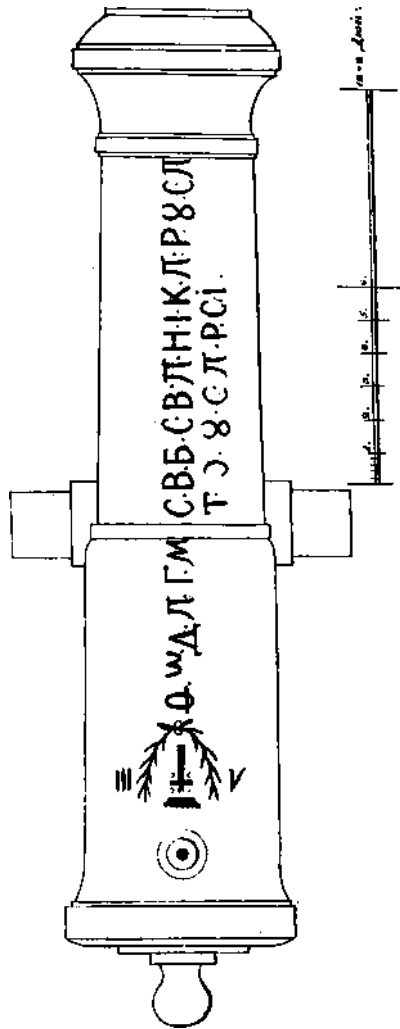

М. Г.! Препровождаю къ вамъ для помѣщенія въ *Славянинѣ* рисунокъ, снятый со всевозможною почностію съ орудія, завоеваннаго Русскими войсками въ Варнѣ.

Пушка сія изъ чугуна, и оубъ древности совершенно позеленѣла. Калиберъ имѣетъ 2 дюйма и 3 линіи Англійской мѣры. На сей пушкѣ изображенъ крестъ въ лаврахъ и буквы Славянскія. Все сіе вылито вмѣстѣ съ орудіемъ.
Имѣю честь быть, и пр.

Примѣчаніе Издателя. Выгравированный съ присланнаго чертежъ у сего прилагается.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годъ.

(Продолженіе).

„По взятіи Исакчи, Генераль-Фельдмаршалъ предписалъ Генераль - Маіору *Рибасу*, не теряя времени, занять островъ между Тулчи и Измаила находящійся, построить тамъ башарей и соединя обѣ части гребнаго флота, испребитъ непріятельскую флопилю подъ Измаиломъ. Въ слѣдствіе сего, помянутый Генераль - Маіоръ, поставя на островъ въ нужнѣйшихъ пунктахъ посты изъ конницы и пѣхоты вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ, 18 Ноября предписалъ Генераль - Маіору *Арсеньеву* переправиться шуда съ регулярнымъ войскомъ, а флопили вѣрныхъ козаковъ подвинуться и сшатъ на лѣвомъ флангѣ крѣпости, на пушечный опъ нея выстрѣлъ. Самъ же Генераль - Маіоръ *Рибасъ* со всѣмъ гребнымъ флотомъ 17-го снялся съ якоря и 18 остановился прошивъ Измаила. —

„На лѣвомъ островѣ, идущемъ опъ рѣчки Репиди показалось нѣсколько непріятельской

конницы, для чего отряжены были двѣсти гренадерѣ и приста Черноморцевѣ съ двумя пушками, которые прогнавъ непріятеля, заняли посты по помянутой рѣчкѣ, начиная отъ устья ея до Лимана озера Кучурлуя.“

„Между тѣмъ непріятель, усмотря приближеніе гребнаго флота, подвинулъ большую часть своихъ лансоновѣ къ каменному бастиону, коего пушки анфилировали рукавѣ рѣки, гдѣ суда наши должны были спускаться къ крѣпости. Турки, желая заманить суда наши сюда, отдѣлили пять лансоновѣ, которые пошли впередѣ по правой сторонѣ рѣчки Репиди, производя на насъ огонь. Генераль-Маіорѣ *Рибасъ*, видя ихъ умыслѣ и не желая вступить прежде, времени въ дѣло, выдерживалъ непріятельскій огонь чепыре часа сряду, но усмотря, что Турки, ободренные его молчаніемъ, стали подходить ближе, приказалъ отряду Подполковника *Рибаса* идти и прогнать ихъ, что въ тошъ же мигѣ и исполнено. Непріятель потерялъ шутѣ одинѣ лансонѣ, который пошолъ со всѣмъ экипажемъ: прочіе же были преслѣдованы подѣ самыя картечи бастиона. Генераль-Маіорѣ *Рибасъ* воспользовался симъ, временемъ для назначенія батарей на лѣвой сторонѣ нашего острова. — Остапоукѣ дня прошелъ спокойно. Ночью выгружены пушки и снаряды, нужные для батарей и спрятаны въ камышѣ.“

„19-го дано войскамъ отдохновеніе и съ обѣихъ сторонѣ было покойно. Къ ночи въ семь часовъ вечера открыта съ нашихъ судовъ на

городъ канонада, и тотчасъ начата работа прехъ батареи на островѣ, подѣ начальствомъ Генераль - Маіора *Арсеньева*, Гвардіи Секундѣ Маіора *Маркова* и Подполковника *Рибаса*, съ величайшею поспѣшностію; оныя 20 около пятого часа по полуночи со всѣмъ окончаны. — Между тѣмъ, гребной флотъ съ обѣихъ фланговъ подвинулся къ городу на половину пушечнаго выстрѣла. На разсвѣтѣ пущены къ непріятельскимъ судамъ шесть брандеровъ, подѣ прикрытіемъ шести вооруженныхъ барказовъ и лодокъ, но сильное печеніе воспрепятствовало дѣйствію оныхъ. При всѣмъ томъ непріятель сполько былъ симъ уснашенъ, что тотчасъ бросилъ свои суда, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Въ половинѣ седьмого часа, по данному оубъ командующаго сигналу, открылась какъ съ новопостроенныхъ батареи, такъ и съ флошилн обоихъ фланговъ жестокая канонада. Флота Капитанъ 1-го ранга *Ахматовъ* приблизился съ опрядомъ своимъ на сорокъ сажень оубъ крѣпостнаго бастіона, одѣтаго камнемъ и установленнаго пушками въ три яруса, подлѣ котораго стояла прехмачшовая шайпія оубъ осмнадцать 36-ти и 48 фуншовыхъ пушкахъ. Тамъ, подкрѣпленный оильными каршечными выстрѣлами батареи Гвардіи Секундѣ - Маіора *Маркова*, вскорѣ принудилъ оубъ своимъ огнемъ непріятели оспавить бастіонъ и шайпію, а Капитанъ - Лейтенанты *Поскогилъ* и *Кузнецовъ* съ опрядами малыхъ барказовъ и судовъ, прошедъ по правую сторону опряда Капитанъ 1-го ранга *Ахматова*, и выдержавъ весь огонь шай-

тіи, приближились на столь близкое расстояние, что картечными и ружейными выстрѣлами своими согнали непріятеля съ судовъ, попопили семь лансоновъ, а прочіе принудили замолчать. Отъ брошеннаго, находящимся на флопиіи Волонтеромъ Прицемъ *де-Линемъ*, брандскугеля шайшія загорѣлась и поднялась на воздухъ.“

„Въ сіе время показалаь подъ парусами колонна судовъ, состоявшая изъ двѣнадцати лансоновъ и всей флопиіи Черноморскихъ козаковъ, подъ командою Полковника *Головатого*. Колонна сія, прошедъ мимо города подъ безчисленными картечными и ружейными выстрѣлами, поворопила къ судамъ, стоявшимъ противъ города и спавъ на шпрингъ, открыла по городу жестокою пальбу изъ пушекъ и мортиръ. — Неприсятель два раза покушался занять опять свой каменный бастионъ, но оба раза былъ отбитъ и потерялъ множество людей. Полковникъ *Головатый* попопилъ и сжегъ чешыре лансона и семнадцать транспортных судовъ, и предпріялъ путь свой опять къ лѣвому флангу, гдѣ козаки бросившись на неприсятельской берегъ, произвели между Турками великое кровопролитіе и успремились уже къ батареямъ, но показавшіяся со всѣхъ сторонъ толпы неприсятелей, принудили ихъ возвратиться на суда.“

„Около перваго часа по полудни, командующій флопомъ, видя умаленіе неприсятельской огня, далъ чешыремъ дуббель-шлюбкамъ сигналъ придвинуться ближе къ городу, а остальному

флоту опходить подъ прикрытіемъ башарей, что въ точности и исполнено. Въ сіе время лансонъ подъ No. 1, претерпѣвъ отъ непріятельскихъ ядеръ множество пробоинъ, началъ наполняться водою, а потерявъ якорный канатъ, быспрымъ теченіемъ былъ унесенъ къ непріятельскому берегу. Бывшій на немъ Капитанъ - Лейтенантъ со всѣми людьми, съ флагомъ и сигналами бросился на шлюбку и спасся, оставя тамъ только двухъ гренадеръ и двухъ матросовъ, которые за ранами не могли выдти на оную. — Канонада съ башарей и судовъ нашихъ продолжалась до трехъ часовъ по полудни. Городъ во многихъ мѣстахъ былъ обвѣтъ пламенемъ.“

„Около четвертаго часа непріятель опважилъ было предпринять на островъ высадку войскъ, но увидя сильный опрядъ, идущій ему на встрѣчу, бросился на суда и удалился отъ берега съ немалымъ урономъ.“

„Непріятельская потеря въ сей день въ людяхъ была весьма велика. — Судовъ у нихъ сожжено и пополено, сверхъ большой трехмачтовой шаипи: девятнадцать лансоновъ, тридцать два транспортныя судна и болѣе сорока паромовъ, а остальные приведены въ несостояніе вредить вамъ.“

„Нашъ уронъ въ сей день состоялъ въ трехъ лансонахъ; изъ которыхъ одинъ снесенъ къ непріятельскому берегу, гдѣ и попонулъ; другой — взорвало отъ непріятельской бомбы; а третій, будучи разстрѣленъ пошелъ на дно, но люди съ него спасены. Убиты, съ погибшими на взор-

ванномъ лансонѣ: морскихъ баталіоновъ Подпоручикъ Юрій Станбүловъ, Прапорщики: Афанасій Раковитъ, Афанасій Зоринъ, Филиль Лоури, Иванъ Триньовъ и Волоншеръ Илія Бардаки; нижнихъ чиновъ разнаго званія 31. Ранено: Оберъ-Офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 231.“

„Для вящшаго утѣсненія непріятели, работы на островѣ были продолжаемы непрерывно съ 20 по 26 Ноября и ежедневно производилась канонада, коей дѣйствиємъ испреблены всѣ почти безъ извѣстія суда, подѣ стѣнами Измаила споявшія и причинено въ городѣ величайшее опустошеніе.“

Неизлишнимъ будетъ помѣстить здѣсь вѣдомость судамъ, орудіямъ, снарядамъ и проч. взятымъ и приобрѣщеннымъ гребнымъ Черноморскимъ флотомъ, со времени его прибытія къ Дунайскимъ устьямъ, или съ 12 Октября по 27 Ноября 1790 г.

	Взято.	Испреблено и пошоплено.
Транспортныхъ судовъ	23	78.
Лансоновъ	8	80.
Канонерскихъ лодокъ	4	—
Трехъ-мачтовыхъ шайпій	1	1.
Бомбардирское судно	—	1.
Кирлангичъ	1	—
Паромовъ	—	40.
Запорожскихъ лодокъ	—	10.
Разныхъ мѣлкихъ гребныхъ судовъ и лодокъ	40	—

И всего 77   210.

	Взято.	Испреблено и пополено
Морширѣ мѣдныхъ	16	—
— — чугуновыхъ	1	—
Пушекъ мѣдныхъ	64	—
— — чугуновыхъ	33	340.
И того	124	340.

Бомбъ	1,623.
Ядеръ чугуновыхъ	22,500.
— — каменныхъ	100.
Книпелей и картечь	1,240.
Ручныхъ гранатъ	10,000.
Ружейныхъ пуль	20,000.
Свинцу (пудовъ)	4,000.
Пороху (бочекъ)	580.
Ружей	12.
Ракетъ	1,000.

Сверхъ сего взято, значительное количество корабельныхъ, артиллерійскихъ, строительныхъ и свѣспныхъ припасовъ.

Пребываніе гребной флотилии *Рибаса* предъ Измаиломъ, послѣ вышеописанныхъ происшествій, до 10 Декабря не было ознаменовано ничѣмъ примѣчательнымъ. Сего же числа предшествовавшего штурму, во время жестокой перестрѣлки съ крѣпостію, одна неприятельская бомба упала въ крѣпостную камеру бригадины Константинъ и взорвала ее на воздухъ. При семъ несчастномъ случаѣ погибло три Офицера (*) и шестьдесятъ человекъ нижнихъ

(*) Капитанъ-Лейтенантъ: *Нелидовъ* и *Скоробогатовъ* и Коншпель *Богдановъ*.

чиновъ. Вообще день сей стоилъ гребному флоту значительнаго числа ранеными, именно 230 человекъ, между коими было шесть Офицеровъ (*).

Взятіе Измаила было трудною, но необходимою мѣрою для нанесенія Турецкому оружію рѣшительнаго удара. Еще съ самаго Кучукъ-Кайнарджскаго мира, Порта прилагала всѣ старанія для приведенія сей важной крѣпости въ сильное оборонительное положеніе. Къ исходу 1790 года, она сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ Турецкой арміи, составившейся изъ Турецкихъ гарнизоновъ разныхъ покоренныхъ крѣпостей. Число ея простиралось до 42 т. человекъ.

Съ одной стороны, взятіе Измаила приступомъ казалось дѣломъ едвали возможнымъ: ибо Русскіе были гораздо малочисленнѣе гарнизона, но съ другой позднее время года заставляло поспушить рѣшительно. Правда, что покореніе сей крѣпости было много облегчено успѣхами гребнаго флота, который пресѣкъ ей сообщеніе съ правымъ берегомъ Дуная и истребилъ почти всѣ непріятельскія суда, при ней бывшія, но тѣмъ не менѣе исполненіе такого предпріятія, каковымъ былъ штурмъ Измаила, требовало начальника не только опытнаго, но вмѣстѣ и шакаго, кошорый бы умѣлъ двигать сердцами своихъ подчиненныхъ. Таковымъ былъ

(*) Изъ нихъ умеръ въ скоромъ времени, опличившійся въ продолженіе сей кампаніи Капишанъ-Лейшенантъ Литке.

Суворовъ, и Князь *Потемкинъ* выбралъ его для сего предпріяшя.

Суворовъ прибылъ подъ крѣпость 2 Декабря, и былъ встрѣченъ всѣми облежавшими ее войсками, съ неизъяснимымъ воспоргомъ. Сдѣлавъ распоряженіе къ штурму, онъ назначилъ его 11 Декабря на разсвѣтѣ и совершилъ съ полнымъ успѣхомъ. Знаменитое сіе дѣло приобрѣло отважному *Рибасу* и его флотиліи новую славу.

Выше уже было сказано, что день, предшествовавшій Измаильскому присупу, проведенъ былъ гребнымъ флотомъ въ перестрѣлкѣ съ крѣпостью. Каноида сія началась въ 8 часовъ съ восхожденіемъ солнца и замолкла только за полчаса до штурма. — Еще 9-го на флотѣ сей были посажены для десанта одиннадцать башалионовъ регулярной пѣхоты и Черноморскіе козаки. Войска сіи были раздѣлены на три колонны: и должны были идти на присупъ съ набережной стороны. Первою изъ нихъ начальствовалъ Генералъ-Маіоръ *Арсеньевъ*, второю — Бригадиръ *Челли*, третьею — Секундъ-Маіоръ *Марковъ*, а надъ всѣми премо — Генералъ *Рибасъ*.

Всѣ подробности Измаильскаго штурма не входящъ въ наше описаніе. Оно содержишь въ себѣ одно только краткое извѣстіе объ участи, какое имѣла въ семъ достопамятномъ дѣлѣ флотилія *Рибаса*. —

Общая атака началась въ три часа по полудни съ 10-го на 11-е Декабря. Шестъ колоннъ, назначенныя на присупъ съ сухаго пути, двинулись, и въ то же время съ гребнаго флота

началась высадка. Турки открыли жесточайший огонь, но не могли остановить десанта, который, сь примѣрною храбростію вышелъ на берегъ, и поддержалъ атаку поведенную сь сухаго пути. Послѣ самаго упорнаго, самаго кровопролитнаго боя, стоившаго жизни 30 т. чел. гарнизона, Русскіе овладѣли крѣпостію, но внутри города сраженіе еще не прекратилось. Еще нѣсколько тысячъ ожесточенныхъ непріятелей защищались въ домахъ и мечетяхъ. Въ одной изъ послѣднихъ засѣли болѣе тысячи Турокъ и, рѣшась умереть сь оружіемъ, грозили невымы, хопя бесполезнымъ кровопролитіемъ. *Рибасъ*, узнавъ о семъ сь геройскою твердостію является передъ мечетью и хладнокровно велитъ Туркамъ положить оружіе. Эта рѣшимость убѣдила ихъ сдаться, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла и симъ положенъ былъ конецъ битвѣ. Болѣе сорока непріятельскихъ судовъ впади во власть флошиліи.—Князь *Потемкинъ* въ донесеніи своемъ къ Императрицѣ *ЕКАТЕРИНѢ*, въ слѣдующихъ словахъ отнесся о *Рибасѣ*: „Онъ первый нанесъ съ судовъ и острова непріятелю ударъ, и во время приступа, командуя тремя колоннами десанта, присутствовала вездѣ, гдѣ болѣе надобность требовала; ободрялъ мужествомъ своихъ подчиненныхъ, овладѣлъ набережными батареями, взялъ великое число въ плѣнъ и представлялъ, отнятыя у непріятеля сто тридцать знаменъ.“

Дѣйствіемъ подъ *Измаиломъ* оканчивающія подвиги гребнаго Черноморскаго флота въ кампанію 1790 года. Въ слѣдующемъ году, какъ увидимъ, флошилія Генерала *Рибаса* не имѣла

уже случая бытъ столько же дѣятельною, или лучшія ея дѣянія не могли бытъ столь же громки, какъ подѣ Тулчею, Исакчей и Измаиломъ, но она не переславала и здѣсь бытъ грозною для непріятелей Русскаго оружія.

Кампанія 1791.

Военныя дѣйствія 1791 года не были продолжительны: ибо благодѣтельный миръ скоро прекратилъ ихъ; но, не взирая на сіе, они были ознаменованы рѣшительными ударами, нанесенными Порты.

Кампанія началась переправою нашихъ войскъ за Дунай, подѣ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Князя *Голицына*. Гребному флоту было поручено привести въ исполненіе сію переправу.

Марша 24, вышеозначенныя войска были посажены на осмнадцать Лансоновъ, двѣнадцать транспорсныхъ и двадцать перевозныхъ судовъ. Сею флотилію начальствовалъ Капитанъ 1 ранга *Лавровъ*. На ней находился и самъ *Рибасъ*. Другая же, подѣ командою Капитана 2 ранга *Поскогина*, была отправлена симъ Генераломъ къ устью Серета и получила назначеніе перевозить непріятеля осажденнаго въ Браиловъ. По явленіе его у сей крѣпости дало возможность Полковнику *Рибасу* овладѣть, безъ кровопролитія, укрѣпленіями острова Канцефана. Сіе происходило 29 Марша, аз о ч. Офицеръ сей съ Днѣпровскимъ гренадерскимъ полкомъ переправился на островъ, лежащій между Кан-

цефаномъ и Браиловымъ. На немъ находилась сильное укрѣпленіе, защищаемое двадцатью пушками, двумя тысячами Турокъ и отрядомъ мѣлкихъ судовъ. Сии послѣднія открыли было огонь по приближившейся нашей гребной флотилію, но исправнымъ ея дѣйствіемъ скоро принуждены были умолкнуть. Послѣ сего Турки повторили пальбу съ батарей, усроенной ими на берегу близъ Браилова, но и здѣсь были сбиты выстрѣлами съ гребнаго флота.

Занятіе вышеозначеннаго укрѣпленія было необходимо, и потому, Генераль-Лейтенантъ Князь *Голицынъ*, отрядилъ въ тотъ же день для подкрѣпленія Полковника *Рибаса*, Бригадира *Лециано* съ однимъ пѣхотнымъ и двумя козачьими полками. Вечеромъ прибылъ къ Канцефану отрядъ флота Капитана Лаврова, и расположился такимъ образомъ, что въ одно и тоже время, одна часть его могла дѣйствовать по укрѣпленію, а другая по Браилову и судамъ, стоявшимъ подъ стѣнами сей послѣдней крѣпости. На другой день (31 Марта) по утру, укрѣпленіе взято было штурмомъ войсками, подъ начальствомъ бригадира *Лециано* и Полковника *Рибаса*. По совершеніи сего дѣла, отбитыя пушки были обращены на Браиловъ и, при содѣйствіи гребнаго флота, потопили четыре бомбардирскія судна, восемь канонерскихъ лодокъ и еще нѣсколько мѣлкихъ судовъ.

Дѣятельность Генерала *Рибаса* много способствовала побѣдѣ, одержанной надъ Турками при Мачинѣ, Генераломъ Княземъ *Реллинымъ*,

и положившей конецъ военнымъ дѣйствіемъ на сухомъ пуши.

Въ половинѣ Іюня получено было извѣстіе, что непріятель примѣтно усиливался въ Мачинѣ и Браиловѣ и, что подъ сей послѣдній прибыло до пятидесяти вооруженныхъ судовъ. Желая нанести Туркамъ рѣшительный ударъ, Князь *Релнинъ* положилъ переправить свои войска черезъ Дунай и атаковать непріятеля; сначала въ Мачинѣ, а за тѣмъ въ Браиловѣ. Генералу *Рибасу* было поручено заготовленіе перевозныхъ судовъ. Переправа войскъ началась 22 Іюня и продолжалась во весь слѣдующій день, но по причинѣ весьма усилившагося вѣтра, не могла на столь широкой и быстрой рѣкѣ, какова Дунай, совершаться съ желанною скоростію. Это заставило неутомимаго *Рибаса* прибѣгнуть къ иному средству. Изъ взятыхъ у Турокъ паромовъ и судовъ и изъ нашихъ армейскихъ пантоновъ, онъ устроилъ мостъ и 25-го войска начали переправляться по оному.

27-го Іюня гребная флотилія придвинулась къ Браилову, и расположились опѣнего нѣсколько далѣе пушечнаго выстрѣла. Кромѣ переправы войскъ 23 и 24, она не имѣла ни какого участія въ дѣлѣ, и потому *Рибасъ*, не желая оставаться празднымъ, принялъ начальство надъ отрядомъ кавалеріи и нѣсколько разъ водилъ ее въ дѣло.

Пораженіе непріятеля при Мачинѣ было столь рѣшительно, что убѣдило Турокъ вступить въ переговоры о мирѣ, коего preliminarныя статьи и были подписаны 31-го

Юля. Съ ними прекратились дальнѣйшія дѣйствія какъ сухопутной арміи, такъ и гребной флотиліи, но корабельному флоту по неизвѣстности о сихъ произшествіяхъ, удалось новою побѣдою усугубить ужасъ Дивана.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

КОЛМАРЪ и ОРЛА.

Поэма.

(изъ Лорда Байрона).

Какъ вашей юности минувшей дни намъ милы!
И шарцу дряхлому, въ дверяхъ его могилы,
Оспрада сладкая о нихъ воспоминашь.
Она любимъ, окрылась веселою мечшою,
Съ закаша своего къ зарѣ перелеташъ,
И часто, взявъ копье дрожащею рукою,
Со вздохомъ говоришь: „ахъ, и сія рука,
Теперь ослабшая, была сильна, крѣпка,
Въ глазахъ родителя не такъ копьемъ вращала,
И въ сѣчѣ боевой усмалости не знала.“

Уже героевъ нѣшь! но арфа ихъ дѣла
Спрунами звучными вѣкамъ передала,
И слава ихъ именъ не умолкаетъ въ мірѣ.
На крыльяхъ вѣтренныхъ ихъ духъ парить въ эфирѣ.
При спонущей грозѣ, при гудакъ громовыхъ,
Въ чершогакъ облачныхъ о подвигахъ своихъ
Они внимающъ пѣснь весельемъ упоенны.
Межъ ними былъ Колмаръ, воишель дерзновенный,

Здѣсь хладный прахъ его подъ сѣрымъ камнемъ скрытъ,
 Но вишнязъ, бурями крылашыми носимый,
 Въ шуманахъ голубыхъ по воздуху парить.

Въ Морвенѣ свѣшъ узрѣлъ Колмаръ неуспрашимый,
 Онъ вѣкъ Фингаловымъ перуномъ грознымъ былъ;
 Слѣды кровавые въ поляхъ за нимъ лежали,
 Сыны Локлинскіе руки его дрожали
 И съ поля рашнова клонились передъ нимъ:
 Но кропосшь-мирная лилась изъ ясныхъ взоровъ,
 И свѣшморусые по раменамъ власы
 Блещали какъ лучи полночныхъ метеоровъ;
 Но сердца юноши не шрогали красы;
 Оно молодой любви не ощущая жара,
 Пишало дружбу лишь спрягавшую Колмара
 Съ могущимъ Орлою, кошораго рука
 Просшерла по землѣ не одного врага.
 Одна ихъ обоихъ пещера укрывала
 И сѣча грозналъ друзей не разлучала,
 Ихъ мечъ сквозь раши пушь для друга пробивалъ.
 Ихъ щашъ ошь мешкихъ спрѣлъ гудь друга заспѣвалъ.

Сваранъ покинулъ край холоднаго Локлина
 И сивею волной приносисшя къ брегамъ.
 Ошь сильныхъ рукъ его падушъ сыны Эрина.
 Морвенскій грозный Царь воззвалъ къ своимъ бойцамъ.
 И море шумное взбурилось ихъ ладьями,
 Знамена развились надъ злачными холмами:
 Текушь засшупники къ Эриновымъ сынамъ!

Уже вѣмая ночь смѣнила день багряный,
 И задымилися росисшые шуманы,

Съдое облако, какъ дымъ, заволокло
 Серебряной луны блестящее чело.
 Покровы мрачные два войска одѣвають,
 И дубы запылавъ, долину освѣщаютъ.
 Уже покоишь сонъ Сварановыхъ бойцевъ,
 Ужь зряшь они въ мечсахъ кровавое сраженье,
 И грозно копьями колебля въ сновидѣннѣ,
 Разяшь разсѣянныхъ Фингаловыхъ сыновъ.
 Но бодрствуютъ еще Морвена ополченя:
 Ихъ безопасности безспрашный Орла щипъ,
 Убийственная спаль въ рукѣ его блестящъ,
 И съ нимъ молодой Колмаръ не знаешь разлученя.
 Фингалъ спѣшишь воззвать къ вождямъ своихъ дружинъ:
 На звучный зовъ его герои пришекають
 И славнаго царя безмолвно окружають.
 Почтенное чело сіяло оны сѣдинъ;
 Но бодросшь юности въ груди его пылала
 И спаросшь крѣпкихъ силъ царя не истощала.
 „Морвенскіе сыны! оны проспираешъ гласъ:
 На грознаго врага веду заушра васъ
 Но гдѣ могучій вождь, гдѣ щипъ сыновъ Эрина?
 Чертоги Турскіе вмѣщаютъ Кушуллина,
 Еще не вѣдаешъ о близкой бишвѣ оны.
 И кто изъ васъ дерзнешъ, ошвагой воспаленъ,
 Пройши сквозь шанъ сыновъ враждебнаго Локлина
 И вѣсшью брани духъ вождя возвеселишь?
 Средь вражескихъ мечей опасный пушь лежишь;
 Но здѣсь вокругъ меня безспрашная дружина:
 Кто жь, кто пойдешъ воззвать къ оружью Кушуллина?
 Перуны бравные! Кто примешъ вызовъ мой?“

—Мнѣ честь принадлежишь! воскликнулъ Орла сильной:
 Завиденъ, признаюсь, мнѣ храбримъ сонъ могильной;

Къ тому жь опасности не вижу я большой :
 Уже смыкаешь сонъ глаза сыновъ Локлина,
 И я иду воззвашь къ оружью Кушуллина.
 Коля нынѣ часъ меня постигнешь роковой,
 Пущь грянешь надо мной пѣснь Бардовъ гробовая,
 И шэмъ, гдѣ кашишься серебряный Любаръ,
 Могила надо мной воздвигнешь нѣмая. —
 „Одинъ ли ты падешь?“ вскричалъ молодой Колмарь,
 „Иль съ другомъ кочешь вождь Ойшовскій разлучишься?
 Сильна моя рука и гибельна врагу :
 Уже ль бездѣйственнымъ оспашься я могу,
 Когда безцѣнный другъ въ опасности спремится ?
 Нѣшь, Орла! вмѣстѣ мы, безпрепешной ногой,
 Взбирались на скалы за легкою козой
 И вмѣстѣ пили мы изъ пиршественной чаши :
 Да будущъ общими опасности днесъ наши.
 Пещеру ишиспую дѣлили мы съ шобой,
 Раздѣлимъ же шеперь и смершную обихель,
 Которая насъ ждешь на крулизнѣ бреговъ,
 Омышыхъ пѣною Любаровыхъ валовъ.“

—Колмарь! ошвѣшшвуешь Ойшовскій предподишель
 Тебѣ ли подвергашь себя мечамъ враговъ ?
 Пущь я одинъ паду! мой доблесный родишель
 Въ черпогахъ облачныхъ уже давно живешь ;
 Онъ возгордишься мной, онъ счашиемъ почшешь,
 Когда, весь кровію Локлинскою покрывшый,
 Предстану сѣдинѣ героя сановишой.
 Но Мора добрая въ Морвенѣ сына ждешь
 И пиръ къ желанному пришешшвию гошешшъ
 Она склоняешь слухъ и каждый шорохъ ловишъ.
 Слѣда младую ланъ, ловець ли пробѣжишъ

И пронувшій имъ кустъ листвами зашумишь :
 Колмаровъ ей возвратъ мечта изображаетъ.
 Ахъ, не допустимъ же, да Мора повпоряешь :
 Калмаръ мой пораженъ Доклинскимъ копіемъ;
 Онъ умеръ съ Орлоу, съ симъ пасмурнымъ вождемъ,
 По мрачному челу котораго лишь знали !
 Или желаешь ты, чшобъ горести слеза
 Зашмила Морины лазурные глаза,
 Чшобы уста ее всечасно Орлу кляли,
 И гибели швоей виною называли ?
 Живи, живи, мой другъ, и камень гробовой
 Обросшій сѣрымъ мхомъ, воздвигли надо мной.
 Живя и смерть моя шобою опомсишися,
 Да съ гласами пѣцоеъ и швой соединишя,
 И гробовая пѣснь въ Колмаровыхъ устахъ
 Восхишишь Орлинъ слухъ, и будешь веселишя
 Ей внемля, шѣнь моя на мрачныхъ облакахъ. —

„Нѣшь, Орла! опѣчала сынъ Моры свѣшловласый :
 Могу ли друга я погибель воспѣвашъ,
 И доблешь, слезъ моихъ причину прославляшь ?
 Нѣшь, сердца моего печальны были бъ гласы :
 Способна ль скорбь души согласный звукъ издашь ?
 О другъ ! душа моя, съ швоею неразлучно
 Внимашъ изъ устъ пѣцоеъ гимнъ славы будешь звучной,
 И въ облакъ одномъ съ швоею обидашъ.“

И оба сонмъ вождей Морвенскихъ покидають,
 И бысшрый ходъ свой въ спанъ Доклинскій направляють,
 Ужъ дубы обгорѣвъ, чувъ брежжущъ по полямъ,
 Полночная звѣзда являешь пушь друзьямъ.
 Могучій Царъ Сваранъ на холмѣ возлегаетъ,

И, безпорядочно разсыяны кругомъ,
 Его вошли почіюшь крѣпкимъ сномъ;
 Булашный грозный мечъ близъ cadaго сверкаешъ
 И швердые щипы возглавемъ слушаешъ имъ.
 Сіяніе огней по малу исчезаешъ
 И вьешся сѣрый лишь надъ головнями дымъ.
 Молчаніе гробовъ равнину облегаешъ,
 Лишь шихій вѣшерокъ порою пролешинтъ..
 И пробужденный имъ кусшарникъ зашумишъ.
 Безмолвно войны идушъ сквозъ шанъ Ловлина;
 Опасной свершена дороги половина;
 Вдругъ Орлинымъ очамъ являешся Машонъ,
 Просшершый на щипъ и погруженный въ сонъ.
 Незапной яросшью геройскій взоръ пылаешъ;
 Онъ грозною рукой подьемлешъ копье,
 И рѣчь къ нему Колмаръ прекрасный просшираешъ:
 Почшо являешъ гнѣвъ, мой другъ, чело швое?
 Не время медлишъ намъ: здѣсь вражки ополченья.
 Но время наносишъ ударъ праведный мщенья!
 Ойшовскій грозный вождь неистово гласишъ
 И очи грозныя сверкаюшъ, пламенѣя.
 Машонъ Ловлинскій спишъ; шы зришъ копье злодѣя!
 Родишельская кровь еще на немъ кипишъ
 И къ мщенію зовешъ! Такъ, мщенье совершишся
 И скоро кровію Машона обагришся
 И Орлино копье... Но спяцаго ль разишъ?
 Нѣшъ, гибельный ударъ онъ долженъ ощушишъ,
 Кошорымъ жизнь его на вѣки прекрашишся
 Онъ долженъ знашъ шого, чья мшяцающая рука
 Его родишелю на жершву закалаешъ.
 Не жаждешъ чешъ моя дней соннаго врага.
 Возшанъ, Машонъ! возшанъ! Конналовъ сынъ зываешъ;

Возспанъ и вступимъ въ бой! мгновенно сладкій сонъ
 Ошъ вѣждей грознаго Машова ошлешаешъ;
 Но не одинъ съ земли воспрянулъ въ спанѣ онъ:
 Гласъ Орлинъ и другихъ Локлинцовъ поражаетъ.
 Бѣги, Колмаръ, бѣги! Кочваловъ сынъ вѣщаешъ.
 Машовъ падешъ моею рукою пораженъ,
 И встрѣчу смерть мою веселыми очами.
 Но мы окружены Локлинскими сынами;
 Бѣги доколь еще одѣвъ сіи мѣша,
 Благопріяшешвуешъ ночная шемпоша.

И Орла грозный мечъ возноситъ надъ Машономъ,
 И сокрушаешъ шеломъ его со звономъ;
 И падаешъ изъ рукъ лишенныхъ силы щипъ;
 Багровою рѣкой изъ раны кровь кипящъ,
 И очи навсегда Локлинскій вождь смыкаетъ
 Спрумовъ зришъ смерть его и яростью пылаешъ.
 Онъ повергаешъ на Орлу; но падешъ
 Пронзенный копіемъ, направленнымъ Колмаромъ —
 И близъ Машова вздохъ послѣдній издаешъ.
 Кшо видѣлъ Океанъ, когда во гнѣвѣ яромъ
 Кипишъ онъ впереди двухъ быспрыхъ кораблей?
 Такъ усшремляюшся Локлинцы на друзей;
 Но корабли напоръ пучины ошражаюшъ,
 И влагу горькую надменно разсѣкаюшъ,
 И рѣкошъ посреди бѣлющихъ валовъ.
 Такъ храбрые друзя среди шолны враговъ,
 Кровавой спалію дорогу пробиваюшъ.
 Уже оружья громъ разишъ Фиягаловъ слухъ:
 Онъ грянулъ по щипу шяжелому, и вдругъ
 Предъ нимъ его сыны могучіе предшали,
 И войны его мечами зашвучали.

Ужь сердце Риниво ошь радости дрожишь;
 И спрашнымъ Оссіянь оружіемъ покрывъ;
 Тяжелое копые Оскаръ въ рукѣ вращаешь,
 И знамя съ вѣтрами Фингалово играешь.
 Смерть рыщешь по полямъ кровавымъ съ шоржесшломъ...
 Побѣда рашниковъ Фингаловыхъ вѣнчаешь.

Уже воспичный край за холмами пылаешь,
 Но ушро ясное пурпуровымъ лучемъ
 Ни одного врага живымъ не освѣщаешь:
 Тѣлами блѣдными почившихъ смерщнымъ сномъ
 Равнина услана, и шихо вѣя съ моря,
 Прохладный вѣшерокъ играешь въ ихъ кудрахъ,
 И спай коршуновъ, о спрашной пищѣ споря,
 Кружашся съ криками печальвыми въ поляхъ.

Кшо юный воинъ сей? На груди обогреной,
 Какъ золошо спраны сіяя чужеземной,
 Колсблюшся его блестящіе власы,
 И друга съ черными переплелись кудрями;
 И смерщной блѣдношью покрывы ихъ красы;
 И шокы крови ихъ, багрянными сшрулями
 Сшремясь изъ ранъ, въ одинъ сливаюшся ручей.
 Кшо войны сіи? Ахъ, вы, примѣръ друзей,
 Вы, коихъ громкая вѣкъ слава не зашмишся.
 Во взглядахъ Орлиныхъ еще свирѣпость зрится:
 Его ужь нѣшь: но зоръ еще блесшишь грозой:
 Рука его сплелась съ Колмаровой рукой.
 Но грудь Колмарову дыханье воздымаешь:
 Возстань, молодой герой! Морвенскій царь вѣщаешь:
 Могу и долженъ я героя исцѣлишь.
 Возстань! Еще Колмаръ съ друзьлами будешь пишь

Изъ чаши пиршества и легкими снопами
Гонящся по скаламъ за дикими козами.

„Не будешь! Моринъ сынъ ошѣпсштуешь ему:
Ужь чаши пиршества не передамъ я Орлѣ,
И съ вѣрнымъ Орлою не буду я на ловлѣ.
Пріятволь безъ него чшо сердцу моему?
Другъ милый! вѣшь себя! свирѣцъ шы былъ душою,
Но ушра для меня прілтшною росою
Казалась вѣжная любовь ея. Другимъ
Душа швоя была перуномъ громовымъ;
Но мнѣ она была, какъ опраженный въ морѣ,
Сребристый свѣшь луны. Вручите мечъ мой Морѣ:
Да вѣчно на спѣвѣ въ дому моемъ висишь,
И память война пошомсшву сохранишь;
Кровь вражья лезвіе сшальное обагрила:
Но друга онъ не спасъ. Пущь Орлина могила
И мой сокроешь прахъ, и наши имена
Пущь вмѣстѣ вѣщая пѣццовъ гласишь спруна...“

Два друга преданы землѣ близъ волнъ Любара;
И камни сѣрые, на берегу крушомъ
Вознесши дерзкій верхъ, обросшій влажнымъ ихомъ,
Являюшь пушнику гробъ Орлы и Колмара...

Сваранъ погибъ. Фингалъ взѣрлешся волнамъ;
И вѣпры бѣлыя вѣшрила надуваюшь;
И ичашся корабли къ Морвенскимъ берегамъ;
И Барды пѣснь хвалы героямъ воспѣваюшь:

Кшо сей на мрачныхъ облакахъ
Призракъ торжесшвенно парящій?

Чей въ рдьяныхъ молніи огняхъ,
 Блещишь въ часъ бури ликъ грозящій
 Чей голосъ слышенъ намъ въ громахъ?
 То Орла, вождь Ойшонскій грозный;
 Не зналъ онъ равнаго въ бояхъ.

И буди славенъ въ вѣки поздны!
 О вишязь, миръ душѣ швоей!
 И ты сынъ Моры свѣщлоокой!
 Молвою доблесни своей
 Прорѣжешь мракъ времянь глубокой.
 Ты вѣженъ сердцемъ былъ Колмаръ;
 Но спрашенъ дерзкимъ силой дани;
 Твой мечъ, какъ молніи ударъ,
 Разилъ враговъ на полѣ брани.
 Но нынѣ онъ въ дому швоемъ
 Бездѣйственъ на спѣнѣ хранишь,
 И ржа кровавая садится
 На лезвѣ его шальнономъ.
 И воиновъ Доклиевскихъ шѣни
 Шпенашъ слѣпающа предъ нимъ,
 Который пагубенъ былъ имъ
 Въ часы убійшпенныхъ сраженій
 Бвущи, о вишязь, пѣснь хвалы:
 Сыны Морвена воспѣвають
 Тебя, и древнія скалы
 Твоею славой оглашаютъ,
 Раскинь блестящія власы,
 Какъ радугу, въ поляхъ лазури,
 И улыбайся намъ въ часы
 Свирѣпо-воююща бури.

Съ Англ. Загорскій.

ВОСПОМИНАНИЕ НА РАЗВАЛИНАХЪ ЗАМКА.

Долину сумракъ осѣняешь,
 Не шепчешь лищь въ глуши лѣсной,
 Земля спокойствіе вкушаешь.
 По временамъ лишь жукъ ночной
 Жужжишь надъ башней разрушенной;
 Спада лѣживо съ паслвѣ идущъ,
 И поселянинъ упомянутой
 Сдѣлшишь въ родимой свой приющъ.

* * *

Здѣсь на скалахъ, гдѣ все свѣдал
 Духъ разрушенія живешь,
 Гдѣ древность грозно возсѣдал
 Невольной ужасъ въ душу льешь —
 Я вопрошаю вѣкъ далекой:
 Что древле рядъ сей камней былъ?...
 То замокъ на горѣ высокой,
 Въ кошоромъ родъ героевъ жилъ!

* * *

Угасли племена могучихъ!...
 И самый ихъ надгробный звакъ
 Полусокрышь въ пескахъ зыбучихъ!
 Но многихъ безпріюшный прахъ,
 Лишивъ и пишины могильной,
 Дыханье бури разнесло!...
 Надъ храбростью героевъ дивной
 Забвенья облако взошло.

Такъ слава жизни померкаешь,
 Такъ доженъ блескъ ея лучей!
 Чшо сердцу льстило — все вспрѣчаешь
 Ночь вѣчную въ пошокъ дней:
 Мешалъ рѣзцомъ одушевленный,
 Краса лавроваго вѣнца,
 Надгробной урны блескъ надменный
 И пѣснь высокая пѣвца.

* * *

Все гаснешь быспро, чшо желаньемъ,
 Воспоргомъ душу пламенишь, —
 Какъ солнца краснаго сянѣе,
 Кошорое гроза зашмишь!
 Предъ вечеромъ чшо блещешь ясно,
 Того не заспаешь разсвѣшъ.
 Любви и дружбы невозвратно
 Мгновенный исчезаешь слѣдъ.

* * *

Любовь! къ дуспынямъ прилегаешь
 Поросшій розами швой долъ.
 Внезапно буря низвергаешь
 Эфирный дружештва прешолъ.
 Чешъ, сила, власъ и слава щещны:
 Героя съ гордою главой
 И взоръ на посохъ пошупленный
 Гробъ одѣваешь равной мглой.

Съ Нѣмец. Н. Заборовскій.

ВЕСНА ЖИЗНИ.

(Ю. П. Б — вой).

Весна лишь на годъ улешаешь,
 Но шакже ль нашихъ дней весна? —
 Разъ улешѣвъ, не прилешаешь,
 Не возвращаешься она.

* * *

Счастливецъ, кто подъ небомъ яснымъ
 Цвѣшны весны сей въ жизни рвешъ,
 Днямъ наслажденья въ дань прекраснымъ,
 Безъ слезъ, безъ скорби, безъ заботъ;

* * *

Кто юности невинной сладость
 Безъ всякой горечи вкусилъ,
 Чьихъ игръ, чью лѣшь безпечныхъ радость
 Враждебный рокъ не возмушилъ! —

* * *

Безъ сожалѣнья оставляемъ
 Мы невозвратно юный Май;
 Въ Июнь мы съ гордостью вступаемъ
 И мнимъ: земной предъ нами рай.

* * *

Но скоро, въ жизни ужъ не новы,
 Успавъ опъ зноя, буръ и грозъ,
 Заплакашь иногда гошювы
 По миломъ мѣсяцъ мы розъ.

Александръ Глѣбовъ.

Июня 1828.

С М Ъ С Ъ.

Русская пословица: *Поспѣшишь, да людей насмѣшишь.*

Лишь правда хороша — одна она мила!

Сѣв. Пчела 1826, No 23-й.

Страніе о скоромъ доставленіи своимъ читателямъ новостей весьма похвально въ Издателѣ Газеты; но скоростъ ничего не значить, если не сопровождается достовѣрностію. Что въ скорой стрѣльбѣ солдата безъ меткости? Захочетъ ли кто имѣть проворнаго писца, который на всякой строчкѣ ошибается? Кому нуженъ поваръ, который за вкусъ не берется, а поспѣшно стряпаетъ? Не осуждая, но напротивъ, отдавая честь неусыпности, съ какою *Сѣверная Пчела* сообщаетъ Публикѣ свѣжія извѣстія, внутреннія и заграничныя, не можемъ не пожелать Издателямъ сей газеты большей разборчивости и основательности.

Конечно, трудно и часто даже почти невозможно удословѣриться дѣ справедливости событій, о коихъ извѣстія получающа издаля. Но о томъ, что дѣлается въ Петербургѣ и вокругъ насъ, легко можно навѣсть справку.

Разительный примѣръ такой опрометчивости нашли мы въ No 140-мъ Сѣверной Пчелы нынѣшняго года. Издали оной, исчисляя отличнѣйшихъ Профессоровъ и Ученыхъ, образовавшихся въ С. Петербургскомъ Педагогиче-

скомъ Инспишутѣ, включили въ число ихъ знаменитаго своими учеными трудами Профессора *Дмитрія Ивановича Соколова*, Инспектора классовъ въ Горномъ Кадетскомъ корпусѣ; но онъ воспитывался въ семъ же корпусѣ и совсѣмъ не обучался въ Педагогическомъ Инспишутѣ. Напротивъ того, они пропустили *Валерьяна Эмельяновича Клокова*, ученаго Секретаря при Г. Министрѣ Финансовъ, старшаго Чиновника во II-мъ Отдѣленіи собственной *Его Императорскаго Величества* Канцеляріи, Начальника Отдѣленія въ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ, человека достойнѣйшаго, дѣлающаго честь мѣсту своего образованія.

Редакторъ Р. И. (газеты *ежедневной*) думаетъ, что онъ не опсталъ бы отъ Господъ Издательей *Сѣв. Пчелы* въ сообщеніи любопытныхъ новостей своимъ читателямъ; но онъ слишкомъ робокъ и слишкомъ дорожитъ добрымъ о себѣ мнѣніемъ своихъ соотечественниковъ, а потому, часто боится предлагать имъ въ спи сомнительныя.

Вотъ случай, который докажетъ истину выше имъ сказаннаго: Въ Ноябрь 1826-го, присланъ былъ къ нему для напечатанія въ Р. И., слѣдующій анекдотъ: „Князь *Александръ Васильевичъ* (Суворовъ) прохаживался однажды съ Императрицею *ЕКАТЕРИНОЮ Великою* по Царскосельской колонадѣ. Она изволила разговаривать съ нимъ о великихъ дѣлахъ. — „Здѣсь бесѣдую я иногда безмолвно съ изваянными сими лицами ихъ!“ — сказала Она — и потомъ сѣла отдыхать. Суворовъ по подбѣжитъ

къ статуѣ, по отскочивъ, по предъ изображеніемъ Русскаго (?) кланялся въ поясъ. Государыня, подозвавъ къ себѣ *Графа Безбородка*, шепнула ему что-то. Тотъ подошелъ къ *Суворову*, и между прочими разговорами спросилъ, какъ ему нравится колонада. Онъ отвѣчалъ: „Я въ Опечествѣ своемъ ищу земляковъ. Правда, въ нашемъ климатѣ лавры скоро отцвѣтають. Морозъ ихъ врагъ.“ — Потомъ повернулъ *Безбородка* съ больными его ногами къ шой спороу, гдѣ воздвигнуты памятники *Румянцову* и *Орлову*, и вскрикнулъ: „Смотрите, смотрите сюда. Кагулъ и Чесма! Ура!“ — Еще нѣсколько минушь *Государыня* поговоря съ *Безбородкомъ*, благоволила подойти къ нему и начашъ сей разговоръ: „Не долго будемъ мы наслаждаться столь прелестною погодою. Жестокъ, признаюсь, климатъ нашъ. Отъ него нѣтъ пощады и лаврамъ; но для нихъ есть у меня парникъ, (указавъ на свою грудь). Будьте увѣрены, Графъ, что я не похожу на тѣхъ людей, которые, выписнувъ изъ лимона сокъ, бросають корку.“ — Чрезъ нѣсколько дней, украсилъ колонаду бюстѣ *Суворова*. — —

Редакторъ Р. И. былъ увѣренъ въ несправедливости сего разсказа. 1-е. Извѣстно, что *Киберонова* колонада ошталась неприкосновенною въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находилась при *ЕКАТЕРИНѢ II-й*; — 2-е. Редакторъ Р. И. пять годовъ сряду проводилъ льшо въ Царскомъ Селѣ и имѣлъ досугъ, не только подтвердить наизустъ имена всѣхъ великихъ мужей, коихъ бронзовыя статуи стоятъ на

Царскосельской колонадѣ, — но и записать ихъ для себя; онѣ, какъ очевидецъ, можетъ свидѣтельствовать, что между ними ибшѣ — *Суворова*. Записки его подтвердили ему то же; 3-е. Не полагаясь, однакоже, ни на память свою, ни на памятную шепрадку, онѣ отнесся къ Г. Совѣснику Царскосельскаго Дворцоваго Правленія, Полковнику *Графу А. А. Толстому*, прося его навестъ справку въ Архивѣ и въ Описи вещей: не было ли когда нибудь бюста Героя *Рыжницкаго* на колонадѣ? — Въ отвѣтѣ получено, что никогда онаго не было и ни по старымъ, ни по новымъ Описямъ не оказалось. Въ этомъ удосповѣрилъ его также и племянникъ *Графа Суворова* Сенаторъ *Графъ Д. И. Хвостовъ*.

Тогда Редакторъ Р. И., посоветовавшись съ своимъ военнымъ Цензоромъ, рѣшилъ не печатать сего анекдота въ *Рускомъ Инвалидѣ*, а отослалъ его, вмѣстѣ съ другими такого же резбора, къ Издашелямъ *Сѣв. Пислы*, которые черезъ нѣсколько дней, именно Ноября 3-го дня 1826 года, во Вторникъ — тиснули сей, искусно выдуманный и привлекательно написанный, анекдотъ въ своей газетѣ.

Но ни въ одномъ отдѣленіи *Сѣв. Пислы* не найдется сколько описокъ, опечатокъ, погрѣшностей, ошибокъ, недосмотровъ, промаховъ, нелѣпостей, какъ въ *Отгественныхъ воспоминаніяхъ*. Примѣры всего лучше объяснятъ это:

1-е. Въ *Отгественныхъ воспоминаніяхъ* 1827 года напечатано, что первыя Русскія войска

появились передъ Берлиномъ Февраля 5 го 1713 года!!!

2-е. Въ *Отгествен. воспоминаніяхъ* 1825, подъ 10-мъ числомъ Февраля написано: 1050 года скончалась Великая Княгиня *Ингерда* (во св. крещеніи: *Ирина*), супруга Великаго Князя *Ярослава Владиміровича*, урожденная Княжна Шведская.“ Въ самомъ же дѣлѣ, сія Вел. Княгиня во св. крещеніи наречена была *Анною*.

3-е. Въ *Отгествен. воспоминаніяхъ* 1825, изображено, что — „Первые козаки явились близъ Берлина 14-го Февраля 1814 года (!!!).“

4-е. Въ *Отгествен. воспоминаніяхъ* 1828, помѣщено, что — „въ 1806, 21-е Февраля Боккоди-Капаро заняты Россійскими войсками и Черноморцами (!!!).“

5-е. Въ *Отгествен. воспоминаніяхъ* 1828 года начертано, что — „28-е Февраля 1740 года Императрица *Елисавета Петровна* отправилась въ Москву на коронацію (!!!).“

И вся эта пущаница включена въ тѣсныя рамы одного Февраля мѣсяца.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВОЕННОЕ.

Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годѣ.

(О к о н з а н і е .)

Война со Швеціею была причиною, что Императрица *ЕКАТЕРИНА II* не могла отправить въ Средиземное море эскадру, для сего уже назначенную подъ Начальствомъ Адмирала *Грейга*. Обстоятельство сіе было весьма благоприятно для Порты, ибо доставило ей возможность сосредоточить на Черномъ морѣ всѣ свои морскія силы. Не довольствуясь однимъ собственнымъ флотомъ, Турецкое Правительство вызвало въ Константинополь корабли подвластныхъ ему Варварійскихъ владѣній и, весною 1791 года, прошли чрезъ Дарданеллы эскадры: Алжирская, Тунисская и Триполійская.

Князь *Потемкинъ*, узнавъ о соединеніи и выходѣ въ Черное море споль грознаго непріятельскаго флота, предписалъ Контръ-Адмиралу *Ушакову* выдти ему на встрѣчу и дать рѣшительное сраженіе.— Въ слѣдствіе сего повелѣ-

нія *Ушаковъ* оставилъ Севастополь 29 Іюля и взялъ курсъ къ Варнѣ. Флотъ его состоялъ изъ шестнадцати линейныхъ и двухъ бомбардирскихъ кораблей, двухъ фрегатовъ, одного бригадера и осмнадцати разной величины судовъ. Авангардомъ командовалъ Капитанъ Генералъ-Маіорскаго ранга *Голеникинъ*, а арріергардомъ — Бригадирскаго ранга — *Пустошкинъ*.

По утру 31-го Іюля непріятельскій флотъ былъ усмотрѣнъ стоявшимъ на якорѣ близъ Варны, у мыса Кара-бурну. Тогда былъ праздникъ Байрама и почти всѣ Турецкіе матросы, безопасно веселились на берегу. Внезапное появленіе Русскаго флота произвело неописанное смятеніе въ непріятельскомъ. Видя опасность сполъ близкою, Капитанъ-Паша спѣшилъ расположить разсѣяныя корабли и суда свои въ линію, но Контръ-Адмиралъ *Ушаковъ*, находившійся на вѣтрѣ, умѣлъ воспользоваться расстройствомъ Турецкаго флота. Давъ сигналъ прибавить парусовъ, онъ прошелъ подлѣ самаго берега, подъ выстрѣлами его башарей, опрѣзалъ отъ него непріятельскіе корабли и спѣшилъ атаковать ихъ. —

Капитанъ-Паша имѣлъ у себя осмнадцать кораблей, семнадцать фрегатовъ и великое множество разныхъ вооруженныхъ судовъ. Десять изъ нихъ были Флагманскіе. Не успѣвъ собрать съ берега всѣхъ матросовъ своего флота, онъ приведенъ былъ быстрымъ маневромъ Россійскаго Адмирала еще въ большее замѣшательство. Чувствуя превосходство надъ вѣтреннаго положенія Русскаго флота, Капитанъ-

Паша велѣлъ своему опрубить якори и вступишь подѣ паруса. При семѣ случаѣ безпорядокѣ былѣ такѣ великѣ, что многіе Турецкіе корабли и суда, спѣша исполнить сигналѣ своего предводителя, ударились между собою.

Еще выше было сказано, что часть Опшоманскаго флота составляли соединенныя Варварійскія эскадры. Ими начальствовалъ отважный Алжирскій мореходецѣ *Сидъ-Али*. Приближеніе Россійскаго флота возбудило въ немѣ отчаянное мужество и онѣ, рѣшась биться до послѣдней крайности, изѣ опасенія, чтобы команда его не спустила флага, велѣлъ приближь оный гвоздями къ форстенгѣ.

Между тѣмѣ, какѣ непріятельскій флотѣ отступалѣ, Контрѣ-Адмиралѣ *Ушаковѣ* спускался на него въ ордерѣ марша трехѣ колоннѣ. Нѣкоторые изѣ кораблей Капитанѣ-Паши, были успроены въ линію праваго галса, но *Сидъ-Али* съ Алжирскою эскадрою отдѣлился впередѣ и обративѣ за собою большую половину остальнаго флота, началѣ успроивать линію на лѣвый галсѣ. Примѣру сему послѣдовалѣ и самѣ Капитанѣ - Паша. — Въ сіе время *Ушаковѣ* сдѣлалѣ сигналѣ съ возможною скоростію спроить линію багаліи, параллельно непріятельскому флоту и спускалъ на оный. Въпрѣ былѣ отѣ NNO.

Сидъ-Али съ двумя кораблями своей эскадры и съ нѣсколькими Турецкими фрегатами, будучи самѣ передовымѣ, спѣшилѣ отдѣлиться для выигранія въпра. Контрѣ-Адмиралѣ *Ушаковѣ* рѣшился уничтожить сіе намѣреніе.

Воспользовавшись легкостію хода своего корабля—Рождество Христово, — онъ оставилъ за собою всѣ остальные корабли своего флота, повторилъ имъ вышеприведенный сигналъ, а самъ пошелъ прямо на *Семь-Али*.

Приближась къ кораблю Алжирскаго Адмирала, на разстояніе полукабельшова, обошелъ онъ его съ носу и атаковалъ. — Къ сему времени флотъ нашъ усилилъ построенье въ линію, спустился на непріяеля и завязалъ съ нимъ жаркое дѣло.

Сраженіе сіе началось въ пятомъ и, продолжаясь до девятаго часа вечера, кончилось совершеннымъ пораженіемъ Турецкаго флота. Прежде всѣхъ былъ разбитъ атакованный самимъ *Ушаковымъ*, корабль *Семь-Али*, который безъ форспенги, безъ гротъ-марсея, съ разсирѣянными парусами и съ большими поврежденіями въ корпусѣ, упалъ подъ вѣтръ и старался уйти за передовую линію, въ средину споявшихъ за нею фрегатовъ и прочихъ судовъ. Но корабль Рождество Христово, подойдя къ нему подъ корму, продольными залпами принуждалъ его къ сдачѣ. Къ спасенію его поспѣшилъ Алжирскій корабль подъ Вице-Адмиральскимъ флагомъ и, зайдя впередъ, началъ стрѣлять по кораблю Контръ-Адмирала *Ушакова* изъ кормовыхъ своихъ пушекъ. Дѣйствіе сіе было подкрѣплено еще двумя Фрегатами, легшими прямо противъ борна корабля Рождество Христово и еще однимъ кораблемъ, который спускаясь подъ вѣтръ, оп-

крылъ огонь изъ за кормы разбишаго корабля *Сидъ-Али*.

Корабль командовавшаго Россійскимъ флотомъ, искуснымъ дѣйствіемъ своей артиллеріи, скоро повредилъ атаковавшіе его корабли и фрегаты, и принудилъ укрываться за линію. Опсупленіе ихъ открыло снова Алжирскаго Адмирала всей жестокости огня Россійскихъ кораблей: Рождества Христова и слѣдовавшихъ за нимъ: Александра, Іоанна Предтечи и Θεодора Спрашилапа. Дѣйствіе ихъ, принудивъ *Сидъ-Али* къ совершенному бѣгству, привело въ разстройство весь непріятельскій флотъ и рѣшило сраженіе къ славі Русскаго флага.

Контръ-Адмиралъ *Ушковъ*, слушаясь на бѣгущаго непріятеля, подошелъ подъ самую корму его и, поражая жесточайшимъ огнемъ, старался опрѣзашь разбиые корабли.

Къ ночи вѣтръ началъ стихать, а скоро и совершенно заштилѣлъ. *Ушковъ* все еще продолжалъ преслѣдовать Турецкій флотъ, и уже надѣялся взять нѣсколько его кораблей, какъ наставшій тихій вѣтръ отъ стороны непріятеля, густой дымъ и ночная темнота послужили имъ спасеніемъ.

Россійскій флотъ потчасъ привелъ въ бейдевиндъ, стараясь выдти на вѣтръ, чтобы вторично произвести нападеніе. Въ полночь онъ поворотилъ на другой галсъ и шелъ прямо къ сторонѣ непріятеля, но на разсвѣтъ его уже не было видно. При продолженіи же погони, усмотрѣны были съ салинга къ сто-

ронѣ Константинополя подѣ въспромѣ, только верхи парусовѣ на горизонтѣ.

Ушаковъ, прибавляя сколько возможно парусовѣ, спарался нагнать непріятеля, но сѣверный вѣспрѣ, безпрестанно усиливавшійся и произведшій великое волненіе, принудилѣ его оставить погоню. Кѣ этому побуждаемѣ онѣ еще былѣ значительными поврежденіями своихѣ кораблей, и пошому, остановясь на якорѣ около мыса Эмине-бурну, занялся починкою.

Между тѣмѣ состояніе Оптоманскаго флота было весьма бѣдспвенное. Большая часть его кораблей и судовѣ были принуждены для своего спасенія, зайти кѣ Анапольскимѣ и Румелійскимѣ берегамѣ, а нѣсколько судовѣ, онѣ подводныхѣ пробоинѣ пошли на дно.— Алжирская эскадра первая вступила вѣ Константинопольскій проливѣ. При входѣ вѣ оный ночью, Адмиральскій ея корабль, имѣвшій болѣе 400 чел. убишыми и ранеными, началѣ понушь и принужденѣ былѣ пушечными выспрѣлами требовать помощи. Выспрѣлы сіи пробудили Султана и вспревожили всю столицу. Видѣ разбишыхѣ кораблей и страхѣ о приближеніи Россійскаго флота, сильно подѣйствовали на умы Членовѣ Дивана и оный немедленно предписалѣ Верховному Визирю, бывшему при Мачинѣ, поспѣшитъ заключеніемѣ мира. Прелиминарныя статьи онаго уже были подписаны 31 Іюля, вѣ самый день побѣды надѣ непріятельскимѣ флотомѣ близъ Варны.

Такимѣ образомѣ Черноморскому Флоту было предоспавлено, нанести Порпѣ послѣд-

ній ударъ, во вѣпорую Турецкую войну при Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ II.

Между тѣмъ, какъ флотъ *Ушакова* исправлялся починками у мыса Эминѣ-бурну, нѣскольکو судовъ его были опряжены для крейсераства, въ море. Суда сіи испребили при Бургасѣ, Фаросѣ и Сезоболѣ транспорты, плившіе съ провіантомъ для непріятельской арміи и еще значительное число разныхъ мѣлкихъ судовъ. — Къ 4-му Августа всѣ поврежденія флота были исправлены и *Ушаковъ* узнавъ, что подъ Варною находится флотилія, готовился идти туда съ флотомъ, чтобъ испребилъ Турецкія суда, плывшіе къ сторонѣ Константинополя для продолженія своихъ поисковъ. — Повелѣніе отъ Князя *Потемкина*: прекратить всѣ военныя дѣйствія, принудило Комръ-Адмирала *Ушакова*, оставить безъ исполненія оба предпріятія, въ самое то время, когда побѣдоносный его флотъ уже вспунилъ подъ паруса и спустился къ Варнѣ. —

Симъ окончились подвиги нашего Черноморскаго флота въ войнѣ съ 1787 по 1791 годъ. Они были первыми блистательными дѣлами Россіянъ на водахъ Чернаго моря и положили первое начало той славы, какую побѣдоносный нашъ флагъ приобрѣлъ въ послѣдствіи и еще недавно въ глазахъ самаго Государя, Высокимъ Своимъ ободреніемъ давшаго новую силу и новую жизнь Русскому флоту.

П р и м ѣ т а н і я.

Къ стр. 292. Полагаю не излишнимъ помѣс-
пить здѣсь слѣдующія подробности о бѣд-
ствіи корабля Маріи Магдалины, описанныя са-
мымъ Командиромъ онаго, Капитаномъ 1-го
ранга *Тизделемъ*.

„Августа 31-го вышли мы въ Черное море для
исканія непріятельскаго Флота. Сентября 8 весь
нашъ флотъ отъ крѣпкаго вѣтра раздѣлился по
разнымъ мѣстамъ, а 9-го сдѣлался преужасный
штормъ, коимъ изломало на ввѣренномъ мнѣ
кораблѣ вдругъ всѣ при мачты и бугшпришъ;
шакже шлюбку и барказъ разбило на части; и
изъ бортовъ оба якоря сорвались; румпель пе-
реломило и во время набѣганія шкваловъ раз-
ломало корму и руль. Течь умножилась до 10
фушовъ и, хотя корабль былъ облегченъ выбро-
шеніемъ двадцати пяти пушекъ, однакоже кач-
ка столь была сильна, что палубы съ одной и
другой стороны отъ бортовъ находились въ
разстояніи отъ 2½ и до 3 дюймовъ; многія бал-
ки разломились и изъ нихъ двѣ юпныя упали
на шканцы. Нѣсколько найшововъ положены
были съ борта на бортъ для укрѣпленія кора-
бля, и вся бывшая на немъ команда находилась
въ страшномъ положеніи.

„Между прочимъ посшавили другой рум-
пель и начали для спасенія жизни держаться
нѣсколько по вѣтру и волненію. Штормъ про-
должался и мы едва могли опливать воду изъ
корабля. Команда моя имѣла 159 человекъ ме-
нѣе положеннаго комплекта и при чепверти

ея были изъ рекрупъ, взятыхъ вѣ томъ же году на службу. Отъ сего самаго мы были не вѣ состоянїи управиться съ кораблемъ, который по великому шпорму и печенїю дрейфовало къ берегу Константинопольскаго пролива.

„Не видя ни какой надежды къ спасенїю, я желалъ вѣ самой гибели принести честь Отечеству и рѣшился попопить корабль со всею командою. На сей предметъ собралъ я 13-го Сентября Гр. Шабъ и Оберъ-Офицеровъ, уншеръ - офицеровъ и нижнихъ служителей и спрашивалъ у нихъ мѣвнїя. Они объявили единогласно, что согласятся лучше опдаться живыми вѣ плѣнъ, нежели допустить меня до исполненїя моего намѣренїя.

„Сего же числа вѣ 8 часовъ утра прибило насъ къ Константинопольскому проливу. — Тогда, видя что погода не уменьшается и; имѣя 11 фушовъ воды вѣ иншрюмъ, при совершенной невозможности получить съ какой-либо стороны помощь, принуждены мы были опдаться вѣ плѣнъ.

Примѣт. Корабль Марїя Магдалина былъ построенъ вѣ Херсонѣ и спущенъ на воду вѣ Юнѣ 1783 г. — Капитанъ Тиздаль вступилъ вѣ нашу службу изъ Англїйской Лейтенантомъ вѣ 1771 году и умеръ вѣ началѣ Царствованїя, Императора АЛЕКСАНДРА, вѣ чинѣ Капитана же 1 ранга. Сынъ его служитъ Лейтенантомъ вѣ нашемъ флотѣ. —

Къ стран. 295. Біографїя Принца Нассау-Зигена принадлежитъ къ числу самыхъ романическихъ. Онъ происходилъ изъ владѣтельнаго дома Зи-

женовъ и родился въ 1745 г. Получивъ откавъ въ правахъ своихъ на родительское наслѣдство, Принцъ *Нассау-Зигенъ* нашелся въ необходимости собственными заслугами проложити себѣ путь къ славѣ. Движимый симъ чувствомъ, онъ вступилъ на пятнадцатомъ году отъ рожденія (въ 1756) волонтеромъ во Французскую службу. Получивъ въ оной чинъ Драгунскаго Капитана, молодой Принцъ избралъ себѣ новое поприще и участвовалъ въ плаваніи *Бугенвилля* вокругъ земнаго шара съ 1766 по 1769 г. Въ семъ путешествіи, онъ успѣлъ привлечь къ себѣ сердце владѣтельница оспрова Очагипи; опшуда опшправился въ Африканскія степи и выдержалъ бой съ пигромъ, коего кожу сохранилъ у себя памятникомъ столь неравнаго и дерзкаго поединка. Наскучивъ сею спранныческою жизнію, онъ снова возвратился во Францію и вступилъ тамъ въ пѣхотную службу съ чиномъ Полковника. Въ 1779 году онъ предпринималъ нападеніе на островъ Герзей, но безъ успѣха. — Загорѣвшаяся вскорѣ за тѣмъ война между Испанією и Англією, вовлекла его въ новыя опасныя приключенія. Въ это время всеобщее вниманіе было устремлено на осаду Гибралтара. Принцъ *Нассау* командовалъ при семъ случаѣ пловучими башарейми и оказалъ чудеса храбрости, но и здѣсь, какъ при Герзей, всѣ покушенія его прошивъ крѣпости были неудачны. Не взирая на сіе, Испанское Правительство не оставило безъ награды услугъ его и Король *Карль III* далъ ему дипломъ на чинъ Генераль-Маіора.“ —

Бездѣйствіе не могло согласоваться съ духомъ Принца *Нассау-Зигена* и онъ неперѣбливо ожидалъ новыхъ приключеній. Случай къ сему предспавился весьма скоро. Предвидя близкій разрывъ между Россією и Турцією, онъ явился къ двору *ЕКАТЕРИНЫ II* и сопутствовалъ Ей въ путешешствіи по Новоросійскому краю. Открылась война; Принцъ *Нассау-Зигенъ* вступилъ въ Русскую службу Вице-Адмираломъ, и имя его загремѣло на водахъ Чернаго моря. За кампанію сію онъ получилъ орденъ Св. Георгія 2 класса. — Медленность, съ какою производилась осада Очакова, поссорила его съ Княземъ *Потемкинымъ*. На представленіе его: сдѣлать проломъ въ сей крѣпости, Фельдмаршалъ спросилъ: „а сколько брешей сдѣлали вы въ Гибралтарѣ?“ Принцъ оскорбился и уѣхалъ изъ арміи въ Петербургъ. Война съ Швецією доставила ему новый случай отличиться, но симъ блескомъ окончились воинскіе его подвиги. Послѣ блистательной кампаніи 1789 г., гдѣ онъ командовалъ гребнымъ флотомъ, слѣдующій годъ былъ для него ознаменованъ важною неудачею. Въ сраженіи у Выборга Принцъ *Нассау* выигралъ было уже вѣрную побѣду, но имѣвъ неоспорожность, или справедливѣе сказать, неблагоразуміе съ своими галерами пусшиться въ преслѣдованіе Шведскаго корабельнаго флота, онъ потерпѣлъ совершенное пораженіе. Несчастное сіе происшествіе сильно его огорчило и, какъ говорятъ, даже распростроило умъ его. Не взирая на то, *ЕКАТЕРИНА II*, снисходя къ прежнимъ заслугамъ Принца *Нассау*, не лишила его своего бла-

говоленія и даже произвела его въ Адмиралы; но ни что не могло убѣдить его остаться въ Россіи. По самой наспоятельной просьбѣ онъ былъ уволенъ: сначала въ безсрочный отпускъ, а послѣ, въ 1792 г. и во все отъ службы, съ шѣмъ однакоже, что при первомъ своемъ желаніи, могъ снова вступить въ оную.

Оставивъ Россію, Принцъ *Нассау-Зигенъ* долго странствовалъ по разнымъ Государствамъ Европы, какъ-то: Польшѣ, Германіи и Голландіи, а по заключеніи Амьенскаго мира поселился въ Парижѣ. Тамъ жилъ онъ какъ частный человекъ, сохраняя званіе Россійскаго Адмирала и умеръ въ неизвѣстности.

Въ сочиненіяхъ Принца *де-Линя* находится нѣсколько любопытныхъ извѣстій и анекдотовъ о Принцѣ *Нассау-Зигенѣ*. Сей остроумный вельможа называлъ его вмѣсто *Nassau-Ziegen Nassau-Zieger* и въ слѣдующемъ ошривкѣ передалъ нѣкоторыя черты характера сего необыкновеннаго человека.

„Въ чемъ состоитъ волшебство Принца *Нассау-Зигена*? Въ шпагѣ его и въ волшебномъ прутьѣ; въ собственномъ примѣрѣ и искусствѣ, и потомъ опять въ шпагѣ, служащей ему истолкователемъ: ибо онъ употребляетъ ее на означеніе крапчайшей линіи, когда дѣло идетъ объ атакѣ. Взоры, иногда равно страшные какъ для друзей, такъ и для враговъ, довершаютъ извѣстнѣе. Маневры его заключаются въ одномъ взглядѣ; дарованія—въ опытности, приобретенной имъ природною пронцашельностію; знанія—въ краткихъ и ясныхъ приказахъ, оп-

даваемыхъ имъ въ день сраженія, весьма удобныхъ для передачи и исполненія, достоинство— въ опредѣленности мыслей; изворопливоспъ— въ характерѣ, живо изображенномъ на лицѣ его; а успѣхи — въ безпримѣрной бодрости, какъ духа такъ и тѣла.“

Къ стран. 286. Консрѣ-Адмиралъ *Жонессъ* (Jones) вступилъ въ нашу службу 1783, а оставилъ ону 1790 г.

Къ стран. 379. 1789 годъ былъ два раза ознаменованъ неудачными дѣйствіями Россійскаго оружія подъ Анапою. Еще въ исходѣ Марша крѣпость сія была безъ успѣха атакована съ сухаго пуши Генераломъ *Бибиковымъ*. Тѣсныя предѣлы и самая цѣль, составленнаго мною описанія, не позволяющъ миѣ входить въ подробности сего тщетнаго предпріянія. Довольно сказать, что въ семъ случаѣ Россіяне не имѣли недостатка въ мужествѣ, и что только неблагопріятное время года съ сильными дождями и разливами горныхъ потоковъ, было причиною ихъ опіступленія. Къ сему должно еще присовокупить недостатокъ свѣстныхъ припасовъ, какъ кажется, непріяный заблаговременно въ уваженіе. Но вскорѣ, обѣ сіи неудачи были вознаграждены блистательнымъ образомъ. Въ 1791 году командовавшій нашими войсками на Кавказѣ, Генералъ *И. В. Гудовичъ* взялъ Анапу послѣ кровопролитнаго штурма. — Побѣдоносному оружію нынѣ Царствующаго Императора было предоставлено въпорично загладить неудачи *Ушакова* и *Бибикова*. Адмиралы наши: *Грейъ* и *Князь Меншиковъ* приобрѣли себѣ неотъемле-

мое право на славу искусныхъ военачальниковъ покореніемъ сей важной крѣпости Россійской Державѣ. Дѣстойно замѣчанія, что при семъ послѣднемъ случаѣ, флагъ Начальника Морскаго Шшаба Е. И. В. развился въ первый разъ со времени своего учрежденія, и въ первый сей разъ послужилъ уже знаменемъ побѣды. — Это уже шрестіе покореніе Анапы. Во второй разъ она была взята въ 1807 г. Конпрѣ-Адмираломъ *Пустошкинымъ*; но тогда гарнизонъ ея бѣжалъ въ окресныя горы при одномъ приближеніи нашей эскадры.

Къ спран. 375. Къ сожалѣнію моему, я не имѣлъ еще времени и случая собрать матеріалы для составленія хотя крапкой біографіи Адмирала *Осипа Михайловича Рибаса*. Сколько мнѣ извѣстно, онъ происходилъ ошѣ Испанской фамиліи и родился въ Неаполипанскомъ Королевствѣ. Судьба опредѣлила однако же, чтобъ имя сего человѣка, одареннаго необыкновенными способностями, гремѣло не въ благословенныхъ странахъ Италіи, но подъ холоднымъ небомъ нашего сѣвера. *Рибасъ* переселился въ Россію и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, обратилъ на себя вниманіе знаменитаго вельможи того времени *И. И. Бецкаго*, который сначала помѣстилъ его Гувернеромъ въ Сухопутный (что нынѣ первый Кадетскій) корпусъ, а въ послѣдствіи выдалъ за него свою дочь. Это родство открыло *Рибасу* дорогу къ отличіямъ. Онъ успѣлъ снискашь благосклонность Князя *Потемкина* и бывъ употребленъ симъ Фельдмаршаломъ во вторую Турецкую войну при *ЕКАТЕРИНѢ II*,

умѣлъ, какъ мы видѣли, оправдать съ честію сей выборъ. Въ награду за свои подвиги онъ получилъ орденъ Св. Георгія 2-го класса. По окончаніи войны, *Рибасъ* былъ произведенъ въ Вице-Адмирала и подъ его надзоромъ совершалось постройка Одессы. Въ 1797-мъ году онъ получилъ повелѣніе присутствовать въ Адмиралтействъ-Коллегіи; въ Генварѣ слѣдующаго — назначенъ Генералъ-Кригсъ-Коммиссаромъ; въ Маѣ 1799 произведенъ въ Адмирала; послѣ того управлялъ лѣснымъ Департаментомъ; въ Маршѣ 1800 отспавленъ отъ службы, а въ Октябрѣ того же года снова принявъ въ оную. Въспомъ съ симъ поручены ему были: возобновленіе Кронштатскихъ укрѣпленій и, за отсутствіемъ флота — самая оборона Кронштада. Онъ скончался въ 1802 году.

Къ спран. 374. *В. В. Ушаковъ*, принадлежалъ къ числу славнѣйшихъ и искуснѣйшихъ Адмираловъ нашего флота. Если онъ не былъ человекомъ свѣтскимъ, пріятнымъ въ обществѣ, то въ замѣнъ за сіе обладалъ всѣми качествами хорошаго флотоводителя. Онъ первый, а можетъ быть и послѣдній, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ соединенные флоты Россійскій и Турецкій, дѣйствовавшіе на Средиземномъ морѣ противъ Французовъ, съ 1798 по 1800 годъ. Страшный для Турокъ своими побѣдами на Черномъ морѣ, онъ не менѣе былъ для нихъ грозою и во время вышеозначеннаго союза. Буйные Валлонджии, или мапрасы Опшоманскаго флота, не знавшіе покорности къ волѣ своего начальства, опасались подвергнуться

его гиблу. Паша - Ушакъ, пакъ называли они Ушакова, былъ для нихъ спрашнбе ихъ собственныхъ Адмираловъ.

Ушаковъ былъ одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ людей, коихъ геній былъ угаданъ, счастливымъ въ выборѣ Княземъ Потемкинъмъ. Императрица ЕКАТЕРИНА щедрою рукою наградила его за кампаніи 1788, 90 и 91 годовъ. Кромѣ чина Консрв - Адмирала, онъ получилъ ордена: Св. Владиміра 2-й степени, Св. Георгія 2-го класса и Св. Александра Невскаго и двѣсти душъ съ землею въ Тамбовской губерніи. Онъ оставилъ службу въ 1807, а умеръ въ 1817 году.

Къ стран. 447. Въ дополненіе къ вышеприведенному описанію разбитія Турецкаго флота близъ Варны, 31-го Іюля 1791 г., почиаю за нужное приложитъ здѣсь нижеслѣдующую выписку изъ донесенія Адмирала Ушакова Императору ПАВЛУ I, отъ 15 Апрѣля 1798 года.

„Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести: не повелѣно ли будетъ, въ разсужденіи сильной, большой и тяжелой артиллеріи, на приуготовляющіеся корабли и фрегаты, на непредвидимый случай, если бы пришлось дѣйствовать противъ непріятеля, умножитъ команды достачочнымъ количесвомъ нижнихъ служилей. Особенно солдатской команды, по мнѣнію моему, на шаковый случай вознадобится весьма превосходное число. Оное тѣмъ болѣе пощребно, что во время прошедшей войны сдѣлано мною на сіе основательныя замѣчанія. Непрительскій флотъ, не почиая себя способнымъ

устоять противъ нашей артиллеріи, намѣревался и уже совершенно расположенъ былъ дѣйствовать абордажами, отборныхъ своихъ большихъ кораблей. Для сего и приуготовлена была передовая его эскадра, снабженная въ превосходномъ количествѣ людей, Алжирцами и Тунисцами. Такое дѣйствіе и намѣреніе ихъ, при первомъ случаѣ, предупредилъ я маневрами и, находясь подъ вѣтромъ, уклонился отъ сраженія. Послѣ же, когда я воспользовался переменною вѣтра, Турки отдѣлились отъ нашихъ береговъ къ Варнѣ, гдѣ чрезъ малое время нашедъ ихъ, я ашаквалъ, будучи уже на вѣтрѣ, и шѣмъ уничтожилъ ихъ намѣреніе. Но тогда флотъ мнѣ ввѣренный, людьми комплексованъ былъ весьма въ достаточномъ числѣ и солдаты были на немъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка отборные, оплично - пракшикованные и во все время прошедшей войны, служившіе на флотѣ. По сему я и надѣялся, что если бы и абордажи случились (хотя бы то и на фрегаты), дѣйствіе ими произвестъ вѣрное.“

Къ стран. 470. *Павель Васильевичъ Пустошкинъ* родился въ 1749 году и, дослужась въ 1799 до Вице - Адмиральскаго чина, оставилъ въ 1807 службу. Нынѣ онъ живетъ въ городѣ Лубнахъ (Полтавской губерніи) и преклонные дни свои посвящаетъ благотворенію.—За сраженіе 31-го Іюля 1791 года, *ЕКАТЕРИНА II*-я пожаловала ему орденъ св. Георгія 3-го класса. Подробное извѣстіе о службѣ сего почтеннаго Адмирала, равно какъ и біографію покойнаго *Ушакова*, я надѣюсь выдать въ послѣдствіи, вмѣстѣ съ

описаніемъ Россійско-Турецкой кампаніи 1798, 1799 и 1800 годовъ.

Къ стран. 471. *Сендъ-Али*, былъ родомъ Алжирецъ. Предавшись съ самыхъ юныхъ лѣтъ морскому набѣдничеству, онъ сдѣлался отличнымъ мореходцемъ. Слава о его подвигахъ на Средиземномъ морѣ достигла до самаго Константинополя и Правительство Турецкое, для вѣрнѣйшаго успѣха дѣйствій своего флота противъ Россійскаго, вызвало его въ 1791 году для вспомошествованія Капипанъ-Пашѣ. *Сендъ Али* обладалъ въ высокой степени духомъ предприимчивости и личной храбрости. Во время прорыва Англійскаго флота въ 1807 году чрезъ Дарданеллы, онъ покушался было съ слабѣйшими силами атаковать сей послѣдній. Съ великимъ прудомъ, могли его удержать отъ столь дерзкаго предпріятія. Въ семъ же году онъ начальствовалъ надъ флотомъ, дѣйствовавшимъ противъ эскадры Вице-Адмирала *Сенявина* и потерпѣлъ пораженія при устьѣ Дарданеллъ и при Аѳонской горѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Скажи, о Пушкинъ молодой!
Скажи, Музъ баловень любимой,
Въ какой сшранѣ непоснижимой
Нашель ты хитрою рукой
Огонь Поэзіи свяшой?

Ошколъ онъ? Съ высошь ли неба,
Изъ безднъ ли мрачнаго Эреба?
Ошвѣщшувуй, новый Промееей!
Ты шакже ль былъ цитомцемъ Феба
Въ дни мирной младосши своей?
Его ль ты молишь кумиру,
Иль вѣкій богъ, безвѣщный миру,
Каменѣ избранной шееей
Даль очарованную лиру?

О! кѣмъ ни внушены шебѣ
Восшорги шайныхъ вдохновеній;
Твой гордый и свободный Геній,
Не покоряясь и судьбѣ —
Пушь вольный проложилъ себѣ...

*

Кавказа средь вершинъ надменныхъ,
 Въ поляхъ Тавриды, орошенныхъ
 Салгира звучною волной,
 Средь Ханскихъ степей опустошенныхъ
 И на берегахъ Невы родной —
 Вездѣ ты зришь міръ прекрасный,
 Плънительный, разнообразный,
 Куда всѣхъ манишь за собой
 Звяцаньемъ арфы сладкогласной!

И кто съ Черкешенкой швоей
 Не раздѣлялъ любви спраданья?
 Кого не шрогали сщенанья
 Несчастной дѣвы въ цвѣтѣ дней
 Добычи гибельныхъ зыбей?

Кто съ восхищеньемъ, Бардъ нашъ милый!
 Предъ дивной прелестью Людмилы
 Главы покорной не склонялъ?
 Кто думой скорбною и унылой
 Порой въ мечтахъ не посѣщаль
 Маріи пышную свѣшлицу,
 Ея невинности шемницу —
 Или слезой не орошаль
 Княжны пусшынную гробницу?....

Такъ! власишь плѣнять сердца людей
 Въ тебѣ есть Музы даръ безцѣнный!
 Когда же, свыше вдохновенный,
 Поешь ты звучно вмѣстѣ съ ней;
 Тогда родной справы швоей,

Лѣтъ прошлыхъ славные Поэзы
 (Огнемъ давнишнимъ вновь согрѣшы)
 Лешашъ, покинувъ наконецъ
 Справу Элизія и Лешы,
 Тебѣ внимаешь, младый пѣвецъ!
 И, надъ челомъ обвороженнымъ
 Вишая сонмомъ восхищеннымъ,
 Лавровый для себя вѣнецъ,
 Плещушь съ восшоргомъ неизмѣннымъ!

Что жъ можешь мой неспройный гласъ?
 Безвѣстенъ я тебѣ и міру...
 Но шы мою возвысилъ лиру,
 Въ сей вдохновенно-сладкій часъ —
 И нѣсъ просная излилась!

Бороздна.

2.

КЪ КНЯЗЮ М — ВУ.

(По слугаю полутенной или раны).

Потомокъ славнаго, безъ страха и съ умомъ
 Въ присущствіи Царей, за письменнымъ шоломъ,
 На страшномъ приступѣ, въ пожарѣ боевомъ,
 Все одинаковый: *ездѣ безъ укоризны!*
 Ты раненъ шажело, какъ говоришь молва;
 Но лучшее въ тебѣ (для славы, для ошчизны),
 Сохранено: — Твоя рука и голова!

Ф. Глинка.

*Перчатка и сапогъ.**(Отрывокъ изъ Вальтера Скотта).*

„Ты ошибаешься, любезный сынъ мой,“ сказалъ перчаточникъ *Самсонъ* — слѣсарю *Генриху*: отецъ коего былъ сапожникъ: „ошибаешься попому, что перчаточное ремесло гораздо превосходнѣе уже пѣмъ, что прудишься для рукъ; а сапожное только для ногъ.“

—Члены сіи равно необходимы человѣку; — возразилъ *Генрихъ*.

„Можетъ быть, любезный сынъ мой,“ отвѣчалъ *Самсонъ*; „но члены сіи не равно уважительны; размотри самъ: мы употребляемъ руки знакомъ искренняго дружества; ноги же не пользуются симъ преимуществомъ.“

„Храбрые дерутся держа въ рукахъ мечи, а прусы убѣгая, пользуются быспрошою ногъ. Перчатка всегда гораздо въ возвышеннѣйшемъ положеніи сапога, коимъ мнутъ глину и топчутъ грязь.“

„Съ начальниками здороваются рукою; а ногою толкаютъ собаку или презираемаго чловѣка.“

Перчатка, взопкнутая на верхнюю оконечность пики, служитъ въ цѣломъ свѣдѣ знакомъ добраго намѣренія. Перчатка, брошенная на полъ, служила древнимъ Рыцарямъ вмѣсто вызова на поединокъ. — Но я не знаю чему служитъ знакомъ старый башмакъ? Иныя

женщины кидають, правда, башмакъ въ спину
опѣбжающимъ пріятелямъ своимъ, желая
имъ счастья; но я сему не вѣрю.

Переводъ съ Англійскаго.

**Объявленіе о новомъ Журналѣ, подъ заглавіемъ:
Шарлатанъ, или одинъ за двадцатерыхъ.**

Я нижеподписавшійся, предпринимаю съ 1-го
Января наступающаго 1829 года издавать Эн-
циклопедическій, всеобъемлющій Журналъ, подъ
заглавіемъ: *Шарлатанъ или Одинъ за двадцатерыхъ.*

Въ составъ моего Журнала войдутъ шоль-
ко тѣ науки, которымъ я не учился и тѣ зна-
нія, копорыхъ не имѣю; а именно:

1-е. Догматическое, нравственнее, обличи-
пельное, проповѣдное, историческое и созер-
цательное Богословіе; 2-е. Россійскіе законы и
исторія оныхъ; 3-е. Право естественное, по-
литическое, гражданское и уголовное; 4-е. По-
литическая экономія; 5-е. Зоогнозія; 6-е. Зоо-
логія; 7-е. Ботаника; 8-е. Минералогія; 9-е. Все-
общая, опытная и аналитическая химія; 10-е.
Физика; 11-е. Технологія; 12-е. Механика;
13-е. Сельское хозяйство; 14-е. Аналитиче-
ская Геометрія; 15-е. Сферическая пригоно-
метрія; 16-е. Астрономія; 17-е. Теорія воен-
наго искусства; 18-е. Теорія военной Науки;
19-е. Фортификація; 20-е. Инженерство; 21-е.
Мореходство; 22-е. Архитектура; 23-е. Иску-

ство ваянія; 24-е. Искусство живописи; 25-е. Теорія Музыки и генераль-басъ; 26-е. Риторика; 27-е. Піишика; 28-е. Философія; 29-е. Хирургія; 30-е. Фізіологія; 31-е. Судебная Медицина; 32-е. Фармакологія; 33-е. Веперинарія; 34-е. Пашалогія; 35-е. Терапія и безчисленныя другія.

II-е. Разборы книгъ по всѣмъ опрасляемъ наукъ, искусствъ и ремеслъ на всѣхъ языкахъ, начиная отъ того, которымъ разговаривалъ нашъ праѣдушка *Адамъ* съ нашею прабабкою *Евою*, до Санскритскаго, который есть ни что иное, какъ первобытній Славянскій, или нынѣшній Россійскій языкъ.

III-е. Новая спашья, которую назову: *лестрота*. Это не разнообразіе, не смѣсь, не занимательность. Въ ней будутъ помѣщаться *намѣки, краткія вылиски, Аодатки*, о кустарныхъ и москопильныхъ поварахъ, о гуляньяхъ подъ Новинскимъ и о засѣданіяхъ Англійскаго Парламента; о сказкѣ Бова Королевичъ и объ Археологіи; о лубочныхъ пѣсняхъ и о трагедіяхъ *Озерова*, о женскихъ черевичкахъ и о дифференціальныхъ исчисленіяхъ, о Спрасбургскихъ пирогахъ и о подводныхъ корабляхъ, объ обезьянахъ и о Невшонѣ, о *леизанскихъ шляпкахъ* и о путешествіяхъ къ сѣверному полюсу, о сполярныхъ издѣльяхъ и о строеніи міровъ.

IV-е. Издашель *Шарлатана*, рѣшась издавать Журналь въ родъ Французскаго *Bulletin Universel des Sciences et de l'Industrie*, обязывается совмѣстить въ себѣ одномъ познанія, какъ Главнаго Издашеля *Бюллетеня Г. Барона Ферюсака*, такъ и всѣхъ вмѣстѣ писателей,

участвующихъ въ ономъ по разнымъ отдѣленіямъ; п. е. господъ: Дюро де ла-Маль, Клапрота, Жомара, Шамполіона старшаго и младшаго, Ейріеса, Абея - Ремюза, Валкенайера, Лапи, Штурцгейма, Дюпи, Бори де Сенъ-Венсана, Ампера, Дюпеня, Франкера, Машью, Барбье-де-Бокажа, Паризо, Лакруа, Жофруа-Сеншъ-Илера, Кювье, Дарсе, Тенара, Френеля, Кокебера-де-Монбре, Пуансо, Дюмерсиля, Мажанди, Флурана, Шапшала, Ласепада, Вилльморена и всѣхъ будущихъ и могущихъ быть.

Онъ берется сочинять Историческіе отрывки не хуже *Карамзина* Воспоминаній на пуні въ Троицкій монастырь, или о мяпежахъ въ царствованіе Царя *Алексѣя Михайловича*, повѣсти не хуже *Жуковскаго* Марьиной рощи, *Бестужева* Гуго фонъ Брахшъ, *Булгарина* Эстерки и паденія Вендена, и сверхъ того общаешъ угощашъ своихъ читашелей подогрѣтыми спашейками изъ *Шлецера* и *Стрובה*, выдавая ихъ за собственныя свои произведенія.

Слогъ его, въ чемъ онъ увѣренъ, какъ въ томъ, что $2 \times 2 = 4$, сладокъ и легокъ, какъ слогъ *Батюшкова*, благороденъ и правиленъ, какъ слогъ *Михаила Никитита Муравьева*, силенъ и пылокъ, какъ слогъ *Жуковскаго*; самъ онъ богатъ мыслями, оспрыми шушками, игривыми и замысловатыми выраженіями, какъ *Князь Вяземскій*.

Каждую недѣлю будетъ выходить по двѣ книжки, а всего: 104 Но въ годъ, съ планами, чершежами, почерками великихъ мужей, женъ, двницъ и отроковъ, съ каршинками новѣйшихъ

Парижскихъ и Лондонскихъ модъ, съ изображеніями спульевъ, креселъ, дивановъ, скамей, скамеекъ, скамеечекъ.

Издашеть обѣщаетъ опаздывать выдачею книжекъ своего Изданія такъ, чпобы къ концу года осталось за нимъ въ недоимкѣ, по крайней мѣрѣ книжекъ десяць, а если увидитъ, что подписчики не строго съ него взыскиваютъ: по и больше. Онъ имѣетъ къ этому и склонность, и природное дарованіе.

Цѣна самая умѣренная: здѣсь въ С. Петербургѣ 120 рублей, съ доставленіемъ въ дома и съ пересылкою въ другіе города 130 рублей Государственными ассигнаціями. За полгода 75 руб., съ пересылкою 80 рублей.

Издашеть, *Пройдоха Вырускинъ*. Неслужащій дворянинъ, *homme de Lettres*.

Жизельство имѣю въ Лоскушномъ ряду у шорговки Лохмошьевой, подъ No 279-мъ.

Виноватъ — и признаюся!

Издашеть *Славянина*, не находя никакого оправданія въ нелѣпой ошибкѣ, замѣченной Издашелями *Сѣв. Пчелы* въ 47-й книжкѣ его журнала на стр. 326-й, прибѣгаетъ къ великодушію почтенныхъ своихъ читателей.

Онъ проситъ принять въ уваженіе то, что не онъ одинъ дѣлаетъ промахи и что самъ *Ваддей Венедиктовичъ*, не смотря на увѣреніе

Г. Грега, который сказалъ (1): „Ловкаго моего поварища прудно поймашь,“ не разъ бывалъ пойманъ и извинялся передъ Публикою.

Когда Телеграфъ уличилъ его въ одной погрѣшности; по *θ. В.* такъ извинялся въ Прибавленіи къ С. О., стран. 64: „Поддѣли меня Българина Гг. Рецензенты: моя описка произвела олегатку, которой я доселѣ не замѣтилъ. Виноватъ и въ опискѣ и въ олегаткѣ.“

И я, покорнѣйше прося у моихъ читателей прощенія, усердно повторяю слова Г. Българина: „Поддѣли меня Воейкова Гг. Издатели Сѣверной Пчелы: моя описка произвела олегатку, которой я доселѣ не замѣтилъ. Виноватъ и въ опискѣ и въ олегаткѣ.“

Когда Телеграфъ въ другой разъ изловилъ *Вадея Венедиктовита*: по Г. Българинъ сказалъ (2): „Мы виноваты только въ нѣкоторыхъ олегаткахъ. Корректоръ нашъ человекъ прилѣжный и знающій; но не успѣваетъ за листами.“

И я, отъ всей души повторяю слова Г. Българина: „Мы виноваты только въ нѣкоторыхъ олегаткахъ. Корректоръ нашъ человекъ прилѣжный и знающій; но не успѣваетъ за листами.“

Осмѣливаюсь надѣяться, что почтенная Опечиственная Публика будетъ столь же снисходительна къ Издателю *Славянина*, какъ къ Издателямъ *Сѣв. Пчелы*.

(1) С. О. 1826 года, No 11-й.

(2) Сѣверный Архивъ 1826, Ч. IV, стр. 573.

Правда другу и врагу.

On entre en guerre en entrant dans le monde.
Voltaire.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ мы съ удовольствіемъ читали *Московский Вѣстникъ*, находя въ немъ и стихотворенія *Пушкина*, и хорошій выборъ статей, и слогъ чистый, и оцѣнку книгъ неподкупную, основательную, показывающую въ *Издашелѣ* знаніе Русскаго языка, ученость, вкусъ и, что всего дороже, а попому и всего рѣже, благородный характеръ, чуждый духа партей, нахальства, самохвальства, самонадѣянности.

Мы съ уваженіемъ видѣли въ *Г. Погодинѣ* человѣка прямаго, который въ своихъ крипикахъ не искалъ блистать остроуміемъ *Крылова*, не приводилъ къ спати и не къ спати колкіе стихи сего баснописца-сатирика и не посыпалъ чужою солью припорныхъ статей своего шряпанья; человѣка, который съ негодованіемъ отвергалъ два низкія правила *Жофрца и Лабомеля*: 1. *Personne n'a de l'esprit hors nous et nos amis*; 2. *Apportez — moi deux lignes du plus honnête homme et j'y découvrirai de quoi le faire pendre* (1) и высказалъ смѣло горькія истины *Гг. Издашелямъ Сѣв. Пгелы и Моск. Телеграфа*.

---

(1) См. *L'Avocat, de Picard*. Эши происки, эшо коварство въ ходу между Французскими Журналистами, шаке какъ грубая, непристойная брань между Германскими. Къ Русскимъ писателямъ, благодаря Бога, сихъ двухъ пословиць примѣнишь не лзя.

Но, чтобы отдать полную справедливость Г. Погдину, надобно прибавить, что онъ, исчисляя недоспашки другихъ периодическихъ изданій, указывалъ своимъ читателямъ не одну изнанку; но и лицевую ихъ сторону. Жаль, что онъ, разобравъ только *Съв. Печлу* и *Телеграфъ*, не пошелъ далѣе; ему оставалось богатое поле для жатвы: *Вѣстникъ Европы*, *Сынъ Отечества*, *Сѣверный Архивъ*, *Указатель Открытій по Физикѣ и Химіи*, *Отечественныя Записки*, *Дамскій Журналъ*, *Атеней*, *Русскій Инвалидъ* и *Славянинъ*. Также календарики: *Сѣверные цвѣты*, *Памятникъ Отечественныхъ Музъ*, *Невскій Альманахъ* и прочіе, и прочіе. Можно бы также, и давно пора, написать дѣльный, ученый разборъ Журналу Мануфактуръ и внутренней торговли, Горному, Военному, Военно-Медицинскому Журналамъ, дѣлающимъ честь тѣмъ мѣстамъ, отъ коихъ они издаются и приносящимъ обширную пользу Государству.

Одинъ Французскій писатель, приступая къ изданію журнала, просилъ совѣта у *Волтера*. Онъ отвѣчалъ ему: „Хотя свѣтъ наводненъ липературными журналами, но потъ, который вы издавать намѣреваетесь, можетъ идти съ большимъ успѣхомъ. Вы спрашиваете у меня: какъ поступать, чтобы вашъ журналъ былъ читаемъ современниками и дошелъ до потомства? Дамъ вамъ отвѣтъ въ двухъ словахъ: *будьте безпристрастны*. Вы имѣете вкусъ и познанія, если къ этому вы покажете себя *справедливымъ*: то я предсказываю вамъ прочный успѣхъ. Наша нація любитъ всѣ роды

литературы, отъ математики до эпиграммы.“
 (L'ouvrage périodique, auquel vous avez dessein de travailler, Monsieur, peut très-bien réussir, quoiqu'il y en ait déjà trop de cette espèce. Vous me demandez comment il faut s'y prendre pour qu'un tel journal plaise à notre siècle et à la postérité. Je vous répondrai en deux mots: *Soyez impartial.* Vous avez la science et le goût; si avec cela vous êtes *juste*, je vous prédis un succès durable. Notre nation aime tous les genres de littérature, depuis les mathématiques jusqu'à l'épigramme.)

Можно подумашь, что Г. Погодинъ подслушалъ старика Вольтера. Онъ взялъ себѣ дивизомъ: *благонамѣренность и безлристрастіе.*

Порицая многое въ Сбв. Пчелѣ, издаваемой Г. Буларинымъ (вмѣстѣ съ Г. Грегемъ и со-трудникомъ Г. Сомовымъ), Издашель М. В. хвалилъ талантъ перваго изъ сихъ писателей вездѣ, гдѣ онъ шого достоинъ; напр. говоря объ Альбомѣ Сѣверныхъ Музъ и сказавъ, что — „лучшею изъ прозаическихъ піесъ считающъ Арабскую сказку Г. Сенковского: *Смерть Шенфаріа*, (2) Издашель М. В. продолжаетъ такъ: „за симъ слѣдуетъ по достоинству: *Встрѣча съ Карамзинымъ, Г. Буларина.* Здѣсь читашели найдутъ съ удовольствіемъ нѣсколько хорошо выраженныхъ мыслей объ искусствѣ бесѣдовать, занимательныя подробности о покойномъ Испоріографѣ, а особливо благородную черту его души челоѣколюбивой. Приносимъ

благодарность Г. Буларину за то, что онъ сохранилъ ее въ своихъ Литературныхъ воспоминаніяхъ (3).“ Съ такою же правотою и чисто-сердечіемъ даетъ онъ свой голосъ объ *Обзорѣ Россійской Словесности Г. Сомова*. Но послушаемъ самаго Г. Погодина (4).

„Худшая изъ всѣхъ піесъ въ прозѣ есть *Обзоръ Россійской Словесности Г. Сомова*. Это каталогъ книгъ, вышедшихъ въ 1827 году, сшитый на живую нитку. Прочитавши сію утомительную спашью, чувствуешь какую-то непріятную пустоту въ душѣ. Не знаешь, съ какой точки зрѣнія сморитъ Авторъ на произведенія словесности. Онъ основывается на какомъ-то внутреннемъ убѣжденіи и хвалитъ *Сынъ Отечества*, *Сѣверный Архивъ* и *Моск. Телеграфъ*, безъ всякаго разбора. Оставляемъ безъ изслѣдованія источникъ сего безопечнаго убѣжденія. У Автора все или хорошо и соотвѣтствуетъ цѣли, или дурно, или посредственно. Вотъ образчики его сужденій и новыхъ мыслей: *Магазинъ Натур. Исторіи*, *Земледѣльскій журналъ* и *Записки для охотниковъ до лошадей* (которыя, скажемъ мимоходомъ, во все не издавались въ прошломъ году) наполнялись статьями, соответствующими ихъ заглавіямъ (5); — почему бы, не просто выходили? — *Одесскій Вѣстникъ* заслуживаетъ имя весьма хорошей газеты (6); въ хорошемъ журналѣ долженъ

(3) Тамъ же, стр. 198.

(4) М. В. No 2, стр. 188. *Обзоръ словесности* напечатанъ въ Сѣв. Цѣлшахъ.

(5) Сѣв. Цѣлшы 1828 года, стр. 20. (6) Тамъ же, стр. 25.

быть и слогу хорошей (7); проза его вообще лучше стиховъ; слогъ могъ бы быть лучше; слогъ вообще хорошъ и проч. Если иногда по нѣкоторымъ причинамъ, видимо дурное не хочется Автору убитъ приговоромъ рѣшишельнымъ, то онъ прибѣгаетъ къ общимъ мѣстамъ, или къ искуснымъ оборотамъ, чтобы сказать ни то, ни се. Такимъ образомъ *Сиріусъ*, по его мнѣнію, кажется лучше *Невскаго Альманаха*, который ужь будто бы никуда не годится. Кромѣ замѣтнаго приспращія въ сужденіяхъ, ни на чемъ положительномъ не основанныхъ, не доспаетъ логическаго расчета въ эпой статьѣ. Авторъ, предлагая общія сужденія о книгахъ, вдается иногда въ мѣлочи: такъ напр. говоря о *Грамматикѣ Г. Грегга* вообще, замѣчаетъ о неудобствѣ употребленія прописныхъ буквъ, потому что онъ пестряетъ печать!!! Говоритъ о мушкахъ, таракашкахъ, букашкахъ, а слона-то и не примѣчаетъ. Желаніе щеголять замысловатыми фразами часто доводитъ Автора до темноты. Такъ напр. говоря о *Дамскомъ журналѣ*, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: *Д. Ж.* сквозь призму желтой своей обертки и лестренскихъ картинокъ пролускалъ въ благопріятныхъ цѣтахъ свою прозу, похожую на Китайскую живопись и стишки легке луху. Мы вызываемъ остроумнѣйшаго изъ полковашелей—филологовъ найти мысль, сокрытую въ эпой мозаической фразѣ. Но это выисканное остроуміе, и несообразности, и неопредѣленность

(7) Тамъ же, стр. 19. (8) Тамъ же, стр. 52.

(9) Сѣв. Цѣвшы, стр.

сужденія , и частое употребленіе общихъ мѣствъ, происпекающъ оцѣ того, что Авторъ принялся за перо, не опредѣливъ почки зрѣнія, или лучше сказать, не предположивъ основательно — что онъ напишетъ.“ — —

Ah, que me dites-vous?...

De dures vérités!

Показавъ здѣсь шу почку зрѣнія, съ коптой смотрѣли мы на *Моск. Вѣстникъ* и по уваженіе, копорымъ преисполнено было сердце наше къ Издапелю онаго, намъ оспаеша извѣяснипъ по удивленіе, по негодование, копоре почувстввовали мы, прочитавъ въ Но 19 и 20 сего журнала безполковоя, оскорбительныя для памяши Испоріографа *Замѣтанія на Испорію Государства Россійскаго*, соч. Н. М. Карамзинымъ и просподушиое признаніе Г. Погодина, что онъ — „просилъ у Н. С. Арцыбышева сихъ замѣчаній и приносилъ ему усердную благодарноспъ за исполненіе его просьбы.“ — Еспъ за что благодарипъ. Мы бы весьма желали знапъ, что нашелъ здѣсь Г. Погодинъ наспавительнаго, новаго? Какія несообразноспи, какія важныя ошибки опыскалъ его *отшельникъ* (10), двадцашъ пять лѣтѣ занимающійся Россійскою Испоріею и коротко знакомый съ нашими лѣпописями—въ великомъ пвореніи Карамзина? Не смиренномудріе ли, съ копорымъ его *отшельникъ* берешся обучапъ Карамзина Россійской

---

(10) Такъ Г. Погодинъ пишупуешъ Г. Арцыбышева въ 19 и 20 книжкахъ М. В.

Грамматикѣ? Не глубокое ли знаніе опечес-
 сшвеннаго языка, которое помогло Г. Арцыбы-
 шеву замѣшпшь, что Испоріографѣ употребилѣ
 слово *хронологическій* вмѣсто слова *лѣтосчисли-
 тельный*, имѣющаго честь ему нравиться, на
тронѣ вмѣсто *на престолѣ*, какѣ бы хотѣлось
 Г. опшелънику и *Біографіи* вмѣсто *жизнеописа-
 ній*, какѣ онѣ предлагаетѣ? Не понкій ли
 вкусѣ, который руководилѣ Г. Арцыбашевымѣ,
 когда онѣ назвалѣ слога Испоріи государства
 Россійскаго *провозлашательнымѣ*, а не испо-
 рическимѣ, и заставилѣ его, при чненіи слога:
цвѣтущее воображеніе Грскова, опѣ души восклик-
 нушь: „Что за цвѣшущее воображеніе? Такія
 новоизобрѣтаемыя рѣчи безѣ исполкованія не-
 поняшны?“ —

А намѣ и сѣ исполкованіемѣ непоняшно,
 какимѣ образомѣ грубыя, нелѣпыя, мѣлочныя,
 привязчивыя замѣчанія на Испорію государ-
 ства Россійскаго, зашли вѣ журналѣ, издавае-
 мый человекомѣ ученымѣ, благонамѣреннымѣ,
 увѣряющимѣ насѣ, что — „онѣ никому на свѣ-
 стѣ не успуншѣ вѣ почненіи кѣ незабвенному
 нашему писателю (*Карамзину*), вѣ признашель-
 ности кѣ великимѣ, полезнымѣ шрудамѣ его?

Два повѣсти въ стихахъ: Балъ, соч. Евгенія Баратынскаго и Графъ Нулинь, соч. А. Пушкина.

Увѣдомивъ Чичапелей о выходѣ въ Свѣтъ сихъ прелестныхъ липературныхъ игрушекъ, сказавъ имена Авторовъ и, прибавивъ, что книжка, въ которой переплетены вмѣстѣ сіи двѣ стихотворныя повѣсти, продается у комиссіонера Редакціи Русскаго Инвалида, книгопродавца И. В. Сленца и у содѣржателя Библиотеки членія А. Ф. Смирдина по 6 рублей, нужно ли разсыпашь общія похвалы и изношенныя фразы, которыхъ въ десять минутъ можно нанизать сошню? На примѣръ, можно бы весьма красиво сказать, что обѣ повѣсти— „писаны вѣрною, мастерскою кистью поэтовъ-наблюдателей; что въ нихъ — стихотвореніе свободное и звучное; что здѣсь находится — множество прекрасныхъ, заладающихъ въ память стиховъ, движеніе и живость разсказа, и счастливая способность поэтовъ рисовать воображенію читателя, часто однимъ словомъ, предметъ въ настоящемъ и полномъ видѣ.“ — Но боясь колкихъ, справедливыхъ, въ семъ случаѣ, насмѣшекъ Гг. Издашелей *Сѣв. Пчелы* за такую сенсимаментальную нелѣпицу, говорю просто: Это стихотворенія А. С. Пушкина и Баратынскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ ОСЬМОЙ ЧАСТИ

С Л А В Я Н И Н А.

I-е Отдѣленіе, Военное.

Стран.

О состояніи морскихъ силъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, въ 1827 году	5.
Взятіе Гаджибей, въ 1789 г.	37.
Списокъ Кавалерамъ Военнаго Ордена Св. <i>Георгія</i> 4-го класса, пожалованнымъ въ Царствованіе Императрицы <i>Екатерины II</i> -й, съ означеніемъ въ какомъ сраженіи, за какой отличныи подвигъ и когда они оный получили	45. 209.
О движеніяхъ конницы	77.
Взятіе Свеаборга въ 1808 году	117.
Матеріалы для Исторіи войны съ Горцами и Персіанами	129. 341. 383.
О Кавалерійской Тактикѣ вообще	157.
Информация (Наславленіе Гешмана <i>Ивана Мазепы</i> за собственно - ручною его подписью) Господину <i>Іліи Новицкому</i> , Полковнику Комовному (Комовому) какъ долженъ поступашъ въ военныхъ дѣйствіяхъ	201.
Журналъ <i>Капишана</i> 2-го ранга <i>Поскогина</i> , командовавшаго ошрядомъ Россійскихъ и Турецкихъ военныхъ судовъ, веденный при занятіи ошрова <i>Чешалоніи</i> , съ 14-го по 23-е Октябрия 1798 года	245.
Взглядъ на военныя дѣйствія Россіянъ на Черномъ морѣ и Дунаѣ, съ 1787 по 1791 годъ	289. 329. 373. 405. 437. 469.

II-е Отдѣленіе, Словесность.

Проза.

Пажъ Герцога Фридландскаго. Историческая повѣсть; соч. <i>Тромлица</i> , пер. съ Нѣм. <i>В. Тило</i> . 49. 96. 135. 174. 215. 259. 302. 347.	174.
Размышленія при гробѣ Блаженной памяти Государыни Императрицы <i>Маріи Ѳеодоровны</i> , во время ошѣванія шѣла <i>Ея</i> въ <i>Петропавловскомъ Соборѣ</i> , 15-го Ноября 1828 года, соч. <i>П. Р. М.</i>	385.
Ошрывокъ, кошорымъ заключаешся вслушительное швеніе о сущности, предѣлахъ и пользѣ Сшаништики, соч. <i>Щедритскаго</i>	392.
О необходимости изученія Законовъ Ошечесшвенныхъ, соч. <i>Иларіона Васильева</i>	419.

	Стран.
На день коронаціи Его Величества Государя Императора Николая Павловича 22-го Августа 1828	27.
Графу Эриванскому. (По прочтеніи извѣстія объ одержанной имъ побѣдѣ при г. Карсѣ), соч. <i>Θ. Глинки</i>	28.
Къ Эммѣ, соч. <i>Ж.</i>	31.
Вдохновеніе, соч. <i>Бороздны</i>	65.
Грусь одиночества, соч. <i>И. Пальмина</i>	66.
Еврейская Мелодія, пер. <i>А. Кирова</i>	67. 105. 191.
Ободреніе (изъ Гельши)	68.
Въ Альбомъ, соч. <i>Н. Заборовскаго</i>	106.
Къ пляцамъ К. С. М., соч. <i>А. Измайлова</i>	—
Экспромптъ, соч. <i>Павла Хотимцова</i>	107.
Позшь. (Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову), соч. <i>Николая Невѣдомскаго</i>	146.
Опѣвшъ <i>Н. В. Невѣдомскому</i> на стихи его, подъ названіемъ: Позшь, соч. <i>Графа Хвостова</i>	149.
Къ ***, соч. <i>Ж.</i>	—
Романъ, соч. <i>В. Владиславлева</i>	150.
Мои желанія	187.
Новое чувство, соч. <i>В. Теплякова</i>	189.
М. . . ъ Д. . . ъ, соч. <i>В. Владиславлева</i>	190.
Къ моей куришельной шрубкѣ, соч. — о	231.
Смѣна. Посланіе къ дѣвицѣ <i>Н. Н.</i> , соч. <i>Бестужева-Рюмина</i>	234.
Къ П. * * *	235.
Углецкая роща, соч. <i>П. Кудряшева</i>	276.
Дорога, соч. <i>Александра Глббова</i>	278.
Коврадъ Валенродъ. Вступленіе. Соч. <i>Мицкевича</i> , пер. съ Польскаго <i>Александра Глббова</i>	318.
Ее ужъ вѣшь, соч. <i>А. Креницына</i>	320.
Къ поршрешу <i>А. А. Писарева</i> , <i>Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа</i> , соч. <i>Ил — а Ва — а</i>	321.
Чувства предъ гробомъ Государыни Императрицы <i>Маріи Феодоровны</i> . Въ ночь наканунѣ погребенія шѣла Ея Величества, соч. <i>Жуковскаго</i>	360.
Русская пѣсня, соч. <i>Н. Бушмакина</i>	396.
Рыцарь Рогдай, соч. <i>П. Кудряшева</i>	427.
Альсандъ, соч. <i>М. Глинки</i>	428.
Жолмаръ и Орла. Поэма. (изъ <i>Лорда Байрона</i>), пер. съ Англ. <i>Загорскаго</i>	451.
Воспоминаніе на развалинахъ замка, пер. съ Нѣм. <i>Н. Заборовскаго</i>	461.
Весна жизни. (Ю. П. Б — вой), соч. <i>А. Глббова</i>	463.
Къ <i>А. С. Пушкину</i> , соч. <i>Бороздны</i>	487.
Къ Князю <i>М — ву</i> , (по случаю полученной имъ раны), соч. <i>Θ. Глинки</i>	489.

ХАМЕЛЕОНИСТИКА , (Продолженіе принадлежашое), объ Исторіи <i>Суворова</i> , соч. <i>Е. В. Фуксомъ</i> . . .	192.
Три, прошиворѣчашія одно другому, мнѣнія Изда- шелей Сѣверной Пчелы о Словарѣ <i>И. И. Татищева</i>	398.

С М Ъ С Ъ.

Ошповѣдь <i>Г. Вампирову</i> о шомъ, что дѣйствительно въ No XV-мъ на стр. 138-й Сѣвернаго Архива 1823 года, было напечатано о взяшии въ прошедшую войну Шумлы	32.
Чешвертое острое слово <i>Н. И. Грета</i>	33.
Нѣсколько словъ о книгахъ, содержащихъ въ себѣ описаніе Молдавіи и Валахіи	35.
О модныхъ каршинкахъ Моск. Телеграфа	36.
Русская пословица: <i>рука руку моетъ — и обѣ бѣлы!</i> Разговоръ первый <i>Г. Грета</i> съ <i>Г. Булеаринимъ</i>	70.
Нѣчто объ Издашеляхъ Англійскихъ Журналовъ: <i>Лондонскій Трушень</i> и <i>Бомбайская Каланча</i> . . .	108.
Давно бы шакъ!	109.
Что сдѣлалось съ Издашелемъ Московскаго Теле- графа?	110.
Письмо къ Издашелю Славянина	151.
Мысли	152.
Невѣрныя показанія <i>Г. Свинына</i> о Керченскихъ древ- ностяхъ, обнаруженныя Издашелемъ Одесскаго Вѣшника	155.
Письмо къ Издашелю Славянина, ошъ <i>Г. Глошов-</i> <i>скаго</i> , изъ Симбирска	236.
Что случилось съ Издашелемъ Москов. Телеграфа?	239.
Русская пословица: <i>Посвѣишиъ, да людей насмѣишиъ</i>	464.
Русская пословица: „ <i>Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ</i> <i>видитъ.</i> “ Разговоръ второй <i>Г. Грета</i> съ <i>Г. Булеаринимъ</i>	281.
Географическія, Историческія и Такшическія свѣдѣ- нія, которыми блеснулъ <i>П. П. Свинынкъ</i> въ Ок- шябрской книжкѣ <i>Отгегественныхъ Записокъ</i> . . .	322.
О картѣ земнаго шара по прозекціи <i>Меркатора</i> , изд. <i>И. Эймерлингомъ</i>	324.
Ошвѣшь на письмо <i>Г. Елагина</i> , спрашивающаго: въ Молдавіи или Валахіи находишся Турецкая крѣ- пость <i>Ибраиль</i> , о кошорой упоминается въ No 145 Сѣверной Пчелы 1825 года	326.
Письмо къ Графу <i>Д. И. Хвостову</i> , изъ Архангельска, ошъ 10-го Окшября	364.
Молодецкіе промахи Издашеля Московскаго Телеграфа	368.

Опвѣсть Г. Полковнику <i>Бурцову</i> на спашью, помѣщенную имъ въ No 16-мъ Тифлисскихъ Вѣдомостей	370.
О томъ, что штурмъ Ахалциха произведенъ 15-го Августа, въ праздникъ Успенія пресвятыя Богородицы, а въ Сѣв. Пчелѣ — сіе кровопролитное дѣло происходило 16-е число	371.
Пріяшная новость объ Издашелѣ Моск. Телеграфа	432.
Письмо къ Издашелю Славянина изъ Одессы опъ 30 Октябля 1828 года	436.
Перчатка и сапогъ; (ошривокъ изъ Валшера Скопша), переводъ съ Англійскаго	490.
Объявленіе о новомъ Журвалѣ, подъ заглавіемъ: Шарльпанъ, или одинъ за двадцашерыхъ	491.
Виновашъ — и признаюся!	494.
Правда другу и врагу	496.
Двѣ повѣсти въ стихахъ: Балъ, соч. <i>Евгенія Баратынскаго</i> и Графъ Нуликъ, соч. <i>А. Пушкина</i> . . .	503.

